

de visu

5/6'94

ЛР № 070205 от 22.10.91   В печать от 17.04.95 г.
Печать офсетная   Печ. л. 21   Заказ 1372   Тираж 1000
Производственно-издательский комбинат ВИНТИ
140010, Люберцы, Октябрьский пр-кт, 403

de visu

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 1992 ГОДА

5/6 (16)'94

ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ

- 3 С.Я.Парнок
Статья. Письма. Стихи
Т.Н.Жуковская, Н.Г.Князева, Е.Б.Коркина, С.В.Полякова
- 49 А.А.Баркова
Письма к П.А. и М.Н. Кузько
О.К.Переверзев

СТАТЬИ

- 63 *Р.Д.Тименчик*
Анна Ахматова. Тринадцать строчек
- 72 *Б.А.Кац*
Из комментариев к текстам А.А.Ахматовой и Б.Л.Пастернака
- 79 *М.В.Безродный*
О «косноязычии» Бориса Пастернака

ЗАМЕТКИ И СООБЩЕНИЯ

- 86 *М.А.Колеров*
Почему П.Б.Струве отказался печатать «Петербург» А.Белого
- 88 *К.М.Поливанов*
Неизвестная стихотворная надпись Б.Л.Пастернака
- 89 *Р.Д.Тименчик*
Забывтый экспромт В.Пяста
- 90 *Л.Ф.Кацис*
Еще раз к теме «М.А.Кузмин и М.А.Булгаков»
- 91 *Ф.Р.Балонов*
«Московский Вавилон» и «Кривое зеркало»
- 92 *Ж.Шерон*
К публикации последнего письма Б.Л.Пастернака

БИБЛИОГРАФИЯ

- 94 *П.В.Дмитриев, А.Г.Тимофеев*
Библиография критической прозы М.А.Кузмина
- 113 *Т.Л.Никольская*
Тифлисский журнал «Орион»
- 116 *С.И.Субботин*
С.М.Городецкий в газете «Кавказское слово»
и ее приемницах

РЕЦЕНЗИИ

- 118 Русская поэзия «серебряного века». 1890-1917. М., 1993.
Е.А.Дьякова
- 121 Литература русского зарубежья возвращается на родину.
М., 1993.
Сергей Максудов

- 124 Книги
132 Журналы
147 Газеты
153 Славистские журналы в 1993 году
А.Б.Рогачевский
155 О китайском журнале «Литература и искусство России»
Ван Цзечэжи

ХРОНИКА

- 157 Целостность литературного произведения
как предмет исторической поэтики (Москва)
Ю.Б.Орлицкий
157 Натура и культура (Москва)
А.М.Ранчин
158 Первые Осоргинские чтения (Пермь)
А.Г-к
159 Культура и интеллигенция России в переломные эпохи
(Омск)
В.Р.
162 Культура в сталинизме (Кассель)
Х.Гюнтер
162 IX-е Блоковские чтения (С.-Петербург)
Ю.Е.Галанина
164 Русский символизм и революция (Гарньяно/Гардони)
В.М.
165 Музыка и «незвучащее» (Москва)
Н.И.Енукидзе

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- 166 *В.С.Барахов, В.А.Келдьин*
С.В.Шумихин
-

Журнал редактируют
АЛЕКСАНДР ГАЛУШКИН и АЛЕКСАНДР РОЗЕНШТРОМ
Над номером работали
ЮРИЙ БИН, ЕЛЕНА ДВОРЕЦКАЯ, ИРИНА КУРУКИНА, ТАТЬЯНА ЛЕПИХОВА,
КОНСТАНТИН ПОЛИВАНОВ, СЕРГЕЙ ПУТИЛОВ, АНДРЕЙ УСТИНОВ
Оформление
ТАТЬЯНЫ ЧЕРНОВОЙ

При перепечатке ссылка на «De Visu» обязательна
Рукописи не рецензируются, но возвращаются
№ № 0-11 за 1992-1993 гг. изданы на средства Агентства «Алфавит» (Москва)
№ № 4-11 — при поддержке «Союза учредителей фондов немецкой науки» (Эссен)
(Stifterverband der Deutschen Wissenschaft, Essen)

С 1994 ГОДА «DE VISU» ФИНАНСИРУЕТ УЧРЕДИТЕЛЬ
«ТЕЛЕКАНАЛ 2*2»

Адрес редакции: Москва, ул.Октябрьская, 4, стр. 2, к. 407.
Телефоны: (095) 289-63-08, (095) 335-28-84. Факс: (095) 288-97-02

Адрес для писем и заказов на рассылку наложенным платежом: Москва, 103030, а/я 19

Подписку за рубежом осуществляет фирма East View Publications (3020 Harbor Lane North, suite 110,
Minneapolis, MN 55447, USA, tel: (612) 550-0961, fax: (612) 559-2931)

С.Я.ПАРНОК СТАТЬЯ. ПИСЬМА. СТИХИ

Первая книга Софии Парнок (1885-1933) «Стихотворения» вышла в 1916 г., последняя — «Вполголоса» — в 1928 г. За свою более чем четвертьвековую жизнь в литературе — ее первое стихотворение напечатано в 1906 г., последние стихи написаны за три недели до смерти, — Парнок выступала как поэт (всего вышло пять ее поэтических сборников), критик (с 1911 по 1924 гг. ею опубликовано более тридцати статей и рецензий), переводчик (до последнего времени переиздавались в ее переводах роман Ж.Ренара «Рыжик», статьи Р.Роллана, рассказы А.Барбюса).

Книга «Стихотворения» была собрана после десяти лет поэтической работы и вышла в свет в год, когда ее автору исполнилось 30 лет. Это было осознанным поступком, соблазна вступить в литературу поспешным собранием «лирических грехов лирической младости» Парнок избежала.

«В книге Парнок не много стихов, и книга эта — первая, то есть не все еще с ясностью определилось в молодом авторе даже для него самого. Но уже отчетливо виден в стихах Парнок их трагический характер, в них уже звучит низкий и слегка глуховатый голос поэта, пережившего многое»¹. В этих словах Владислава Ходасевича почти уловлены главные особенности поэзии Парнок: «трагический характер» ее стихов именно не «виден» в книге, а «слышен», и звучит он именно в *голосе* поэта, потому что в стихах первой книги Парнок нет трагизма *содержания* — они очень сдержанны и ровны, четки и дистанционны, но внимание Ходасевича насторожил и слух его уловил трагизм тембра — ни от чего, на ровном месте, как врожденное качество. Трагизм как *свойство* голоса. И вторая особенность — способность этого голоса звучать в печатных строках. Во всей полноте переживать эту особенность могли только современники. Видимо, в случае Парнок имело место редкое совпадение тембра ее физического голоса со звучанием ее стихов в сознании читающего, совпадение голоса реального и поэтического, органичное до неотличимости одного от другого. «Я очень радуюсь, что Вам нравится Софья Яковлевна, — писал Волошин своей знакомой. — У нее удивительный тембр голоса. А Вы полюбили ее стихи? По-моему, это не менее прекрасно, чем она сама. А это очень много»².

«Ею было издано несколько книг стихов, неизвестных широкой публике, — тем хуже для публики, — резюмировал Ходасевич после смерти Парнок³. И ее посмертное «Собрание стихотворений», собранное и изданное усилиями С.В.Поляковой⁴, достоянием широкой публики не стало, — тем лучше для стихов. Потому что Парнок, как и Ходасевич, и

может быть, в большей степени, чем Ходасевич, — «поэт для немногих». Это определение, по поводу которого она так негодует в публикуемой ниже статье о Ходасевиче, — давно стало почетным званием, а негодует она, вероятно, только потому, что этих «немногих» в ее время было еще очень много, но они так стремительно убывали, что уже через неполных пятнадцать лет, в марте 1936 г., Цветаева писала Пастернаку, соблазненному иллюзией быть понятным «массам»: «И, по чести: чем масса — судья? (твоим стихам и тебе). На 40 учеников в классе сколько — любящих стихи? Ты — да я? (Процент — по моему великодушию, а на самом деле — на 400, 4.000, 40.000 — *один*)»⁵. Иными словами, «поэт для немногих» — это поэт для «любящих стихи», а наше время давно миновало, думается, даже последнюю цифру цветаевского соотношения.

Позиция Парнок как литературного критика отличалась редкой независимостью от литературной политики эпохи. Эстетическая взыскательность сочеталась в ней с несколько архаическим в ее время этическим императивом; Марина Цветаева, воспринявшая от Парнок эту литературную позицию, впоследствии определила ее как «Искусство при свете Совести» (графика М.Цветаевой. — *Е.К.*).

На страницах петербургского журнала «Северные записки» под псевдонимом «Андрей Полянин» Парнок помещала свои отзывы на новые произведения современников на протяжении всего времени издания журнала: 1913-1917 гг. Вернувшись в 1922 г. в Москву, после четырех крымских лет оторванности от литературной жизни, Парнок сразу же возобновила свою деятельность литературного критика. В 1922 г. ею были написаны три статьи и три рецензии⁶.

В возрожденном «Шиповнике» Парнок поместила статью «Дни русской лирики»⁷. Начиная ее напоминанием о вечном долге человека перед Богом и творчестве как выполнении этого долгового обязательства, автор полагает, что «степенью духовной платежеспособности определяется на весах вечности мировая, национальная и индивидуальная ценность личности». Переживаемое время ставит перед художником новые задачи: «Революцией, этим вихрем, сметающим все отжившее, взрываются новые клочки, возносятся новые высоты, разверзнутся новые бездны, и народу, пережившему ее, в частности — каждому из нас, у Бога открывается новый кредит и тем самым определяется новая наша задолженность перед Ним. Перед каждым духовно-живым человеком, перед творческим же особенно, теперь, с большей, чем когда-либо остротой, встает вопрос: чем воздам? как воздам? и воздам ли?»⁸.

И в своей следующей статье — «Ходасевич» — на примере поэта, современника и сверстника, Парнок детально выясняет меру этого воздаяния, прослеживая, как в стихотворце и литераторе, по мере духовного роста в дни испытаний катастрофического времени, рождается религиозный поэт.

Летом 1922 г. Ходасевич уехал за границу, как оказалось — навсегда. «Счастливый домик» (2-е изд. М.; Берлин, 1922) он надписал Парнок на память: «Софии Яковлевне Парнок — ей-богу, с любовью. Владислав Ходасевич. 1922, лето, Москва»⁹. В 1922-1923 гг. они переписывались¹⁰. Нам не известно, послала ли Парнок Ходасевичу рукопись своей статьи о нем, прочел ли он ее когда-нибудь: сходство стилистической фигуры и смысловой резиньяции в финале статьи Парнок и в заметке Ходасевича ее памяти¹¹ — могло быть случайностью; не случайно и важно другое: Парнок первая и при жизни Ходасевича определила его место в истории своего литературного поколения: — в 1922 г. она иными словами сказала то же самое, что в 1939 г., после смерти Ходасевича, так естественно было произнести Набокову: «крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии»¹².

Статья С.Парнок «Ходасевич» впервые была опубликована в Приложении III к изданию: Ходасевич В. Собрание сочинений / Под ред. Дж. Малмстада и Р.Хьюза. Ann Arbor, 1990. Т.2. С.477-484. Мы рассматриваем эту публикацию как предварительную (и неудовлетворительную), ибо источник текста в ней не указан, а сам текст воспроизведен с существенными смысловыми и стилистическими искажениями.

Настоящая публикация статьи «Ходасевич» подготовлена по рукописи, представляющей собой машинопись на длинных двойных листах со значительной авторской правкой чернильным карандашом (РГАЛИ. Ф.1276. Оп.1. Ед.хр.6). В передаче текста сохранены особенности авторской орфографии, графики и пунктуации. Подчеркнутые слова передаются курсивом.

¹ Из рецензии на книгу С.Парнок «Стихотворения» (Пг., 1916): Утро России. 1916. 1 октября. № 274; перепеч. в кн.: Ходасевич В. Собрание сочинений. Ann Arbor, 1990. Т.2. С.255-256.

² Цит. по: Купченко В.П. С.Я.Парнок и М.А.Волошин: К истории взаимоотношений // Лица:

Биографический альманах. М.; СПб., 1992. [Вып.] 1. С.425.

³ Ходасевич В. С.Я.Парнок // Возрождение. Париж, 1933. 14 сентября. № 3026; перепеч. в кн.: Ходасевич В. Колеблемый треножник: Избранное. / Сост. и подгот. текста В.Г.Перельмутера; Коммент. Е.М.Беня; Под общ. ред. Н.А.Богомолова. С. 433-435.

⁴ Парнок С. Собрание стихотворений / Подгот. текстов, вступ. ст. и коммент. С.В.Поляковой. Ann Arbor, 1979. Ценность труда составителя, к глубокому сожалению, снижена по вине издателей — небрежность набора и количество опечаток в этой книге беспримерны.

⁵ РГАЛИ. Ф.1190. Оп.3. Ед.хр.26. Л.161.

⁶ «Дни русской лирики», «Ходасевич» и несохранившаяся статья о поэзии Ахматовой; две рецензии напечатаны в «Шиповнике», см. примеч. 7. Отзыв об «Эротических сонетах» А.Эфроса не сохранился.

⁷ Шиповник: Сб. литературы и искусства / Под ред. Ф.Степуна. М., 1922. № 1. С.157-163. Статья напечатана под обычным для критики Парнок псевдонимом «Андрей Полянин», это был последний случай его использования; две свои следующие статьи — «Ходасевич» и «Б.Пастернак и другие» — Парнок подписала своим именем. В этой же книге «Шиповника» помещены и две рецензии Парнок — на «Золотую ладонь» К.Липскерова и на «Сады» Г.Иванова.

⁸ Там же. С.157.

⁹ Сейчас книга хранится в библиотеке РГАЛИ.

¹⁰ В сентябре 1922 г. Ходасевич писал жене из Берлина об «ужасающем» кризисе в Германии: «В России же думают, что здесь — рай. Соня Парнок просит, например, за ее гонорар (1200 марок) (стихи Парнок были опубликованы Ходасевичем в № 2 «Беседы». — Е.К.) прислать ей: 2 пары ботинок, 2 пары чулок и шевियोу на платье. Но — одна пара ботинок стоит 4 тысячи, ну — 3. Итого, за ее стихи можно послать немного меньше одного башмака. Впрочем, и послать-то нельзя, т.к. вывоз обуви и мануфактуры воспрещен» (РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.49).

¹¹ Ср.: «... а если только немногие задумываются над этим, то тем хуже для многих» (Парнок С. Ходасевич) — «... почти неизвестные широкой публике, — тем хуже для публики» (Ходасевич Вл. С.Я.Парнок).

¹² Современные записки. Париж, 1939. Кн. 69. С.262.

I. ХОДАСЕВИЧ

Все мы гоголевским сумасшедшим научены, что «луна делается в Гамбурге». Но где тот Гамбург, где изготавливаются крылатые словечки пошлости? Откуда пошло это комариное жужжание о Ходасевиче: «поэт для немногих»? Много раз я слышала и по сию пору слышу эту кличку, неоднократно повторялась она в печати, кем именно — не помню, запомнилось мне только, что и в заметке покойного Гумилева о «Счастливым домике», напечатанной, если не ошибаюсь, в «Аполлоне», не обошлось без «поэта для немногих»¹. Не хочу думать, что от Гумилева это в ход пошло. Так или иначе, эта кличка так вжужжалась в память, что появившись где-нибудь статья под названием: «Поэт для немногих» (а уж наверное такая появится, если уже не появилась), не читая ее, смекнешь, что она — о Ходасевиче.

Вопрос — для многих или немногих стал и будет поэтом Ходасевич, теперь, в пору перерождения целого ряда основных понятий, и в частности понятия идеологической сущности поэзии, приобретает особенную остроту. Близок час, когда, произнося те или иные слова, мы уже утратим возможность с помощью их уславливаться в понятиях, ибо многие, столь прекрасные и кровные для нас слова будут жить для грядущего поколения только фонетически, и потомки наши, чтобы понять логический смысл иных звуков, имевших над

С.Я.Парнок. 1922 г.
Москва.

нами неотразимую власть, должны будут рыться в толковом словаре. Недаром врезалась мне в сердце последняя фраза речи, произнесенной Ходасевичем в Петербурге на Пушкинском вечере 14-го февраля 1921 г.: «И наше желание сделать день смерти Пушкина днем всенародного празднования, отчасти, мне думается, подкажано тем же предчувствием: это мы уславливаемся, каким именем нам аукаться, как нам переключиться в надвигающемся мраке»².

Кто эти «мы», кому предстоит искать и — верю! — находить друг друга по этому заветному слову? Мы — последний цвет, распутившийся под солнцем Пушкина, последние, на ком еще играет его прощальный луч, последние хранители высокой, ныне отживающей традиции. Должна сделать оговорку для тех, кто запрямятся понять эти строки и захотят усмотреть в этом определении самодовольную уверенность, что с «нами» кончается русская поэзия.

— Отнюдь не беру на себя смелости ни предрешать ее новые возможности, ни определять, какое место в истории нашего литературного периода суждено занять лучшим из нас: называя нас «последним цветом», я имею в виду не

столько нашу художественную ценность, сколько наши родовые особенности. — С нами отмирает, конечно, не поэзия, как художественное творчество, а пушкинский период ее, т<о> е<сть> поэзия — как духовный подвиг.

И новое младое племя
Меж тем на солнце расцвело, —

солнце этого «нового младого племени» — не солнце Пушкина. Мы — те, кому на долю выпало печальное счастье быть *последними в роде*.

Объединяет ли нас сознание нашей высокой судьбы? — Нет. Большинство из нас сознает ее только как индивидуальную гибель, и сплошь да рядом приходится наблюдать, как, в погоне за спасеньем, суетливая рука бросает «тяжелую лиру» и ищет выступа, за который можно было бы уцепиться на быстроходном моторе современности. Идея лиры в пушкинском, т<о> е<сть> сакраментальном смысле, зачастую становится утомительной даже для лучших из нас, многим из нас, оглушенным торжествующим грохотом современности, кажется более тактичным, а то и «органичным» (ведь каждый измеряет «органичность» другого мерой своего собственного организма), бодро и с синтаксическим вывертом говорить ни о чем, чем «пророчествовать». И теперь, когда умолк голос, повторявший нам завет Пушкина о том, что художественное творчество не самоцель, а только средство, что стихи пишутся лишь для того, «чтобы по бледным заревам искусства узнали жизни гибельный пожар», — когда умер Пушкин наших дней — Блок, «и мы в борьбе с природой целой покинуты на нас самих»³, накануне полного затмения пушкинского солнца, нам, растерявшимся в одиночестве, еще не находящим и — мало того! — не ищущим друг друга, нужен оклик: имя живого, находящегося среди нас, в тех же, в каких мы живем, трудных днях творящего свое дело поэта, имя поэта, перед лицом «нового младого племени» не усомнившегося в завещанной нам Пушкиным священной тяжести лиры. Андрей Белый был близок к тому, чтобы назвать это имя, но разговорился «по поводу» Ходасевича и не назвал⁴. Мне радостно, что мне довелось назвать это имя. — Чтобы не забыть нам, что именем Пушкина нам надлежит аукаться в последний неминуемый час, — живет среди нас Ходасевич.

Так, думается мне, будет оценено историком литературы положение Ходасевича среди нас.

Литературное самоощущение самого Ходасевича по отношению к нам и, тем самым, к данному литературно-историческому моменту таково:

И пред твоими слабыми сынами
Еще порой гордиться я могу,
Что сей язык, завещанный веками,
Любовней и ревнивей берегу.

А его литературное самоощущение перед лицом вечности:

Ни грубой славы, ни гонений
От современников не жду,
Но сам стрижу кусты сирени
Вокруг террасы и в саду.

Что же, это звучит почти как: «*Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre*»*. И те, кто определили Ходасевича в «поэты для немногих», найдут в этих строках автобиографическое признание поэта. Итак, Ходасевич как-будто откликается на данную ему кличку? Посмотрим же, каков этот сад, в котором поэт сам стрижет свою сирень.

* * *

«Счастливый домик» фактически является 2-ой книгой стихов Ходасевича: хронологическое первенство принадлежит вышедшему в 1908 г. сборнику «Молодость», но по существу, по идеологической кровности, «Счастливый домик» — первенец Ходасевича. — Начиная с этой книги, ко всему творчеству Ходасевича, в качестве эпиграфа, мне неоспоримой кажется строфа Тютчева:

Когда на то нет Божьего согласия,
Как ни страдай она, любя,
Душа не выстрадает счастья⁵,
Но может выстрадать себя.

«Счастливым домиком» установлен факт: на счастье Божьего согласия душе нет. В ту раннюю пору поэт как-будто еще не знает о прекрасной замене счастья, но начало завоевания Божьего согласия на единственность своей души бессознательно уже подготавливается в «Счастливом домике». Толстой сказал: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастная семья несчастлива по-своему». Поистине, по-своему, своим собственным, особенным несчастливым счастьем, или счастливым несчастьем, живет этот жуткий «Счастливый домик». Душе отказано в счастье, иные крылья еще не проросли, она еще не может пытаться своей крылатости, только тоскою может бунтовать она, и в надсмотрщицы к ней приставлена «рожденная от опыта земного» — мудрость, та самая, о которой Ходасевичу суждено было горестно воскликнуть десять лет спустя:

Слепая сердца мудрость! Что ты значишь,
На что ты можешь дать ответ?
Сама томишься, пленница, и плачешь,
Тебе самой исхода нет.

В «Счастливом домике» она — не пленница, а полновластная хозяйка и Муза. Она управляет вдохновением поэта:

Святыня меркнувшего дня,
Уединенное презренье,
Ты стало посещать меня,
Как посещало вдохновенье.

В зрячести ее еще нет сомненья. У нее есть ответы на все вопросы, ибо, хотя они и весьма болезненны, но все же встают не из развороченных недр отчаяния, а только накапливают пенью элегического пессимизма. Она недаром хлопочет в «Счастливом домике». — В 1908 году было еще

.... жаль невозвратимых дней,
Сожженных дерзко и упрямо, —
Душистых зерен фимиама
На пламени души моей, —

в 1909 году Ходасевич, как-будто, уже нашел замену этому фимиаму:

В холодном сердце создаю
Простой и нерушимый храм.
Взгляните: пар над чашкой чаю,
Какой прекрасный фимиам!

К 1913 году этот «простой и нерушимый храм» «уединенного презренья» закончен. Найден и проповедник и верный сторож для этого храма — «Сырник». У него Ходасевич учится мышьиной религии жизни:

* Мой стакан невелик, но я пью из своего стакана (франц.)

Ты не разделяешь слишком пылких бредней,
Любишь только сыр, швейцарский и простой,
Редко ходишь дальше кладовой соседней,
Учишь жизни ясной, бедной и простой.

От «слишком пылких бредней» в сердце остался «едкий пепел», и потому-то Ходасевич так горестно любит «сырника», что тот не только не разделяет слишком пылких бредней, но явно враждует с ними. — «Дорогой учитель, мудрый проповедник» умеет оборвать дыхание души — мечту:

Заведу ли речь я о любви, о мире,
Ты свернешь искусно на любимый путь:
О делах подпольных, о насущном сыре...

Этому «маленькому богу» Ходасевич вверяет «счастье» своего, с таким трудом построенного домика:

Друг и покровитель, честный собеседник,
Стереги мой домик до рассвета дня...
Дорогой учитель, мудрый проповедник,
Обожатель сыра, — не оставь меня!

В овладении трудным искусством «сырника» — «не ходить дальше кладовой соседней» — горестный пафос обладателя «Счастливого домика». Стены «Счастливого домика» мнятся ему «нерушимыми», любовь, приютившаяся в них, не вносит тлетворного дыхания мечты, потому что эта «царица» — родом из маленькой неопасной страны, «где всё — из ситца». И вот уже кажется, что, наконец, все в порядке, —

И кажется, что я поэт,
Воспевший ситцевые зори,

что других зорь не будет и не надо, — и сердце пронзено счастьем безнадежности:

Больше нет ни страха, ни волненья:
Счастье входит в сердце, как игла.

Никакие личные страдания или радости, ни любовь, ни ненависть «цариц» каких бы то ни было, хотя опаснейших царств, не вывели бы Ходасевича из этих «нерушимых» стен, — иное раскаленное дыхание прошло по ним, и «Счастливый домик» рухнул, как «из карт построенная крепость».

* * *

Нынче все мы стали бездомны,
Словно вечно бродягами были,
И поет нам дождь неумный
Про древние слезы Рахили.

В молниях войны «бездомному» на миг сверкнуло невидимое из окошек «Счастливого домика» надо всем миром единое небо. Ходасевич учится заменять свое, такое острое, пронзительное «я» — круглым, глубоким «мы». Но тотчас огромная тень преграждает ему путь, заслоняет сверкнувшие перед ним дали, и он неминуемо должен вернуться вновь по своим следам, опять к себе, опять в себя. Эта роковая тень, эта новая его Муза — Смерть.

Уже в 1911 году она прошла мимо окон «Счастливого домика» и пробудила в лире отзвук потрясающего голоса тютчевской Mal'aria: «И это все — есть смерть»⁶.

Тема прекрасного стихотворения 1911 года «Ущерб»:

И смерть переполняет мир,
Как расплеснувшийся эфир
Из голубой небесной чаши, —

с 1915 года становится лейтмотивом творчества Ходасевича.

Во всем одно звучит: разлуке
Ты обречен.

В период 1915-1916 года почти все стихи Ходасевича — вариации этой темы, в различных ритмах и темпах, в различных тональностях, в различных гармониях, с различными, тончайшими, всегда пронзительными неожиданными инструментовки. Как грани драгоценного камня, каждая, раздробляя радуго его блесков, своей совокупностью выявляют единый многопламенный огонь его глубины, так эти вариации своими разноголосными звучаниями выявляют всю многозвучность основной темы. Беспорочный кристалл мысли,

вихревая тьма фантастики, влажная туманность грусти, мистическое мерцание прозрения, раскаленная сухость жути и просто стон почти звериной тоски, — с усилием освобождаясь от темного волнения сочувствия, захлестывающего эстетичное сознание, исполняешься благодарностью за ту музыкальную радость, которую может дать поэт, вскрывая такое поистине удивительное богатство звучаний единого созвучия.

Что может противоборствовать этой блистательно развивающейся теме? Голос жизни звучит так слабо, прощально, только отзвуком, недоумением («О, это горькое предсмертье, — к чему оно?...») «Не странно ль жить, почти что осязая, как ты близка?». Нет надежды, чтобы этот голос окреп, исполнился светом, вступил в поединок с темой смерти и победил ее.

Мир внешний также не сулит явления силы, которая смогла бы противостоять силе смерти: в стихах 1917 года Ходасевич говорит:

Смотрю в окно и вижу серый, скудный
Мой небосклон.

Откуда же под этим «серым, скудным небосклоном», в этом же 1917 году, вдруг над всем появляется «отсвет новый»?

Лишь явно мне, что некий отсвет новый
Лежит на всем.

Где же то тайное светило, чей восход предвещается этим «новым отсветом»?

* * *

В заботах каждого дня
Живу, — а душа под спудом
Каким-то пламенным чудом
Живет помимо меня.
И часто, спеша к трамваю,
Иль над книгой лицо склоня,
Вдруг слышу ропот огня —
И глаза закрываю.

Душа — это тайное светило, ее дыханием — «ропотом огня» побеждено «горькое предсмертье», «тусклая истома» тела. Ходасевич закрывает глаза и впервые внутренним взором видит: душа выстрадала себя. — Непреложный закон ее роста — «итти путем зерна». Это откровение у Ходасевича выливается в холодный кристалл формулы:

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она.

Но в глубине этого кристалла таятся мистические мерцания и непреложный закон, чем глубже Ходасевич проникает в него, тем больше становится непостижимым таинством, «пламенным чудом». Сознание, что душа выстрадала себя — «в заветный срок» «проросла» сквозь «мрак» — закипает религиозным упоением. Жизнь души победила смерть тела, значит союз его души именно с его телом не беззаконен, храним высшей волей, — Ходасевичу открывается «Божье согласье» на его жизнь. «Маленькие боги», «добрые хранители» «Счастливого домика» навеки уступают место Тому Единственному Хранителю, чье имя во все века мыслилось и будет мыслиться начертанным большой буквой. В 1908 году Ходасевича, «как вдохновение», посещало «уединенное презрение». Прошло десять страшных лет, и также, «как вдохновение», его стало посещать смирение. Ходасевич видит себя неизмеримо малым «в руке Господней», жизнь свою — «как нить», «бегущую за Божьими перстами» «по легкой ткани бытия», и «чудесное божеское начало», которым «сладко потрясен» Ходасевич, «смотря в себя», открывается ему во всем вокруг, и приветствуя столяра, раскрашивающего первый красный гроб, новообращенный низко кланяется не только «его работе, гробу», но «всей земле и небу, что в стекле лазурью отражалось».

Небо — уже не «серый, скудный небосклон»: его отражением святится все земное. Оттого в кухне «слепающий свет», что в ней, помогая изготовлению хлебов, «хлопочут херувимы»,

И эти струи будущего хлеба
Сливая в звонкий глиняный сосуд,
Клянется ангел нам, что истинны, как небо,
Земля, любовь и труд.

Ходасевич нашел меру «истинности» — «истинно, как небо». 1918 год в творчестве Ходасевича — начало периода славословия. Славословием небу открывается четвертая книга его стихов «Тяжелая лира».

Первое стихотворение в ней «Музыка», помеченное уже 1920 годом, заканчивается фразой:

..... А небо,
Такое же высокое и так же
В нем ангелы пернатые сияют.

В том же 1920 году религиозное утверждение достигает последней своей полноты в прекрасном патетическом гимне «К Психее»:

Душа! Любовь моя! Ты дышишь
Такою чистой высотой,
Ты крылья тонкие колышешь
В такой лазури, что порой
Вдруг, не стерпя счастливой муки,
Лелея наш святой союз,
Я сам себе целую руки,
Сам на себя не нагляжусь.
И как мне не любить себя,
Сосуд непрочный, некрасивый,
Но драгоценный и счастливый
Тем, что вмещает он — тебя?

Эти поистине вдохновенные строфы, думается мне, являют собою роковой момент разрешения напряженности всех религиозных сил. — Тем же 1920-ым годом помечено мучительнейшее стихотворение: «Как выскажу моим косноязычем всю боль, весь яд», — этот крик опустошенности, тоски от того, что «не вырваться» из «бытия». Это стихотворение, хронологически и идеологически неразрывно связанное с «Тяжелой лирой», но почему-то не включенное в эту книгу, неожиданным и одиноким образцом представляет творчество 1920-го года на страницах 3-ей книги Ходасевича «Путем зерна». Оба эти стихотворения написаны в 1920 году, Ходасевич не дает более детальных хронологических указаний, но я убеждена не только в том, что строфы «К Психее» предшествовали этому крику тоски, но [и] в том, что эти два стихотворения разделены между собой «бездной двух или трех дней»⁷.

Если в 1919 году Ходасевич говорит: «я во второй вступаю круг», то в 1920 году он с полным правом мог бы сказать, что он вступает в третий круг. Недаром в стихах 1921 года сказано:

Это сам я в год *минувший*
В Божьи бездны соскользнувший
Пересоздал навсегда
Мир, державшийся года.

1920 год — год страшного смятения. — Оказывается, что «душа свершила свой подвиг прежде тела»⁸, что оно еще слишком полнокровно, что то начало, которое Ходасевич называет «злым сердцем», не только «искушает» «Психеи чистые мечты», но зачастую побеждает ее.

Смотрю в окно — и презираю,
Смотрю в себя — презрен я сам.
На землю громаы призываю,
Не доверяя небесам.

Опять нет неба, исчезает мера истинности, и землю, освещаемую только отражением неба, объемлет «беззвездный мрак». На ней «злое сердце» улавливает только звуки «злой жизни человеческой» — «мелких правд пустую прю».

Суэта «мелких правд» заглушает голос истины, жизнь представляется каким-то дьявольским механизмом, — куда ни глянь, повсюду «бесы юркие кишат»,

И, верно, долго не прервется
Блистательная кутерьма,
И с грохотом не распадется
Темно-лазурная тюрьма.

Выход из этой тюрьмы мыслится только с разрушением ее. Эта разрушительная сила ожидается извне: Ходасевич наблюдает «из окна», — там, *за окном*, должно случиться что-то страшное, решающее,

И с этого пойдет, начнется
 Раскачка, выворот, беда.
 Звезда на землю оборвется,
 И станет горькою вода, —

и тогда-то, надеется Ходасевич, —

Прервутся сны, что душу душат,
 Начнется то, чего хочу,
 И солнце ангелы потушат,
 Как утром — лишнюю свечу.

Гибели этому миру хочет Ходасевич, потому что только в этой общей гибели в мало-душные минуты нестерпимой боли грезится ему освобождение.

Отчего же это безумное смятение?

К чему, душа, твои порывы,
 Куда еще стремишься ты?

Откуда эта нестерпимая боль? —

*Прорезываться начал дух,
 Как зуб из-под припухших десен.*

Но уже в 1921 году Ходасевичу открывается, что спасение придет не в стихийном акте, а в страшном индивидуальном процессе:

Пока вся кровь не выступит из пор,
 Пока не выплачешь земные очи,
 Не станешь духом,

и в лучах этого откровения — из мира, «державшегося года», Ходасевич создает тот мир, который уже *навсегда* будет его миром — «мир новый», «напряженный и суровый», управляемый единым законом — единой грозной заповедью:

Перешагни, перескачи,
 Перелети, пере-что-хочешь —
Но вырвись.

Над этим «напряженным и суровым» миром возносится новое, так же *навсегда* пересозданное небо, — населенное не «ангелами пернатými», а «страшными братьями» — духами.

Там все огромно и певуче
 И арфа в каждой есть руке,
 И с духом дух, как туча с тучей,
 Гремят на чудном языке.

Туда надо «вырваться» духу.

«Слово сильнее всего», говорит Ходасевич, и оно для него — священное средство освобождения: чудо вдохновения для Ходасевича прежде всего чудо духовного роста.

Я сам над собой вырастаю,
 Над мертвым встаю бытием:
 Стопами в подземное пламя,
 В текучие звезды челом.

И когда он говорит:

И кто-то тяжелую лиру
 Мне в руки сквозь ветер дает,

он знает, что лира вручается поэту не для «звучных бряцаний», что лира должна быть *тяжелой*, ибо лира — символ «высокого жребия», масонский знак братства *высшего духовного подвига*.

* * *

Итак, для многих или немногих тот «сад», в котором Ходасевич сам стрижет кусты сирени?

Если тот страшный миг, когда душе придется ответить перед Богом за то, что сделано ею на этой земле, — не для всех, то и этот «сад» — не для всех. Но смерть — для всех, для «многих» и «немногих», а если только немногие задумываются над этим, то тем хуже для многих.

Декабрь 1922

II. ПИСЬМА Е.К.ГЕРЦЫК

Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу, и на земле мое
Кому-нибудь любезно бытие...

Эти строки отмечены Парнок в ее томе Баратынского, и одной из тех, кому было «любезно» земное бытие Парнок, была Евгения Казимировна Герцык, которой адресованы публикуемые ниже письма, написанные с таким доверием к душевному слуху адресата, примеров которого мало доводилось встречать.

Е.К.Герцык (1878-1944) — переводчица, мемуаристка, младшая сестра поэтессы Аделаиды Герцык (1874-1925) — была наделена редким даром дружбы и собеседничества, благодаря которому ей довелось стать спутницей Бердяева, Шестова, Вячеслава Иванова на духовных дорогах «серебряного века» русской культуры.

Парнок и Герцык связали крымские годы — 1917-1921. Большая семья Герцыков летом 1917 г., как обычно, собралась в Судак, где им принадлежал обширный дом, сад, виноградники. Главой семьи была мачеха сестер Герцык — Евгения Антоновна. Аделаида Казимировна растила двоих сыновей — старшего, восьмилетнего тогда, Даниила, и младшего, Никиту, четырех лет. Жена брата Владимира, Любовь Александровна Герцык, после рождения в 1916 г. дочери Вероники была тяжело больна. Мужчины — Дмитрий Евгеньевич Жуковский, муж Аделаиды Казимировны, и Владимир Казимирович Герцык, — связанные службой, жили в Судак не постоянно, но часто наезжали. Осенью 1917 г. железнодорожное сообщение между югом и севером было прервано, и обитатели Крыма оказались отрезанными от центра России на все время Гражданской войны. Среди них оказалась и Парнок со своей спутницей — московской актрисой Людмилой Владимировной Эраской.

Судак стал для Парнок «родиной души», а крымские годы — сроком духовного и поэтического роста. В ее стихах 1917-1921 гг., составивших крымскую тетрадь¹, врожденный трагизм голоса совместился с сужденным трагизмом судьбы, а это, вероятно, и определяет рождение поэта.

След пребывания Парнок в Крыму и ее связь с семьей Герцык документированы очень скупо — это и понятно, совместная жизнь проживается в устной форме и, как правило, не протоколируется на бумаге. Однако, по счастью, отдельные свидетельства этой навсегда исчезнувшей совместной жизни сохранились.

Таясь за белыми ставнями,
Я жизнь твою стерегу,
С твоими врагами давними
Глухую веду борьбу.

Люблю колебания голоса,
Смотрю, как бродя босиком,
Ты рыжие сушишь волосы
В саду под моим окном.

Смотрю, как страсть ненасытная
Сдвигает жадную бровь.
Ах, только моею молитвою
Спасется твоя любовь!²

Это стихотворение Аделаиды Герцык не помечено никаким посвящением, но запечатленные в нем черты

тогдашнего физического и психологического портрета Парнок делают посвящение излишним.

Девятилетний сын А.Герцык — Далик Жуковский — записывает свой сон:

<...> Входят Женя, бабушка, София Яковлевна. Женя ставит одну ногу на подоконник и ест вилкой фасоль. Я продолжаю смотреть в окно, а Женя говорит: «Кто там мчится по долине? Кто там мчится по пучине?», и у нее стало очень испуганное лицо. По долине движется какая-то черная точка, и я ее сперва не разглядел, а когда Женя сказала, тогда я увидел ее и сразу отгадал, что это гном. Сперва он мчался вокруг дома, потом сделал свой круг шире. Вдруг Женя посмотрела на гору — Алчак и с испуганным лицом стала говорить: «Кто там делает горбы?» Гном бежал и под его ногами земля делалась вся бугорчатая, и София Яковлевна говорит: «Это наш белый конь за Алчаком». Она ушла куда-то и привела к нашему дому белого, как снег, коня, и все стали его ласкать, но я знал, что это не конь, а гном. (Я проснулся)³.

В конце 1920-х гг. Даниил Жуковский работал над созданием синтетической теории восприятия искусства⁴. На подступах к этой работе он использовал свои детские записи, в частности, для описания феномена целостного восприятия мира ребенком, к которому, по его мнению, ценой осознанных усилий, приближается в своем творчестве поэт. И в этой связи он опять вспоминает Судак и Парнок:

Вправо уходит дорожка, усаженная миндалями, заросли сирени, ряды кипарисов; а прямо передо мной вниз террасами к виноградникам спускается каменная лестница. Туда меня не пускают; да я и сам стараюсь как-нибудь скорее пройти мимо нее: там, совсем близко, двумя террасами ниже стоит Ужас. Он имеет вид высокой, выкрашенной белым, сужающейся кверху деревянной фермы, на самой верхушке которой вращается большое с мелкими лопастями ажурное колесо. Оно приходится несколько выше той площадки, с которой я его наблюдаю, и вертится оно со зловещими ритмическими постукиваниями. Называется все это — ветряная водокачка. Слово «водокачка» в своей фонетике само несет что-то, напоминающее ее постукивания. Оно само жутковатое. Страх к этому сооружению столь велик, что я без няни не решаюсь пройти мимо лестниц, спускающихся к нему.

У бабушкиной дачи есть мезонин с балконом. Оттуда особенно хорошо видна водокачка.

В мезонине этом годами тремя позже жила поэтесса София Парнок.

Мне, маленькому, — непонятна ее сложная жизнь, полная большими событиями; она отделена от меня той же тайной «взрослости», которой окутаны и все остальные люди и которую я внутренне всегда уважаю.

Ее деяния мне чужды.

Она пишет хорошие стихи.

За предмитами, которые она видит вокруг себя, — в минуты творческих напряжений она открывает лирические облики. Она тоже подслушивает ритм водокачки и старается воплотить его в словах:

Тень от ветряка
Над виноградником кружит.
Смутная тоска
Над сердцем ворожит⁵.

Она призывает на помощь всю силу своего интеллекта, весь накопленный богатой жизнью материал, чтобы произвести труднейший эксперимент над человеческим сознанием: изгнать из него всю систему абстрактного мышления и раскрыть и закрепить в строках подлинную вещь, а не ее абстракцию. Медленными взмахами своих тяжелых крыльев подвигается она к своей цели; но в конце этого ее пути стоит ребенок. Он без всяких усилий, невольно и естественно видит мир таким, каким она хочет его увидеть.

О, если бы этот стоящий под балконом, осужденный на безмолвие мальчик смог подарить ей те слова, которые так ей нужны, чтобы сказать про водокачку ⁶.

Через десять лет, прощаясь в памяти с Судакон, именно этот ландшафт, связанный с герцьковским домом, Парнок запечатлела в стихотворении 1927 г.

Так призрачно и ясно так
Мне вспомнился тот полдень длинный,
И виноградник, и ветряк
Крылатый в глубине долины.

И колесом кружилась тень
По закурчавленному долу,
И был мне тот стеклянный день,
Как день в раю, певуч и долог...

И как тогда, иду в тиши
И узнаю и свет и тени,
И родину моей души
Приветствую сердцбеиеньем.

Отлогий спуск. И поворот.
И три ступеньки к водоому, —
И вот, скиталица, и вот
Мы, наконец, с тобою дома! ⁷

Первое из публикуемых писем датировано январем 1923 г. Минув год московской жизни Парнок после ее возвращения из Крыма. Впечатление от первой встречи с ней сохранилось в одном из писем Ходасевича жене: «Ты любишь поклоны. Вот что я собрал тебе пока: от Чулковых, от Диатр<оптовых>, от Наташи и Гриши, от Пахомова, от Парнок (приехала, стара и нища ужасно), от Гершензона, от Веры Зайцевой» ⁸.

«Английской действенной дружбой», по выражению Волошина, осталась верна Парнок своим крымским друзьям. Все первые месяцы 1922 г. она проводит в заботах и хлопотах о помощи им:

Милый Максимилиан Александрович!

Несколько слов на лету. Посылаю Вам с доктором Нанио 14.000.000 рублей (четырнадцать миллионов рублей). Распределить их надо таким образом:

- 1) Вам — 5.000.000.
- 2) Евгении Каз<имировне> Герцьк — 4.300.000.
- 3) Евгении Алек<сандровне> Бутковой — 4.200.000.
- 4) Тане Спендиаровой — 500.000.

Деньги эти — результат литературного вечера, устроенного мною в «салоне» Евдоксии Федоровны Никитиной и посвященного писателям Крыма. Я читала свое либретто и Ваши стихи, Вересаев — рассказ. <...> ⁹

Письмо написано 4 марта 1922 г., послано с оказией в Феодосию, Парнок умоляет Волошина «как можно скорее и вернее доставить деньги или купленные на них продукты» в Судак.

Через месяц — 7 апреля 1922 г. — Парнок сообщает тому же адресату, что «выхлопотала для всей

семьи Герцьк (не включая Жуковских) и для Е.А.Бутковой с матерью разрешение Наркомздрава Семашко на право бесплатного проезда в Москву в санитарном поезде, или санитарном вагоне» ¹⁰. Одновременно она устраивает в печать две книги стихов Волошина, имея от него доверенность на ведение его издательских дел.

Для устройства упомянутого вечера в «салоне» Никитиной Парнок написала хозяйке салона «галантный сонет»; когда вечер дал 14 миллионов сбора, Парнок посчитала это неплохим гонораром (по 1 миллиону за строку) и стала прибегать к такому способу «заработка». Упоминая о посланных в Судак в начале апреля 1922 г. 15 с половиной миллионах рублей, Парнок поясняет в письме к Волошину: «... причем в эту сумму входят 5 миллионов, заработанные мною у двух милых дам тоже таким же путем — за галантные сонеты. Я так и говорю: «дайте мне на моих крымских друзей, — и я вам напишу сонет». Считаю, что в данном случае цель вполне оправдывает средства. Для того, чтобы добиться каких-нибудь благ для себя лично, я не смогла бы написать ни одной строчки, а тут, кажется, с утра до вечера могла бы печь сонеты. К сожалению, не все до них падки!» ¹¹

Благ для себя Парнок вскоре пришлось добиваться изнурительной службой и переводами, и уже в сентябре 1922 г. она признавалась своему корреспонденту: «Жизнь в Москве невероятно трудна, и не знаю, долго ли я еще смогу так бороться за существование» ¹².

Публикуемые письма дают представление об этой борьбе, продлившейся еще чуть более десяти лет. Последнее из сохранившихся писем Парнок к Герцьк написано в конце 1931 г. Тогда же она получила прощальный привет от Волошина. «Читал и перечитывал «Вполголоса», завидовал гармонии Ваших «последних снов», — написал он на обороте своей акварели 23 ноября 1931 г. ¹³

В следующем, 1932 г., отвечая на вопросы анкеты Е.Я.Архиппова «О любви к поэтам», Вс. Рождественский признался: «С.Парнок — в своей последней книге «Вполголоса» — была для меня последним и подлинным отблеском той зари, в которой жили и Тютчев, и Баратынский» ¹⁴.

После «Вполголоса» (1928) ни одной строчки Парнок напечатано не было, однако последней книгой Парнок следует считать рукописную тетрадь, подаренную автором адресату ее последних стихов — Нине Евгеньевне Веденеевой. Два раздела этой сохранившейся в единственном экземпляре книги — «Большая Медведица» и «Ненужное добро» — представляют последний акт трагедии жизни поэта, первые признаки которой услышались Ходасевичу в «трагическом характере» стихов первой книги Парнок.

София Яковлевна Парнок умерла 26 августа 1933 г. в Каринском близ Звенигорода. 9 сентября 1933 г. в парижской газете «Возрождение» было помещено траурное объявление:

С.Я.Парнок

26 августа в Москве скончалась известная в литературных кругах поэтесса София Яковлевна Парнок. Покойная печаталась во многих изданиях дореволюционной России, выпустила несколько книг лирических стихотворений. В последние годы жила уединенно, писала для себя. Похоронена на Введенских горах ¹⁵.

Через четыре дня, на страницах той же газеты, с Парнок простился Владислав Ходасевич: «Среднего,

скорее даже небольшого роста, с белокурыми волосами, зачесанными на косой пробор и на затылке связанными простым узлом, с бледным лицом, которое, казалось, никогда не было молодо, София Яковлевна не была хороша собой. Но было что-то обаятельное и необыкновенно благородное в ее серых, выпуклых глазах, смотрящих пристально, в ее тяжеловатом, «лермонтовском» взгляде, в повороте головы, слегка надменном, в незвучном, но мягком, довольно низком голосе. Ее суждения были независимы, разговор прям. Меня с нею связывали несколько лет безоблачной дружбы, которой я вправе гордиться и которую вспоминаю с глубокой сердечной благодарностью»¹⁶.

Закончим это короткое предисловие эпилогом в духе романов Тургенева — о дальнейшей судьбе упоминаемых в письмах лиц.

Людмила Владимировна Эрарская, мучительным зобом о здоровье и жизни которой посвящены письма Парнок 1925 г., пережила ее более чем на тридцать лет. В эти годы она работала в разных театральных коллективах, писала пьески и делала инсценировки для театра кукол, и до конца дней сохранила тот жар души, который и привязывал к ней сердца друзей.

Ольга Николаевна Цубербиллер умерла в Москве в 1975 г., на 90-м году жизни, всего за несколько лет перед тем оставив преподавательскую работу на кафедре математики Института тонких химических технологий. Она сохранила и передала в РГАЛИ рукописи и библиотеку Парнок, поставила памятник на ее могиле — мраморный черный крест, и до конца дней не расставалась с четырьмя книжечками стихов Парнок, подаренными ей. Дарственная надпись на «Лозе» — вечная ей память: «Благословенному другу, которого мне в самые трудные и страшные мои дни послала судьба, с вечной благодарностью и любовью. София. 1923»¹⁷.

Евгения Казимировна Герцык с большой Любовью Александровной перед самой войной обрели, наконец, последнее пристанище в своей скитальческой жизни. В.К.Герцык получил место в заповеднике «Стрелецкая степь» под Курском и туда, в отдельный служебный домик, перевез сестру и жену. Там, во время войны, закончились земные дни обеих: в 1943 г. умерла Любовь Александровна, в 1944 г. — Евгения Казимировна. Они сохранили рукописную тетрадь Парнок со стихами ее крымских лет, фотографии, листочки со стихами и эти письма.

Тексты писем Парнок публикуются по автографам, хранящимся: письма 1, 3, 4, 12 — в семейном архиве Герцыков у Т.Н.Жуковской (г.Черноголовка, Московской обл.), письма 2, 5-11 — в собрании М.С.Лесмана у Н.Г.Князевой (С.-Петербург).

В передаче всех текстов сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации. Подчеркнутые

слова передаются курсивом. Редакторские конъектуры и пометы заключены в угловые скобки.

В комментариях и предисловии использованы справки и материалы, которыми щедро поделились со мной друзья и коллеги, — И.Андреева, Д.А.Беляев, С.В.Полякова, А.И.Ушаков, М.Якимова. Всем им сердечная благодарность.

¹ В настоящее время хранится в архиве Герцыков у Т.Н.Жуковской.

² Герцык А. Стихи и проза / Сост. Т.Н.Жуковской. М., 1993. Т. 2. С.7. Дата стихотворения: «Судак, 1919».

³ Запись в составе раздела «Сны» детского рукописного «научно-литературного» журнала «Вести из хижин» (Симферополь, 1923. № 2. Январь): РГБ. Ф.627-29-5. Л.56. Знакомством с этим текстом я обязана дружеской любезности И.Андреевой.

⁴ См. работу С.В.Поляковой и М.Б.Мейлаха «Поэтика Д.Д.Жуковского», представляющую собой подробный реферат идей его неопубликованной книги «Слово — Образ — Звук» (Новое литературное обозрение. 1993. № 4. С.27-54).

⁵ Стихотворение впервые опубликовано в альманахе «Ковчег» (Феодосия, 1920).

⁶ Жуковский Д. Мысли о детстве и младенчестве / Предисл. и публ. Т.Жуковской // Детская литература. 1992. № 11/12. С.27.

⁷ Парнок С. Вполголоса. М., 1928. С.22.

⁸ РГАЛИ. Ф.537. Оп.1. Ед.хр.49.

⁹ ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. № 931. Л.7. В качестве еще одного примера этих хлопот приводим ее письмо к В.В.Вересаеву:

22/II <1922>.

Многоуважаемый Викентий Викентьевич, Б.К.Зайцев передал мне, что Вы хотели поговорить со мною по поводу наших несчастных крымских друзей. Я была больна и до сих пор не могла повидать Вас. У меня есть *потрясающие* известия от М.А.Волошина. Очень прошу Вас в субботу в 8-9 ч. вечера прийти на субботник к Никитиной (Газетный, 3, кв. 7); вся программа субботника посвящена Крымским писателям, Вас очень просят прочесть что-нибудь. Вечер даст некоторые материальные результаты для крымчан — издательство Никитиной относится к ним исключительно сочувственно. Убедительно прошу Вас прийти.

С уважением С.Парнок

(РГАЛИ. Ф.1041. Оп.4. Ед.хр.336. Л.1).

¹⁰ Там же. Л.9.

¹¹ Там же. Л.11.

¹² Там же. Л.20 об.

¹³ Частное собрание (Москва).

¹⁴ РГАЛИ. Ф.1458. Оп.1. Ед.хр.46.

¹⁵ Возрождение. Париж, 1933. 9 сентября. № 3021.

¹⁶ Там же. 1933. 14 сентября. № 3026.

¹⁷ Частное собрание (Москва).

1

26.1.1923
Москва

Дорогой мой, прекрасный друг!

Знаю, что пропустила все сроки. Я не писала тебе катастрофически долго, но, видит Бог, не из небрежности, или от забвения. Каждый день помнила и знала, что поступаю непроститительно, почти каждый день бралась за письмо, — и не могла. Вот уже 2 1/2 месяца как и физически и духовно — я вне себя. Физически — все время хвораю, даже уходила со

службы (не служила весь Ноябрь и Декабрь, а теперь опять тяну лямку) ¹. Душевное же состояние не могу лучше определить, как тютчевской строкой «Пройдет ли *обморок духовный*»². Мне кажется, что он никогда не пройдет. Я ничего не вижу, не слышу (даже музыка не доходит до меня) — со дня твоего отъезда ³ не написала ни одной строчки стихов. Я мертва и зла, — отвратительна. Почти все время хвораю — бронхит и непрерывная возня с желудком. Мучаюсь бесконечно всей нуждой и безвыходностью, которые вижу в жизни моих близких, стараюсь, — и ничего *не могу* сделать. Никогда я не чувствовала себя такой бессильной, и от этого в истерическом состоянии. Дорогая моя, в КУБУ я бываю почти каждую неделю. Свободных пайков нет. Наши пайки тоже сокращены, ожидается еще сокращение и пересмотр списков ⁴. Поптович ⁵ со мною чрезвычайно любезен, но, к сожалению, он ничего не может сделать. Была я и у Домогатского ⁶ в Серебряном переулке. Картины *не* проданы, за них, он говорит, давали так мало, что он не решился продать. Напиши, на какой минимум ты согласна. Почему картины без рам? Где рамы? Ведь с рамами они значительно выиграют. Дорогая моя! Я не поздравила тебя со днем Ангела ⁷. Прости меня. Со дня на день откладывала это, — и не могла написать. Повторяю: я — не в себе. Две недели я прожила под Москвой в Малаховке, поехала туда, чтобы отдохнуть, и только больше еще устала, — мне пришлось отработать аванс, взятый у «Шиповника», — писала статью о Ходасевиче, — как я выжимала ее из себя, с какой мукой, — знаю только я. Ну, да это, слава Богу, уже прошло, — и я уже больше не *должна* писать. «Розы Пиерии»⁸ вышли — я к ним холодна. Пришло тебе. «Лоза»⁹ выходит в издании «Шиповника». Я уже держала корректуру. Скоро должна выйти эта книжка. А 2-ая книга стихов примерзла в Госиздате — и наверное там не выйдет: слишком много о Боге, а сейчас гонение на Бога все усиливается! ¹⁰. Моя статья об Ахматовой ¹¹ не пропущена цензурой, заметка об эротических сонетах А.Эфроса ¹² — тоже. Думаю, что и статью о Ходасевиче ждет та же участь. Голубка моя, с каждым днем мне Москва все труднее. Мечтаю о том, чтобы уехать, но куда? Знаю, что некуда, а если бы и было куда, нельзя — из-за Милочки ¹³. У нее процесс в правом легком. Она страшно худеет, и это меня бесконечно печалит. 31-го или 1-го я получу жалование и пришлю тебе ценным пакетом 50 миллионов. Над<ежда> Вас<ильевна> Холодовская ¹⁴ уверяет, что на эти деньги у вас можно многое купить — у нас это не деньги. Мы с Ириной ¹⁵ вырабатываем около 1 1/2 миллиардов в месяц и в постоянном безденежье. Если бы не нужно было помогать здешним моим близким, я бы послала больше. Напиши мне, родная, подробно, как у вас? Что вам в первую очередь нужно? Напиши немедленно. Я приготовила, упаковала, зашила тебе посылочку ко дню Ангела — муки, пшена и шоколаду (всего около 20 фунтов), отнесла на почтамт и не могла отправить потому, что не было 15 миллионов для отправки. Так она и лежит у меня. Отправлю, как только будут деньги. Напиши, по какому адресу послать — в Феодосию (если туда, то кому), или в Судак? Напиши мне, любимая моя, поскорее. Я верю, (и это последняя моя надежда), что если бы ты была здесь, я воскресла бы. А так все безнадежно. Целую тебя нежно, люблю тебя навеки.

Твоя Соня.

[На полях:] Сердечный привет всем твоим. Напиши мне. Адины стихи их-за религиозного духа никуда не пристроить ¹⁶. Не знаю, как с ними быть. Приехавшие из Берлина говорили, что Николай Алекс<андрович> и Ив<ан> Алекс<андрович> ¹⁷ устроились там не хуже, чем в Москве. Открыта Вольная Философская Академия и имеет там огромный успех. Евгении Антоновне ¹⁸ нежный привет и благодарность за письмецо. Поздравляю ее с минувшим днем Ангела. Напишу ей как только смогу.

Твоя Соня.

2

5.II.1925 г.
Москва

Дорогие друзья мои!

Получила Ваше ответное письмо и почувствовала, что Вы всей душой с Машенькой ¹ и, значит, со мною. Это меня очень поддерживает. Любовь Александровна ², должно быть, уже получила письмо, которое Машенька ей написала из лечебницы. Она сама сообщила о своей болезни, т<ак> ч<то> нужно писать ей, отнюдь не делая вида, что она просто в санатории на отдыхе. Вы знаете, что она больна нервно, что душевное равновесие ее нарушено, что она в санатории для нервных больных для того, чтобы полным покоем и изоляцией от прежней обстановки восстановить душевное равновесие. Из двух записочек Лю-

Е.К. Герцык.

Фрагмент фотографии 1907-1908 гг.

бови Алекс<андровны> Машеньке передана та, в которой поздравления с праздниками и ни слова не говорится о ее болезни. А теперь, по получении Машенькиного письма, надо ей написать по существу. Милая Любовь Александровна, напишите ей так же просто, как Вы написали бы здоровому человеку, только с максимальной нежностью. Ведь Машенька совершенно здорова, разумна, абсолютно нормальна в своем мышлении, за исключением определенного круга идей, безусловно болезненных. Она так и говорит сама: «я больна недоверием». Вот уже три недели, как она в санатории, и доктор, и все, кто навещают ее (меня еще ее доктор к ней не пускает, но я надеюсь, что скоро и меня к ней пустит), находят, что ее состояние заметно улучшается. Она еще не избавилась от тех мыслей, которые так терзали ее, но они значительно смягчились и утратили свою мучительность. В разговоре ее упорно проскальзывают фразы: «пусть лучше все будут мне врагами, чем мне быть врагом ко-

му-нибудь», «пусть лучше все надо мной издеваются, чем мне издеваться над кем-нибудь». Настроена она (за исключением тех редких сравнительно дней, когда в ней вспыхивает раздражение и горечь, что ее определили в санаторию, «чтобы избавиться» от нее), очень смиренно. Она спросила свою сестру Веру³: «Как ты думаешь, эта болезнь мне от Бога?» и когда та сказала: «Все от Бога», Машенька сказала: «значит, я должна принять ее». Вообще, судя по всему, она смотрит на свое заболевание и пребывание в лечебнице, как на искус. Она, очевидно, очень сильно работает над собою. Потребовала, чтобы ей принесли материю, и шьет себе рубашку. Вначале, когда ей привезли материю, она сказала: «значит, я себе саван буду шить», и испугалась, а потом начала шить. Жаловалась она Ольге Николаевне⁴ на слабость своей воли: «Только что я примусь за шитье, сейчас же кто-нибудь приходит и говорит: “Люд<мила> Влад<имировна>, бросьте шить, пойдемте лучше погуляем”, а я говорю: “Нет, я не пойду, — я должна работать”, а через 5 минут я уже чувствую, что не могу работать и мне хочется итти гулять. Каждый может влиять на меня». Несколько раз, упорно, она, почти при каждом свидании с Верой, говорила: «Я поеду в Судак к Любе: там я буду нужна». Всем нам, конечно, хочется побаловать ее; при каждом посещении берут ей то фрукты, то что-нибудь сладкое, и она всегда очень сурово относится к этому. Чувствуется, что она точно воспитывает себя в крайней строгости, готовит себя к новой трудовой жизни. Очевидно, мысль о своей праздности и бесполезности не покидает ее и поэтому в уходе за Любовью<ю> Алекс<андровной>⁵ она видит пока что единственный правильный для себя путь. Она упорно повторяет: «там я буду нужна». Мы отвезли ей новое платье, <потому> <что> ее старое совсем износилось, но она упорно ходит в старом; никакого баловства она сейчас по отношению к себе не допускает. Ведь Вы знаете, что она красила волосы хной; теперь, <так> <как> она давно уже не красила их, они у корней совсем поседели; Вера предложила ей привезти ей хны, но она ответила: «помешанные не красятся».

И Ольга Ник<олаевне> и Вере она несколько раз говорила, что не понимает, как ни силится она припомнить, почему она заболела? Она до мельчайших подробностей помнит весь ход своего заболевания, но не может допустить мысли, что это случилось с нею «вдруг, ни с того, ни с сего». Ей все кажется, что был какой-то толчок, вызвавший это заболевание, какое-то событие, и она мучительно силится вспомнить его и не может. «Может быть, я убила кого-нибудь, украла, совершила какое-то преступление? Не могли же все вдруг, ни с того ни с сего, отвернуться от меня!». Она настаивает на том, что оттого-то она и заболела, что почувствовала, что все отвернулись от нее, и не может понять, что это ее чувство было уже результатом ее болезни. В этих мучительных припоминаниях, говорит она, проходят все ее но-

чи. Она говорит: «когда я вспомню, что такое случилось, почему я заболела, когда я сама все это пойму, — я выздоровлю». Бедняжка, так она сама себя силится вылечить, работает над собой в таком страшном, нечеловеческом одиночестве!

Условия санаторные, по всей видимости, очень хорошие. Кормят много и хорошо, у нее светлая, хорошая комната. *Санатория в Петровском парке — дом в саду, окно выходит в сад, кругом снег и белые деревья. Машенька много гуляет. Ходит одна, никаких надсмотрщиков нет. Вообще такие больные там на полной свободе**. И доктор и весь медицинский персонал очень внимательный. Доктор и его жена очень Машеньку полюбили. Все говорят, что она ласковая, исключительно деликатная, и все ее страшно жалеют. Доктор уверен, что она поправится. Попробовали ей сделать теплую ванну, но против ожидания, ванна на нее подействовала очень возбуждающе. После этого она ночью вызвала к себе доктора и потребовала объяснения, чем она больна, как называется ее болезнь, если она больна, то в чем же заключается лечение, и очень резко с доктором говорила. «Я больна именно тем, что у меня слишком много “психологии”, значит, мне надо избавиться от “психологии”, а Вы меня окружаете “психологиями” других больных». (Машенька теперь живет в комнате с одной выздоравливающей, с которой она там сдружилась больше, чем со всеми остальными, но все-таки ей приходится видеть и других больных, хотя тяжело больные совершенно изолированы и таких она не видит). Машенька не может понять, что все лечение заключается в изоляции, в нормальном режиме, в хорошем питании, броне и разговорах с доктором. Доктор говорит, что с нею трудно, *п_отому* *ч_то* она очень скрытная. Она отлично владеет собою, говорит со всеми о том и ровно столько, сколько находит нужным, проявляет светскость, которая была ей несвойственна, когда она была здорова. Бедняжка, какую огромную волевою работу она над собою производит! Дорогие мои, не знаю, *м_ожет* *б_ыть* это очень невежественно, но иногда мне кажется, что лучше было бы, если бы она хоть бы на день потеряла совершенно сознание, мне кажется, что тогда она отдохнула бы. Иногда я думаю: «если бы мне сказали: “сегодня Машенька выбила окно, избива доктор и т.д.”», я сказала бы: «Слава Богу! Значит, прорвался этот нарыв, значит, ее отпустило!». Не знаю, в темноте и невежестве моем, чего желать! Только всеми оставшимися во мне силами желаю смягчения ее муки и исцеления ее!

На прошлой неделе у Машеньки появилась такая болезненная мысль,— будто она мается характером и судьбой своей с ее сестрой Верой; что по выходе из лечебницы она станет Верой, а Вера — ею.

3-го Милочка была в очень хорошем и спокойном состоянии. Тогда-то она и говорила, что сама должна все «понять», а когда поймет, вылечится. Она сказала, — «вот я выйду из лечебницы, пойду домой, пойду ко всем моим друзьям, посмотрю своими глазами, как у них все, как они ко мне, а потом, *м_ожет* *б_ыть*», уйду». Что она под этим разумела, — не знаю. Знаю только, что когда она, Бог даст, выздоровеет, мы должны ее беречь так, как никогда, что жизнь свою надо положить на то, чтобы создать ей новую жизнь и, конечно, трудовую жизнь, чтобы у нее всегда было сознание, что она нужна.

Дорогие мои! Я не знаю, суждено ли ей вернуться снова на сцену? Если среди истинных друзей, действительно, по-настоящему любящих ее людей, она могла вдруг почувствовать какую-то враждебность к себе, то каково же ей будет в актерской среде, где все, действительно, враждуют друг с другом? Взаимоотношения актеров, действительно, таковы, что и здоровый человек может сойти с ума. Сейчас нельзя загадывать на будущее и строить планы. Я думаю только одно, что Машенькина душа сама ищет выхода и сама найдет его, а наше дело — дело ее друзей — не направлять ее (*п_отому* *ч_то* одна она правильнее всего может найти свой путь, — не нам навязывать ей свои направления), а всеми силами помогать ей идти по тому пути, который она сама себе наметит.

Я много думала о Машенькином желании быть около Любови Алекс_андровны, «потому что я там буду нужна», очень меня страшит Судак, страстно хотелось бы, чтобы она начала дело своей новой жизни (*п_отому* *ч_то*», очевидно, так она смотрит на свой приезд к Люб_ови Алекс_андровне») не в Судаке, а в новом месте. Но я думаю, что если Бог даст Машенька совершенно выздоровеет и останется при тех же мыслях относительно Любови Алекс_андровны, нам ей отнюдь препятствовать в этом не надо.

Во всяком случае, покамест, очередной нашей задачей является продержат ее в лечебнице вплоть до полного ее исцеления, как бы долго ни длилась ее болезнь. (Врач говорит: «поправится», но никакого срока не намечает!) Очень болезненно относится Машенька к денежному вопросу. От больных она узнала, что содержание в лечебнице стоит 150 руб. в

*Текст, набранный курсивом, написан на полях (примеч. публ.)

месяц, и не верит, что ее устроили туда даром. «Кто за меня платит?» — этот вопрос она предлагает всем и очень им мучается.

4-го у нее была ее сестра Надежда и Машенька встретила ее очень мрачно. У нее опять приступ тоски; весьма возможно, что это в связи с менструациями. В эту безумную ночь, когда она заболела у меня (с 7-го на 8-ое января) у нее тоже начались менструации.

В воскресенье 8-го февр<аля> к ней поедет Ольга Николаевна. Женечка, тогда она тебе напишет сама подробно об этом свидании ⁶.

Для меня с того дня, как заболела Машенька, кончилась вся жизнь. Я живу, действую, говорю с людьми только постольку, поскольку это касается Машеньки. Состояние у меня крайне напряженное; так все во мне натянуто, что думаю — достаточно какого-нибудь толчка, испуга, чтобы я окончательно свихнулась. Работать совершенно не могу. Глушу себя бромом с кодеином. Были у меня очень страшные мысли и в связи с этим ночные кошмары (об этом при встрече), но Ольга Николаевна объяснила мне их причину и, очевидно, правильно, п<отому> ч<то> я с тех пор в этом отношении успокоилась. Вот если бы Машеньку доктор смог бы так проанализировать, как меня Ольга Николаевна, она, м<ожет> б<ыть>, тоже сразу выздоровела.

Дорогие мои! Молитесь за нее каждый день. У меня часто не хватает сил и нет нужных, требовательных слов! Не знаю, случайно ли это, но в те дни, когда у меня хватает сил понастоящему молиться за нее, ей становится лучше. Было несколько таких вымоленных дней. А ведь надо вымолить ей еще целую жизнь. Что будет, если у меня не хватит на это сил? Наверное есть такие сильные и такие прекрасные люди, которые умеют так помолиться, чтобы одной молитвой, раз навсегда вымолить у Бога спасение любимой душе. Молитесь за Машеньку! ⁷

Ваш друг навеки *София*.

[На полях:] P.S. Мех я выкупила. Напишите, что с ним делать? Не прислать ли его Вам? Здесь продавать его не имеет смысла: в ломбарде его оценили в 24 руб.

Пишите мне по адресу: Смоленский бульв., 1-ый Неопалимовский пер., д.3, кв.8, О.Н.Цубербиллер для Софьи Яковлевны.

3

13.III.1925

Дорогой друг мой!

Почему нет ответа на второе мое письмо?

Посылаю письмо Машеньки к Любви Александровне. Очевидно, она (Машенька) возлагала большие надежды на письмо Любви Алекс<андровны> — может быть даже это была единственная ее надежда. Получив его, она сказала: «И это — не то. И Люба стала не та». Я читала это письмо; оно очень сдержанное. Если можно, напишите ей погорячее, Любовь Александровна. Вы — единственный человек, за которого она сейчас цепляется в своем поистине безысходном состоянии. И ты, Женечка, напиши ей, чтобы она чувствовала, что все Вы любите ее и верите в нее.

Покамест ничего утешительного сообщить не могу. Она еще более замкнулась; теперь почти уже не говорит о себе. Когда приезжаешь к ней, ведет светский разговор. Только изредка прорываются фразы: «Я никому не нужна». «Я ни к чему в жизни не приспособлена». «Никогда я отсюда не выйду». «Мне отсюда и выйти некуда». В течение первого месяца она часто говорила, что она хочет к Люб<ови> Алекс<андровне>, что там она, действительно, может быть нужна, а теперь и об этом замолчала.

У меня такое впечатление, что первый месяц — период духовного подъема, а потом начался упадок и страшное уныние. Она по-прежнему считает всех друзей своих врагами. Почти каждый раз говорит: «Вы довольны, что устроили меня сюда: так вам легче». (Это невыносимо слушать!) Настаивает на том, что она находится под гипнозом, что все, что она делает и думает — не зависит от ее воли, что все это посылается кем-то, или даже целой группой лиц. В каждом ее движении, взгляде, слове чувствуется страшное отчуждение. Очень она стремилась увидеть Зинаиду Михайловну ¹ (подругу Веры Влад<имировны> ²), но и встреча с нею опять была «не то». Очевидно, Зин<аида> Мих<айловна> не может ей импонировать. Часто я думаю, что, м<ожет> б<ыть>, Софья Влад<имировна> ³ сумела бы сейчас сказать ей нужное слово, но Софья Влад<имировна> по-прежнему на Кавказе и сюда не собирается. В ее семье все здоровы. Надежда Алекс<андровна> ⁴ совсем уже выздоровела. Все находятся в Москве и никуда не уезжают, за исключением одной сестры и брата, которые, вероятно, отсюда уедут ⁵.

Машенька сейчас почти не читает; она говорит, что ничего не понимает. Она настолько поглощена своим внутренним чтением, что до всего чужого ей нету дела и приневолить своего внимания к внешнему она не может. Вся она в воспоминаниях, причем перебирает главным образом все «стыдное», что было у нее в жизни, а стыдным ей кажется теперь почти все: она мерит сейчас большой и даже несправедливой для себя мерою. Очень себя казнит и надрывает. Очень склонна во всем видеть символы. — Рассматривает, например, коробки от папирос, которые мы ей привозим, и в начертании букв, в рисунке усматривает особое значение. Всякий раз после посещения ее я совсем больна, но для нее свидания эти совсем не являются событиями. Она сказала мне, что снимает с меня отныне всю боль, которую я несла в себе за ее судьбу, и с тех пор, очевидно, думает, что, действительно, я освободилась от нее; поэтому чувствует меня чужой и держит себя со мною, как с чужой.

Окружение ее на меня производит угнетающее впечатление, но она к больным относится очень спокойно — считает их здоровыми. У нее отдельная комната и она говорит, что лучше всего ей, когда она одна: тогда ей спокойнее и все ей «становится ясно». Но что ей ясно и в каком свете эта ясность, — мы не знаем. М<ожет> б<ыть>, все выясняется в ее болезненном освещении. Уходить от нее после свидания и оставлять ее там одну, среди сумасшедших, невыносимо тяжело. Часто, часто вдруг среди разговора я вижу ее комнату, каждую мелочь в ней, даже рисунок обоев, и Машеньку — как она сидит на диване, ходит из угла в угол, стоит у печки, подходит к окну, — одна, одна, одна. Не физически, а душевно — безысходно одна со всей своей тьмой, с вихрями тьмы и с озарениями не менее невыносимыми, чем эта тьма.

Родная моя! Знаю только одно — если Машенька не выздоровеет, я этого не вынесу. Доктора обнадеживают нас, но у меня такое чувство, что психиатры ничего не понимают в человеческой душе, меньше, чем мы, простые люди. Доктор и профессор, который теперь консультирует, говорят, что она выздоровеет, но болезнь может продлиться полгода, а лет через 5-6 может повториться. Мне же ясно одно — для того, чтобы она вышла из этого состояния, надо, чтобы был у нее выход. У нее выхода покамест нет, и доктора ей создать его не могут. Доктора не знают входа в душу, поэтому не им найти выход.

В личной моей жизни тоже все смешалось. Я ушла из дому (но об этом Машенька не должна знать: нельзя загромождать ее еще и моей судьбой). Живу я повсюду понемножку. И правильнее мне сейчас быть бездомной, когда у Машеньки тоже во всем мире нет дома. Живу я, в первый раз в жизни, без копейки денег: меня кормят, поят, снабжают папиросами. Вот уже 2 месяца, как я «на содержании» у друзей и думаю, что, вероятно, у меня началось вырождение чего-то основного, п<отому> ч<то> меня мое паразитство совершенно не мучает. Я начала работать — (перевод, корректура), но работаю весьма слабоумно.

Письмо адресуй на адрес Ольги Николаевны. Живу я не у нее, но вижу ее каждый день и она мне письмо привезет. Адрес: Смоленский бульвар, 1 Неопалимовский, д.3, кв.8, О.Н.Цубербиллер, для Софии Яковлевны.

Напиши мне, друг мой родной, — не откладывай. Молитесь за Машеньку. Помолись и за меня.

Машенька собирается говеть. Будет ходить в церковь с надзирательницей. Вероятно, она очень надеется на церковь, и я боюсь нового разочарования. Я тоже буду говеть.

Любимый мой друг! Помогите нам мыслями. Чудное прислала письмо Адя. Все мои письма ей пересылайте ⁶: пусть знает каждую мелочь.

Священник, к которому обращалась Вера Влад<имировна>, сказал, что о Машеньке надо молиться великомуч<енице> Татьяне. Почему именно ей? Знаешь ты ее житие? Я не умею молиться мученикам, а молюсь прямо Богу. То же сказала мне и Машенька.

Я бы пошла к священнику, но ни одного не знаю, к кому хотелось бы пойти. Если помнишь имя и фамилию, и церковь духовника Николая Александровича, сообщи мне ⁷.

Напиши мне о себе, о здоровье Евгении Антоновны, Любы и Вероники ⁸. Подробно обо всем. Всех нежно целую и люблю.

Будь со мною всем светом своим.

Твоя Соня.

4

21.VIII.1925
д. Мякиннино

Родная моя!

Известие о смерти Ади ¹ не было для меня неожиданностью: несколько раз мне приходило в голову, не умерла ли она, и в твоём молчании я видела подтверждение этой мысли. Но я упорно гнала ее от себя и, поверишь ли, очень убедительным доводом нелепости это-

го предчувствия была такая мысль: умереть было бы слишком эгоистично и Адя не может позволить себе этого. Я была уверена, что в самую минуту смерти она сделает «последнее усилие» и опять встанет усталая, замученная, но ясная, как всегда в эти трудные годы, и пойдет хлопотать, припасать корм для своих птенцов, со своей неизменной ласковой улыбкой, со всегда готовым приятным словом для каждого, кто попадется ей на пути. Я думаю, что не только за эти безумные годы, а может быть за всю жизнь, Адя теперь, уйдя из жизни, в первый раз позволила себе сделать что-то крупное для самой себя. Она приняла эту милость Божию, этот выслуженный целой жизнью отдых. Господь отнял у нее сознание, чтобы она не могла мучиться мыслию, имеет ли она право на этот отдых, и вернул ей сознание тогда, когда уже она не могла отказаться от этого дара. Очевидно, в эту минуту Господь даровал ей чувство ее права на этот отдых: не потому ли появилась на ее лице такая счастливая улыбка?

Тебе, дорогая, я не могу сказать слов утешения, не могу скрыть, что известие о смерти Ади вызвало во мне какое-то умиление. Может быть, потому, что я сама тоже устала какой-то последней усталостью, мне кажется, что смерть — дар Божий, не печальный, а радостный.

Много думалось мне в эти дни об Аде. Я не знала человека бескорыстнее ее. Если б не было у нее детей, она давно ушла бы: это единственное *личное*, что прикрепляло ее к земле. И странно, — с тех пор как она умерла, у меня часто бывает чувство ее присутствия, — точно там ей уже не некогда, как было некогда все эти годы, и у нее хватает времени и на меня.

Вчера мы отслужили панихиду. Священник тоже торопился куда-то: вся жизнь сейчас идет какой-то скороговоркой.

Замечательные слова написала ты мне. Конечно, все, что здесь, и все мы это «то, чего нет».

У тебя теперь еще двое детей? Родная моя! Такая, как ты, не бывают бездетными. Бог благословил тебя трижды на духовное материнство. А до этого благословения благословлял тебя на высокое сестринство в любви.

Трудно понять, что истинно прекрасное не в отвлеченной мысли, не в искусстве, а в каждом дне. А если бы можно было это навсегда понять, то насколько спокойнее было бы душе.

Сейчас ни о чем житейском не пишется и не думается, а оно наступает со всех сторон и угрожает.

Машенька, слава Богу, яснее и ровнее. Она сама вам пишет. Я целую тебя и обнимаю нежно. Когда Бог пошлет и мне отдых, в последнюю минуту вспомню тебя и то, что есть в жизни прекрасные случаи гармонии: что у тебя, такой как ты есть, была такая чудесная сестра. Есть же в жизни такое трогательно-правильное! Всех твоих целую. Христос над вами!

Твоя София.

[На полях:] Ольга Николаевна шлет тебе свое искреннее сочувствие. Она все время хворает и это меня очень печалит.

5

11.1.1926 г.
Москва

Дорогой друг мой Женечка!

Спасибо, спасибо тебе за твое нежное и такое незаслуженное мною письмо! Я так долго не писала тебе. Меня это очень мучило, но я не могла заставить себя сделать это. Месяца два тому назад со мною что-то случилось. Что это — сама не знаю. Я вдруг, без всякого внешнего толчка, как-то сразу осела. Началось это с обморока. На этот раз, слава Богу, дома, а не на улице. Я легла днем, уснула, потом проснулась, подошла к окну, почувствовала дурноту, опять легла и потеряла сознание. Сколько времени это продолжалось — не знаю, потому что я была одна. С этого и началось какое-то умирание. Полное безволие, тоска, слезливость и потеря работоспособности. Доктор, который меня лечит, говорит, что это последствие травматического невроза. Очевидно, это еще отзывается во мне прошлый год. Велел мне немедленно уехать из Москвы куда-нибудь в санаторию, но я не имею возможности исполнить это предписание.

Все это время я, в сущности, медленно умирала, но как всегда со мною бывает, «умереть не умерла, только время провела»!... Сейчас, кажется, начинаю приходить в себя, но до сих пор еще не могу работать для заработка, не могу искать переводов, не могу закончить тот, что мне был заказан², живу на иждивении у Ольги Ник²олаевны и мучаюсь этим.

Что дальше будет, — не знаю и боюсь задумываться над этим, над своей инвалидностью. Так распустила себя, что собрать не могу, и единственно, что я могла делать и что делалось само собою, — это стихи. Посылаю их тебе ³. Из них два стихотворения (из «Снов» — I и II) были написаны раньше, но ты их, кажется, не знаешь. По стихам можешь судить о моем душевном состоянии.

Дорогая моя, я не ропщу и почти не унываю, а просто как-то сразу не стало сил жить, т<о> е<сть> делать все то, что теперь полагается для того, чтобы существовать. М<ожет> б<ыть>, это пройдет. Только любовь привязывает меня к жизни, сознание, что без меня любимым будет хуже, хотя я им сейчас фактически ничего дать не могу.

Родная моя! Мне бесконечно дорого, что ты написала мне к годовщине самого страшного в моей жизни дня ⁴. Этот сочельник мы с Машенькой провели вместе; зажигали елочку, устроили маленькую вечеринку, чтобы Машеньке в этот вечер было особенно радостно. Все мы собрались у Машеньки — Ольга Ник<олаевна>, Зинаида Мих<айловна>, я и друг<ие> ее друзья, и она была светлая и радостная. Она сейчас совсем здорова и очень, очень хорошая, такой хорошей она никогда не была. Вымолили мы ее. Дай Бог, чтобы навсегда!

Дорогая моя! Ты пишешь, что теперь мы могли бы уехать, что теперь я уже могу быть спокойна за Машеньку. Во-первых, мы не можем уехать потому, что Ольга Ник<олаевна> не может оставить здесь одну свою мать, которой не на что будет жить, если О<льга> Н<иколаевна> уедет, а, во-вторых, я никогда не могу быть спокойна за Машеньку и могла бы уехать, только взяв ее с собою. Никогда, даже после моей смерти, не перестанет болеть моя душа о ней!

Вчера мы слушали крестьянского поэта ⁵, который странствует и тем спасается от гибели (после самоубийства Есенина многие теперь на очереди!). Он чудесно рассказывал нам об Алтае, читал алтайские песни и духовные стихи. Вот куда бы мне хотелось... Заграничным воздухом не вылечишься, — вот какого воздуха бы глотнуть напоследок!

Мы, Женечка, организовали маленькое кооперативное издательство поэтов ⁶. Так мечтала я о том, чтобы выпустить Адины стихи. Но Главлит разрешил нам печатать только произведения членов нашей артели. Мы уже сделали одну попытку расширить наши права — просили разрешить нам напечатать стихи Велемира Хлебникова, но нам не позволили, потому что он умер, и, следовательно, не является членом нашей кооперации. Сейчас цензура разрешила нам к печатанию 4 сборника, а 5-ый, посланный в цензуру одновременно с ними, — мой, до сих пор еще не вернулся. М<ожет> б<ыть>, его запретят к печатанию, хотя он вполне невинен и ничего одиозного, кроме упоминающегося в стихах слова «Бог», в нем нет ⁷. Просили мы разрешения напечатать только 500 экземпляров, т<о> е<сть> почти «на правах рукописи», и если, несмотря на это, будет отказ, то, значит, лирика обречена если не на смерть, то во всяком случае на долгую летаргию. Кроме книжек стихов, у нас предполагается печатание альманахов ⁸. Мне хочется хотя бы в некрологе об Аде процитировать ее стихи. Надеюсь, что некролог пропустят. *Прошу тебя — пришли мне точные биографические и библиографические сведения и несколько стихотворений, по твоему выбору, но выбирая, помни, что «религия это опиум для народа».*

Дорогая моя! Слишком трудно становится жить! Смерть Есенина всколыхнула всех нас. Кто на очереди теперь? Многие пьют запоем. Из самых темных недр подымается какой-то стихийный антисемитизм. Жутко жить!

Ты просила меня прислать перевод той книги, о которой я говорила тебе весной ⁹. Она не будет напечатана: печатают либо агитационную, либо бульварную литературу; настоящей культурной книги теперь не надо.

Почему ты ничего не пишешь о себе? О своей душе, о Вашей жизни. *Обязательно, подробно* напиши мне обо всем и о деловой стороне жизни, которая, я уверена, убийственна. М<ожет> б<ыть>, удастся что-нибудь сделать, — напиши обстоятельно о судакской семье твоей и о симферопольской ¹⁰. *Хочу все, все знать подробно.*

Перевод устроить тебе заочно я не могу; если бы ты была здесь, это было бы возможней, но и то трудно.

С большой тоской думаю о том, что нет у меня уже прежних сил, что прежде я могла помогать тем, кого люблю, а теперь ничего не могу!

Женечка! Скажи Евг<ению> Ант<оновне>, что я часто с лаской думаю о ней. Господи! Как мне больно, что я бессильна сделать для вас всех не только что-нибудь существенное, но даже побаловать Вас чем-нибудь не могу!..

Мне больно, что Люба всегда как-то чуждалась меня и я оттого замкнулась перед нею. А она для меня и ее выздоровление чудесное ¹¹, совпавшее с Машенькиным, — не чужая. Ты ей этого не говори, это я только тебе говорю — не надо ее обязывать к какому-то ответному движению.

В Союзе писателей была выставка с портретами московских писателей, и мне пришлось сняться. Я заказала несколько карточек; когда будут готовы, пришлю тебе, хотя и недовольна снимком: на нем я очень «деловая» какая-то, — не такая, какая я есть на самом деле.

Ольга Николоевна нежно тебя обнимает. Она за рождественские каникулы немножко отдохнула, слава Богу. Живем мы с нею душа в душу. Недостойна я такого друга!

Женечка, жду длинного обстоятельного письма о тебе и твоей жизни! Храни тебя и всех твоих Господь!

Твоя Соня.

P.S. Машеньку увижу послезавтра — вместе будем встречать старый Новый год. Она Вам отдельно напишет. Она с любовью собирает Вам посылочку, хлопчет и радуется. Уж очень она хорошая — Машенька, — светлая-светлая! Храни ее Господь! Она пишет воспоминания о Федоровой 2-й — 3 дня на масленице, проведенные ею в отрочестве у Федоровой и Оленина¹². Очень живо, очень трогательно и литературно талантливо. Если бы можно было сейчас печатать просто интересные книги, эту вещь издали бы.

Женечка! Как Капнисты¹³? Никого, никого я не забыла. И такое чувство, что перед всеми виновата, хотя видит Бог — действительно, бессильна!

Поклонись им от меня и всем, кто помнит меня, — привет.

Если Макса увидишь, или будешь ему писать, скажи ему, что помню его и люблю и стихи мои покажи¹⁴.

«Из другой оперы», — привет Ив. Ал. Триандафилло. Не знаю почему, вспоминаю и его, и с добрым чувством. Напиши о Бобе¹⁵. Говорят, возвращают сады. Правда ли? Не вернут ли и ему?

Твоя Соня.

[На полях:] В Сочельник у Машеньки помнила тебя и помнила, что это твой праздник¹⁶. Нежно-нежно целую тебя, моя любимая!

[Приложены стихи:]

СНЫ

1

Я не умерла еще,
Я еще вздохну,
Дай мне только вслушаться
В эту тишину,
Этот ускользящий
Лепет уловить,
Этот уплывающий
Парус проводить...
И ныряют уточки
В голубой воде,
И на тихой отмели
Тихо, как нигде...

7.1.1924 г.

2

Мне снилось: я отчаливаю,
А ты на берегу,
И твоему отчаянью
Помочь я не могу,
И руки изнывающие
Простерла ты ко мне
В такой, как никогда еще
Певучей тишине...

[май 1924 г.]

3

Я иду куда-то.
Утро, и как-будто
В сапожки крылатые
Дивно я обута.

Ясность на поляне
И святая свежесть.
Воздух так и тянет
И земля не держит.
Каждый цветик — зрячий.
Вся листва — сквозная!
И как-будто плачу я,
А о чем, не знаю.
И береза в проседи
Чуткий лист колышет...
Вы о чем-то просите,
А о чем — не слышу.

12.XII.1925 г.

4

Изнутри просияло облако.
Стало вдруг светло и таинственно, —
Час, когда за случайным обликом
Проявляется лик единственный!

Ухожу я тропинкой узенькой.
Тишина вокруг — как в обители.
Так бывает только от музыки
Безнадежно и упоительно.

И какие места знакомые...
Сотни лет как ушла я из дому,
И вернулась к тому же дому я,
Все к тому же озеру чистому.

И лепечет вода... Не ты ль меня
Окликаешь во влажном лепете?..
Плачут гусли над озером Ильменем,
Выплывают белые лебеди.

16.XII.1925 г.

ОТРЫВОК

* * *

И вдруг случится — как, не знаешь сам,
Хоть силишься себя переупрямить,
Но к старшим братьям нашим и отцам
Бесповоротно охладает память, —
И имена твердишь их вновь и вновь,
Чтоб воскресить усопшую любовь.

Соседи часто меж собой не ладят:
Живя бок-о-бок видишь лишь грехи.
Не оттого ль отца роднее прадед?
Не оттого ль прадедовы стихи
Мы набожно читаем и любовно,
Как не читал и сын единокровный?..

Молчанье — мой единственный наперсник.
Мой скорбный голос никому не мил.
Коль ты любил меня, мой сын,

иль сверстник,

То уж давно, должно быть, разлюбил...
Но, современницей прожив бесправной,
Нам Павлова прабабкой стала славной.

3.X.1925 г.

Что нашим дням дала я?.. Просто —
Дала, что я могла отдать:
Сегодня досчитала до ста
И надоело пульс считать.

Дар невелик. Быть может, подло,
Что мне не страшно, не темно,
Что я себе мурлычу под нос,
Смотря в пушистое окно:

«Какой снежок повыпал за ночь
И как по первой пороше
Кататься хочется на саночках
Освободившейся душе!»

27.XI.1926 г.

6

1.III.1926 г.

Дорогая моя Женечка!

Все чаще и чаще начинает меня тянуть в Судак. У нас уже пахнет весной, и я с умилением вспоминаю первые зацветающие миндали и как по канавкам бежит вода.

Зима у нас в этом году была прекрасная — благословенная: такого снега, белизны и пышности я уже несколько лет не видела, и я каждое утро, подходя к окну, ей радовалась.

В общем, несмотря на то, что я почти всю зиму прохворала, мне было как-то удивительно — и хорошо и очень грустно.

Письмо твое читала с большой нежностью. Дорогая моя, далекий друг! Спасибо за твои любовные слова и за чудесные Адины стихи.

Если выйдет наш альманах, постараемся напечатать их хотя бы в некрологе. Это единственный способ увидеть их в печати, — безумное время!

Некролог буду писать не я, а Маргарита Мариановна Тумповская (она родственница Любе и Евг<ении> Антоновне) ¹. Я решила так потому, что не могу и не хочу писать об Аде меньше того, что я о ней думаю и чувствую, а Маргарита Марьянов<на> уже писала о ней для энциклопедии: ей эту заметку заказали, а потом «раздумали» и решили не печатать.

Я очень много времени и души отдаю нашему издательству. Мы очень бедны и горды и нам очень трудно, но у меня полная уверенность в том, что мы живучи, <потому> <то> вызваны к жизни самой жизнью, а не выдумкой. Со всех сторон к нам тянутся поэты: всем сейчас деваться некуда. Сейчас находятся в печати 10 сборников, — так мы будем аукаться друг с другом в это страшное дремучее время. Надеюсь, что моя книжка выйдет в 1-й половине марта. Тогда сейчас же пришлю. Там есть стихи к Аде и к тебе ². Посылаю тебе 4 новых стихотворения ³. Если я не замолчу, то через несколько месяцев наберется новая книжечка: «Сны» ⁴.

Напиши мне, где ты думаешь печатать твоего Эдгара По? ⁵ Очень, очень хочется увидеть его, наконец, в печати!

Заходила ко мне Е.Н.Ребикова ⁶. Много рассказывала об Аде и о тебе. Я ей очень была рада.

Напиши мне поскорее. Евг<ении> Ант<оновне> нежный мой привет, Люб<ови> Алекс<андровне> — тоже. Я на одном концерте встретила Василису Алекс<андровну> ⁷ — красивая женщина, но для меня какая-то жуткая. Приезжала к нам Марианна Эбергардт ⁸; 3 дня прожила у Машеньки. Она все такая же милая. Машенька последнее время погрузилась, — меня это очень огорчает. Пусть Люб<овь> Алекс<андровна> ей получше пишет. Целую тебя, моя дорогая, нежно.

Твоя София.

[На полях:] Ольга Николаевна шлет сердечный привет.

[Приложены стихи:]

* * *

А под навесом лошадь фыркает
И сено вкусно так жует...
И, как слепец за поводышкой,
Вновь за душою плоть идет.

Не на свиданье с гордой Музой
— По ней не стосковалась я, —
К последней, бессловесной музыке
Веди меня, душа моя!

Открыли дверь и тихо вышли мы.
Куда ж девались луга?
Вокруг, по-праздничному пышные,
Стоят высокие снега...

От грусти и от умиления
Пошевелинуться не могу.
А там, вдали, следы олени
На голубеющем снегу.

17.II.1926 г.

* * *

Ведь я пою о той весне,
Которой в яви — нет,
Но, как лунатик, ты во сне
Идешь на тихий свет.

И музыка скупая слов
Уже не просто стих,
А переключка наших снов
И тайн — моих, твоих...

И вот сквозит перед тобой,
Как сквозь живой хрусталь,
И берег лунно-голубой
И снеговая даль.

18.II.1926 г.

Посылаю еще одно стихотворение, которое только что написала:

Вокруг — ночной пустыней — сцена.
Из люков духи поднялись,
И холодок шевелит стены
Животрепещущих кулис.

Окончен ли, или не начат
Спектакль? Безлюден черный зал
И лишь смычок во мраке плачет
О том, чего не досказал.

Я невпопад на сцену вышла
И чувствую, что невпопад
Какой-то стих уныло-пышный
Уста усталые твердят.

Как в платье тесном, душно в плоти, —
И вдруг, прохладой дыша,
Мне кто-то шепчет: «Сбрось лохмотья,
Освобожденная душа!»

1.III.1926 г.

7

1.IV.1926 г.
Москва

Дорогая Женечка!

Давно уже, по-моему, несколько недель тому назад, послала тебе письмо со стихами и ни слова в ответ не получила. Неужели письмо пропало? Я послала заказным.

Получила статью Любви Никитишны¹, передала Машеньке, а она Валерии Дмитриевне². Статья была мне приятна и главным образом потому, что в ней много цитат из Ади; — если б она была сплошь из цитат, она была бы мне совсем приятна. Хорошо то, что Люб<овь> Никитишна, очевидно, любила Адо: за это ей многое простится. Не хорошо то, что она такая сусальная и сладкая — к чему ни прикоснется, все обращается в каких-то елочных херувимов. Адо она, конечно, совсем не знает, и минутами я статью читала с досадой. Конечно, никто не смог бы написать об Аде так, как ты. У нас в альманахе «Узел» (он, вероятно, выйдет осенью) о ней будет писать одна из дочерей Зинаиды Мих<айловны>³, но боюсь, что и это будет не то. Я же писать эзоповым языком не могу! Надеюсь, что на днях получу авторские экземпляры моего сборника и тотчас же тебе вы-

шло. В 1-й серии выходят 10 сборников: «Запад» Антокольского, «Под пароходным носом» Зенкевича, «Патмос» Б.Лифшица, моя «Музыка», «Избранные стихи» Пастернака, «Телега» Радимова, «Рекорды» Сельвинского, «Земное время» Спасского, «Пять ветров» С.Федорченко, и «Московский ветер» Звягинцевой ⁴. Издание очень изящное. Марка Фаворского прелестна. Посылаю тебе отпечаток ее. Издательством нашим я, по-прежнему очень занят. Из «жизненных интересов» другого, более сильного, у меня сейчас нет.

Не оставляй меня долго без писем. И улучи для меня часок — напиши побольше о себе. Что слышно с Эдгаром По? Кому и куда ты его посылаешь? Хочу знать о тебе поскорей и побольше.

В Москве на масленице была Ахматова и была у меня ⁵. Как я жалею, что ты не знаешь ее! Это — само благоденствие! Женечка! Целых пять месяцев длится зима. В окне зимний пейзаж — снежные крыши и купол Неопалимой Купины ⁶. Эта зима, несмотря на то, что я почти все время хворала, была благословенной зимой. Машенька совсем хорошая. Она ходит к Валерии Дмитриевне и читает ей вслух. Летом опять будем жить вместе. Если бы были деньги, мы бы на два месяца приехали в милый Судак. Но я почти ничего не зарабатываю: переводов нет. Напиши, как Вы решили относительно операции Евг<ении> Ант<оновны>? Обо всех напиши и всем от меня сердечный привет. На 4-й неделе будем с Машенькой говеть. Посылаю тебе на прощанье маленькое стихотворение. Целую тебя нежно.

Твоя Соня.

Ольга Николаевна тебе кланяется.

Вот стихи:

1

Как дудочка крысолова,
Как ртуть голубая луны,
Колдует тихое слово,
Скликая тайные сны.

2

Вполголоса, еле слышно
Окликаю душу твою,
Чтобы встала она и вышла
Побродить со мною в раю.

3

Над озером реют птицы,
И вода ясна, как слеза, —
Поднимает душа ресницы
И смотрит во все глаза ⁷.

[На полях:] P.S. Недавно Пастернак прочел нам новую поэму Марины: «Поэма конца». Разнузданность полная, но талантливо необычайно ⁸.

P.S. Карточку вышлю как только выберусь к фотографу. Он живет далеко от меня, а я почти не бываю в городе, т<о> е<сть> в «центре».

8

6.VI.1926 г.

Дорогая Женечка!

Наконец-то ты откликнулась на мой привет. Я, конечно, не сержусь, п<отому> ч<то> слишком хорошо знаю, как иногда невозможно писать письма, но мне было грустно от твоего молчания.

Мне очень дорого, что ты так приняла наш «Узел» и, в частности, мою книжечку ¹. Она, к большому моему удовлетворению, встречает отклик у людей самых разнородных и нравится всем больше, чем прежние мои книги. Это мне дорого сейчас, главным образом, не как поэту, а как человеку. Меня волнует, что сейчас, когда такой голос, как мой, официально беззаконен, такая книжка является неожиданно желанной. Мне приходилось несколько раз публично выступать с чтением моих «Снов» ², и всякий раз я чувствовала в слушателях ответное волнение. Я совсем не рассчитываю на то, что такой голос, как мой, может быть сейчас услышан. Признание за душой права на существование, конечно, дороже мне всякого литературного признания. Сейчас я на стихи мои смотрю только как на средство общения с людьми. Я счастлива тем, что есть вечный, вневременный язык, на ко-

тором во все времена можно объясняться с людьми, и что я иногда нахожу такие, для всех понятные, слова. Это очень помогает мне жить.

А жизнь становится все труднее. Всюду и у всех катастрофическое безденежье. Работу получать с каждым днем труднее, и издательства сплошь да рядом не платят. Физически живу я очень скверно. С величайшим трудом получила 2 перевода на лето³, и, следовательно, вместо отдыха мне предстоит все летние месяцы надрываться над неинтересной работой. Но приходится благодарить судьбу за то, что она послала мне это иго. Напиши мне подробней о себе и о вашей жизни. Знаю, что денежно вам безысходно плохо, и это очень меня угнетает. Никак не могу, хоть и пора было бы, привыкнуть к чувству полного своего бессилья! Кто тебе устраивает издание твоего Эдгара По и когда, наконец, это будет осуществлено? Ведь это даст тебе все-таки некоторую сумму денег. Я хочу с осени опять устроиться куда-нибудь на службу, но при теперешнем «режиме экономии» это почти безнадежно.

Завтра мы, Бог даст, выедем, наконец, в деревню. В этом году мы будем жить вчетвером: Ольга Ник<олаевна>, Машенька, Зинаида Михайловна и я в Братовщине по Ярославской дороге, рядом с Н.В.Холодовской. Все мы очень измучились за зиму и мечтаем об отдыхе. Машенька все такая же хорошая, ясная, но очень усталая.

Родная моя! Недавно была у нас Алла Алекс<андровна> Грамматикова⁴, и мы с ней целый вечер проговорили о Судаке. Неужели мне так и не придется еще разок посидеть на полынной горке с тобою?!⁵ Нежно тебя люблю и о Судаке не могу вспомнить без умиления. Сердечный мой привет всем твоим. Дай Вам Бог побольше здоровья и сил!

Целую тебя нежно.

Твоя София.

Ольга Ник<олаевна> сердечно кланяется.

[На полях:] Пиши на городской адрес: я буду приезжать в Москву.

Посылаю пока 4 стихотворения, — те, что мне милее других⁶. Напиши о них. Почему ты находишь, что я «лукаво» говорю о «рае»?⁷

[Приложены стихи:]

* * *

И вот расстались у ворот...
Пусть будет как завещано, —
Сегодня птица гнезд не вьет
И девка косу не плетет:
Сегодня Благовещенье.

Сегодня грешникам в аду
Не жарче, чем в Сицилии,
И вот сегодня я иду
У Музы не на поводу, —
Друг друга отпустили мы.

25.III-I.IV.1926 г.

* * *

И распахнулся занавес,
И я смотрю, смотрю
На первый снег, на заново
Расцветшую зарю,
На розовое облако,
На голубую тень,
На этот, в новом облике
Похорошевший день...
Стеклянным колокольчиком
Звенит лесная тишь, —
И ты в лесу игольчатом
Притихшая стоишь.

12.V.1926 г.

* * *

Папироса за папиросой.
Заседаем, решаем, судим.
Целый вечер, рыжволосая,
Вся в дыму я мерещусь людям.

А другая блуждает в пустыне...
Свет несказанно-синий!
Каждым листочком, грустные
Вздрагивают осины.

Расступаются сонные своды,
Открывается ясная пасека, —
«Падчерицы мои! Пасынки!...»
Вздыхает природа.

25.V.1926 г.

* * *

Под зеркалом небесным
Скользит ночная тень,
И на скале отвесной
Задумался олень —
О полуночном рае,
О голубых снегах...
И в небо упирает
Высокие рога.
Дивится отраженью
Завороженный взгляд:
Вверху — рога оленьи
Созвездием горят.

29.V.1926 г.

5.X.1926 г.

Дорогая моя Женечка!

Знаю, как трудно тебе жилось этим летом, и поэтому особенно дорожу каждой твоей строчкой. Мы можем почти совсем не писать друг другу и все-таки и я и ты — мы уверены, что где-то, в самой глубине, помним друг друга.

Обо всем внешнем писать не хочется, — и у тебя и у меня, и у всех вокруг то, что называется жизнью, очень безнадежно. Важно, единственно важно то, что уцелело и продолжает каким-то чудом расти, наперекор всему внешнему. Вот этим хочется делиться с близкими. Бесконечно радуюсь предстоящей встрече с тобой. А пока посылаю тебе новые стихи ¹.

Машенька спокойная и светлая. Я часто срываюсь, и опять карабкаюсь вверх. Вероятно, так будет до самой последней минуты.

Евгению Антоновну и Любовь Александровну благодарю за поздравления ² и шлю им сердечный привет.

Тебя нежно целую.

Твоя София.

P.S. Ольга Ник<олаевна> кланяется тебе. Она за лето не отдохнула и опять завалена работой. В общем, у всех какая-то окончательная, непоправимая усталость, и жить очень грустно.

[На обороте листа:]

* * *

За стеною бормотанье,
Полуночный разговор...
Тихо звуковым сияньем
Наполняется простор.

Это в небо дверь открыли, —
Оттого так мир затих.
Над пустыней тень от крыльев
Невозможно золотых.

И, прозрачная, как воздух,
Едкой свежестью дыша,
Не во мне уже, а возле
Дышишь ты, моя душа.

Миг — и оборвется привязь,
И взлетишь над мглой полей,
Не страшась и не противясь
Дивной легкости своей.

[18.IX.1926 г.]

* * *

Все отдаленнее, все тише,
Как погребенная в снегу,
Твой зов беспомощный я слышу
И отозваться не могу.

Но ты не плачь, но ты не сетуй,
Не отпевай свою любовь,
Не знаю где, мой друг, но где-то
Мы встретимся с тобой вновь.

И в тихий час, когда на землю
Нахлынет сумрак голубой,
Быть может, гостьей иноземной
Приду я побродить с тобой

И загрузу о жизни здешней,
И вспомнить не смогу без слез
И этот домик и скворешню
В умильной проседи берез.

[21.IX.1926 г.]

23.VII.1927 г.
с.Халепье

Дорогая Женечка!

Знаю, что на этот раз пропустила все сроки, и молчание мое, в ответ на твои ² письма, совершенно отвратительно, — и тем не менее написать настоящего письма не могу.

Вот уже 1 1/2 месяца как мы отдыхаем. Мой отдых покамест выражается в том, что нервное напряжение, которым я, очевидно, держалась в Москве, кончилось, и повыползла из меня всякая, сдерживаемая до этих пор волей, хворь. Так, весьма странно и неприятно, выражается пока моя поправка. Хочу надеяться, что это в порядке вещей и что по приезде в Москву все-таки окажется, что я набралась здесь сил и здоровья и могу быть опять работоспособным человеком.

Жизнь наша здесь и весь здешний быт — чистейший анахронизм: до такой степени здесь все мирно и медлительно. Думаю, что лучшего места для отдыха не сыскать. Несмотря на

вещественные доказательства гражданской войны (которая на Украине была особенно ужасна) — на обгорелые сады и мазанки — не верится, что в этом краю была революция. И как после этого темпа мы снова окунемся в московский водоворот — не могу себе представить!

Напиши о себе и о внутренних своих событиях. Внешние, я знаю, все те же. У всех у нас так же безысходно: безденежье, безработица — и трудно, трудно до тошноты!

Здесь не написала ни одной строки. Посылаю тебе одно из последних московских стихотворений¹. Об издании нового сборника бросила думать: не время сейчас таким стихам.

Ольга Николаевна шлет сердечный привет. Машенька сама напишет тебе.

Целую тебя нежно и жду вестей.

Твоя София.

Адрес: Почтовое Отделение М.Триполья, Киевского округа. Село Халеппе, Ленинская ул., дом 13. Г.Остапенко. Мне.

[На обороте листа:]

Мне снилось: я бреду впотьмах,
И к тьме глаза мои привыкли.
И вдруг — огонь. Духан в горах.
Гортанный говор. Пьяный выкрик.

Вхожу. Сажусь. И ни один
Не обернулся из соседей.
Из бурдюка старик-лезгин
Вино неторопливо цедит.

Он на меня наводит взор,
— Зрачок его кошачий сужен, —
Я говорю ему в упор:
«Хозяин! Что у вас на ужин?»

Мой голос переходит в крик,
Но, видно, он совсем не слышен:
И бровью не повел старик,
Зевнул в ответ и за дверь вышел.

И страшно мне. И не пойму:
А те, что тут, со мною, возле,
Те — молодые — почему
Не слышали мой громкий возглас?

И почему на ту скамью,
Где я сижу, как на пустую,
Никто не смотрит?.. Я встаю,
Машу руками, протестую —

И тотчас думаю: Ну, что ж,
Итак, я невидимкой стала?
Куда ж теперь такой пойдешь! —
И подхожу к окну устало...

В горах, перед началом дня,
Такая тишина святая!
И пьяный смотрит сквозь меня
В окно — и говорит: Светает...

[12.V.1927 г.]

Мне снилось: я бреду впотьмах,
И к тьме глаза мои привыкли.
И вдруг — огонь. Духан в горах.
Гортанный говор. Пьяный выкрик.

Вхожу. Сажусь. И ни один
Не обернулся из соседей:
Из бурдюка старик-лезгин
Вино неторопливо цедит.

Он на меня наводит взор,
— Зрачок его кошачий сужен,
Я говорю ему в упор:
«Хозяин! Что у вас на ужин?»

Мой голос переходит в крик,
Но, видно, он совсем не слышен:
И бровью не повел старик,
Зевнул в ответ и за дверь вышел.

И страшно мне. И не пойму:
А те, что тут, со мною, возле,
Те — молодые — почему
Не слышали мой громкий возглас?

И почему на ту скамью,
Где я сижу, как на пустую,
Никто не смотрит?.. Я встаю,
Машу руками, протестую —

И тотчас думаю: Ну, что ж,
Итак, я невидимкой стала?
Куда ж теперь такой пойдешь! —
И подхожу к окну устало...

В горах, перед началом дня,
Такая тишина святая!
И пьяный смотрит сквозь меня
В окно — и говорит: Светает...

Дорогой друг!

Спасибо тебе за то, что ты на меня не сердился и не перестаешь помнить меня и любить, несмотря на мое слишком уж долгое молчание. Но год был настолько труден, и для нас и для близких, что положительно не хватало ни сил, ни времени на душевное общение. Жили, да и продолжаем еще существовать в каком-то полуобморочном состоянии. Ты, наверное, знаешь, что у Ольги Ник-олаевны умер брат, единственный, еще не старый —

О.Н.Цубербиллер и С.Я.Парнок. 1931 г. Москва.
Фото Л.В.Горнунга. Публикуется впервые.

всего 44 года прожил на этом чудном свете, и последние 3 месяца жизни — в состоянии затравленного зверя. Очень тяжело мы это пережили. Осталось у нас, т<о> е<сть> у Олюшки (а это значит, что и у меня), двое его детей — 5-ти летние близнецы. Ольга Ник<олаевна> работает, как вол. Целый день на лекциях, а я сижу дома и перевожу какую-нибудь пакость ¹. А когда нет работы, хвораю. Давление крови у меня чудовищное! 250 — вместо 140. Недели 3 назад ставили мне пьетки (за уши), выпустили стакана 2 крови. Я очень ослабела, но немного легче стало жить на свете. Милая Женечка! Всего не напишешь в письме, а сказать хочется так много, и все боюсь, что ничего я не успею сделать из того, что хочу и так надо успеть! На Кавказ меня уже не посылают, чему я очень рада, п<отому> ч<то> лечения кавказского боюсь смертельно: многие мои знакомые после этого поумирали. Посылают меня на север — в Сестрорецк. Но и туда я не поеду — и дорого и людно. Мечтаю о тишине и лесе. Думаю, что летом мы не увидимся, и когда увидимся — не знаю. Только знай, что я, несмотря на то, что большая тяжесть на меня навалилась — и чем дольше я живу, тем она тяжелее — все-таки не забываю старых друзей, моей южной родины и всегда думаю о ней с благодарностью.

Стихи у меня — такой мрачности, что и посылать не хочется ². Невеселый я поэт! Жалко, что Попов ³ твой меня любит. Счастливей любить не таких!

Собирается все ко мне Валерия Дм<итриевна> ⁴ и никак не соберется. Конечно, надо было бы мне к ней пойти, но: 1) я — свинья, и не могу преодолеть своей непростительной усталости; 2) боюсь Василисы ⁵.

Напиши мне подробно, как Вы все там? *Чем тебя лично побаловать?* Знаю, что Вам опять трудно. Напиши *толком*, сколько Вы получаете ежемесячно. Надо что-нибудь выдумать. Напиши 1) о себе; 2) о Любе; 3) об Евгении Антоновне; 3) о Веронике; 4) о мальчиках. Макс написал стихи об Аде ⁶. Напиши откровенно, трогают они тебя или нет? И которые тебя больше волнуют — моя «играй Адель» ⁷ или его стихи к Аде? 7-го — уж год, как умер Александр Афан<асьевич> ⁸. Завтра — Пасха. А в душе — мрак.

[На полях:] Ты права, дорогая моя: да воскреснет дух наш! Целую нежно

Соня.

Ольга Ник<олаевна> сердечно кланяется тебе. Я всех твоих приветствую.

12

28.X.1931 г.

Милая Женечка!

Очень огорчена твоей болезнью. Выздоровливай же! Из последних сил будем все-таки жить!

Мне очень горько, что ничем основательным не могла порадовать тебя в той посылке, кот<орую> отправила тебе Милочка.

Есть ли у Вас все-таки дрова? Ужасно хочу снять с тебя хотя бы часть забот, но сами мы последние месяцы сидим совсем без денег. Издательства не платят. «Алмаст» в этом сезоне пока еще не идет. Надеюсь, что временно ¹.

Исполняю твое желание: посылаю несколько отрывков из нового либретто ² и 2 стихотворения, которые я написала недавно, после двухлетнего молчания ³.

Целую тебя и помню.

Твоя София.

[На полях:] Ольга Ник<олаевна> шлет дружеский привет.

III. ПИСЬМА Н.Е.ВЕДЕНЕЕВОЙ

Перед нами — человеческие документы, отражающие величайшую в жизни их автора привязанность и как бы комментирующие посвященные Н.Е.Веденеевой замечательные, но до сих пор, увы, не опубликованные в России циклы стихов «Большая Медведица» и «Ненужное добро». Письма отличаются благородной сдержанностью: Парнок, как, может быть, никто, понимала, что эмоциональное бесстыдство самораскрытия, без которого не может жить поэзия, — не для писем, и потому «град и угли огненные», как сказано в «Псалмах», оставлены ею в ограде стихов. Большинство писем написано Парнок во время поездки по Волге, одно — в Москве и два последние в Каринском. Московская записочка отражает начало отношений, письма из Каринского, вероятно, последнее, что вышло из под ее пера, — на пороге смерти, как бы символизируя любовь до гроба.

К сожалению, биография Парнок известна столь отрывочно, что более подробно, чем это здесь сдела-

но, нельзя осветить многие факты. Письма печатаются по автографам, хранящимся в бумагах сына Н.Е.Веденеевой Е.Сиротинина, который в 1978 г. любезно разрешил мне снять с них копии, не предавая их пока гласности. Теперь, по прошествии стольких лет, я считаю себя вправе опубликовать письма — *tempora mutantur*, и взгляды на многие вещи изменились.

Адресат писем — Нина Евгеньевна Веденеева (1882 — 31 декабря 1955), крупный ученый-физик. Уроженка Тифлиса, некоторое время она обучалась в университете за границей. При жизни Парнок Веденеева преподавала во 2-м МГУ, впоследствии много лет стояла во главе лаборатории кристаллографии при одном из московских научно-исследовательских институтов. Знакомство с Парнок состоялось в 1932 г.: она была коллегой по МГУ с ближайшим другом Парнок О.Н.Цубербиллер.

1

2.V.1932

Милая благодетельница,

чтобы не думать больше о нашем долге¹, решила заехать к Вам сегодня же, рискуя даже не застать Вас дома. Оставляю Вам 60 руб. Это по приблизительному подсчету то, что мы Вам должны.

Еще нас смущает вопрос о том, как, не обидев Веру Алексеевну², компенсировать затраченные ею для нас время и силы. Пожалуйста, помогите нам и в этом, т.к. такова уж наша судьба — быть Вашими должниками.

Чашечку голубую тоже не возвращаю — пусть погостит еще у меня: это единственная реальность, убеждающая меня в том, что поездка моя была не сон и что я, действительно, была в Кашине.

Ваша С.П.

2

12.VIII.1932
Рыбинск

Милый друг!

Пишу на дебаркадере, под плеск воды и под грустные мысли о том, что первый блин комом. Волга обмелела, и вот уже 4 дня, как большие Камские пароходы делают свой рейс только от Нижнего. Надеемся, что доберемся до Нижнего маленьким пароходом, а там пересядем на настоящий. Удалось достать комнату в гостинице и без клопов. Это пока — первая удача. Но несмотря на дождь, радуюсь широкой реке и тому, как на ней хорошо дышится. С Кашиным простилась «скрипя сердцем».

Целуем обе.

С.

Очень думаю о моей милой дриаде и жду весточки.

3

22.VIII.1932
Пермь

Мой дорогой, мой обожаемый друг!

Вчера с суточным опозданием мы добрались, наконец, до Перми. С большим трудом разыскали, где здесь хранятся письма до востребования, и только сегодня удалось достать их. И вот, наконец, я получила 2 письма от тебя (от 12 VIII и 14-го) — первые за столько дней ожидания и тревоги. Есть вещи, за которые не благодарят, но именно благодарностью переполняет меня, когда я вновь и вновь перечитываю эти письма. Они такие ласковые и такие твои! Так ты не знаешь, поняла ли я, или нет, что ты не «не добрая»³. Если бы я не поняла этого, не было бы всего, что было. Я вообще думаю, что и ты и я понимаем друг друга, — только нам надо побольше быть вместе. Я не люблю разлуки, а особенно тогда,

когда она предшествует слишком кратким встречам и все новым и новым хотя бы маленьким разлукам. Помнишь, — у Тютчева?

— «Кто может молвить до свиданья
Чрез бездну двух или трех дней?»⁴

Да, Вильгельмина⁵, к тебе я как-то *суеверно-жадна*, и ты не должна ни сердиться на меня за это, ни тяготиться этим. Ты бы хотела видеть меня более спокойной? Не хоти. Успеем еще успокоиться! Теперь, когда я знаю, что ты здорова, что ты думаешь обо мне и как думаешь, все в мире в порядке. Даже Пермь, хуже которой я не знаю города, стала совсем милой. Обратное плаванье будет мне отдыхом и радостью. Я знаю, что ждет меня, и каждый день теперь осмыслен.

Отсюда мы должны уйти в полночь, но из-за катастрофического обмеления Камы пароходы идут фантастически, садятся на мель, терпят аварии, и мирное путешествие по реке обращается в авантюру. Не знаю, когда мы будем в Нижнем. Надеюсь, что на этот раз в Казань-то мы приедем не ночью, а днем, и я получу там письма от тебя. А твое письмо в Кинешму так и пропало. Хоть поезжай опять до Рыбинска, чтобы получить его! Наше возвращение по Оке и по Москва-реке, по-видимому, не состоится. В Нижний мы, вероятно, приедем числа 27-го, и некогда уже будет пускаться в новое, тоже рискованное, плаванье, а придется вернуться в Москву поездом. Так мы и будем, как и рассчитывали, 28-го дома, и Ольга Николаевна успеет, не торопясь, приступить к своей работе. Не знаю, достаточно ли она отдохнула. Надеюсь, что на обратном пути, за 5 дней на воде, она еще больше посвежеет и пободреет. Я очень старалась не переваливать на нее своей тяжести, но ты не знаешь, какая я. Я хотя и мало говорила и не жаловалась, но была сама не своя.

Маленькая-большая! твоя гребля меня беспокоит, как бы «бодрая старушка» не нажила себе большого расширения сердца. Будь здорова, моя милая!

Никаких предтеч рогатых навстречу мне не выходило⁶ и не выйдет, и ни перед кем колен не преклоню. Да я и не могу этого сделать, т.к. и не вставала с колен с тех пор, как в Кашине очутилась в такой позиции.

Сегодня 22-ое. Ты вчера приехала в Днепропетровск⁷. Милая! Знаю, что тебе хорошо, и радуюсь этому. Ты, пожалуйста, пойми, что это совсем так. А если полная моя, бескорыстная радость иногда осложняется грустью, то этим нисколько не аннулируется. Ты всегда знай, что мне дорого то, что — твое и что дает тебе счастье. И если я в те минуты, когда ты со своими, не хочу и не могу выходить из *тебя*, то это совсем не потому, что я эгоистична и себялюбива. Одним словом, несмотря на все мои кипения, я в глубине все-таки прозрачна, и я твой друг, Вильгельмина. Я не знаю, как ты относишься к слову поэта, но, очевидно, считаешь его легковесней, чем человеческое слово, если ждешь от меня всяких непостоянств. Пойми же мое человеческое и мое львиное⁸ слово и поверь ему до конца. Или так тебе уже менее интересно становится иметь дело со львятами?

Я не меньше Лии Исааковны⁹ знаю, какая ты, и знаю, что ты прекрасна, но я *болею* тобой, и поэтому не всегда могу быть приятна и понятна тебе, как и ты мне, *потому что* ты иногда для меня источник большой боли, как и я для тебя. Но все хорошо и все будет хорошо, *потому что* главное есть.

Твоему Жене¹⁰ передай привет, и помни, что я тебе о нем сказала. Твоему брату, если это не глупо, тоже.

Нежно тебя люблю, нежно тебя целую и жду.

Твоя С.

[На полях:] Ольга Николаевна шлет тебе сердечный привет.

[Притиска в верхнем углу письма:] Чувствуешь, какая на бумаге пыль? Я пишу тебе на палубе. Города за завесой пыли не видно: это Пермь!

4

С повинной!

Привет из Днепропетровска —
от людоеда и варвара¹¹,
которому не найти названия
даже в словаре Даля.

31.VIII.1932

Маленькая моя девочка!

Вчерашнее мое письмо ушло только нынче, п<отому> ч<то> почта была закрыта вчера. Сколько дней оно будет странствовать до Москвы, и застанет ли тебя там, — не знаю. Поэтому пользуюсь оказией, и на всякий случай посылаю тебе второе письмо, которое опустит в Москве в почтовый ящик здешний аптекарь завтра рано утром и которое ты должна будешь получить 8-го вечером или 9-го утром.

Я не хочу, чтобы твои дни омрачались неизвестностью и сомнениями обо мне. Поэтому еще раз повторяю, что мы с трудом, но все-таки благополучно добрались до Каринского¹². Пока я не раскаиваюсь, что приехала сюда, хотя 3-й день почти непрерывно мокну под дождем. Сейчас со всех сторон обступила гроза, темно, громыкает, и от этого на сердце еще беспокойней. Мне очень пусто без тебя, милый друг! На мое счастье мне сейчас очень спится, и дни проходят в какой-то ошалелости. Что будет дальше — не знаю, и подумай боюсь. Пока не получила ни одного письма от тебя. Что бы там ни попискивал твой зайчонок, а все-таки, а все-таки...

Пока мы отделены друг от друга только десятками километров и сплошной стеной дождя, но через несколько дней ты отъедешь от меня на сотни километров, а потом еще дальше, и мне будет еще одиноче¹³. Кстати, в прошлом письме я забыла попросить тебя прислать мне свой крымский адрес. Я напишу тебе несколько раз, я не хочу омрачить твой отдых моим молчанием. Я хочу, чтобы тебе было хорошо, Нина!

После напряжения последних дней наступил полный упадок сил, и я в ужасе, что будет, если эта апатия будет с каждым днем все усиливаться! Пока никуда нельзя было выйти из-за дождя, и я чувствую себя безумно отяжелевшей, всячески.

Здесь очень живописно, и я знаю, что этот пейзаж должен мне очень нравиться, но я пока еще не вижу его.

Как-то ты будешь отдыхать, милая моя? Надеюсь, что начнешь талантливее меня.

Прежде всего, *береги себя*, — и физически и морально. Забудь свои естествоиспытательские склонности и никак не экспериментируй¹⁴. Скушно ли тебе без меня в Москве, или дни так забиты работой, что ты и не успеваешь замечать, что меня там нет? Я очень тебя люблю, Нина!

Утешаю себя всякими разумными мыслями о том, что все хорошо и будет еще лучше. Жду тебя. Комната у нас отличная, терраса тоже, панорама вокруг — хоть куда. Здесь мы пока вполне сыты, а когда пройдет дождевая пора, м<ожет> б<ыть> накопятся и силы и будет откуда их брать для прогулок и проч., станет веселее.

А главное, когда наладится наша переписка, и я буду знать, что с тобой, что ты думаешь и любишь ли меня!

Будь здорова, «мой демон шалый»¹⁵, не забывай меня. Пришли мне 10 конвертов с марками, 10 марок и 10 открыток — всего этого здесь нельзя достать.

Твоя приунывшая от дождя

Соняшка.

Следующее письмо адресую в Кичкас.

Здравствуй, Ниночка, голубчик мой!

Пишу тебе на террасе, ранним утром. Вчера в 5 приемов шел дождь, а в светлые промежутки я ходила на почту, пробовала звонить в Москву (два раза), но телефон, как водится, испорчен. Хотела проверить свой ножтранс¹⁶, и очень рада, что он, оказывается, все-таки действует. Тьфу, тьфу, тьфу! (Правым ртом через левое плечо). Жив курилка и перебирает еще ногами! Дружочек мой! Ходила я звонить Верочке¹⁷, п<отому> ч<то> очень опечалилась вчера ее открыткой, написанной каким-то диким почерком, в которой она ласковенько говорит мне, что совсем больна, что вот уже 8 дней у нее высокая температура (39°) и что «будет больна еще долго». У нее, как сейчас водится в Москве, желудочная инфекция, а говоря понятней — острый колит (а м<ожет> б<ыть> дизентерия, п<отому> ч<то> с кровью).

Пойду звонить к ней утром, предложу свои услуги. Очень мне грустненько, что я не хожу за ней, когда ей так нехорошо! Она была так добра и чутка ко мне, когда я хворала. А я выхожу такой скаредной в отношениях с ней, когда хворает она. Если б не Ольга

Ник<олаевна>, которая, конечно, не пустит меня одну в Москву, я сейчас бы поехала к Верочке. Но она пишет, что ходить за ней есть кому. Она всегда так затажно и гнило хвораёт, что мне очень страшно, когда она заболевает. Если б она ушла, для меня это было бы большим ударом, — я потеряла бы близкого поэта и преданного друга и наперсницу в сердечных моих горестях. Она — наш друг — мой и твой. Думай о ней с любовью и хоти, чтобы она жила!

Ее открытку я получила вчера одновременно с твоей (от 21/VII), в которой ты вдруг вспоминаешь Верочку и велишь ей кланяться. От тебя с 24-го нет опять писем. Вчера (27-го!) получена телеграмма, посланная 22-го. На ней отметка педантичной почты («23-го выходной день»), т<о> е<сть> 23-го — *воскресенье* почта гуляла и поэтому телеграмма не могла быть доставлена в этот день, а 24-го, 25-го и 26-го почта, очевидно, очутилась после выходного дня (о чем в педантическом примечании конечно не упоминается)...

Милая моя! Будь здорова. Крепенько тебя целую, ангел мой! *Очень прошу тебя*: когда приедешь в Москву 20-го, будь осторожна в еде. *Не ходи* обедать в Дом ученых и ни в какие другие заведения. Пусть лучше Вера Ал<ексеевна> постряпает для тебя в этот день дома. Так вернее. Ладно? Не кушай килек, камсы, консервов, мороженого, не пей прохладительных напитков, а лучше всего скорей приезжай к нам, а мы-то уж тебя покормим не за страх, а за совесть! Все те же ли у тебя планы, т<о> е<сть> собираешься ли ты в тот же день, как вернешься с Днепростроя, направиться в Каринское?

На этот вопрос не забудь ответить заблаговременно, чтобы я могла послать за тобой отсюда на станцию лошадь. Ты выйди из вагона простоволосая, и по твоей белой головшке тебя среди всех отличит возница. А ты, выйдя, спроси, нет ли кого из Каринского? Ладно?

Голубчик мой! Я тебе писала вчера утром и отправила заказным, но ввиду исключительной работы почты — в Кичкасе, ввиду того, что 2 заказных письма моих там и 1 телеграмма прилипли к чьим-то пытливым рукам, у меня нет никакой веры в то, что и вчерашнее мое письмо не постигнет та же участь. Писать незнакомцам у меня нет никакой охоты (пусть развлекаются собственными средствами), а человек я упрямый и хочу, чтобы мои письма все-таки доходили до тех людей, кому я их адресую (*хотя бы во вторую очередь!*). Поэтому это письмо я хочу отправить с *обратной распиской*, если этот вид ручательства за доставку корреспонденции сохранился. А действительность этой гарантии мы таким образом проверим на опыте. Ведь ты у меня естествоиспытатель? Вот и я экспериментирую (правда в совсем другой области).

Ты в своей ответной телеграмме пишешь, что «часто писала с Днепростроя». Так вот оттуда я получила только 1 письмо и 1 открытку. Я же послала тебе в Кичкас 3 письма, из коих 2 заказными (9-10-го и 11 июля), и ни их, ни моей телеграммы от 13/VII ты *до сих пор* (сейчас уже 28/VII) не получила. Положение совершенно ясное, не так ли?

Заметно похолодало. Утра и вечера уже очень прохладные, и я ожила, стала хорошо спать, все «чудеса» мои кончились — я не падаю, не ношусь по комнате и прочнее держусь на ногах. С удовольствием чувствую твердую землю под ногами и хватаюсь за нее всей ножной пятерней!

Rrrr! Львы как будто опять котируются на бирже.

Целую тебя нежненько и крепенько и всячески.

Твоя *Львинова*.

P.S. Да! Меня смущает одно обстоятельство, и не знаю, как тебе об этом сказать... Ну, предположим, скажу хотя бы так:

Как мне это ни прискорбно,
Здесь на виллах нет уборных,
Но повсюду, мой кумир,
Приготовлен вам...

А все прочее в порядке, и живем мы здесь удобнее и не менее вкусно, чем в Кашине.

С.

IV. СТИХОТВОРЕНИЯ 1932 ГОДА

Стихотворения, входящие в состав публикуемой ниже рукописи, впервые появились в подготовленном С.В.Поляковой «Собрании стихотворений» С.Парнок. Они были включены составителем в общий хронологический ряд раздела «Стихи последних лет», что не позволило сохранить точную композицию и некоторые структурные элементы рукописи: так, например, из-за «валовой» нумерации стихотворений Собрания утрачена наглядность «семизвездия» лирического цикла «Большая Медведица», даты произведений во всех случаях заимствованы из другого источника; кроме того, общая небрежность «ардисовского» издания коснулась и текстов стихотворений: произвольная пунктуация, нарушение в двух случаях авторской строфики, опечатки и контаминация в качестве последней строфы стихотворения «Седая роза» постороннего ему чернового наброска, — делают эту первую публикацию в известной степени неудовлетворительной.

Признавая, что исправление указанных недостатков должно стать задачей нового издания корпуса стихотворений Парнок, мы сочли возможным републиковать эту рукопись в «DV» вслед за публикацией писем к Н.Веденевой по одной веской причине: мы считаем «Веденевскую тетрадь» последним, неизданным сборником стихотворений Парнок. О том, что эта рукописная тетрадь — именно книга, а не просто некоторое количество стихов, переписанных на па-

мять и подаренных, свидетельствует как ее структура, так и графическое оформление. Тетрадь открывает титульный лист, посредине которого стоит заглавие — «1932», чуть ниже общий эпитаф (напомним, что именно так оформлен титульный лист ахматовского «Апо Domini MCMXXI»). Книга состоит из двух разделов, заглавия которых тоже вынесены на отдельные листы. Первый раздел — «Большая Медведица» — составляет лирический цикл из семи пронумерованных стихотворений; второй — «Ненужное добро» — включает в себя двадцать одно стихотворение. Все стихотворения рукописи датированы только месяцем (ибо год стоит в заглавии книги, а неуказание дней имеет свой умысел), исключение составляют четыре последних стихотворения. Остается упомянуть, что каждое стихотворение, в соответствии с книжной традицией, начинается в рукописи с нового листа.

Текст книги стихов С.Парнок «1932» мы воспроизводим по фотокопии рукописи, снятой в начале 1970-х гг. С.В.Поляковой и подаренной ею десять лет спустя автору этих строк. (В публикации опущены два текста, вписанные в тетрадь Н.Е.Веденевой: стихотворение от 31 июля 1933 г., которое приводится в письме Л.В.Эрарской, напечатанном в Приложении, и черновой набросок четверостишия, о котором нам ничего не известно).

1932

«В год, когда новой весной жизнь омрачилась моя».

(Вячеслав Иванов)

БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА

1

Нет такой загадки тонкой,
Нету хитрости, которой
Я понять бы не могла, —
Отчего ж держусь сторонкой,
Мысли отвожу и взоры
Я от левого угла?

Это зона телефона,
Зона головокруженья,
Зона непонятных дел,
Где особые законы
Тяготенья, притяженья
И отталкиванья тел.

Я бы физика спросила,
Пусть мне объяснит научно
Этот феномен чудной:
Что за роковая сила
Неизменно, злополучно
В том углу владеет мной?

Позвонить? Эх, будь что будет!
Надо быть смелее, право, —
«Дайте-ка мне А.Т.С...»
Строгий физик не осудит:
Я звоню не для забавы, —
Здесь научный интерес.

Январь

2

Я, как слепая, ощупью иду
 На голос твой, на теплоту, на запах...
 Не заблужусь в Плутоновом саду:
 Где ты вошла — восток, где скрылась — запад.

Ну что ж, веди меня, веди, веди
 Хотя б сквозь все круговороты ада,
 На этот смерч, встающий впереди, —
 Другого мне Вергилия не надо!

Февраль

3

Мне снишься ты, мы снится наслажденье...

Боратынский

Глаза распахнуты и стиснут рот.
 И хочется мне крикнуть грубо:
 О, бестолковая! Наоборот, —
 Закрой, закрой глаза, открой мне губы!

Вот так, мучительница... Наконец!..
 Не будем торопиться всуе.
 Пускай спешит неопытный юнец, —
 Люблю я пятилетку в поцелуе!

Февраль

4

Ветер из Виоголосы!
 О, мой друг седоволосый,
 Настежь распахни окно —
 Пусть седые пряди треплет,
 Пусть взиграет в сердце трепет,
 Пусть согреется оно!

Жаркая Виоголоса!
 Жители там ходят босы
 И без чопорных одежд.
 Губы женщин там алее,
 Да и кто там не лелеял
 Самых пламенных надежд!

Щедрая Виоголоса!
 Там целуются без спроса,
 Там у женщин нрав таков,
 Что, целуя их, смеешься,
 Что, целуя, не наткнешься
 Ты на частокол зубов!

Февраль

5

В начале пятая глава
 (А их как-будто бы сто двадцать!) —
 Уж обрываются слова,
 Уже им некуда деваться
 От рока, от себя самих,
 От обступившего молчанья, —
 И немота и встреча их
 Уж без пяти минут свиданье!

А после — ночь... И оба врозь,
 И оба мечутся, тоскуя,
 И сердце прожжено насквозь

Ожогом первым поцелуя...
О, друг мой! Вот закладка где,
Вот до чего я дочитала,
(Проворна я, к своей беде!) —
Не начинать же мне сначала!

Опять о том, как пили чай,
Как чинно восседали рядом,
Как обменялись невзначай
Каким-то сумасшедшим взглядом...
Давайте же читать вдвоем
Роман «отменно длинный-длинный».
Хотите, вместе мы начнем?
Но только прямо со середины!

Февраль

6

Седая голова. И облик юный.
И профиль Данта. И крылатый взгляд, —
И в сердце грусть перебирает струны:
Ах, и люблю я нынче невпопад!

Но ты поллюбопытствуй, ты послушай,
Как сходят вдруг на склоне лет с ума...
Да, я хотела б быть покрепче и посуше,
Как старое вино, — ведь я стара сама!

Чтоб время испарило эту сладость,
Довольно мне. Я не хочу хотеть!..
Счастливы те, кто успевают смладу
Доискриться, допениться, допеть...

Я опоздала. Занавес опущен.
Пустеет зала. Не антракт, — конец.
Лишь там, чем безнадежнее, тем пуще,
В райке еще безумствует глупец.

Март

7

Ведь ты не добрая, не злая,
Ведь ты, как сухостой, суха, —
Зачем несу тебе, не знаю,
Я семизвездие стиха.

Мою Медведицу Большую
Кому я в руки отдаю!
Ни одесную, ни ошую
Не быть тебе вовек в раю.

Не холодна ты, а прохладна,
Не горяча ты, а тепла.
Зачем же ты волной громадной
В воображеньи протекла!..

Но не пойми меня превратно:
Ни проклиная, ни скорбя,
Я не беру даров обратно, —
Что ж делать! Я люблю тебя.

Март

НЕНУЖНОЕ ДОБРО

* * *

Да, ты жадна, глухонемая,
Жадна, Адамово ребро!
Зачем берешь, не принимая,
Тебе ненужное добро?

К чему тебе хозяйство это —
Гремучая игра стихий,
Седцебиение поэта,
Его косматые стихи?

Мы — дикари, мы — людоеды.
Смотри же, помни: еду, еду...
Эх, «еду, еду, не свищу,
А как наеду, не спущу»!

Март

* * *

Жить, даже от себя тая,
Что я измучена, что я
Тобой, как музыкой томима!
Жить невпопад и как-то мимо,
Но сгоряча, во весь опор,
Наперерез, наперекор, —

И так, на всем ходу, с разбегу
Сорваться прямо в смерть, как в негу!..

Март

* * *

Моя любовь! Мой демон шалый!
Ты так костлява, что, пожалуй,
Позавтракав тобой в обед,
Сломал бы зубы людоед.

Но я не той породы грубой
(К тому ж я несколько беззуба),
А потому, не теребя,
Губами буду есть тебя!

Март

* * *

Вам со стороны виднее —
Как мне быть, что делать с ней,
С той, по ком я пламенею,
С той, при ком я леденею, —
С .....ёевой моей?

Еёёе, еёёе, —
Как поют четыре Е!
Каждое из них лелею
И от каждого хмелею, —
Не житьё, а житие!

Слышу музыку во сне я:
«Еёёе», стонет стих.
Водяница! Лорелея!
О, как сладко я болею
Прозеленью глаз твоих!

Март

* * *

Мне кажется, нам было бы с тобой
Так нежно, так остро, так нестерпимо.
Не оттого ль в строптивости тупой,
Не откликаясь, ты проходишь мимо?

И лучше так! Пускай же хлынет мгла,
И ночь развернется еще бездонней, —
А то я умереть бы не могла:
Я жизнь пила бы из твоих ладоней!

Какие б сны нам снились наяву,
Какою музыкой бы нас качало —
Как лодочку качает у причала!..
Но полно. Проходи. Я не зову.

Март

* * *

Вижу: ты выходишь из трамвая —
        вся любимая,
Ветер веет, сердцу навевая —
        вся любимая!
Взгляда от тебя не отрываю —
        вся любимая!
И откуда ты взялась такая —
        вся любимая?

Ты — орлица с ледников Кавказа, —
        где и в зной зима,
Ты, неся сладчайшую заразу, —
        не больна сама,
Ты, любовнику туманя разум, —
        не сойдешь с ума,
Все пять чувств ты опьяняешь сразу, —
        вся любимая!

Апрель

* * *

До Родиона-ледолома,
За тринадцать дней вперед,
Дрогнуло речное лоно,
Затрещал упрямый лед.

Не ходила я на реку,
Только по примете некой
Знала я наверняка,
Что вот-вот пойдет река,

Что сквозь лед тепло струится
И под теплые струи
Подставляет водяница
Бедра стройные свои,

Что природа в непокое,
Что хмельно ее вино, —
Что сейчас пойдет такое,
От чего в глазах темно!

Апрель

* * *

Измучен, до смерти замотан,
Но весь — огонь, но весь — стихи, —
И вот у ног твоих он, вот он
Косматый выкормыш стихий!

Его как голубка голубишь,
Подергиваешь за вихор,
И чудится тебе: ты любишь,
Как не любила до сих пор.

Как взгляд твой пристален и долог!
Но ты глазам своим не верь,
И помни: ни один зоолог
Не знает, что это за зверь.

Май

* * *

Сквозь все, что я делаю, думаю, помню,
Сквозь все голоса вокруг меня и во мне,
Как миг тишины, что всех шумов огромней,
Как призыв, как привкус, как проблеск во тьме.
Как звездами движущее дуновенье, —
Вот так ворвалась ты в мое бытие,
О, радость моя! О, мое вдохновенье!
О, горькое-горькое горе мое!

Июнь

* * *

О, как мне этот страшный вживень выжить,
Чтоб не вживался в душу, в мысли, в кровь?
Из сердца вытравить, слезами выжечь
Мою болезнь, ползучий рак, — любовь?

Бежать, бежать, бежать, глаза зажмурия!
Куда? — Бог весть куда, но только прочь
От этой огненной, подземной бури,
Что о полночь с цепи спускает ночь!

Июнь

САМОЙ СЕБЕ

Когда перевалит за сорок,
Поздно водиться с Музами,
Поздно томиться музыкой,
Пить огневое снадобье, —
Угомониться надобно:
Надобно внуков нянчить,
Надобно путь заканчивать,
Когда перевалит за сорок.

Когда перевалит за сорок,
Нечего быть опрометчивой,
Письма писать нечего,
Ночью бродить по дому,
Страсть проклинать подлюю,
Нечего верить небыли,
Жить на седьмом небе,
Когда перевалит за сорок.

Когда перевалит за сорок,
Когда перевалит за сорок,
Мы у Венеры в пасынках,
Будь то в Москве иль в Нью-Йорке,
Выгнаны мы на задворки...
Так-то, бабушка Софья, —
Вот те и вся философия,
Когда перевалит за сорок!

Июль

* * *

Не спрашивай, чем занемог
И отчего поэт рассеян:
Он просто, с головы до ног,
Насквозь, тобой оведенеен!

* * *

Восход в дыму, и тусклый закат в дыму,
И тихо так, как будто покойник в дому,
И люди бродят, шепотом говорят:
Леса горят, ох, где-то леса горят!..

И ночь пришла, дремуча, как бред душна.
В горящих джунглях накрик кричит душа,
В горящих джунглях ревмя ревет зверье,
В горящих джунглях сердце горит мое...

О, в эту ночь, в последнюю на земле,
Покуда жар еще не остыл в золе,
Запекшимся ртом, всей жаждой к тебе припасть,
Моя седая, моя роковая страсть!

Июль

* * *

Нет мне пути обратно!
Накрик кричу от тоски,
Бегая по квадратам
Шахматной доски.

Через один ступаю:
Прочие — не мои.
О, моя радость скупая,
Ты и меня раздвой, —

Чтоб мне вполмеры мерить,
Чтобы вполверы верить,
Чтобы вполголоса вить,
Чтобы собой не быть!

Сентябрь

* * *

Прямо в губы я тебе шепчу — газзлы,
Я дыханьем перелить в тебя хочу — газзлы.
Ах, созвучны одержимости моей — газзлы!
Ты смотри же разлюбить не смей — газзлы.
Расцветает средь зимы весна — газзлой,
Пробудят и мертвого от сна — газзлы,
Бродит, колобродит старый хмель — газзлы, —
И пою тебя, моя газзель, — газзлой!

Октябрь

* * *

Дай руку, и пойдем в наш грешный рай!..
Наперекор небесным промфинпланам,
Для нас среди зимы вернулся май
И зацвела зеленая поляна,

Где яблоня над нами вся в цвету,
Душистые клонила опахала,
И где земля, как ты, благоухала,
И бабочки любились налету...

Мы на год старше, но не все ль равно, —
Старее на год старое вино,
Еще вкусней познаний зрелых яства...
Любовь моя! Седая Ева! Здравствуй!

Ноябрь

СЕДАЯ РОЗА

Ночь. И снег валится.
Спит Москва... А я...
Ох, как мне не спится,
Любовь моя!

Ох, как ночью душно
Запевает кровь...
Слушай, слушай, слушай,
Моя любовь:

Серебро мороза
В лепестках твоих.
О, седая роза,
Тебе — мой стих!

Дышишь из-под снега,
Роза декабря,
Неутешной негой
Меня даря.

Я пою и плачу,
Плачу и пою,
Плачу, что утрачу
Розу мою!

17 ноября

* * *

Она беззаботна еще, она молода,
Еще не прорезались зубы у Страсти, —
Не водка, не спирт, но уже не вода,
А пенистое, озорное, певучее Асти.

Еще не умеешь бледнеть, когда подхожу,
Еще во весь глаз твой зрачок не расширен,
Но знаю, я в мыслях твоих ворожу
Сильнее, чем в ласковом Кашине или Кашире.

О, где же затерянный этот в садах городок
(Быть может, совсем не указан на карте?),
Куда убегает мечта со всех ног
В каком-то шестнадцатилетнем азарте?

Где домик с жасмином, и гостеприимная ночь,
И хмеля над нами кудрявые арки,
И жажда, которой уж нечем помочь,
И небо, и небо страстнее, чем небо Петrarки!

В канун последней иль предпоследней весны
— О, как запоздала она, наша встреча! —
Я вижу с тобой сумасшедшие сны,
В свирепом, в прекрасном пожаре сжигаю свой вечер!

26 декабря

* * *

Тоскую, как тоскуют звери,
Тоскует каждый позвонок,
И сердце — как звонок у двери,
И кто-то дернул за звонок.

Дрожи, пустая дребезжалка,
Звони тревогу, дребезжи...
Пора на свалку! И не жалко
При жизни бросить эту жизнь...

Прощай и ты, Седая Муза,
Огонь моих прощальных дней,
Была ты музыкою музык
Душе измученной моей!

Уж не склоняюсь к изголовью,
Твоих я вздохов не ловлю,
И страшно молвить: ни любовью,
Ни ненавистью не люблю!

26.I.1933

* * *

Ты помнишь коридорчик узенький
В кустах смородинных?..
С тех пор мечте ты стала музыкой,
Чудесной родиной.

Ты жизнью и смертью стала мне —
Такая хрупкая —
И ты истаяла, усталая,
Моя голубка!..

Прости, что я, как гость непрощеный,
Тебя не радую,
Что я сама под страстной ношею
Под этой падаю.

О, эта грусть неутолимая!
Ей нету имени...
Прости, что я люблю, любимая,
Прости, прости меня!

5.II.1933

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПИСЬМО Л.В.ЭРАРСКОЙ — Е.К.ГЕРЦЫК И Л.А.ЖУКОВСКОЙ-ГЕРЦЫК

25/IX <1933>

Дорогие мои,

завтра будет месяц, как умерла наша Соня. Я ее застала уже в гробу — она умерла в половине двенадцатого дня, а я пришла в пять часов. Она заболела 25-го в ночь — началось с желудка — она не могла переварить грибы — никакие клизмы не помогали, начались рвота и удушье, сердце начало плохо работать, она, бедная, металась в смертельной тоске и к ночи впала в бессознательное состояние. Все смотрела в правый угол и от кого-то отмахивалась. При ней были О<льга> Н<иколаевна> и Н<ина> Е<вгеньевна> ¹, 26-го, в 11 1/2 час. она, не приходя в себя, умерла от разрыва сердца. Лицо ее было изумительно, она улыбалась радостно и сразу помолодела, потом через несколько часов — скорбная складка залегла между бровями, а когда мы ее привезли в Москву (75 верст на лошади), лицо стало мудро-спокойным с печатью вечной и неразрешимой тайны. О<льга> Н<иколаевна> все вспрыскивала ей формалин, и потому Соня совсем не разложилась. Отпевание было там, в Каринском, а тут была панихида. С такой громадной любовью и нежностью были мы около нее все время. Так все были потрясены и выбиты из колен. Сколько было слез и отчаяния около ее гроба. О<льга> Н<иколаевна> — святой человек, человек, который стоит на большой духовной высоте. Это герой нашего серого будня. Она была ею при жизни Сони, и осталась ею после ее смерти. Теперь мы так часто собираемся около О<льги> Н<иколаевны> — в этой громадной с голубой лампой комнате. На письменном столе стоят все Сонины какие только есть портреты и масса цветов. Сначала было жутко и до отчаяния тоскливо в их комнате без Сони. Теперь появилось сознание, что она жива, что она с нами, и новое чувство, что ей там стало легче. Я познакомила К<ору> Е<вгеньевну> ² с О<льгой> Н<иколаевной> — для О<льги> Н<иколаевны> эта встреча была радостью — т<ак> к<ак> было письмо. Похоронили на Введенских горах. Прелестное место. Над головой голубые ели. Могила вся в цветах. Послезавтра будет панихида, а вечером собрание друзей! Да, столько пережито, что трудно написать, рассказать! Столько моментов совершенно незабываемых на всю жизнь! Знаю, что единственно, что примиряет с ее смертью, — это сознание, что болезнь бы ее прогрессировала бы и превратила бы нашу Соню в живой с еле ворочающимся языком труп. Это самое страшное для нее и для всех было бы!

Ну вот! И теперь мне хочется верить, что и я скоро умру, а с другой стороны спрашиваешь себя, а с чем ты предстанешь туда? Ничего не достигнуто и ничего не сделано! Милые мои, я *бездарный* человек в жизни — во всех отношениях, из-за этого я страдаю и сама мучаюсь! Боже мой, с каким бы я наслаждением пожила бы около Любы — чтобы *помочь* ей. Знаю, что ей послана громадная помощь моральная, но ведь физически я бы ей пригодилась бы! Женичка, Вы пишете про мою силу и мятежность — милая — я мечтаю о покое — я мечтаю быть смиренной, кроткой и ясной и любящей! Ах, милая, я ничего не умею, я такой ребенок — который и ходить еще не умеет! Но я поднимусь на ноги — верьте в меня, только Вы верьте! Слышите? Женичка, я иногда завидую Вашей умудренности и Вашей внутренней покорности. А я безумная и дикая все еще — все еще! И иногда мне кажется, что все это происходит — от пустоты, нелюбви и эгоизма!

Теперь, что с Любой? Я сегодня Вам послала 25 р. только, а хотела больше, но сейчас невыясненности с театром, я пока еще фактически не служу. Как Любино здоровье? Почему о письме ни слова? И о К<оре> Е<вгеньевне> ни слова! З<инаида> М<ихайловна> ³ в Москве, я у нее была! Она очень похудела, но здорова.

Мои дорогие! Целую Вас и очень люблю.

Пишите хоть открытки, пожалуйста!

Ваша Людмила.

Открытку Любы получила. Еще раз, дорогая, поздравляю тебя со днем именин — желаю радости и здоровья.

Дорогая Женя! Посылаю Вам стихи Сони за три недели до ее смерти:

«Будем счастливы во что бы то ни стало»...
Да, мой друг, мне счастье стало в жизнь!
Вот уже смертельная усталость
И глаза и душу мне смежит.

Вот уж не бунтуя, не противясь
Слышу я, как сердце бьет отбой.
Я слабею и слабеет привязь
Крепко нас вязавшая с тобой.

Вот уж ветер вольно веет выше, выше,
Все в цвету, и тихо все вокруг.
До свиданья, друг мой! Ты не слышишь.
Я с тобой прощаюсь, дальний друг.

Каринское
31 июля 1933 г.

Эти стихи посвящ^{ены} Н^{ине} Е^{вгеньевне}, первые строчки — как цитата самой Н^{ины} Е^{вгеньевны} (из ее письма к Соне). Правда, какие замечательные, полные предчувствия стихи?

Ах, Женичка, я живу и не отдаю себе отчета — как во сне! И Сонина смерть — это сон для меня. И кажется, что я *проснусь* и жизнь будет, как кошмар! На сегодня больше не пишется.

Целую.

Людмила.

КОММЕНТАРИИ

I. ХОДАСЕВИЧ

¹ В своем отзыве о «Счастливом домике» Гумилев не дает Ходасевичу никаких ограничительных определений, см.: Аполлон. 1914. № 5. Сам Ходасевич упоминает в письме к А.И.Тинякову о «более 50-ти отзывах» на свою книгу (см. Н.А.Богомолов. Жизнь и поэзия Вл.Ходасевича. В кн.: В.Ходасевич. Стихотворения / Сост., подгот. текста и примеч. Н.А.Богомолова и Д.Б.Волчека. Л., 1989. С.14).

² Парнок на докладе Ходасевича не присутствовала (она была еще в Крыму) и цитирует его речь, вероятно, по опубликованному тексту ее в «Вестнике литературы» (1921. № 4/5) или в сборнике «Пушкин. Достоевский» (Петербург, 1921).

³ Парнок цитирует строки из стихотворения Тютчева «Бессонница» в их прежней редакции; сейчас принято другое чтение: «И мы, в борьбе, природой целой Покинуты на нас самих».

⁴ Имеется в виду статья: Белый А. Рембрандтова правда в поэзии наших дней: (О стихах В.Ходасевича) // Записки мечтателей. 1922. № 5.

⁵ Парнок цитирует по памяти; третью строку не точно: «Душа, увь, не выстрадает счастья».

⁶ У Тютчева: «... и это все есть Смерть!».

⁷ Из стихотворения Тютчева «Увь, что нашего незнания...». Документально подтвердить догадку Парнок не представляется возможным: стихотворение «К Психее» датируется очень растяжимо: 13 мая — 17-18 июня 1920 г., детальной датировки второго стихотворения установить не удалось, известно только, что в первом издании сборника «Путем зерна», вышедшем в 1920 г., его не было; Ходасевич включил его только во второе, переработанное в составе, издание сборника, вышедшее в конце 1921 г., а это уже — период «Тяжелой лиры».

⁸ Из стихотворения Барагынского «На что вы, дни! Юдольный мир явленья...».

II. ПИСЬМА Е.К.ГЕРЦЫК

1

Написано на двойном листе почтовой бумаги, карандашом, по старой орфографии.

¹ В начале 1920-х гг. Парнок служила в библиографическом отделе «Вестника иностранной литературы», что отмечено ею в соответствующей графе анкеты Секции научных работников РАБПРОСА (РГАЛИ. Ф.1276. Оп.1. Ед.хр.16).

² Из стихотворения 1851 г. «Не знаю я, коснется ль благодать...».

³ После хлопот Парнок о разрешении семье Герцык бесплатного проезда в Москву, Е.К.Герцык была в Москве летом 1922 г., обратно в Крым она вернулась в начале сентября 1922 г.

⁴ В мае 1922 г. Парнок ходатайствовала в ЦЕКУБУ о получении пособия и обращалась к В.В.Вересаеву с просьбой поддержать это ходатайство, ссылаясь на свою крайнюю нужду (РГАЛИ. Ф.1041. Оп.4. Ед.хр.336. Л.2). О том, что угроза пересмотра списков была более чем реальна, свидетельствует, например, факт письма писателей-коммунистов, направленного в 1922 г. в Агитпроп: «Мы заявляем отвод против нижепоименованных писателей, предложенных так называемым Всероссийским Союзом Писателей на получение академпайка по следующим мотивам: <...> Мандельштам — поэт с мистико-религиозным уклоном, республике никак не нужен. <...> Шершеневич — литературное кривляние. <...> Соболев Андрей — резко враждебен советскому строительству, вреден. <...> Парнок — поэтесса, бесполезна, ничего ценного. <...> Лидин — мелкобуржуазное освещение людей и событий, мало даровит. <...> Айхенвальд — вреден во всех отношениях. <...> Кроме коммунистов, академпайком должны быть удовлетворены те писатели-художники, которые приемлют революцию и могут работать в интересах развития литературы под углом новой для

них идеологии и не будучи коммунистами. <Подписи:> Серафимович, Фалеева, М.Журавлева, Чижевский» (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.60. Ед.хр.175. Л.31).

⁵ Лицо неустановленное.

⁶ *Домогацкий* Владимир Николаевич (1876-1939) — скульптор, московский сосед и знакомый семьи Герцык; картины, о которых идет речь, — остатки интерьера разоренной в годы революции московской квартиры Герцыков.

⁷ 24 декабря по старому стилю.

⁸ *Розы Пиерии*: Антологические стихи. М.; Пг.: Творчество, МСМХХII. Напечатано в августе 1922 г. в количестве 3000 экз. По не зависящим от автора обстоятельствам эта тематическая обособленная книжечка обогнала второй сборник (см. примеч. 10), что в тогдашних условиях негативно сказалось на репутации автора. «Очень мне досадно, — писала Парнок Волошину 10 ноября 1922 г., — что мой антологический сборник опередил 2 моих других! После шестилетнего промежутка (да еще в такое бурное время!) этот маленький антологический сборник выглядит как-то “эстетно”, и мне это очень обидно, но “Шиповник” обещает выпустить 4-ую мою книгу через месяц» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. № 931. Л.24 об.) «Это — даже не акмеизм, — писал Брюсов в 1923 г. в «Печати и революции», — а самый откровенный парнасизм, то есть эпигонство парнасской школы, имевшей смысл и оправдание в 40-х и 50-х годах прошлого века» (Цит. по: Брюсов В. Среди стихов. 1894-1924: Манифесты; Статьи; Рецензии / Сост. Н.А.Богомолова и Н.В.Котрелева; Вступ. ст. и коммент. Н.А.Богомолова. М, 1990. С.636). Волошин, получив от Парнок книжку, писал ей 22 декабря 1922 г.: «“Розы Пиерии” прекрасная и благоуханнейшая книга. Но Вы правы: среди запаха казармы и смазных сапогов — она слишком не ко двору!» (Купченко В.П. С.Я.Парнок и М.А.Волошин. С.419).

⁹ *Лоза*: Стихи 1922 года. М.: Шиповник, 1923. Вышла весной 1923 г. в количестве 2000 экз.

¹⁰ В издательских анонсах, помещенных в книгах «Розы Пиерии» и «Лоза», указано: «“Мед столетний”, 2-я книга стихов, Москва, Госиздат. (Печатается)». По авторскому замыслу вторая книга должна была следовать за первой («Стихотворения», 1916) и включать в себя стихи 1916-1921 гг. Опасения Парнок оказались справедливыми — книга так и не вышла, и причина, указываемая ею, по-видимому, тоже верна; ср., напр., название раздела статьи С.Родова «Поэзия Госиздата», посвященного книге М.Цветаевой «Версты»: «Грешница на исповеди у Госиздата» (На посту. 1923. № III. С.138-160). Та же участь постигла и сборник стихов Волошина «Selva oscura», который Парнок тоже сдала в Госиздат и о судьбе которого писала поэту 4 июня 1923 г.: «2-й корректуры “Selva oscura” мне не присылают. Думаю, что Ваша книга так и примерзнет в Госиздате, как и моя, — и по той же причине: теперь Госиздат требует “советской ориентации”, а на мистическую пошел в открытую, остервенелую атаку. Таков “сегодняшний день”, но, верю, что Ваши книги, если они не для сегодняшнего дня, то для завтрашнего и для послезавтрашнего, — для вечного дня, во имя которого живет истинное искусство и во имя которого я Вас люблю, милый Максимилиан Александрович» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. № 931. Л.25). Часть стихов второй книги Парнок включила в свой сборник «Музыка», другая часть была впервые опубликована в подготовленном С.В.Поляковой «Собрании стихотворений» С.Парнок.

¹¹ *Статья об Ахматовой* была написана, по-видимому, зимой 1922 г. Известно, что в указанное время Парнок выступала в кружке «Никитинские субботники» и в московском отделении Всероссийского союза писателей с докладом о поэзии Ахматовой (о последнем выступлении см.: Павлович Н. Московские впечатления // Литературные записки. 1922. № 2. С.7-8). Публикация этой статьи нам не известна, местонахождение рукописи не обнаружено. В № 1 альманаха «Шиповник» за 1922 г. помещена статья Парнок «Дни русской лирики», в которой, среди других, рассмотрены и послереволюционные книги Ахматовой. Известно также, что обе свои статьи — о Ходасевиче и об Ахматовой — в конце 1923 г. Парнок предлагала для публикации С.А.Полякову (ИМЛИ. Ф.76. Оп.3. Ед.хр.143). В издательских анонсах в книгах «Лоза» и «Розы Пиерии» объявлена книга «Сверстники. Письма о русской поэзии». По-видимому, книга так и осталась на стадии замысла.

¹² Заметка, по нашим сведениям, осталась неопубликованной, ее рукопись не обнаружена. В библиотеке Парнок находился экземпляр книги А.Эфроса «Эротические сонеты» (М., 1922) с дарственной надписью автора. В поэтической среде книжка Эфроса встретила юмористическое отношение, о чем свидетельствует эпиграмма Г.Шенгели:

«Эвоз, Эвоз!» — кончился полет...
И вот — среди сконфуженных поэтов —
Крылами плещется Абрам Эрот,
Создатель эротических сонетов.

(Привожу по своей записи со слов Л.В.Горнунга. — Е.К.)

¹³ *Милочка*, Машенька здесь и далее — домашние имена Людмилы Владимировны Эрарской (ок. 1890-1964), актрисы (до революции — театра К.Незлобина, в 1930-е гг. и до конца жизни — Московского театра кукол), близкого друга Парнок, адресата нескольких ее лирических шедевров (в том числе, стихотворения «Никнет цветик на тонком стебле...», высоко ценимого Волошиным).

¹⁴ *Холодовская Надежда Васильевна* (1878-1969) — московская знакомая семьи Герцык.

¹⁵ *Ирина* Сергеевна, знакомая Парнок, в московской квартире которой на 4-й Тверской-Ямской она жила в 1922-1924 гг.

¹⁶ Стихотворения А.К.Герцык, написанные после выхода ее единственной книги («Стихотворения», 1910), были собраны и сохранены ее старшим сыном, писателем и литературоведом Даниилом Дмитриевичем Жуковским (1909-1939), а изданы только в наше время Т.Н.Жуковской (Герцык А. Стихи и проза. Т.2).

¹⁷ Имеются в виду Н.А.Бердяев и И.А.Ильин, с которыми Е.К.Герцык была связана многолетним знакомством; во время своего пребывания в Москве летом 1922 г. она жила у Бердяевых, см.: Герцык Е.К. Воспоминания. Париж, 1973.

¹⁸ Герцык *Евгения Антоновна*, урожд. Вокач (1855-1930) — мачеха сестер Герцык, мать их брата Владимира; была членом Российского Теософского Общества, печаталась в «Вестнике теософии».

2

Написано на двух с половиной двойных листах почтовой бумаги в клетку, карандашом, по старой орфографии.

¹ Речь идет о Л.В.Эрарской, см. примеч. 13 к письму 1.

² Герцык *Любовь Александровна*, урожд. Жуковская (1890-1943), невестка сестер Герцык, жена их брата Владимира Казимировича Герцыка (1885-1976).

³ Эрарская *Вера Владимировна*, актриса, до революции работала в оперном театре С.И.Зимины.

⁴ Цубербиллер *Ольга Николаевна* (1885-1975) окончила математическое отделение Высших женских курсов В.И.Герье (см. ее мемуарный очерк «Курсистки»: Советское студенчество. 1940. № 3. С.30-31), в описываемое время преподавала во II МГУ; близкий друг С.Я.Парнок до конца ее жизни, хранительница ее рукописей и памяти о ней.

⁵ Л.А.Герцык страдала тяжелой формой полиартрита.

⁶ Письмо (от 9 февраля 1925 г.) сохранилось в архиве Герцыков; приводим фрагмент его, как взгляд на ту же ситуацию с другой стороны:

<...> Врач дает полную надежду на выздоровление и считает повторное заболевание маловероятным. Соне разрешено свидание с Люд<милой> Влад<имировной> и оно должно состояться, если все будет благополучно, на этой неделе.

Что касается Сони, то ее состояние очень тревожит меня: заболевание Люд<милы> Влад<имировны>, по ее собственным словам, явилось величайшим горем в ее жизни, и никакое улучшение не успокаивает ее, она находится все время в исключительном напряженном и тревожном состоянии. Она ищет для Милочки какого-нибудь исхода, хочет получше устроить ее дальнейшую жизнь и чувствует себя во многих отношениях совершенно бессильной: для ее деятельной любви это страшно тяжело. А главное горе в том, что Соня растрчивает все силы, уже растратила их и нигде не черпает новых сил. Ее личная жизнь складывается исключительно трудно, но она сейчас ничего не хочет делать для себя, не может думать о себе, считается исключительно с другими, а с нею никто не считается, хотя она в этом нуждается не меньше, чем Милочка. К сожалению, дорогая Евгения Казимировна, относительно Сони не могу Вас ничем успокоить. Не покидайте ее в своих мыслях. Буду писать вам по возможности часто.

Сонин друг *О.Цубербиллер*.

⁷ 10 февраля Е.К.Герцык писала Волошину об этом письме Парнок: «Не пересказываю Вам ее письмо, а пересылаю его, чтобы Вы вернее своим внутренним слухом услышали и поняли, что совершается с Люд<милой> Влад<имировной>. И надеюсь, что Вы, как и я, определенно почувствуете, что это болезнь не к смерти, а к жизни. Но как страшен этот путь, это избранничество! Я, как и С<офия> Я<сковлевна>, верю в силу Вашего воздействия в духе и в то, что мыслью своею Вы поможете Люд<имиле>, а несколькими словами, написанными, поддержите С<офью> Я<сковлевну>, которая очень нуждается в этом» (ИРЛИ. Ф.562. Оп.3. № 411. Л.47).

3

Написано на двух двойных листах почтовой бумаги в линейку, карандашом, по старой орфографии.

¹ Контекст упоминания позволяет предположить, что речь идет о *Зинаиде Михайловне* Гагиной (1864-после 1948). Педагог, создательница школы для крестьянских детей в имени своего мужа в Рязанской губернии, адресат писем Л.Н.Толстого 1908-1910 гг., З.М.Гагина была членом Российского Теософского Общества, соратницей С.В.Герье, в доме которой, в Гагаринском переулке, жила до конца своей жизни. Яркий портрет З.М.Гагиной в глубокой старости оставила в своей автобиографической прозе

Н.И.Ильина (Ильина Н. Дороги и судьбы. М., 1985. С.240-241).

² Возможно, имеется в виду *Вера Владимировна* Кроткова-Райд (? — до 1965) — актриса, подруга сестер Эрарских.

³ Герье *Софья Владимировна* (1878-1956) — младшая дочь историка, основателя московских Высших женских курсов В.И.Герье, переводчица, филолог-романист, автор русско-итальянского словаря (1952); до революции — председатель Московского отделения Теософского Общества; с начала 1920-х гг., после отъезда в эмиграцию А.А.Каменской, стоявшей во главе Российского Теософского Общества, его возглавила С.В.Герье.

⁴ Смирнова *Надежда Александровна* (1873-1951) — актриса Малого театра и педагог, близкий друг С.В.Герье.

⁵ У С.В.Герье было две родных сестры: Ирина (1870-1919) и Елена (1868-1942) и брат Александр (1871-1893). Поскольку в упоминаемое время жива была только Елена Владимировна, очевидно, что речь в данном абзаце письма идет не о кровных родственниках, а о членах московского Теософского Общества. Первые репрессии в отношении теософов начались в 1924 г.; сама С.В.Герье с 1925 по 1928 гг. не жила в Москве, возможно, избегая ареста и высылки. Что же касается упоминания о ее пребывании на Кавказе, то, возможно, что ее тамешным пристанищем был теософский ашрам в Лазаревской близ Сочи, основанный А.А.Усовым. (Подробнее см.: Гнездилов А.В. Судьбы русских теософов // Вестник теософии. 1992. № 1. С.85-88).

⁶ А.К.Герцык с семьей жила в то время в Симферополе.

⁷ Согласно автобиографии Н.А.Бердяева, в после-революционные годы он посещал Никольскую церковь на Маросейке, где настоятелем был о.Алексей Мечев.

⁸ Герцык *Вероника Владимировна* (1916-1976) — дочь Л.А. и В.К.Герцыков.

4

Написано на половине двойного листа почтовой бумаги, карандашом, по старой орфографии.

¹ А.К.Герцык умерла 25 июня 1925 г. в Судаке от уремии. Похоронена на судакском кладбище. Кладбище не сохранилось.

² Имеются в виду племянники Е.К.Герцык, сыновья ее сестры: Даниил (1909-1939) и Никита (р.1913).

5

Написано на двух двойных листах почтовой бумаги, постскрипту — на четвертушке листа, карандашом, частично по старой орфографии (с и ъ, но без ь).

¹ Измененная цитата из народной песни про «Устюшкину мать»:

Устюшкина мать,
Собиралась помирать.
Помереть не померла,
Только время провела.

Две последние строки Парнок цитирует в своем стихотворении 1927 г. «Тихо плачу и дою...» (Вполголоса. С.40).

² В 1926 г. в переводе Парнок вышли три книги: повести Ж.Жолинона «Холопы славы» и Ш.Л.Филлипа «Бюбю с Монпарнасса» — обе в издании

«Универсальной библиотеки», и роман П. Морана «Открыто ночью» — в серии «Новости иностранной литературы» издательства «Круг».

³ Приложены недатированные беловые автографы стихотворений: их тексты публикуются вслед за текстом письма. Даты установлены по тетради Парнок (РГАЛИ. Ф.1276. Оп.1. Ед.хр.3) и другим источникам. Все стихотворения вошли в сборник «Музыка».

⁴ Речь идет о начале прошлогодней болезни Л.В.Эрарской.

⁵ Кто имеется в виду установить не удалось.

⁶ Издательство поэтов «Узел», в котором маленькие книжки стихов печатались за счет средств авторов малыми тиражами. Подробнее об истории этого издательства мы намереваемся рассказать в одном из номеров «DV».

⁷ Речь идет о вышедшем позднее сборнике: Музыка: Стихи. М.: Узел, 1926. Книжечка была отпечатана в марте месяца в количестве 700 экз.

⁸ Намерение не осуществилось из-за материальных и цензурных условий.

⁹ О чем идет речь установить не удалось.

¹⁰ В Симферополе жили Д.Е.Жуковский с сыновьями и воспитательницей детей, в Судак — Е.К.Герцык с мачехой, невесткой, братом и племянницей.

¹¹ Оно оказалось лишь временным улучшением; Л.А.Герцык до конца жизни оставалась прикованной к постели.

¹² Федорова (2-ая) Софья Васильевна (1879-1963) — артистка балета Большого театра; Оленин Петр Сергеевич (1874-1922) — артист и режиссер оперного театра С.И.Зимины.

¹³ Семья графа Р.Р.Капниста, судакского землевладельца, расстрелянного в январе 1921 г. Ему посвящена I глава «Подвальных очерков» А.К.Герцык — «Todesgeiß». О нем и его семье см. также воспоминания: Квашнина-Самарина М.Н. В Красном Крыму / Публ. Л.Крафта // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1986. [Т.]1. С.337-338.

¹⁴ После встречи в Москве весной 1924 г. переписка Парнок и Волошина временно прервалась (до весны 1926 г.)

¹⁵ Здесь и выше упоминаются судакские соседи семьи Герцык.

¹⁶ День ангела Е.К.Герцык (24 декабря ст. ст.) совпадает с Рождественским Сочельником.

6

Написано на листе почтовой бумаги в линейку, карандашом, по новой орфографии.

¹ Тумповская Маргарита Марьяновна (1891-1942) — поэтесса, переводчица. Автор аналитической статьи о поэзии Гумилева (Аполлон. 1917. № 6/7) и неизданного сборника стихотворений «Дикие травы»; была членом «Узла». См. о ней: Бабина Б.А. Февраль 1922 / Публ. В.Захарова // Минувшее: Исторический альманах. Paris, 1986. [Т.]2. С.19-20; Мочалова О. Маргарита // Сумерки. Л., 1990/1991. № 11. С.145-149; Козырева М. Маргарита Марьяновна Тумповская. Лев Семенович Гордон // Там же. С.151-155. По утверждению О.А.Мочаловой, Тумповская была «убежденной антропософкой» (Там же. С.147), что объясняет ремарку Парнок в скобках.

² В «Музыке» с посвящением А.К.Герцык напечатано стихотворение «Без посоха и странничьей котомки...»; Е.К.Герцык посвящено стихотворение, заключающее книжку, — «Кто разлюбляет плоть, хла-

деет к воплощению...» — впервые: Русский современник. 1924. Кн. 2 (без посвящения и с опечаткой).

³ Из четырех упомянутых стихотворений мы можем привести только два, записанных на обеих сторонах листка из блокнота. На таком же листке написано и третье, не упомянутое стихотворение. См. их тексты вслед за текстом письма. Все они вошли в сб. «Вполголоса».

⁴ Книжечка набралась, но озаглавлена была — «Вполголоса»; она вышла в апреле 1928 г. в количестве 200 экз. и была последней книжкой Парнок и предпоследней «Узла»; в нее вошли перечисленные выше стихотворения.

⁵ Монография Е.К.Герцык об Эдгаре По не издана до сих пор; ее рукопись хранится в семейном архиве Герцыков у Т.Н.Жуковской.

⁶ Ребикова Е.Н. — родственница композитора В.Н.Ребикова (1866-1920), жившего с семьей в Крыму.

⁷ Жуковская Василиса Александровна (1892-1959) — сестра Л.А.Герцык.

⁸ Лицо не установленное.

7

Написано на листе почтовой бумаги в линейку, карандашом, по новой орфографии.

¹ Речь идет о Любви Столице (Ершовой Любви Никитишне; 1884-1934) — поэтессе, в упоминаемое время жившей в эмиграции, в Болгарии. Парнок пишет о ее статье «Поэтесса-вещунья», посвященной памяти А.К.Герцык (Возрождение. Париж, 1925. 1 сентября).

² Жуковская Валерия Дмитриевна, урожд. Богданович (около 1860 — 1937) — мать Л.А.Герцык и В.А.Жуковской; совместно с Л.Ю.Бердяевой приняла католичество, была членом московской Абрикосовской общины.

³ Имеется в виду близость по теософским и антропософским кругам М.М.Тумповской (см. о ней примеч. 1 к письму 6) и З.М.Гагиной (см. о ней примеч. 1 к письму 3).

⁴ Все перечисленные книги вышли в свет в 1926 г.

⁵ В комнате Парнок, по воспоминаниям Л.В.Горнунга, висел фотографический портрет Ахматовой с ее дарственной надписью, подаренный в этот приезд; в библиотеке Парнок были три книги Ахматовой — «Белая стая», «Четки», «У самого моря» — все с ее дарственными надписями (ныне — в библиотеке РГАЛИ).

⁶ Парнок жила в то время в 1-ом Неопалимовском переулке, напротив церкви. Дом сохранился, церковь снесена.

⁷ Вошло в сборник «Вполголоса» (с.17).

⁸ Независимость этого суждения станет очевиднее, если вспомнить ту беспримерную энергию восторга, с которой внедрал это произведение в московский литературный круг его исполнитель. Ср.: «Я четвертый вечер сую в пальто кусок мглисто-слякотной, дымнотуманной ночной Праги, с мостом то вдали, то вдруг с тобой, перед самыми глазами, качу к кому-нибудь, подвернушемуся в деловой очереди или в памяти, и прерывающимся голосом посвящаю их в ту бездну ранящей лирики, Микельанджеловской раскидистости и толстовской глухоты, которая называется Поэмой Конца» (Рильке Р.-М., Пастернак Б., Цветаева М. Письма 1926 года / Подгот. текстов, сост., предисл., пер. и коммент. К.М.Азадовского, Е.Б.Пастернака, Е.В.Пастернак. М., 1990. С.52-53).

8

Написано на листе почтовой бумаги в линейку, карандашом, по новой орфографии.

¹ Сборник «Музыка».

² Цикл из пяти стихотворений, вошедший в «Музыку».

³ Вероятно, имеются в виду «Памфлеты» Марата для издательства «Прибой» (книга не вышла) и часть второго тома эпоса Пруста для издательства «Недра» (совместно с Б.А.Грифцовым и Л.Я.Гуревич; том вышел в 1927 г.).

⁴ *Грамматикова А.А.* — крымская знакомая семьи Герцых.

⁵ Эту плоскую безымянную гору вблизи судакского дома Герцыхов описала А.К.Герцых, см. ее очерк «Полынь-гора» из серии «Мои блуждания»: Северные записки. 1915. № 10/11,12.

⁶ Приложен двойной лист почтовой бумаги с беловыми автографами стихотворений — см. их публикацию вслед за текстом письма. Все они вошли в сборник «Вполголоса».

⁷ По-видимому, Е.К.Герцых так откликнулась на стихотворение «Как дудочка крысолова...», посланное в предыдущем письме.

9

Написано на листе писчей бумаги, зелеными чернилами, по новой орфографии.

¹ Оба стихотворения, написанные на обороте листа, — недатированные беловые автографы; вошли в сборник «Вполголоса». Даты установлены по тетради Парнок (РГАЛИ. Ф.1276. Оп.1. Ед.хр.3).

² Вероятно, с днем ангела Парнок — 30-го сентября.

10

Написано на листе писчей бумаги, карандашом, по новой орфографии.

¹ На обороте листа — недатированный беловой автограф стихотворения. Дата установлена по тетради Парнок (РГАЛИ. Ф.1276. Оп.1. Ед.хр.3). В сборнике «Вполголоса» напечатано с посвящением Е.Я.Тарховской, сестре Парнок.

11

Написано на двойном листе почтовой бумаги в линейку, карандашом, по новой орфографии.

¹ В 1929 г. в переводе Парнок вышли «Правдивые повести» А.Барбюса (ГИЗ) и «Аббат Жюль» О.Мирбо («Безбожник»).

² В первой половине 1929 г. написаны два очень тягостных по мироощущению стихотворения Парнок: «Трудно, трудно, брат, трехмерной тенью...» (февраль), «От больших обид — душу знобит...» (11 апреля). Впервые опубликовано: Парнок С. Собрание стихотворений. С. 232-233.

³ Лицо неустановленное.

⁴ Жуковская *Валерия Дмитриевна*, см. примеч. 2 к письму 7.

⁵ Жуковская *Василиса* Александровна, дочь В.Д.Жуковской; о ней см. в письме 6.

⁶ Стихотворение Волошина «Аделанда Герцых» написано в феврале 1929 г.

⁷ Стихотворение Парнок «Памяти А.К.Герцых» в тетради датировано 21 ноября <1926 г.> (РГАЛИ).

Ф.1276. Оп.1. Ед.хр.3). Им завершается «Вполголоса». В собрании М.С.Лесмана сохранился беловой автограф этого стихотворения.

⁸ Спендиаров *Александр Афанасьевич* (1871-1928) — композитор, многолетний житель Судака. Осенью 1917-зимой 1918 гг. Парнок и Спендиарова связала совместная работа над оперой «Алмаст». Либретто Парнок написано в Крыму на основе армянской народной легенды в обработке О.Туманяна (см.: Парнок С. Собрание стихотворений. С. 261-285).

12

Написано на листке из блокнота, карандашом, по новой орфографии.

¹ Опера «Алмаст» была поставлена в июне 1930 г. на сцене Филиала Большого театра; героиню пела М.П.Максакова. Вскоре опера, как произведение «идеологически невыдержанное», была снята с репертуара. Подробнее об этой странице жизни Парнок см.: Коркина Е.Б. С.Парнок и А.Спендиаров: (К истории создания и первой постановки «Алмаст») // Литературные связи: Русско-армянские литературные связи. Исследования и материалы. Ереван, 1981. Т.3. С.233-241.

² В 1913-1915 гг. Парнок работала над оперным либретто без названия — восточной сказкой про Гюльнару и Нуреддина для композитора М.О.Штейнберга. В 1931 г. работа над этим сюжетом была возобновлена с композитором Ю.Л.Вейсберг; будущая опера должна была называться по имени главной героини — «Гюльнара». В РГАЛИ (Ф.1276. Оп.1. Ед.хр.10) хранится машинопись либретто под названием «Арабская сказка: (Из «Тысячи и одной ночи»)». Комическая опера в 4-х действиях и 6-ти картинах. Текст Софии Парнок и Юлии Вейсберг. Музыка Юлии Вейсберг.

³ Парнок не писала стихов с осени 1929 г.; в октябре 1931 г. были написаны четыре стихотворения: «В крови и в рифмах недостача...» (6 октября), «Бывает разве среди зимы гроза...» (посвящено М.П.Максаковой; 6 октября), «На исходе день невзрачный...» (22-23 октября), «В синеватой толще льда...» (26 октября). Какие именно из этих стихов были посланы Е.К.Герцых, неизвестно, так как их списков при письме не сохранилось.

III. ПИСЬМА Н.Е.ВЕДЕНЕЕВОЙ

¹ Долг, о котором идет речь, связан с совместной летней жизнью в Кашине С.Парнок, Н.Веденеевой и О.Цубербиллер, и под «мы» подразумевается О.Цубербиллер.

² Имеется в виду прислуга Н.Веденеевой.

³ Парнок говорит о своем стихотворении веденеевского цикла «Большая Медведица»;

Ведь ты не добрая, не злая,
Ведь ты, как сухой, суха, —
Зачем несу тебе, не знаю,
Я семизвездие стиха.

⁴ Цитата из пьесы Тютчева «Увы, что нашего незнания // И беспомощней и грустней?»

⁵ Происхождение этого прозвища мы не знаем.

⁶ Возможно, здесь намек на стихотворение из сборника Парнок «Вполголоса» «Медленно-медленно вечер...».

⁷ В Днепрпетровске жил брат Н.Веденеевой, строитель Днепрогэса.

⁸ Парнок в нескольких письмах говорит о своей львиной природе; семантика подобного отождествления остается неясной. (Парнок — «Лев» по знаку Зодиака. — *Ред.*)

⁹ Подразумевается, очевидно, какая-то знакомая Н.Веденеевой.

¹⁰ *Женя* — сын Н.Веденеевой.

¹¹ Судя по этой записочке, Парнок неожиданно изменила свои первоначальные планы и поехала в Днепрпетровск, чтобы увидеться с Н.Веденеевой. Этот поступок она сама расценивала как дикий, эксцентричный и потому процитировала свою пьесу из цикла «Ненужное добро», где поэты с их повышенной эмоциональностью сравниваются с дикарями и варварами:

Мы — дикари, мы — людоеды.
Смотри же, помни: *еду, еду...*
Эх, *«еду, еду — не свищу,*
А как наеду, не спущу!»

¹² На пути в Каринское машина, в которой ехали Парнок и О.Цубербиллер, увязла в глубокой грязи, откуда ее еле вытащили солдаты.

¹³ Н.Веденеева уезжала в отпуск на юг.

¹⁴ Это странное написание появляется еще раз. По-видимому, слово из домашнего лексикона Н.Веденеевой.

¹⁵ Цитата из стихотворения цикла «Ненужное добро»:

Моя любовь, мой демон шальной!

¹⁶ Парнок иронически обыгрывает пристрастие того времени к обычно нелепым сокращениям; нож-транс — ножной транспорт.

¹⁷ Звягинцева *Вера* Клавдиевна (1894-1972)— поэт и переводчик, близкая знакомая Парнок. После смерти Парнок ее либретто оперы А.Спендиарова «Алмаст» было издано в переработке В.Звягинцевой.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо печатается по автографу из архива Т.Н.Жуковской (Черноголовка, Московской обл.) с сохранением особенностей оригинала.

¹ О.Н.Цубербиллер и Н.Е.Веденеева.

² Речь идет о К.Е.Антаровой — певице (контральто), артистке Большого театра, авторе теософской книги «Две жизни».

³ Гагина З.М., см. о ней примеч. 1 к письму З.Е.Герцык.

Публикация Т.Н.Жуковской и Н.Г.Князевой (II), Е.Б.Коркиной (I, IV, Приложение),

С.В.Поляковой (III); подготовка текстов Е.Б.Коркиной (I, II, IV, Приложение);

предисловия Е.Б.Коркиной (I, II, IV), **С.В.Поляковой** (III); примечания Е.Б.Коркиной (I, II,

Приложение), **С.В.Поляковой** (III)

А.А.БАРКОВА ПИСЬМА К П.А. И М.Н. КУЗЬКО (1940-1947)

Ныне отпала необходимость представлять Анну Александровну Баркову (1901-1976). Многочисленные публикации ее стихов в периодике, сборниках, выход книг¹, наконец, появление монографии², посвященной ее жизни и творчеству, прочно ввели имя А.Барковой в число значительных русских поэтов XX века. Наступил период дальнейшего собирания ее наследия, толкования текстов, уточнения моментов биографии.

Работа первого биографа А.А.Барковой, профессора Ивановского университета Л.Н.Таганова, была осложнена явной нехваткой доступного ему собственноручного биографического материала. Поэтому некоторые этапы жизненного пути поэтессы описаны им с вынужденной мобилизацией интуиции и воображения, другие — только названы. Так, в книге лишь упоминается, что после первого «путешествия»³ (означавшего в терминах Барковой пребывание в местах заключения) поэтесса несколько месяцев прожила в Таганроге. Не было известно автору и о ростовской, если не странице, то строчке ее биографии. Между тем, в Отделе рукописей РГБ хранятся письма А.Барковой 1940-х гг., сообщающие подробности ее пребывания не только в Таганроге, Ростове Великом, Калуге, но и в местах заключения. Адресованы они московским друзьям поэтессы. Петр Авдеевич Кузько (1884-1969) — критик, поэт, мемуарист, в 1920-е гг. сослуживец А.Барковой, ученый секретарь ЛИТО Наркомпроса. Муза Николаевна Кузько (1891-1954) — стенографистка, машинистка, в 1941-1952 гг. — личный секретарь К.М.Симонова. Дом П.А.Кузько был местом, где бесприютная поэтесса всегда находила дружеское участие, тепло. В этом доме она провела и последние, семь месяцев своей бездомной жизни, после возвращения из третьего «путешествия»⁴.

Последнее из «калужских» писем поэтессы к П.А.Кузько, сохраненное адресатом, датировано 14 апреля 1942 г. Известно, что до осени 1942 г. А.Баркова была школьной уборщицей; потеряв работу, добывала хлеб гаданием на картах и по руке, два года работала бухгалтером в КОГИЗе, служила ночным сторожем в «Облсельхозстрое». Републикуемое ниже письмо лета 1947 г. было конфисковано органами госбезопасности и возвращено только весной 1991 г. в связи с 90-летием А.Барковой⁵. Через несколько месяцев после его написания, 27 ноября 1947 г. ее арестовали, а 16 февраля следующего года приговорили по ст. 58-10 УК РСФСР к 10-летию за-

ключению в ИТЛ с последующим 5-летним поражением в правах.

Письма печатаются по автографам, хранящимся: РГБ. Ф.144. К.10. Ед.хр.18. Лл.1-2об., 3-8об. (письма 1, 3); К.7. Ед.хр.49. Лл.21-30, 18-20, 14-16, 45, 42-43об., 32-33об., 38, 36, 39, 40-40об., 44 (письма 2, 4-13). Письмо 14 печатается по: «Подохнуть с голоду или сойти с ума» / Публ. Л.Таганова и З.Холодовой // Вольное слово: Независимая региональная газета. Иваново; Владимир, 1991. № 13 (19) (с уточнениями по ксерокопии с автографа, хранящегося в Музее писателей текстильного края Ивановского Государственного университета).

¹ [Стихотворения] / Вступ. ст., публ. и коммент. А.Агеева и П.Куприяновского // Дм.Семеновский и поэты его круга. Л., 1989. С.351-376 (Библиотека поэта. Большая серия); Стихи разных лет / Публ. М.Утевского // Лазурь: Альманах. М., 1989. №1. С.333-348; Стихотворения / Вступ. ст. и публ. И.Угримовой, Н.Звездочетовой // Доднесь тяготее: Записки вашей современницы. М., 1989. Вып.1. С.335-355; Баркова А. Возвращение / Сост. А.Агеева, Л.Садыги, Л.Таганова; Предисл. Л.Таганова. Иваново. 1990; Баркова А. Избранное. Из гулаговского архива / Сост. Л.Таганова, З.Холодовой; Предисл. Л.Таганова; Послесл. В.Панова. Иваново. 1992, и др.

² Таганов Л. «Прости мою ночную душу...». Иваново, 1993.

³ 25 декабря 1934 г. Анна Баркова была арестована, осуждена по ст. 58-10 за «контрреволюционную деятельность» и приговорена к заключению «в исправтрудлагерь сроком на шесть лет» (Баркова А. Избранное. С.274). Срок отбывала в Карлаге. После освобождения местом ссылки избрала Таганрог.

⁴ Сохранился экспромт А.Барковой, написанный в конце пребывания у Кузько, накануне получения собственного жилья:

П.А.Кузько

Спасибо Вам, литературный брат,

Спасибо за ванильный шоколад.

Хотя Вы думаете про себя:

— Когда же черт возьмет от нас тебя!

6/VIII-66 г.

(РГБ. Ф.144. К.7. Ед.хр.49. Л.57).

⁵ Сохранилось еще десять писем Барковой к Кузько за 1963-1966 гг., девять из которых готовятся нами к публикации.

Дорогая Муза Николаевна!

Отправила я Вам письмо 20/II, но по такому адресу, что, вероятно, Вы не получили его¹. А, может быть, оно через адресный стол и дошло к Вам, но Вы благоразумно молчите. Попробую еще раз. Сказано:

«Стучите, вам откроют».

Из Москвы мне выслали Ваш адрес, правда, без номера квартиры, но сие уже не столь существенно.

5 января я прибыла в Таганрог из «чистилища». И сейчас крайне раскаиваюсь, что выбрала этот город. Со всех точек зрения трудно, и неудобно, и нескладно.

У меня к Вам две просьбы: как бывшие друзья (не знаю, как теперь, конечно), не вышлете ли мне малую толику денег, заказной бандеролью несколько (хоть парочку) книг и бумаги для письма.

Я, конечно, работаю, но, знаете, я после «чистилища» — «голый человек на голой земле», ни черта не имею. А все «по нынешним временам» стоит основательных денег.

Вторая просьба такого порядка: узнайте, пожалуйста, в какой из близких к Москве городов можно безопасно перебраться

одному из славных русских лиц²,
что выселяют из столиц?

«Ближних городов», т<о> е<сть> километров за 100-120-150. Можно ли прописаться в таком городе и найти квартиру — вот главное, что мне нужно знать.

Ответьте возможно скорее, и возможно скорее (если это не затруднительно) выполните просьбу, хотя бы насчет книг³ и бумаги. Погибаю.

Обращаюсь к Вам вторично, ибо думаю, что промолчать на письмо старого приятеля не в Вашем характере все-таки. Вы человек благородный. Вероятно, первое мое письмо попало. По получении ответа, напишу подробнее о себе. Привет Петру Авдеевичу.

Всего лучшего.

Воскресшая из мертвых, прошедшая «огни и воды и медные трубы»

А. Баркова.

Дорогие друзья!

Очень рада была Вашему быстрому отклику на мое воскресение из мертвых. За денежное намерение благодарю несказанно, ибо вынуждена, по слову Гейне, «тащить черта за хвост».

Жить здесь чертовски трудно, поэтому-то и хочу перебраться ближе к Москве, где у меня есть друзья.

Здесь ничего нет. А за хлебом становятся в очередь чуть ли не за два дня. Я лично, если не достану хлеб в кухне Локусты¹, т<о> е<сть> в столовой, то попросту кладу зубы на полку. Так приходится существовать всем одиночкам, да и семейным, если они не имеют неработающего домочадца, ночующего по очередям.

Кроме того и хуже того, Таганрог — воистину «чеховский город». Обывательщина рабочая, через обывательщину советских чинуш, переходит в обывательщину интеллигентскую. Все градации, и которая хуже — сказать трудно.

Хотелось мне потревожить малость это болото, направить — нечто вроде очерка в центр<альные> газеты, да бумаги нет. Да и напечатают ли? Сейчас, кажется, спрос на темы жизнерадостные и военные. А высмеять я могла бы ловко этот махровый городок. И нужно сказать, в этом цветении мещанства таится очень большая внутренняя опасность. Обыватель, мещанин, хулиган, «человек очередей» — лучшая почва для всяческих фашизмов.

Довольно о Таганроге и обывателях. Как всякий порядочный человек, поговорю о себе.

Пока Вы гуляли по Москве, пили пиво и вкушали «съедобу» (термины Ваши я помню), я «загибалась» (это уже лагерный термин) в степях и сопках Казахстана, ради прекрасных глаз теперь уже, к счастью, покойного, Генриха Григорьевича Ягоды². Как жаль, что его не расстреляли лет шесть тому назад.

П.А. Кузько. 1930-е гг.
Из архива Т.З.Лежсепековой

А.А.Баркова.
Из следственного дела 1934 г.

Но я загибалась, да не загнулась окончательно, а его такн заставили сыграть в ящик. «Всегда нужно надеяться на лучшее, — говаривал солдат Швейк. — Если тебя невинно осудят и казнят, то все же правда выяснится, и прах твой с кладбища преступников перенесут на кладбище порядочных людей. Никогда не теряйте надежды».

Написала я в своем мертвом доме прорву стихов, но, конечно, все уничтожила, а в памяти остались крупички, кои, если мне хватит бумаги, перешлю Вам. М<ожет> б<ыть>, Муза Ник<олаевна> перепечатает парочку-троечку и Вы переправите их в «Кр<асную> новью» или «Новый мир». Чем черт не шутит, м<ожет> б<ыть> и пройдут.

Университет я кончила замечательный. «Кто не был — будет, а кто был — не забудет». Внутренне я приобрела только один порок — порок сердца, но зато приумножила добродетели. Вторая стадия тbc — мелочь, о которой говорить не приходится. Да, в сущности, за такой вуз эта расплата не столь уж высока.

Там был Сережников ³, артистка Мал<ого> театра Щербиновская, одна из жен Пильняка ⁴, затем появились в специальном отделении жены Любимовых ⁵, Ягод ⁶, родственники Тухачевских ⁷, имена же их, ты, Господи, веши. А отделение именовалось «Алжир», т<о> е<сть> Акмолинский лагерь жен изменников родины. У нас в районе заведовала столовой племянница В.Ф.Комиссаржевской, дочь какого-то Николая Комиссаржевского, известного брата великой артистки ⁸. Как видите, публика там была довольно культурная. Немудрено, что мне сейчас не нравится Таганрог.

Ну, конечно, изобиловали и так называемые «курки». Но, представьте, с большинством из них у меня были великолепные отношения, и порой они интересовали меня куда больше, чем несколько белокожая интеллигентская часть заключенных. В общем, я не жалею, что пять лет жарилась и морозилась в монгольских степях. Как часто я вспоминала пророческие строки из моей первой книги:

...Взлечу же хоть раз и кану
В монгольских глубоких степях.
...Посею последнюю силу
В сожженной монгольской степи ⁹.

Так оно почти и вышло. Сил-то, конечно, еще очень много, несмотря на болезнь, да и внешне я почти не изменилась. Но последствия — лишение Москвы и больших городов — вот что тревожит меня. Кроме того, я хочу писать и не имею к этому возможности, нужно «робить», как говорят Ваши соплеменники, Петр Авдеевич ¹⁰, и робить нудную и скучную работу. Кстати, я могу сейчас «робить» нормировщиком, экономистом-плановиком и даже наблюдателем метеорологической станции. Где поблизоности требуется такая работа, немедленно сообщайте мне. В крайнем случае, могу полоть, рыхлить, варить повидло и

пасти овец. Коров доить, стряпать так и не научилась и не занималась этим, и шить не умею. Хотя некоторое время заведовала пошивочной мастерской, кою именовали «паршивочной» мастерской. Стираю тоже неважно, хотя первые две-три недели по приезду в лагерь работала в прачечной.

Что? Съели? Чтобы пройти этукую уйму профессий, нужно быть или гениальным человеком или арестантом. Я представляла редкое и счастливое сочетание того и другого.

Настоятельно прошу прислать мне пару книг, ибо здесь биб<лиоте>ка жалкая, хотя и носит имя бедного А.П.Чехова. Книгохранилище, говорят, хорошее, но не все имеют время и возможность заседать в библиотечном кабинете для чтения.

В лагере я очень полкубила Фейхтвангера. Уж очень он моему и настроению, и умонастроению соответствовал. Читали ли Вы его трилогию об Иосифе Флавии? Поистине гениальная и — что очень редко — необычайно умная книга. К сожалению, я прочла только 2-ю часть — «Сыновья». Первая называется «Иудейская война», а названия третьей ¹¹ не помню.

А пока вот вам несколько стихотворений. Назовем их историческим циклом. Исторических героев тут нет, но есть дух эпохи (и той и этой).

ИНКВИЗИТОР ¹²

Я помню, согбенный позором,
Снегов альпийских белей,
Склонился под огненным взором,
Под взором моим Галилей.

И взгляд я отвел в раздумье,
И руки сжал на кресте.
— Ты прав, несчастный безумец,
Но гибель в твоей правоте.

Ты сейчас отречешься от мысли,
Отречься будешь и впредь,
Кто движенье миров исчислит,
Будет в вечном огне гореть.

Что дадите вы жалкой черни?
Мы даем ей хоть что-нибудь.
Все опасней, страшней, неверней
Будет избранный вами путь.

Вы и сами начнете к богу
В неизбывной тоске прибегать.

Разум требует слишком много,
Но немного может дать.

Затоскуете вы о чуде,
Прометеев огонь кляня,
И осудят вас новые судьи
Беспощадней в стократ меня.

Ты отрекся? Не выдержал боя?
Выходи из судилища вон.
Мы не раз столкнемся с тобою
В повтореньях и в смуте времен.

Я огнем, крестом и любовью
Усмиряю умов полет.
Стоит двинуть мне хмурой бровью
И тебя растерзает народ.

Солнца свет сменяется мглою,
Ложь и истина — все игра.
И пребудет в веках скалою
Только церковь Святого Петра.

ВИЗАНТИЙСКИЙ ДИПЛОМАТ ¹³

В духоте порочной Византии
Я живу. И здесь меня убьют.
Хитрые церковные витии
В небесах готовят мне приют.

Я прослыл коварным дипломатом,
Я всю жизнь играю в мир и в меч.
Слушают, как дети, азиаты
Важную замедленную речь.

Расстелю ее ковром цветистым
Перед взором хитрых дикарей,
Подкуплю сияньем аметистов
Полководцев вражьих и царей.

Пусть народы сломленные стонут
Под моей жестокою пятой,
Пусть цари в истомной неге тонут
В мире, пораженном слепотой.

С помощью монархов и евнухов
Гинекей выискивает миг,

Чтоб меня безжалостно и глухо
Задуть в сетях своих интриг.

Я отверг искания царицы,
И она лелеет в сердце месть.
Не смягчают яростной тигрицы
Ни дары, ни вкрадчивая лесть.

И она твердит, что я коварен,
В вере слаб и сердцем нечестив,
Что по-женски я неблагодарен
И по-женски грешен и красив.

Может быть, она ревнивым взором
Угадала страстный мой каприз.
Да. Люблю я юношу-танцора,
Пламенного, словно Дионис.

Мне мила угасшая Эллада,
Мне постыл монашеский разврат.
Я любил бы там Алкивиада,
Был бы не придворный, а Сократ.

РЕНЕГАТ ¹⁴

Я шел к вам глубокой ночью
В дворцовый роскошный сад.
Кинжал был остро отточен,
А в перстне был спрятан яд.

Но тайные сердца глубины
Опасней всего, увы.
Напрасно ждут гибеллины
Венчанной вашей главы.

Вот долг гражданский нарушен
И мне бежать привелось.
Я вам оставляю душу
За прядь белокурых волос.

В Милане, в священном Риме,
Изгой, потерявший честь,
Шепчу я одно лишь имя,
И жду я одну лишь весть.

А вы и друзьям, и слугам
Изменили однажды, смеясь.
И сделался вашим супругом
Враждебной партии князь.

И я возвращаюсь обратно,
Ликуя, в свой город родной.
Но приговор непонятный
Как меч, занесен надо мной.

Вот медленно к месту казни
Иду я, злой ренегат,
И вижу, красавца дразнит
В толпе ваш царственный взгляд.

Смотрели вы, замирая,
И с диким восторгом крича,
Когда голова золотая
Скатилась к ногам палача.

В ВЕК САВОНАРОЛЫ ¹⁵

Я когда-то, в век Савонаролы,
Статуи сжигала на кострах,
Низвергала грешных пап с престола
Возбуждая ненависть и страх.

А потом в убогой, темной келье
С дьяволом боролась по ночам.
Бичевалась целые недели,
Кровь лилась по чреслам и плечам.

Библии суровые страницы
Не могли тоски моей заклясть.
Под моей жестокой власяницей
Бушевала пагубная страсть.

С тех картин, что предала я казни,
В темноте вставали предо мной
В странном торжествующем соблазне
Афродита, Вакх и Антиной.

А наутро, бедной темной рясой
Прикрывая стройный гордый стан,

Грубую веревку подпоясав,
Стиснув обожженные уста,
Шла я в храм молиться до экстаза,
До истомы сердца неземной.
Но сомненья истязали разум,
И смеялся дьявол надо мной.

Вместо лика Светоносной девы
Возникал в глазах Венерин лик,
И слова языческих напевов
Повторял бесстыдный мой язык.

Торжествуют демоны повсюду,
Не настал еще последний срок.
Папский суд, продажный, как Иуда,
Наконец на казнь меня обрек.

Я в тот миг познала облегченье,
Искупила внутренний позор.
В том же темном нищем облаченьи
Я в[з]юшла спокойно на костер.

ПИЛАТ ¹⁶

Я — наместник Рима в Иудее,
Выхожу из пышного дворца.
Нищие, пророки, саддукеи,
Фарисеи сбились у крыльца.

Требуют помиловать Варавву
И казнить какого-то Христа.
Этим людям ненавистно право,
Милы распри, брань и суета.

Не рассудит даже римский кодекс
Кто здесь прав и кто здесь виноват.
Вымой, вымой руки при народе,
Мудрый и насмешливый Пилат.

Вымой руки. Над судьбою Рима
Наступает бесноватый век,

Наступает царство одержимых,
Нищих духом, женщин и калек.

Сумрачный и двойственный Тиберий
К римлянам враждебен, нелюдим.
Может быть, на множество империй
Распадется скоро гордый Рим.

Рассужденья эти неуместны,
Я толпе не выдам этих дум.
Усмирю небрежным легким жестом
Своевольной черни дерзкий шум.

Пусть казнят еврейского пророка,
Пусть Варавва будет невредим.
Не пройдешь положенного срока,
Умирает все, умрет и Рим.

ТИБЕРИЙ ¹⁷

В прошедшие века закрыты двери,
 Мы все живем, в грядущее спеша.
 Но почему влечет меня, Тиберий,
 Твоя непостижимая душа?
 Не ужасаясь мраку беззаконий,
 Читать я научилась между строк.
 Проклял Тацит и заклеил Светоний
 Того, кем правил беспощадный рок.
 Ты был в любви не римлянин, а рыцарь,
 Но отняли навек твою любовь.
 Ты стал людей угрюмо сторониться,
 Все жаждали твою увидеть кровь.
 Надменный Август дал тебе наследье,
 В душе тебя с бессилием кляня.
 И ожидали злобные соседи
 Империи погибельного дня.
 — Отчества отец! — воскликнул гнусный,
 И льстивый, и предательский Сенат.
 Но ты сказал с насмешливостью грустной,
 Предчувствием трагическим объят:
 — Сенаторы! Я римскому народу
 Хочу слугою быть, и так навек.

Но кто познал коварную природу?
 Меняется нежданно человек.
 И титул ваш мне не прибавит славы,
 А вас века презреньем заклеят.
 Прошли века, и для тебя забавой
 Чужая стала жизнь, и меч, и яд.
 Ты отомстил за казни, за измены
 И ближним, и друзьям своим стократ,
 Ты знал всеобщей ненависти цену
 И без охраны приходил в Сенат.
 Любовь погибла. Ужасам разврата
 Ты предался с неистовством немым.
 Тогда тебя отверженным, проклятым
 Именован стал потихоньку Рим.
 Душили умиравшего подушкой
 Сенаторы, поверженные в прах:
 Те самые, что жалкою игрушкой
 Когда-то были в царственных руках.
 Меня постигли грозные потери,
 Я знаю цену и добру, и злу,
 Я с тайною тревогою, Тиберий,
 Порой в твою заглядываю мглу.

А последнее (оно было написано раньше предыдущих, еще в 1936 г.) носит характер личный и лирический:

Нет, это не во сне тяжелом снится ¹⁸.
 Казнись, душа, за склонность к мятежу.
 Так просто все. Была на колеснице,
 Ну а теперь под колесом лежу.
 Надолго смолкни, разум непреклонный,
 И ничего не требуй, и не жди.
 На жизнь гляди не с жадностью влюбленной,
 С холодным отречением гляди.
 Не имеющее сердце, ты не сетуй
 На то, что нет любовного тепла,

Что от далеких милых нет ответа,
 Что жизнь сама навеки отошла.
 Так почему, последнее влеченье,
 Одно из всех не исчезаешь ты,
 Лишь ты не поддаешься излеченью,
 Болезнь поэтов, жажда красоты.
 Все, чем жила, отбросила, забыла,
 Теперь я зиму спутаю с весной.
 И лишь одно низвергнуть я не в силах —
 Власть музыки, царящей надо мной.

Ну пока довольно. До следующего раза. Будьте здоровы. Жду письма, книг и сребреников. Заранее благодарю.

Ваша А.Б.

Ирина Иловайская ¹⁹ была там же, где была я. Анне Ив<ановне> я писала, получила ответ. Ирина чудит в такой же степени, как раньше, но с другим оттенком чужачества.

Дорогая Муза Николаевна и любезная половина Ваша, Петр Авдеевич!
 Получили ли Вы мое письмо-ответ на Вашу открытку?
 Не имею от Вас известий и недоумеваю. Если можете, ответьте, а также пришлите малую толику бумажек, принимаемых в обмен на товары.
 Дело в том, что с 1 мая моя временная работа закончилась и сейчас я должна в кратчайший срок решить: куда ехать? Остаться здесь, в силу сотни важных соображений, мне не хочется. Здесь очень трудно найти более или менее подходящую работу, еще труднее обзавестись необходимыми вещами. Если бы я подъехала ближе к Москве, мне могли бы многое привезти оттуда.

Отсутствие знакомств меня очень смущает. В каждом городе с вокзала куда-то нужно идти. А куда? Кроме Москвы, у меня нигде никого нет. И еще один капитальный вопрос весьма беспокоит, и этот вопрос без знакомых я выяснить не могу. А именно: пропишут ли в данном городе N-ске бывшую заключенную? А вдруг — от ворот поворот. Ехать на ура, конечно, можно и даже занятно, но требуется одна вещь: деньги. Не пропишут — двинулся в другое место, где пропишут.

Родной север меня влечет. Азия и степь мне по[д]надоели здорово. Здесь, правда, не Азия, но та же степь. А я, хоть тресни, хочу увидеть березку и липу. Не мазанки, а наши степенные деревянные или щеголеватые кирпичные дома, услышать наш кацапский говор.

В смысле материальном, я полагаю, хуже не будет, всюду приблизительно одно и то же. Я Вам, кажется, не рассказывала одну и комическую, и печальную историю. Раза два заходила я в редакцию местной газеты, написала в стихах кое-что фельетонно-юмористическое на местные темы. Очень понравилось:

— Черт возьми, какой вы остроумный и способный человек!

А печатать, между прочим, боятся: не подвести бы, мол, газету. Автор — бывшая лагерница.

Думала я написать об этом (т<о> е<сть> не только об этом, но и о многом еще) в Верховный Совет или Калинин¹ лично, и сейчас сомневаюсь: может быть, начать все эти хлопоты уже на новом месте.

Этак, если не печататься, а просиживать стулья в канцеляриях, лучше пусть сейчас, к чертовой матери, расстреляют. Почтенный Генрих Григ<орьевич> Ягода (как жаль, что лет за пять до моего ареста его не ликвидировали) приучил меня к совершенно хладнокровному взгляду на расстрел². Я сейчас хочу писать и не имею этой вполне законной возможности. Даже в лагере я не бросала этого занятия (в предыдущем письме я Вам прислала образцы моего лагерного творчества), а сейчас пребываю в состоянии одурения, присущем чеховским обывателям.

И читать нечего. И даже в библиотеку записаться не могу, ибо живу на некоем Северном поселке, обитателей к<оторо>го в городскую биб<лиоте>ку имени Чехова не принимают. Как вам это нравится? Бедный Чехов! Те нелепицы, которые он столь печально осмеивал, продолжают через 80 лет после его рождения. И где? В советском Таганроге. Тема, достойная «Крокодила».

На самом Сев<ерном> поселке есть только детская биб<лиоте>ка. И, между прочим, Сев<ерный> поселок находится в черте города, не думайте, что это отдаленная деревня.

Для меня, читавшей запоем, читавшей кое-что даже в лагере, остаться без книг. Удаться можно. Уж не говоря о том, что я все-таки литератор, я — человек, и мне, черт возьми, нужно чтение не меньше, чем хлеб. Ради всех святых и всех дьяволов, пришлите мне хоть книжонку из Вашей биб<лиоте>ки и поскорее.

Когда-нибудь расплачусь с вами. Уж ежели я уцелела в течение пяти лет Мертвого дома, то неужели сейчас подохну. Хотя все возможно. В Мертвом доме жизнь была острее, страшнее, поражала самыми неожиданными едкими и злыми парадоксами; а я ведь любительница острого, злого и парадоксального.

Жду от Вас скорого ответа. Уж не думаете ли Вы отделаться открыткой? Черта с два. Значит, Вы плохо знаете нашего брата, бывшего арестанта. Может быть, Вы случайно заболели или обременены работой? Первому еще могу поверить, о втором не заикайтесь. Эх, поработать бы Вам годочек в лагере. Я, напр<имер>, тьму профессий изучила: на полевых работах была около года, пошивочной заведовала (да! да!), нормировщиком была, повидло варила, статистиком работала, экономистом-плановиком — тоже, и не шутейно: составляла планы работ и заявки на раб<очую> силу со всеми онерами для лагерного пункта с бесконечным разнообразием «трудовых процессов» (тут и скотоводство, и полеводство, и рем<онтные> мастерские, и хлебопекарни, и сапожные, и ветерин<арный> лазарет, и амбулатория с б<ольни>цей для заключенных и т.д. и т.п.). Наконец, два с половиной месяца я занималась метеорологией в качестве наблюдателя на метеорологической станции.

Впрочем, я, кажется, уже форсила избытком профессий перед Вами. Вопрос в том, как это избытие использовать. На метеорологической станции я стала бы с удовольствием работать, ну и плановиком-экономистом неплохо бы, остальное — малопривлекательно.

Работая в первых двух областях, я смогла бы писать. А это для меня самое важное.

Как там поживают редакции? Напишите, если знаете. Я все-таки намериваюсь толкнуться в московские редакционные двери. Пару очерков, например, о Таганроге можно было бы и очень интересно, и забавно написать, но, увы, повторяю, не особенно жизневадно. Кроме того, жду подробного сообщения о Ваших личных делах. Как роман Петра

Авдеевича ³ «отменно длинный, длинный, длинный»? Итак, жду скорейшего ответа. Не будьте невежами. Помните, что я человек «претерпевший много», а посему нервный.

Всего лучшего.

Ваша А.Б.

4

Дорогой супружеский дуэт!

Послала Вам два письма после Вашей открытки. В ответ — шиш. На всякий случай пишу *третье*. Надеюсь, что его Вы получите. Повторяю свои первые просьбы и присовокупляю еще одну.

В данном конверте вы обнаружите стихи ¹. Я посылала Вам их и раньше, но, может быть, письмо затерялось. Стихи эти кое в чем изменены. Муза Ник<олаевна>, примите мою мольбу: перепечатайте их на машинке. Петр Авдеевич! А Вы, если это не слишком затруднит Вашу лень, отнесите их в «Новый мир» или «Красную новь» (м<ожет> б<ыть>, у Вас где-нибудь и знакомый член редколлегии имеется?): Пересылать по почте — пустая трата времени, да и перепечатать мне их негде. Лучше передать через своего человека. Возьмут хоть пару-тройку, и то шмак.

Мне нужны деньги, а не слова. Так что в случае, если клонет, намекните насчет гонора-ра. Надеюсь, Вы не растеряли совсем Ваши литературные знакомства. Можете Эказать, что поэт — классический, т<о> е<сть> безденежный и живущий, если не в мансарде, то в лачуге с земляным полом, принципиально не обедающий и вынужденно не пьющий чая. Можете перетряхнуть обветшавшее прошлое и напомнить о моих первых выступлениях на страницах тех же органов печати ².

Стихи, честное слово бывшего арестанта, неплохие. Только не напечатывайте — *историче-ские* фантазии, запомните: *исторические*.

Живу по-прежнему, т<о> е<сть> плохо, работа моя закончилась, хочу выехать — денег нет, ну и т.д.

Напишите скорее. Пишите о себе. О Москве. Пришлите, ради бога, какую-нибудь книж-ку, читать нечего. Неужели оба мои предыдущие письма пропали? Досадно. Надеюсь на Ваше «неизменно благожелательное отношение» и на скорейший ответ. Если бы Вы зна-ли, как мне хочется «с южной стороны на милый север» ³. Хотя бы в Можайск, или Алек-сандров какой-нибудь, или в Рыбинск, на худой конец. Итак, жду.

Всего лучшего.

Ваша А.Б.

20/V-40 г.

5

14/VI-1940

Дорогие супруги!

Кремль здесь хорош, церкви старинные — тоже. Остальное плоховато. В частности, весьма плохо с хлебом (впрочем, если служить, дают на работе), с табаком, с керосином, с топливом и т.д.

Познакомилась я здесь с Абрамом Эфросом, переводчиком и искусствоведем ¹. Как он из Москвы попал сюда, надеюсь, понятно без слов. Он печатается, этим и живет ², и гово-рит, что печататься можно.

Петр Авдеевич, преодолите лень, нажмите на педали, т<о> е<сть> суньте мои стихи ку-да-нибудь: Казину ³, «Красной нови», кому угодно. Деньги нужны, деньги и деньги.

Иначе я вынуждена буду броситься в здешнее озеро, именуемое Неро, нечто римское звучит в этом.

Квартиру найти столь же трудно, как в Таганроге. Но городишко мне нравится, хотя он раз в шесть меньше Таганрога, а может быть и раз в десять.

В Москву отсюда выезжать почти невозможно, билетов не дают. Надо полагать, что это — временная мера, но все-таки очень досадно.

Если бы иметь деньги, я тут поехала бы кое-куда и, может быть, нашла бы что-нибудь подходящее и ближе к Москве, но без денег ездить я еще не умею. Итак, Петр Авдеевич, проявите гениальность и устройте бедных детей моей фантазии. У Вас, как у лентяя, должна быть легкая рука. Как дела с Анатолием Виноградовым? ⁴ И ответьте поскорее. Не тяните, как всегда тянете.

Всего лучшего. Жму ваши десницы.

А.Б.

Ростов, Ярославской обл. Почта. До востребования.

Можете печатать мои стихи под каким угодно именем, хоть под своим. Эфрос печатается под своим именем и получает изрядные денежки. Но я за имя не стою. Итак, надеюсь на Вас и жду ответа. Привет сестре Вашей ⁵ и дочке ⁶.

6

Дорогой Петр Авдеевич!

Дела мои — дрянь. Еще не прописалась и возможно, что сего события не произойдет. «Божеская воля» решила меня доконать.

Если есть что-ниб<удь> для меня важное, шлите до 4 октября по адресу: Калуга, ул. Красная Гора, 35. Филатову Гавриилу Михайловичу.

Если останусь здесь, в дальнейшем сообщу адрес. Привет Вашим и Музе Ник<олаевне>. Всего лучшего.

А.Б.

29/II-40 г. ¹

7

Многоуважаемый Петр Авдеевич!

Вы не изволили ответить на мою открытку, ну и черт с Вами. Прописалась в каком-то «притончике», на второй же вечер едва не угодила в свидетельницы, хозяйка слегка поцарапалась с одной из своих жилищ. Холод, грязь, в комнате, кроме меня, три души, да в кухне две.

Денег, конечно, нет, насчет работы — «большие ожидания».

Позвоните, пожалуйста, Казину по поводу моих стихов, уделите пять минут Вашего драгоценного, обремененного творческим трудом времени. И если что-нибудь для меня пришло по Вашему адресу, вышлите: Калуга, Тульской обл., почтамт, до востребования.

Если удостоите ответом, буду весьма признательна и глубоко тронута. Полагаю, что Ваш высокий собеседник не обидится, если Вы на полчаса оставите его для разговора со мной, не столь высокой, но в своем роде не менее гениальной и ядовитой.

Как здоровье Музы Ник<олаевны>? О Вас не спрашиваю, небось, прикидываетесь, «дуете по восьмерке», как у нас там говорили и, мило гримасничая, сидите на диете.

Конечно, я это говорю из зависти, смело и гордо признаюсь.

...А ныне завистник я.
Глубоко, мучительно завидую.
О, небеса! Где ж правота,
Когда священный дар и т.д. ¹

Завидую не Вашему бессмертному гению, ясно (у меня у самой «гений» не менее бессмертный), а завидую сливочному маслу, сыркам и курам, к<ото>рые Вы пожираете с видом впавшего в ханжество Гаргантюа в миниатюрном издании.

Здесь скучно, сыро, скаредно, людей нет до жути. Зато передоношницы сколько угодно.

В общем, очень жаль, что не удалось мне пристроиться где-ниб<удь> за сотню кило<метров> от Москвы. Если бы нашлось где место, сейчас же бы выписалась и выехала отсюда, но...

Жду скорейшего ответа. Музе Ник<олаевне>, Анне Авдеевне и Тане ² — приветы самые пламенные, на какие только способна моя безнадежно угасшая душа.

Ваша А.Б.

9/IX-1940 г.

8

1/IX-1940 г.

Петр Авдеевич!

Пишу Вам третий раз. Что за притча, неужели у Вас десяти минут на письмишко не найдется?

Просила я Вас позвонить Казину. Ну и мертвецы же современные «властители дум», черт их возьми. Да разве раньше писатели дали бы погибнуть своему собрату таким глупым образом, каков бы этот собрат ни был.

Работы нет и нет. И черт ее знает, когда найдешь ее при том условии, что работать можно не всюду.

Туберкулез мой поднимает свою зловредную главу, а экзема положительно превратила меня в противоестественную смесь Иова с Маратом.

«Голодовки» держу часто и героически, дня по два, по три.

Как живете Вы и Ваши? Потихонечку, полегонечку, смиренхонько, милехонько, уютненько, скромненько, как боженька велит, небось.

Я сердита на Вас за молчание. Уж если я жива, то Вы, конечно, не подошли.

Привет Музе Ник<олаевне>, Анне Авдеевне и Тане.

Приятель Ваш ездит и обкладывает столы, стулья и диван покупками? !

Я мерзну в комнате, мерзну на улице, ибо зимнего ничего нет. В Москве мне сшили пальто, привезти некому.

Пишите, будьте настолько любезны и милостивы.

А.Б.

Калуга, Тульская обл., почтамт, до востребования.

Ул. Ворошилова, дом 18, кв. 6.

9

27/VI-41 г.

Дорогой Петр Авдеевич!

Крепко засела в Малоярославце (с 25 числа) ! Трачу деньги, и оных скоро у меня не будет. Завтра, может быть, удастся выехать автобусом. Хорошо если бы в Калугу (Почтамт, до востребования) Вы выслали мне десятку, ибо Вы представляете мое положение на милой провинц<нальной> станции.

Привет Музе Ник<олаевне> и всем Вашим!

Б.

10

Петр Авдеевич!

Очень прошу Вас выслать мне десятку. Хоть я и должна Вам, но вынуждена вымозжить ее у Вас: нет буквально ни одной копейки и письмо посылаю доплатное.

Привет Вашим. Калуга, Тульской обл., Почтамт, до востребования.

Ваша А.Б.

3/VII-41 г.

11

Петр Авдеевич!

Ни письма, ни денег. Живы ли Вы?

Уже месяц прошел после моего приезда, и ни от кого нет писем. Беспokoюсь чертовски.

Если у Вас все более или менее в порядке, ответьте как можно скорее. И пришлите десятку. Сижу без гроша. И уже все спустила, что можно было спустить.

Вашим привет.

А.Б.

Калуга, Тульской обл., Почтамт, до востребования.

25/VII-41 г.

12

Петр Авдеевич!

По-прежнему ни от кого ничего.

Если Вы живы и здоровы, напишите поскорее и вышлите хотя бы 10 руб. Дела мои хуже, чем раньше.

Пожалуйста, позвоните по тел.: Арбат 6-53-96 и спросите Елиз<авету> Александр<овну> Вержбицкую. Она тоже молчит, не знаю, что с ней.

Пишите же. Вашим привет.

20/VIII-1941 г.

Анна Баркова.

Калуга, Почтамт, до востребования или ул. Ворошилова, д. 18, кв. 6.

13

Дорогой Петр Авдеевич!

Без конца писала Вам в первые месяцы войны, ответа не было. Затем к нам пожаловали немцы. Где Вы и как живете? Жду скорейшего ответа.

Если подобьете кого-нибудь (хотя бы Пастернака) ¹ прислать мне сотняшку, буду очень-очень благодарна, ибо раздета, разута и голодна, как собака, да и больна: разыгрался тbc, каждый вечер почти температура скачет до 39 и 40.

Напишите о себе. Здорова ли Муза Ник-олаевна? Вообще, напишите обо всем и как можно скорее.

Я пережила немцев, бомбежки (снаряд упал почти в мою квартиру, на лестницу рядом с моей комнатой), голод переживаю и сейчас, ну, да, словом, всего было много.

Всем Вашим привет.

А.Б.

Калуга, Тульской обл., Ленинский пер. д. 14, кв. Валосевич, мне.

19 14/IV 42 г.

14

2/VI-1947 г.

Ну, дорогой Петр Авдеевич, кажется, я все-таки соберусь в Москву. Готовьте вино и слей, вино в особенности. Денег, правда, нет. Вид, правда, ужасающий.

6/VI

А когда соберусь, — черт знает. Надо, надо отсюда вообще удирать. А куда и как?

Если бы ближе к Москве, если бы найти какой-ниб<удь> угол где-ниб<удь> в Малоярославце или в Александрове (Сев<ерной> ж.д.).

Все только «если бы»...

А здесь две перспективы: подохнуть с голоду или сойти с ума... от катастрофического безплодия. Жаль, что Вы не сможете ознакомиться хотя бы с одним экземпляром из среды местной интеллигенции. Что чеховщина, что щедринщина! Все бледнеет. Разве сологубовский Передонов устоит и не померкнет. И Передонов этот принял прелюбопытнейшую модернизированную форму, солидаризируясь, так сказать, со стилем эпохи.

...Сейчас читаю третий том Истории дипломатии (Версальский мир и все отсюда последствия) ¹. Что ж? История повторяется. Воистину «общество и государство держится на людской глупости и убожестве. А в этих опорах никогда не будет недостатка» (Ан. Франс). Прочла «Ивана Грозного» покойного А.Н.Толстого ². Сугубая реабилитация с весьма сугубой задней мыслью. Покойник (не Ив. Грозный, а Толстой) был не дурак и, несмотря на свою барственную толщину — простите за дурной каламбур, — политик очень тонкий.

Рекомендованные Вами статьи и книги, к сожалению, не могу достать. В здешней б<иблите>ке журналов не добьешься.

А библиотечарши? Они записывают в ваш листок: «Заговор Катилины» ³, очевидно, удивляясь, почему напечатано столь ошибочно, почему не «Катерины».

А в горестных чертах их лиц преобладает выражение полнейшего отвращения и к книгам, и к читателям. И правильно: умножающий познания умножает скорбь.

До завтра. Завтра отправлю Вам залежавшееся у меня письмо, а это — на днях. Пойду к моим бревнам, потом малость почитаю Историю дипломатии. Ночь. Третий час. Я тоже хочу писать, но только не утопию, а действительность ⁴. Но у меня отбиты руки. Э, да что говорить! Не трать, Фома, здоровья, — ступай ко дну.

9/VI

Вчера пролила слезу, прочтя в публицистических ведомостях, что мой хороший знакомый, артист Царев М.И., получил 2-ю Сталинскую премию ⁵.

А мы с Вами что?

Вы-то еще туда-сюда, академический мышинный жеребчик. Но я, я? Je suis un опустившийся человек.

11/VI

А проливши слезу по поводу чужой премии, я пришла к выводу, что у этого бывшего доброго знакомого следует попросить денег.

Да ведь большому кораблю большое и плаванье. Все эти избранные обладают и по<т>ребностями избранными. Ну как, напр<имер>, не пропить несколько сотен, а то и тысяч. Подыхающего с голоду человека эти несколько сотен буквально спасли бы. Но «соль земли» следует правилу Уайльда: необходимо только излишнее.

Не шутя, Петр Авдеевич, скоро подохну. Омерзительное непрерывное чувство сердечной слабости, одышка, поистине сумасшедший кашель, особенно к утру. Все это усугубляется непрерывным же язвительным голодом. Хоть бы в Москву успеть съездить или вообще перебраться на новое место и там протянуть ноги. В Калуге даже околевать противно. Едва ли, впрочем, я добьюсь комфортабельной кончины.

11/VI

А уж характер ангельским становится. Тяжело злишься и тывкаешь, как шавка, в очередях, — лаешь на работе, рычишь и шипишь в обстановке ежедневного мирного жития. Если я Вас чем-ниб<удь> в своих письмах задела, — извините. Надеюсь, Вам без слов понятно, что особенной тихоструйностью в моих условиях отличаться нельзя. В атмосфере густой матерщины, суеты, злости, нищеты и свинохамства читаю Расина. Пикантное сочетание, вроде торта с хреном.

13/VI

А сегодня читала в 3-4 № № «Октября» за 1946 г. начало романа, очевидно, писательницы из новых, Антонины Коптяевой «Товарищ Анна»⁶. Добыча золота на Алдане, две «завлекательные» героини: директор Управления рудника Анна и врач Валентина. Скука, густо замешанная. Инженер, ухаживающий за врачом Валентиной, кормит шоколадом собаку врача. В наше время это звучит или неправдоподобно, или — мерзко.

Вы снова замолчали, хитрый хохол. А я чертовски хочу в Москву. Сегодня сыночек тридцати четырех лет крыл матом 67-летнюю мамашу, щедро обещая убить, проломить голову стулом и т.д.

Волей необходимости я вынуждена все это выслушивать. Квартиру не найдешь.

И этот беспросветный мат, невероятное послевоенное огрубление, феноменальное взыточничество и воровство (а указ последний разве не характерен?) — повсюду. А лит<ерату>ра занимается в силу всяческих причин лакировкой действительности. Да и вообще все это закупоривается, общественной борьбы, борьбы в печати с этими страшными явлениями нет. А явления эти чреватые большой опасностью.

Вам-то ни черта, конечно, не видно. Мистические картинки, романы, конкурсы, лит<ературные> вечера. А в провинции... Впрочем, об этом как-ниб<удь> потом, после.

Нет, серьезно, вином Вы меня угостите при встрече? Или, дьявол возьми, хоть черным хлебом с солью?

Поговорить с Вами очень хочу. У Вас тьма недостатков (как и у меня), но все-таки Вы свой человек, хоть и живете в облаках. А я в сортире. Иного названия местным обстановкам не придумаешь.

Получили ли Вы мои два письма?⁸ Одно полуругательное и с вложением Бор<ису> Л<еонидовичу>⁹, другое пухлое, как перина.

Привет Вашей супруге (рогов она Вам еще не наставила?), Музе Ник<олаевне>, Асе¹⁰, «мистическому Шепеляге»¹¹ и всем, всем, всем.

Может быть, скоро увидимся.

Ваша А.Б.

Пишите.

КОММЕНТАРИИ

1

¹ Письмо не разыскано.

² Из поэмы Лермонтова «Тамбовская казначейша» (XIV).

³ В списке книг А.Барковой, хранившихся в трудные для владелицы годы у П.А.Кузько, — тома из собраний сочинений А.Ренье, А.Стриндберга, А.Шницлера, отдельные издания произведений Платона, Ф.Ницше, А.Жида, Ж.Ромена (РГБ. Ф.144. К.7. Ед.Хр.49. Л.11).

2

¹ *Локуста* — изготовительница ядов, которыми были отравлены римский император Клавдий, его сын Британик и др.

² *Года Генрих Григорьевич* (1891-1938) в 1934-1936 гг. — нарком внутренних дел СССР.

³ *Сережников* Василий Константинович (1885-1952) — чтец-декламатор, педагог, режиссер, руководитель Курсов дикции и декламации (1913-1914), Института декламации (1920-1922), Театра чтеца. Отбывал заключение в Карлаге.

⁴ *Щербиновская* Ольга Сергеевна (1891-1975) — актриса Малого театра, вторая жена Б.Пильянка. Арестована 26 апреля 1938 г. По постановлению ОСО при НКВД СССР от 21 июня 1938 г. «как социально опасный элемент» заключена в исправительно-трудовой лагерь на 5 лет. Отбывала заключение в Карлаге. Определением Военного Трибунала Белорусского военного округа от 29 апреля 1957 г. реабилитирована, вернулась в Москву и по ходатайству А.А.Яблочкиной была устроена в Московский дом ветеранов сцены.

Возможно, что вторая фраза относится не к ней, а к К.Г.Андроникашвили (1909-1960) — актрисе и режиссеру кино, третьей жене Б.Пильянка. Она была арестована...

стована 6 декабря 1937 г. и приговорена к восьми годам заключения, отбывала срок в женском лагере под Акмолинском, освобождена весной 1941 г. по ходатайству перед Сталиным киноактрисы Н.Вачнадзе (сообщено Б.Б.Андрионикашвили).

⁵ *Любимова* (Опарина) Юлия Петровна (1887-1950) — жена наркома легкой промышленности И.Е.Любимова (1882-1937).

⁶ *Жена Г.Г.Ягоды* Ида Леонидовна Авербах (1905-1938) 9 июня 1937 г. приговорена к ссылке в Оренбург, 26 июня 1937 г. — к пяти годам лишения свободы, 5 июля 1937 г. заключена в Темниковский лагерь в Мордовии, 16 июля 1938 г. Военной коллегией Верховного суда СССР приговорена к расстрелу в особом порядке. Приговор приведен в исполнение в тот же день в г. Москве.

⁷ В «Алжире» находились: *Тухачевская* Елизавета Николаевна (р. 1901), сестра маршала, и его невестки *Тухачевская* (Виноградова) Зинаида Федоровна (1900-1976) и *Тухачевская* (Томашевич) Мария Викентьевна (1904-1988). Арестованы летом 1937 г. В начале 1938 г. помещены в «Алжир» (в 1939 г. Е.Н. и З.Ф. Тухачевские переведены в Карлаг). Освобождены в 1945 г. В 1948 г. вторично арестованы и сосланы: Е.Н. и З.Ф. Тухачевские на Колыму, М.В.Тухачевская — в Красноярский край. Освобождены в конце 1955 г.

⁸ *Комиссаржевский* Николай Федорович (1884-1938?) — юрист по образованию, заведующий культурно-просветительским отделом Дома писателей. Арестован 2 октября 1937 г. Приговорен к 10-ти годам без права переписки. *Комиссаржевская* Евгения Николаевна (1904-1976) — приемная дочь Н.Ф.Комиссаржевского. Арестована 18 июня 1938 г. и приговорена Особым совещанием к пяти годам заключения. Отбывала заключение в Карлаге, освобождена в 1945 г. После освобождения жила в Караганде.

⁹ Стихи из цикла «Русская азиатка» (1921), см.: Баркова А. Женщина. Пб., 1922. С.79.

¹⁰ П.А.Кузько родился в Москве в украинской семье.

¹¹ Первая часть «Иудейская война» вышла в 1932 г. (рус. пер. 1937), вторая — в 1935 г. (рус. пер. 1937), третья часть — «Иосиф и император» издана в 1945 г. в Стокгольме на немецком языке под названием «Настанет день».

¹² Напечатано с разночтениями в кн.: Баркова А. Возвращение. С.115-116.

¹³ Напечатано с разночтениями: Там же. С.38-39.

¹⁴ Публикации этого стихотворения нам не известны.

¹⁵ Напечатано с разночтениями в кн.: Баркова А. Избранное. С.37-38.

¹⁶ Впервые — Рабочий край, Иваново. 1993. 26 июня.

¹⁷ Напечатано с разночтениями в кн.: Баркова А. Избранное. С.36-37.

¹⁸ Публикации не известны.

¹⁹ Иловайская-Альберти Ирина — дочь Анны Ивановны Иловайской, стенографистки А.В.Луначарского, переводчицы (в 1924 г. в ее переводе и с предисловием А.В.Луначарского вышел роман Ж.Ромена «Господин Труадек в лапах разврата»).

3

¹ Михаил Иванович *Каминин* (1875-1946) в то время — Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

² В письме на имя Г.Г.Ягоды от 2 марта 1935 г. после вынесения приговора А.Баркова просила заменить заключение «высшей мерой наказания» (Баркова А. Избранное. С.273).

³ По сообщению Т.З.Лежепековой, в 1922 г. П.А.Кузько начал работу над социально-философским утопическим романом-поэмой

«Планета “Золотой век” и ее жители златовековцы». Многие годы Кузько тщательно разрабатывал план-схему произведения. Написана была одна глава — «Сон» (1922-1924; хранится в личном собрании Т.З.Лежепековой).

4

¹ Стихи отсутствуют.

² В указанных журналах в 1920-е гг. публиковались произведения Барковой: «Женщина» (Красная новь. 1921. № 3), «Пляс» (Там же. 1921. № 4), «Табачная плантация» (Новый мир. 1926. Кн.V), «Под какой приютиться мне крышей...» (Там же. 1926. Кн.XI).

³ Перефразировка строки из стихотворения М.Ю.Лермонтова «Тучи».

5

¹ *Эфрос* Абрам Маркович (1888-1954) — искусствовед, критик, переводчик. В 1937 г. был арестован и выслан из Москвы на три года, жил в г. Ростове Ярославском до 1940 г., см.: Абрам Маркович Эфрос: Биографическая справка // Эфрос А.М. Мастера разных эпох: Избранные историко-художественные и критические статьи / Сост. М.В.Толмачев. М., 1979. С.307.

² Во время ростовской ссылки А.Эфрос, согласно «Биографической справке», «продолжал писательскую работу», готовил «капитальные работы» для «Литературного наследства» и словаря «Гранат», переводил Микеланджело, Петrarку и др. Однако, большая часть из написанного им в ту пору была опубликована позднее, см.: А.М.Эфрос: Список научных, критических и литературных работ // Там же. С.319-320.

³ *Казин* Василий Васильевич (1898-1991) — поэт, в то время заведовал отделом поэзии ГИХЛ.

⁴ *Виноградов* Анатолий Корнелиевич (1888-1946) — писатель. А.А.Баркова интересуется ходом тяжбы между ним и М.Н.Кузько, возникшей из-за нежелания писателя оплатить труд по стенографированию и переводу на машинку его работы «Хроника трех поколений» объемом 32 авт. листа, принятой к производству издательством «Индустрия социализма». Нарсуд 6-го участка Красногвардейского района г. Москвы решением от 10 февраля 1940 г. определил: «Взыскать с Виноградова Анатолия Корнеевича в пользу Кузько Музы Николаевны 2000 руб. и судпошлины в доход местных средств 40 руб.» (РГБ. Ф.144. К.10. Ед.хр.28. Л.4).

⁵ Кузько Анна Авдеевна (1898-1978) жила в семье П.А.Кузько.

⁶ Лежепекова Татьяна Захаровна (р. 1918) — воспитанница, с 1946 г. — жена П.А.Кузько.

6

¹ Почтовой штемпель на карточке: 30.9.40. Калуга — 1.10.40. Москва.

7

¹ Неточная цитата из «маленькой трагедии» Пушкина «Моцарт и Сальери».

² См. примеч. 6 к письму 5.

8

¹ Возможно, речь идет о главе семьи, П.А.Кузько.

9

¹ В первые дни войны А.Баркова, видимо, побывала нелегально в запретной для нее Москве. На обратном пути в Калугу она застряла в Малоярославце.

13

¹ В 1940 и 1947 гг. Б.Л.Пастернак по просьбе А.Барковой помогал ей деньгами, см. письма

Б.Пастернака к А.Барковой 1940 г. (РГБ, Ф.144. К.9. Ед.хр.2) и письмо А.Барковой к Б.Пастернаку от 14 мая 1947 г. (опубликовано в статье: Перверзев О. «Борис Леонидович, дьявольски трудно жить...» // Рабочий край. 1993. 16 июля).

14

¹ Имеется в виду издание: История дипломатии. В 3 т. / Под ред. В.П.Потемкина. М., 1941-1945. Т.3: Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны. (1919-1939). М., 1945.

² Драма А.Толстого выходила тремя изданиями в 1943-1945 гг.

³ Очевидно, имеется в виду издание: Заговор Катилины: [Сб.]. М.; Л., 1934. В сборник вошли сочинения «О заговоре Катилины» Гая Саллюстия Криспа и «Речи против Катилины» Марка Тулия Цицерона.

⁴ См. примеч. 3 к письму 3.

⁵ Михаил Иванович Царев (1903-1987) получил Сталинскую премию второй степени за участие в спектакле Малого Академического театра «За тех, кто в море» (по пьесе Б.А.Лавренева); сообщение об этом было опубликовано, в частности, в газете «Известия» (1947. 7 июня).

⁶ Полностью роман Антонины Дмитриевны Котляевой (1909-1991) напечатан в «Октябре» № 3-6 за 1946 г.; в том же году вышел отдельным изданием в Челябинске. Роман вызвал негативную критику, см.: Дайрсджиев Б. Лживый роман о советской семье // Комсомольская правда. 1946. 23 августа; Яковлев Б. Вредная проповедь // Красная звезда. 1946. 24 августа; Юнович Н. Низкопробная литература // Литературная газета. 1946. 3 сентября. В 1947 г. в Москве вышло значительно переработанное издание.

⁷ Очевидно, речь идет об Указах Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» и «Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества» (опубликованы: Известия. 1947. 5 июня).

⁸ Эти письма не найдены.

⁹ См. примеч. 1 к письму 13.

¹⁰ См. примеч. 5 к письму 5.

¹¹ Речь идет о Дмитрие Ивановиче Шепелевко (1897-1972) — поэте и художнике, работавшем в мистической манере, друге семьи Кузько.

Публикация, подготовка текста, предисловие и комментарии О.К.Перверзева

Р.Д.ТИМЕНЧИК

АННА АХМАТОВА.
ТРИНАДЦАТЬ СТРОЧЕК
ИЗ КОММЕНТАРИЕВ

1. «ПОЧЕРНЕЛ, ИСКРИВИЛСЯ
БРЕВЕНЧАТЫЙ МОСТ...»

*Почернел, искривился бревенчатый мост,
И стоят лопухи в человеческий рост,
И крапивы дремучей поют леса,
Что по ним не пройдет, не блеснет коса.
Вечерами над озером слышен вздох,
И по стенам расплзся корявый мох.*

Источник этого начального стиха в лирической пьесе, опубликованной в 1918 г., — любимое Ахматовой стихотворение Эмиля Верхарна (названное ею в «Воспоминаниях об Ал.Блоке»): «...которого я нежно любила не за его прославленный урбанизм, а за одно маленькое стихотворение “На деревянном мостике у края света”». Это стихотворение Ахматова процитировала в дарственной надписи Михаилу Лозинскому, сделанной в июле 1913 г. на обороте фотографии, изображающей Ахматову на деревянном мостике — «et rien là bas qu'un pont de bois». В черновом наброске цитированных воспоминаний Ахматова оговаривала: «Я никогда не видела эти стихи напечатанными, но всегда запомнила их наизусть с чьего-то голоса»¹. Стихотворение 1912 г. помещено в книге Верхарна «Les Bles mouvants»:

Les deux enfants de Roi

Il était deux enfants de roi
Que séparaient les eaux profondes;
Et rien là-bas, qu'un pont de bois,
La-bás, très loin, au bout du monde.

Ils s'aimèrent. — Sait-on pourquoi?
Parce que l'eau coulait profonde,
Et qu'il était, le pont de bois,
Si loin, là-bas, au bout du monde².

Стихотворение Ахматовой, открывающееся цитатным мостиком, и далее сохраняет энергию уловления «чужого слова». Крапива, недоступная для косы³, отсылает к гоголевскому «Вию», а герой («словно леший дик, а нежней сестры»)

описан почти цитатой из рассказа Эдуарды Макк о Глане: «Он оброс бородой, он был точно зверь. <...> И одевался-то он в звериные шкуры. <...> Он был такой большой и добрый»³. Можно, пожалуй, сказать, что чем сильнее установка тематической поверхности ахматовского текста на «вещность», «простой мир», «дикую природу» и т.п., тем сильнее проявляются «книжные» источники вдохновения. Ахматизм бесспорно принял окружающий мир, который в очередной раз в истории культуры оказался большой книгой. И Ахматова понимала это с самого начала своего пути — как в недавно впервые обнаруженном очень раннем стихотворении:

Герб небес изогнутый и древний,
Что на нем, почти не разобрать⁴.

И в манерной гримаске — «Знаешь, я читала, что бессмертны души»⁵ уже содержался в потенции весь ее будущий бескомпромиссный интертекстуальный пафос.

2. «...В ПЕСТРОЙ СЕТКЕ ГАМАКА»

*Пруд лениво серебрится,
Жизнь по-новому легка...
Кто сегодня мне приснится
В пестрой сетке гамака?*

В январе 1910 г. Ахматова завершает свое славословие полуденной неге — стихотворение «Жарко веет ветер душный...»,остоянное на «новой вещности»⁶, — отсылкой к философическому этюду, в котором тот же гамак был раскачан до высоты символа — к стихотворению Зинаиды Гиппиус «Между» (1905):

А я качаюсь в воздушной сетке,
Земле и небу равно далек <...>
Внизу мне горько, вверху — обидно...
И вот я в сетке — ни там, ни тут <...>
Одно мне странно: качаясь в сетке,
Как встречу теплый, земной рассвет? <...>
Ужель до солнца останусь в сетке?
Я знаю, солнце — меня сожжет⁷.

Гамак Ахматовой освобожден от холодного трагизма гиппиусовского междумирика, но легкий, вероятно даже легчайший⁸ ореол романтизма вокруг удобного предмета дачной робинзонады сохранился. Ставшее задним числом программным для постсимволистского поколения стихотворение «Жарко веет...» наглядно иллюстрирует наблюдение В.Ходасевича: «Зачинатели так называемого акмеизма манифестировали свой выход из символизма как войну против “превращения мира в химеру”. Они хотели вернуть вещам их первоначальный, простейший смысл. Последовательный акмеизм, конечно, стал бы натурализмом, если бы, отколовшись, не захватил с собою “символический прием”»⁹. Напомним, что по выходе «Вечера» В.Ходасевич писал: «“Пруд лениво серебрится, жизнь по-новому легка; кто сегодня мне приснится в легкой сетке гамака?” Это едва ли не лучшие строки Анны Ахматовой. Во всяком случае — наиболее для нее выразительные»¹⁰.

3. «ВЕСЕННИМ СОЛНЦЕМ ЭТО УТРО ПЬЯНО...»

*Весенним солнцем это утро пьяно,
И на террасе запах роз слышней,
А небо ярче синего фаянса.
Тетрадь в обложке мягкого сафьяна;
Читаю в ней элегии и стансы,
Написанные бабушке моей.*

Начальный стих первого стихотворения из цикла «Обман», написанный в ноябре 1910 г., возник, по-видимому, в пику зачину незадолго до того сочиненной гумилевской поэмы «Открытие Америки»:

Свежим ветром снова сердце пьяно,
Тайный голос шепчет: «Все покинй!»
Перед дверью над кустом бурьяна
Небосклон безоблачен и синь,
В каждой луже запах океана,
В каждом камне всянье пустынь.

Неделю спустя Ахматова пишет стихотворение «Он любил три вещи на свете...», где «женское», «домашнее», «семейное» выдвинуто в укор тому, кто любит «стертые карты Америки». Переиначенный с конквистадорского лада на «оседлый», «усадебный»¹¹ — этот опрокинутый зачин открывает единоборство двух поэтических систем, аналогом которому на уровне интерсубъективном были те отношения, о которых Ахматова вспоминала в 1962 г.: «Но ведь и я отстаивала себя. Мне тоже надо было остаться самой собой, а не стать ученицей, мироносицей и т.д. На стихах это очень мало отразилось»¹². Одним из многих отражений в стихах и был конфликт двух «опьянений».

4. «...И ВЕЗУТ КИРПИЧИ ЗА ОГРАДОЙ»

*На кустах зацветает крыжовник,
И везут кирпичи за оградой.
Кто ты: брат мой или любовник,
Я не помню, и помнить не надо.*

В стихотворении 1911 г. «Как соломинкой пьешь мою душу...» героиня (по пути на кладбище?) зорко-рассеянно замечает повозку за оградой. Повозка эта прямо прибыла из гамсуновского «Пана», из рассказа героини после первой ночи любви: «К садовой ограде подъезжает тележка»¹³. Мельком обозначенный Ахматовой фрагмент вещного мира развернулся у одной из ее продолжательниц:

И сказал, смеясь, покинутый вчера мне:
«Вам совсем не пишут — позабыть пора».
В узкие ворота провозили камни,
И кричали долго с лестниц мастера¹⁴.

5. «ПРОТЕРТЫЙ КОВРИК ПОД ИКОНОЙ...»

*Протертый коврик под иконой,
В прохладной комнате темно,
И густо плющ темно-зеленый
Завил широкое окно.*

В стихотворении 1912 г. литературные единомышленники ценили противопоставленную мистике символистов бытовую религиозность в традиционных формах в обстановке ежедневного существования¹⁵. Первый стих, суггестивно вводящий темы скромного убранства комнаты и набожности тайной грешницы, хранит память о недавней литературной полемике. В рассказе Сергея Городецкого из жизни староверов «Светлая быль» в девичьей почивальне бьют поклоны перед иконами: «И то на коврике уж посредине все розы вытерты, и деревянные четки, как морские камешки, обгладились о девичьи пальцы»¹⁶. На это осведомленный Михаил Кузмин заметил: «...таких староверов, чтобы молились на коленях — нет»¹⁷.

6. «И ТЫ ПАЛКОЙ ЧЕРТИШЬ ПАЛАТЫ...»

*Или съдем на снег примятый
На кладбище, легко вздохнем,
И ты палкой чертишь палаты,
Где мы будем всегда вдвоем.*

Стихотворение 1917 г. «Мы не умеем прощаться...» в финале использует жест, прославленный Элеонорой Дузе в ее роли в ибсеновской «Женщине с моря», где она чертила зонтиком по песку¹⁸. Рецензируя «Белую стаю», Александр Слонимский написал эту строфу, чтобы показать, как у Ахматовой «чувственно восприятие людей. Прежде всего — жест»¹⁹. Представляется, однако, что поэтическая кинетика Ахматовой учитывала опыт достаточно неожиданного предшественника — поэта, попытавшегося в начале века создать образчик

«женской лирики» и при этом впрямь предвосхитившего некоторые признаки ахматовской манеры. Речь идет о Леониде Семенове²⁰:

Был купол храма в небе светел,
Был день заветный среда;
Меня дьячок у храма встретил
И поклонился, как всегда.

Дала пятак я старой нищей,
Остановилась у скамьи.
Все было тихо на кладбище,
В пыли купались воробьи.

Я не забыла уговора
И прождала на месте срок,
Сидела долго у забора,
Чертила зонтиком песок.

И так же храм был в небе светел,
Я шла назад, была одна.
Никто из встречных не заметил,
Какая стала тишина²¹.

7. «ПОКИНУВ РОЩИ РОДИНЫ СВЯЩЕННОЙ...»

*Покинув рощи родины священной
И дом, где Муза Плача изывала,
Я, тихая, веселая, жила
На низком острове, который, словно плот,
Остановился в пышной невосковой дельте.*

Первый стих эпического отрывка иногда интерпретируется как высокопарный перифраз приезда из Слепнева в Петербург²². Но у Ахматовой здесь не клише, а «сборная цитата», суммирующая три стиха из Пушкина:

В сенистых рощах и садах...
(«Воспоминания в Царском Селе», 1814)
Сады прекрасные, под сумрак ваш священный...
(«Воспоминания в Царском Селе», 1829)

Отечество нам Царское Село...
(«19 октября»)

В реальном плане речь идет именно об отсутствии Ахматовой в ее царскосельском доме, когда она весной 1914 г. часто задерживалась в съемной комнате Гумилева в Тучковом переулке. Показательны ассоциации, которые вызывал этот эпический отрывок у первых читателей, — «светлая страница, словно написанная рукой современной Татьяны» (Саха Черный)²³, «Невольно вспоминаешь “Онегина”» (Н.Волькенау)²⁴, «пушкинским духом веет» (Вл. Вальтер)²⁵.

8. «И КРИКНУЛ: “ЧТО СДЕЛАЛ С ТОБОЮ ЛЮБИМЫЙ...”»

*...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: «Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!»*

Умолчания текста раскрывает не только подтекст, то есть нечто, сказанное ранее, но и пост-текст, то есть читательская рецепция

шифрованного места, особенно если читатель — поэт. Выписанную строчку из ахматовского «Отрывка» («...И кто-то, во мраке дерев незримый...») повторял Маяковский в 1916 г. — повторял сразу же после попытки самоубийства²⁶.

В списке своих стихотворений, составленном Ахматовой для Н.Л. Дилакторской, «Отрывок» датирован 26 декабря 1911 г. Возможно, датировка отсылает к дню самоубийства Михаила Александровича Линдеберга (17.07.1891-22.12.1911).

В свое время, отправляясь от пометы Ахматовой «Миша Линдеберг. 24 (так! — Р.Т.) декабря 1911» на одном из листов с набросками либретто по «Поэме без героя» и от фиксации той же даты рядом с наброском о первом толчке к «Поэме», сближающим самоубийство Князева с «другой катастрофой», я перепечатал заметку из владикавказской газеты 1911 г., рассказывающую о самоубийстве вольноопределяющегося Линдеберга²⁷. После этой публикации меня разыскал племянник Михаила Александровича и рассказал то не многое, что было ему известно.

М.А. Линдеберг бывал в Дубровке — по соседству со Слепневым. Его отец, Александр Карлович Линдеберг (1860-1931), директор 2-го кадетского корпуса, был в свойстве с Неведомскими, владельцами другого соседнего имения, Подобина. Мать — А.Л. Королькова (1861-1907), тетья В.А. Корольковой-Неведомской, оставившей воспоминания о летних встречах с Ахматовой в этих краях²⁸. По словам Александра Сергеевича Линдеберга (сам он родился в 1914 г.), семейное предание гласило, что дядя Миша покончил с собой оттого, что полюбил замужнюю женщину, дальнюю родственницу, которая была старше его. Похоронен он, опять же по словам А.С. Линдеберга, на Смоленском кладбище недалеко от могилы Блока.

9. «ОСТАВЬ СВОЙ КРАЙ ГЛУХОЙ И ГРЕШНЫЙ...»

*Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.»*

Стихотворение «Когда в тоске самоубийства...», опубликованное 12 апреля 1918 г., конечно, связано с настроениями уехавшего в Англию Бориса Анрепа. Но, возможно, был еще один дополнительный толчок к созданию этого стихотворения. Еще при жизни Ахматовой появилось пё-

чатное свидетельство англо-американского литератора Джона Курноса — письмо в редакцию по поводу сообщений об аресте А.Д.Синявского. В этом письме рассказывалось:

Перед самым своим отъездом из Петрограда в марте 1918 года, в разговоре с Федором Сологубом (четыре книги которого мне довелось представить английской и американской аудитории, из них первую уже в 1915 году) я предложил ему найти убежище в Англии. Он поиграл с этой идеей, но, очевидно, принял отрицательное решение. Его жена Чеботаревская, с которой он вместе написал рассказ «Старый дом», впоследствии покончила самоубийством.

Приблизительно в то же время у меня была беседа с Анной Ахматовой. Когда я предположил, что она может укрыться в Англии, ответ ее был недвусмысленным. Она сказала, что ее поэзия укоренена в русской почве, которая дает ей силу, и что она не может представить себя пишущей где-либо помимо ее родной России. Она передала мне послание, чтобы я вручил его ее мужу Николаю Гумилеву, тоже известному поэту. Я явился в его номер в том же лондонском отеле, в котором мне довелось проживать. Его не было в этот момент, и я передал послание его другу, с которым он отправлялся в Россию именно в этот день. Месяц спустя я услышал, что он был расстрелян по приезде²⁹.

В рассказе этом, помимо вопиющего анахронизма в последней фразе, есть некоторое противоречие с письмом Курноса к Ахматовой (приводим его с сохранением стиля подлинника):

Мурман, март 7, 1918

Милая Анна Андреевна —

Простите мне, что не мог прийти к вам, как я вам обещал. Но я не виноват в этом, так как мне дали всего девять часов уехать от Петрограда. Я даже оставил многих вещей, которых я хотел взять с собой. Во всяком случае я жалею самого себя в том, что я вас не мог видеть перед моим отъездом. Я тоже очень сожалел, что при таких обстоятельствах не мог взять с собою письмо, которое вы хотели дать мне. Я напишу вашему мужу, когда я приеду в Лондон, и надеюсь написать вам, если это будет возможно. Желал вам, что вы сами желаете себе. Надеюсь, что опять увижу вас, и при более благополучных обстоятельствах. Пожалуйста, не забудьте меня.

John Cournos

Мой адрес в Лондоне:

c/o Forcing Office, Whitehall, S.W., London

или:

44 Mecklenburg Square, London, W.S.I.³⁰

Представляется, что, при всей хронофактографической путанице, рассказ о разговоре с Ахматовой на темы бегства все же соответствует реальности. И этот разговор является одним из «подтекстов» стихотворения.

10. «ЗАЧЕМ НЕ СТАЛА Я ЗВЕЗДОЙ ЛЮБОВНОЙ...»

*Но в путаных словах вопрос зажжен,
Зачем не стала я звездой любовной,
И стыдной болью был преобразен
Над нами лик жестокий и бескровный.*

Диалогические взаимоотношения стихотворения «Косноязычно славивший меня...» с адресованными Ахматовой стихами Владимира Шилейко уже не раз рассматривались³¹. Но у Ахматовой вообще стихотворения часто создаются на скрещении двух импульсов-источников, на заведомом раздвоении адресата. И в этом случае тоже двойится «косноязычник», в чьих «путаных словах глухой вопрос зажжен»³². Кроме словословий Шилейки источником мог быть и написанный осенью 1913 г. безудержный мадригал Пяста (предшествовавший восторженной характеристике поэзии Ахматовой в его лекции в Тенишевском училище 7 декабря 1913 г.³³):

Здравствуй, желанная дочь
Славы, богини-властительницы!
В каждом кивке твоём — ночь
Жаждет луны-победительницы, —
Славы любимая дочь!

Ночь. И сама ты — звезда,
Блеском луну затмевающая...
Вот ты зажглась навсегда!
Вот ты, на тверди мерцающая,
Огромная звезда!³⁴

Экспериментальная гетероморфная «дактиле-ямбическая» строфа с гипердактилическими рифмами³⁵ могла вызвать впечатление «косноязычия», или «неловкой речи», как говорит о себе герой Пяста в другом его стихотворении³⁶. Но «путаные слова» здесь не просто признак индивидуальной психофизиологии. Они спроецированы на литературную позицию и репутацию Пяста, зафиксированную в послании к нему Сергея Городецкого:

Уж Символы отходят в бредни,
И воздух песен снова чист,
Но ты упорствуешь, последний,
Закоренелый символист³⁷.

Символы («звезды») Пяста и Шилейко цитируются не только из обычного для стихотворных посланий «долга учтивости»³⁸ — Ахматова создает стилистический портрет символистской культуры, завершающей круг своего исторического бытия, но имеющей право на существование в сокровищнице поэзии («все плачущие не равны ль пред Богом?»³⁹), подобно тому, как той же осенью она попрощалась со «стилизациями под XVIII век», исключив их из состава «Вечера» при перепечатке в «Четках» и создав на прощание стилиевой

портрет этой манеры в стихотворении «Бисерным почерком пишете, Lise...», адресованном стилизатору Георгию Иванову, триолет которого «Счастливым пример»⁴⁰ и процитировала в этом стихотворении («Голуби взлетели на карниз...»).

11. «...ЛИШЬ ТЫ ОДИН
НЕ УПРЕКНЕШЬ»

*Я в этот день люблю и праздную,
Приду, когда ты позовешь.
Меня, и грешную и праздную,
Лишь ты один не упрекнешь.*

Последняя строчка в сборнике «Вечер» (при воспроизведении его в «Четках») — риторическое самоуничижение и мольба о снисхождении, соединенная с древнейшим «топосом заключения» — наступлением ночи, заставляющим автора умолкнуть⁴¹ («Туманом легким парк наполнился, и вспыхнул на воротах газ...»). Но при этом стихотворение еще и является посвящением — В.К.Ивановой-Шварсалон, и этот оттенок дедикации отбрасывается на весь сборник, его финал становился чем-то вроде «Посылки» в заключении старофранцузской баллады.

В.М.Жирмунский давно обратил внимание на параллелизм в структуре разделов «Вечера» и «Четок», каждый из которых завершался посвящением⁴². Можно углубить эту аналогию. В обоих случаях сборники завершались тем, что ранее было реальным письмом, — заключающее «Четки» стихотворение «Я пришла к поэту в гости...» было послано в письме к Блоку («Посылаю Вам стихотворение, Вам написанное»⁴³), но и «Туманом легким...» было некогда открыткой, отправленной по пути из Петербурга через Киев в Париж (почтовый штампель Казатинского вокзала 21 мая 1911 г.):

Еду и пишу Вам.

Туманом легким парк наполнился
(далее следует текст стихотворения. — Р.Т.)

Сейчас сочинила.

Ахматова⁴⁴.

Стихотворение сращено с посвящением в самих обстоятельствах его создания. Адресат совпадает с персонажем, и поклонники его свидетельствовали, что его «прелесть неявно сквозит в этих стихах»⁴⁵. В заключение сборника, таким образом, помещены «стихи на случай», как бы из учтивости к дому Веры Шварсалон — «Башне», на которой, по свидетельству завсегдага, «вместе с Гете <...> Вяч. Иванов часто говорил, что лучшие стихи всегда “по пово-

ду”. Повод может быть внешний, т.е. встреча или пережитое...»⁴⁶. Стихотворение с открытки, венчающее поэтическую книгу, стало памятником недолгой дружеской привязанности Ахматовой, оборвавшейся с переменами в доме Ивановых. Болезненная память об этом обрыве, возможно, предопределила позднейшее недружелюбное отношение Ахматовой к памяти Вячеслава Иванова.

12. «Я ПРИЗРАК, ТЕНЬ, УКОРА...»

*Оставь нас с музыкой вдвоем,
Мы сговоримся скоро:
Она бездонный водоем —
Я призрак, тень укора.
Я не мешаю ей звенеть,
Она поможет — умереть.*
1963

Шестистрочное стихотворение Ахматовой по автографу из РГАЛИ впервые напечатано в «огоньковском» двухтомнике⁴⁷.

Однако в автографе⁴⁸ в четвертом стихе запятая отделяет последнее слово, однородный член предложения в составе номинативной триады, а вовсе не существительное в родительном падеже. Редакционная правка не учитывает цитатности последнего слова, отсылка щего читателя к Тютчеву. Друг Ахматовой Н.В.Недоброво в свое время именно по этому слову атрибутировал Тютчеву стихотворение «Твой милый взор, невинной страсти полный...»: «Слово “укора” (именительный падеж женского рода) исключительно редкое, но у Тютчева оно встречается еще в стихотворении “О, не тревожь меня укорой справедливой!”»⁴⁹. У Ахматовой эта форма встречается и в набросках к «Пятой розе»:

Пусть будет мне живой укорой
И сном сладчайшим наяву
Тебя Последней, Никоторой,
Но Лишней я не назову⁵⁰.

Самоориентация ахматовской поэтической системы на стиховой мир Тютчева — явление, давно уловленное читательским восприятием. Именно как точный читательский самоотчет хочется выписать наблюдение Н.К.Гудзия: «Можно догадываться, что некоторые типичные элементы тематики и, главным образом, синтаксиса Ахматовой определились стихотворением Тютчева “Не говори: меня он, как и прежде, любит...”, особенно последней его строфой:

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютотому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу»⁵¹.

13. «...И ОПЯТЬ ВЕСЬ ГОД НИ ГУГУ»

*Как и жить мне с этой обузой,
А еще называют Музой,
Говорят: «Ты с ней на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка оттрепет,
И опять весь год ни гугу.*

В шестистишии, написанном строфой «Поэмы без героя», дерзкое соединение коллоквиализма с мифологической эмблемой отсылает не столько к стихии прозаической повседневности, сколько к поэтической традиции. «Снижение» мифологеме имеет дословный прецедент в письмах Николая Языкова: «Моя Муза теперь в совершенном бездействии — ни гугу»⁵². Переписка пушкинских знакомцев — это отдаленное приближение к нему самому. От нее уже не так далеко до стиховых эпистол. Когда-то Д.П.Якубович сказал про «Да, я любила их, те сборища ночные...»: «шестистишие, и внутренне и внешне напоминающее послания и элегии пушкинской плеяды»⁵³. По-видимому, толчком к этой характеристике послужили прежде всего лексические, синтаксические и рифменные совпадения ахматовского шестистишия с двумя посланиями Баратынского, написанными александрийским стихом:

*Камина красного тяжелый, зимний жар,
Веселость едкую литературной шутки*

и

*Острот затейливых, насмешек едких дар,
Язвительных стихов какой-то злобный жар
(«Гнедичу, который советовал
сочинителю писать сатиры»)*

*Веселость ясная в стихах твоих видна
(«Богдановичу»)*

Но существенно и общее читательское ощущение ориентации этого стихотворения на эпоху, связанную с именем Пушкина. По-видимому, создание такого ощущения входило в авторское задание. Стихотворение это написано в Слепневе 5 января 1917 г. Об этом пребывании Ахматова писала в мемуарной заметке 1960-х гг.: «Один раз я была в Слепневе зимой. Это было великолепно. Все как-то вдвинулось в 19 век, чуть не в Пушкинское время. Сани, валенки, медвежьи полости, огромные полушубки, звенящая тишина, сугробы, алмазные снега. Там я встретила 1917 год. <...> мне казалось, что я попала в какую-то обетованную страну». Из этого позднейшего признания явствует, что окружавшую ее слепневскую обстановку Ахматова восприняла в этот приезд в преломлении зимней деревенской лирики Пушкина. Этот ассоциативный фон стал в те дни в сознании Ахматовой настолько активным, что неко-

торые моменты соответствующих пушкинских стихов проникли в стихотворение с «противоположной» городской тематикой. Это движение топки подтверждается и появлением ритмико-фразовых уподоблений (неполных) пушкинским стихам. Сравним:

На маленьком столе стаканы ледяные

и

На узкой лестнице замедленные встречи
(«Зима. Что делать нам в деревне?...»)

В стихотворение, описывающее богемное кабаре «Бродячая собака»⁵⁴ — типичный продукт и фрагмент урбанистической культуры, переносится мотив развития любовного чувства, данный у Пушкина в контексте описания деревенского времяпровождения. Естественно, что у Ахматовой описываемый процесс сжат, сведен до минимума деталей и оборван на начальном звене в соответствии с общими законами ее поэтики, неоднократно описанными:

*Веселость едкую литературной шутки
И друга первый взгляд, беспомощный и жуткий.*

У Пушкина в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...»:

*<...> Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечером,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи...*

Л.Я.Гинзбург показала, что лирическая система Ахматовой предполагает как бы фольклорные, «деревенские» дублеты к стихотворениям с «городскими коллизиями»⁵⁵. Но это дублирование может быть не разнесено по двум стихотворениям, а совмещено в пределах одного, и в некоторых случаях оно становится номинальной темой всего стихотворения, например: «Ведь где-то есть простая жизнь и свет...» (1915). В стихотворении «Да, я любила их...» едкая литературная шутка и первый беспомощный и жуткий взгляд в городской, «современной любви» со-противопоставляются «разговорам», «дружескому смеху», «ветреным речам», «косвенно-внимательным взорам», «взорам томным» в «деревенской», «старинной» любви. Мотив, сокрытый и закодированный трудно вычленимой цитатой в этом стихотворении, был обнажен в ироническом этюде, написанном полгода спустя, — «Течет река неспешно по долине»⁵⁶, где пространственно-временной «дублет» прямо обозначен («А мы живем, как при Екатерине») и где снова реминисцируются ситуации из пушкинского стихотворения («старушка»

— «бабушка», встреча на лестнице, тайный поцелуй).

Смысловой диапазон стихотворения расширяется. Помимо темы, выведенной на поверхность лирического рассказа, в него входит мотив сопоставления эпох. Последний был предметом литературных разговоров Ахматовой в тот период, когда написано стихотворение «Да, я любила их...», и

как таковой нашел отражение в стихотворении О.Э.Мандельштама «Я не искал в цветущие мгновенья...», обращенном к Ахматовой. Ахматова впоследствии комментировала эти стихи: ««<Зачем> Сияло солнце Александра, сто лет тому назад сияло всем», — конечно, тоже Пушкин. (Так он передает мои слова)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГАЛИ. Ф.13. Оп.1. Ед.хр.114. Л.29.

² Первое русское переложение Константина Диксона «Дети короля: (Из Эм. Верхарна)» (Солнце России. 1915. № 262 (7). С.5) не очень выразительно:

...и мост один для них
 Был очень далеко, в конце далеком света.

Новый перевод по нашей просьбе сделан Владимиром Портновым:

Королевские дети

Королевские дети ушли вдвоем,
 И над ними глубокие воды легли:
 Никого над пустым деревянным мостом —
 Далеко-далеко, на краю земли.

Но любовь их жива. — Как же так? Ты о чем?
 — Я о том, что ее эти воды спасли:
 В глубине, под пустым деревянным мостом,
 Далеко-далеко, на краю земли.

³ Гамсун К. Роза // Полное собрание сочинений. СПб., 1910. Т.5. С.210. Ср.: «...большинство стихотворений Ахматовой стилизовано под героиню во вкусе гамсуновской Эдуарды Макк из романа «Роза» и обращено к «милому» (Виноградов В. О символике А.Ахматовой // Литературная мысль. Пг., 1923. Кн. 1. С.135). Ср. сопоставление «любви в поэзии Анны Ахматовой» с «любовью Эдварды и Глана» (Огинская О. О поэзии Анны Ахматовой // Женское дело. 1914. № 10. С.13).

⁴ См.: Запечатленный голос Ахматовой / Публ. В.К.Лукиничкой; Предисл., подгот. текста и коммент. А.Маньковского // Наше наследие. 1989. № 3. С.67.

⁵ Ср.: «Она ничем не очарована, ни жизнью, ни любовью, ни природой. Про бессмертие души она только «читала» (Городецкой С. Женское рукоделие // Речь. 1912. 30 апреля). Из того, что Ахматова впоследствии прочитала про души, кое-что отразилось в ее стихах. Например, рассуждение Н.В.Недзоброво в статье «Анна Ахматова» — «Огромное страдание этой совсем не так легко уязвимой души объясняется размерами ее требований, тем, что она хочет радоваться ли, страдать ли только по великим поводам. Другие люди ходят в миру, ликуют, падают, ошибаются друг о друга, но все это происходит здесь, в середине мирового круга; а вот Ахматова принадлежит к тем, которые дошли как-то до его края — и что бы им вернуться и пойти обратно в мир?» (Русская мысль. 1915. № 7. С.63-64) — откликнулось в «Другой песенке» (1957): «Мы же, милый, только души у предела света», а затем в «Последнем стихотворении» (1959): «Ушло, и его протянулись следы к какому-то крайнему краю...»

⁶ Инвентарь этого стихотворения был весьма впечателен. Из многих примеров ср. хотя бы «Лето» Зи-

наиды Шишовой: «На лодке красный отпечаток / Упругой сетки гамака» (Шишова З. Пенаты. Одесса, 1919. С.21).

⁷ Гиппиус З.Н. Сочинения / Сост. К.М.Азадовский, А.В.Лавров. Л., 1991. С.127. Впервые — Весы. 1907. № 5. С.11-12. Вопрос о сближении и сопоставлении двух поэтов, естественно, возникнул в начале 1910-х гг. Ср., напр.: «Есть в Ахматовой что-то родственное с дарованием Гиппиус» (Кадмии Н. [Абрамович Н.Я.]. История русской поэзии. Т.2. М., 1915. С.310). Сама З.Гиппиус обнародовала свою трактовку различия устами А.И.Тинякова: «Три ступени. — Поэзия З.Гиппиус говорит о вечно-женственном, поэзия А.Ахматовой — о вечно-женском; поэзия Л.Столица — о вечно-бабьем...» (Тиняков А. На книжных полях: Заметки и афоризмы // Новый журнал для всех. 1915. № 10. С.59). Возможна отдаленная переключка ахматовского «Последнего стихотворения» (1959) — «А вот еще: тайное бродит вокруг — не звук и не цвет, не цвет и не звук, гранится, меняется, вьется, а в руки живым не дается» и финальное «А я без него... умираю» — с гиппиусовским «Они» (1904):

...Они — таинственные дети
 Еще несознанных миров.
 Не жизнь они — но жажда жизни,
 Не звуки — только дрожь струны <...>
 Я только слышу — вьются, вьются,
 Беззвонный трепет я ловлю.
 Играют, плачут и смеются,
 А я, безвластный, — их люблю.

⁸ «В легкой сетке...» было заменено на «В пестрой...» при перепечатке в «Четках».

⁹ Ходасевич В. Колембей треножник: Избранное / Сост. и подгот. текста В.Г.Перельмутера; Коммент. Е.М.Беня; Под общ. ред. Н.А.Богомолова. С.518.

¹⁰ Там же. С.483.

¹¹ Первый стих Ахматовой напоминает о ее раннем и утраченном ныне стихотворении «Весенний воздух властно смел» (упоминаемом в ее письме к С.Штейну от 13 марта 1907 г.), восходящем, конечно, к фетовскому «Вечерний воздух влажно-чист».

¹² РГАЛИ. Ф.13. Оп.1. Ед.хр.106. Л.250б.

¹³ Гамсун К. Полное собрание сочинений. СПб., 1910. Т.1. С.99.

¹⁴ Арсенева К. Стихи о жизни. Пг., 1916. С.15; перепечатано в кн.: Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993. С.94. Ключевое слово «за оградой» всплывает у К.Арсеневой в последней строфе. Ср.: «Сильное влияние Ахматовой и полное отсутствие умения не умаляют впечатления новизны и талантливости от стихов Кл. Арсеневой» (Еникальский В. [псевдоним?]. Неизвестные // Журнал журналов. 1916. № 30. С.9).

¹⁵ Зноско-Боровский Е.А. Творческий путь Анны Ахматовой // Воля России. Прага, 1923. № 10. С.70.

¹⁶ Городецкий С. Повести и рассказы. СПб., 1910. С.14.

¹⁷ Аполлон. 1910. № 8. С.56. О мотиве предательского запаха табака в волосах женщины, которым завершается это стихотворение, как о литературном «общем месте» см.: Тименчик Р.Д. Текст в тексте у акмеистов // Труды по знаковым системам. [Вып.] XIV. Тарту, 1981. С.71. Интертекстуальный и интермедиаальный порыв текста был почувствован в этом стихотворении читателями, выразившими свои впечатления на языке той эпохи: «Ведь это простейшая картина, на каждом шагу, в каждом доме ее можно было бы увидеть, но именно потому, что она — простейшая, ни-кто ее не видел, никто ее так тонко не изобразил! Тут и комедия, тут и драма молодого сердца, и живопись, и кинематограф» (Чуносос М. [Ясинский И.И.]. Новые книги // Новое слово. 1914. № 7. С.158).

¹⁸ Бушуева С. Полвека итальянского театра. Л., 1978. С.93. Поклонником Дузе был отец Ахматовой (см.: Ахматова А. Десятые годы / Послесл. Р.Д.Тименчика; Сост. и примеч. Р.Д.Тименчика и К.М.Полливанова. М., 1989. С.31). Впечатления от чтения самой пьесы Ибсена вспоминала Ахматова (Там же. С.14). См. также: Nag M. Anna Akhmatovas drama // Morgenbladet Kronikk. Oslo, 1971. 2. Juni; Радуар М.Н. Образы Севера и северной культуры в творчестве Анны Ахматовой: (Ибсен и Ахматова) // Скандинавский сборник. XXVI. Таллинн, '1981. С.208-224.

¹⁹ Вестник Европы. 1917. № 9-12. С.404. Ср. впечатления К.Мочульского: «...вся глубина любовной тоски вмещена в жесте» (Поэтическое творчество Анны Ахматовой / Вступ. зам. и публ. Р.Тименчика // Литературное обозрение. 1989. № 5. С.49).

²⁰ Из новейшей литературы о нем см.: Баевский В.С. Судьба Леонида Семенова // Тезисы докладов научной конференции «А.Блок и русский пост-символизм». Тарту, 1991; Он же. Леонид Семенов — жизнестроитель и поэт // Вопросы литературы. 1994. Вып. V. С.171-208. См. также публикации его произведений, осуществленные С.Б.Бураго (Collegium. Киев, 1993. № 2) и В.С.Баевским (Русская филология: Уч. зап. / Смоленск. гум. ун-т. Смоленск, 1994. Т.1).

²¹ Свиданье // Новый путь. 1904. № 8. С.150.

²² Verheul K. The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova. The Hague; Paris, 1971. P.53; Ахматова А. Сочинения. В 2 т. / Сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М., 1990. Т.1. С.396.

²³ Жар-птица. Берлин, 1922. № 1. С.43. Эта фраза со ссылкой на «русского критика» повторена в кн.: Luther A. Geschichte der Russischen Literatur. Leipzig, 1924. S.444.

²⁴ Ахматова А. После всего / Предисл. Р.Д.Тименчика; Сост. и примеч. Р.Д.Тименчика и К.М.Полливанова. М., 1989. С.63.

²⁵ Сполохи. Берлин, 1921. № 1. С.41.

²⁶ См. воспоминания Лили Брик: Vladimir Mayakovskij: Memoirs and Essays / Ed. B.Jangfeldt, N.A.Nilsson. Stockholm, 1975. P.17.

²⁷ Тименчик Р. Рижский эпизод в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Даугава. 1984. № 2. С.121. Ср. комментарии М.М.Кралина, связавшие этот эпизод почему-то со стихотворением «Высокие своды

костела...»: Ахматова А. Сочинения. В 2 т. М., 1990. Т.1. С.375-376. На всякий случай оговариваю, что отнесение события (самоубийства) со стихотворением «Отрывок» еще не означает никаких проекций на реальную биографию А.А.Гумилевой (урожд. Горенко).

²⁸ См.: Жизнь Николая Гумилева: Воспоминания современников / Сост. и авт. коммент. Ю.В.Зобнин, В.П.Петрановский, А.К.Станюкович. Л., 1991. С.78-84, 245-249. Дубровка принадлежала семейству Хилковых, тоже родственных Линдебергам.

²⁹ Cournot J. The Tertz Affair // The New Leader. NY. Vol. XLVIII. 1965. № 23. November 22. P.33. Джон Курнос (1881-1966) — беллетрист, критик, переводчик, поэт. Родом из России, в десятилетнем возрасте попал в США. Печатал статьи о русской литературе в «Fortnightly Review», «New Europe», «Forum», «Dial» и других американских и европейских изданиях. В России его статьи печатались в «Аполлоне» и «Ниве». Его письма к Ф.Сологубу см.: ИРЛИ. Ф.289. Оп.3. Ед.хр.380. В 1917-1918 гг. был в Петрограде членом Англо-русской комиссии. Это пребывание описано в его книге «Автобиография» (Нью-Йорк, 1935). Гумилев без восторга отзывался о нем в письме к Ахматовой из Лондона в июне 1917 г. (Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. М., 1991. Т.3: Письма о русской поэзии / Подгот. текста и примеч. Р.Д.Тименчика. С.245). Курнос подарил машинопись своего стихотворения для альбома Ахматовой (РГАЛИ. Ф.13. Оп.1. Ед.хр.175. Л.17):

To A.A.

O lily,
Frail white flower;
A joy to behold!

The hurricane blows,
Felling huge trees,
The beech and the oak,
And the tall sycamore.

O lily sweet,
Dear and frail
Will you still stand
When the wind cease to blow?
Will you still hold high
Your fair proud head?
Will you look with pity
On the beech and the oak
And the tall sycamore.
That lie stretched on the ground
When the winds cease to blow?

Ахматова же подарила ему «Четки» с надписью «Ивану Григорьевичу Курносу от автора. Петроград. Июнь 1917» (хранится в Библиотеке Гарвардского колледжа).

³⁰ РГАЛИ. Ф.13. Оп.1. Ед.хр.144.

³¹ Тименчик Р.Д. Автометаописание у Ахматовой // Russian Literature. 1975. № 10/11. P.220-222; Топоров В.Н. Две главы из истории поэзии начала века: I. В.А.Комаровский. II. В.К.Шилейко // Russian Literature. 1979. Vol.VII. № 3. P.295-296.

³² Вариант записи 5-го стиха в одном из автографов Ахматовой (датирован 1 марта 1916 г.) // ИРЛИ. Нефондированные материалы. № 5462.

³³ См. наши комментарии: Блок в неизданной переписке и дневниках современников / Вступ. ст. Н.В.Котрелева и З.Г.Минц; Публ. Н.В.Котрелева и Р.Д.Тименчика; Подгот. текстов Ю.П.Благоволной, Ю.Е.Галаниной, С.С.Гречишкина и др.; Коммент. Н.В.Котрелева, А.В.Лаврова, Н.В.Лощинской и др. //

Литературное наследство. Т.92. Кн.3. М., 1982. С.426-427. К этому дню стихотворение Ахматовой уже было написано — оно получило дозволение к публичному исполнению 16 ноября 1913 г.

³⁴ Пяст В.А. А-ой // В год войны: Сборник. Пг., 1915. С.12; Пяст В.А. Львиная пасть: Вторая книга лирики. Берлин; Пг.; М., 1922. С.29. В сборник «Образ Ахматовой» (Л., 1925) это стихотворение, вопреки ошибочному указанию (Ахматова А. Десятье годы. С.48), не вошло.

³⁵ См. автокомментарии к этому стихотворению: Пяст В. Современное стиховедение: Ритмика. Л., 1931. С.225, 288.

³⁶ Из стихотворения «Завязка», написанного от лица женщины и, как и стихотворение Л.Семенова, превосходящего «ахматовскую поэтику» (Пяст Вл. Ограда: Книга стихов. СПб., 1909. С.8). Гумилев, между прочим, заметил о Пясте: «...излюбленные им ипердактилические рифмы раздражают ухо» (Гумилев Н. Сочинения. В 3 т. Т.3. С.40).

³⁷ Городецкий С. Цветущий посох. СПб., 1914. С.97.

³⁸ Бицилли П. Пушкин и Вяземский: К вопросу об источниках пушкинского творчества. София, 1939. С.1.

³⁹ Чуть позже Ахматова писала о стихах Надежды Львовой: «...Им просто веришь, как человеку, который плачет» (Русская мысль. 1914. №1. С.28 (3-я паг.)).

⁴⁰ Иванов Г. Отпыльте на о. Цитеру: Поэзы. СПб., 1912. С.26.

⁴¹ См.: Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages / Transl. from German by W.R.Trask. NY, 1953. P.89-91.

⁴² Жирмунский В.М. Творчество Анны Ахматовой. Л., 1973. С.116.

⁴³ Черных В.А. Переписка Блока с А.А.Ахматовой // Литературное наследство. Т.92. Кн.4. М., 1987. С.577.

⁴⁴ РГБ. Ф.109 (Вяч.Иванов).

⁴⁵ Чудовский В. По поводу стихов Анны Ахматовой // Аполлон. 1911. № 5. С.46. Взгляд Веры Шварсалон тогда же был описан в стихах В. Пяста:

И серый омут глаз, подернутых росой,
В предчувствии зари, мучительный и нежный,

Вдруг разгорается — бесстрашный и мятежный,
И первозданного, и страшного красой.
(Пяст В. Львиная пасть. С.31).

⁴⁶ Аничков Е. Новая русская поэзия. Берлин, 1923. С.44. Имеются в виду слова Гете, сказанные Эккерману (см.: Разговоры Гете, собранные Эккерманом / Пер. с нем. Д.В.Аверкиева. Ч.1. Изд. 2-е. СПб., 1905. С.26). Тезис Гете к объяснению специфики ахматовской поэзии приложили и сам Е.Аничков (цит. соч. С.115), и Ю.Айхенвальд (Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. М., 1922. С.58).

⁴⁷ Ахматова А. Соч. В 2 т. М., 1990. Т.2. С.79, 337.

⁴⁸ РГАЛИ. Ф.13. Оп.1. Ед.хр.110. Л.9.

⁴⁹ Недоброво Н.В. Несколько замечаний на книгу: В.И.Туманский, стихотворения и письма // Изв. отделения рус.яз. и словесности имп. Акад. наук. 1912. Т.17. Кн.3. С.359.

⁵⁰ РГАЛИ. Ф.13. Оп.1. Ед.хр.103. Л.41-об.

⁵¹ Гудзий Н.К. Тютчев в поэтической культуре русского символизма // Изв. по рус. яз. и словесности АН СССР. 1930. № 2. С.549. Ср. ту же тютчевскую строфу, «развитие» которой — «почти вся поэзия Ахматовой» (Фельзен Ю. Разрозненные мысли // Круг. Париж, 1936. [Сб.] 2. С.130).

⁵² Из письма А.М. и П.М.Языковым от 4 апреля 1823 г. // Письма Н.М.Языкова к родным за дерптский период его жизни. (1822-1829) / Под ред. и с объяснит. примеч. Е.В.Петухова. СПб., 1913. С.63 (Языковский архив. Вып.1).

⁵³ [Якубович Д.П.]. «Белая стая» // Русское богатство. 1918. № 1/3. С.364.

⁵⁴ См. о связи этого стихотворения с традицией трагедированного кабаретного экспромта: Тименчик Р.Д. Автометаописание у Ахматовой. С.223-226. О топосах «кабаретной лирики» см.: Тименчик Р. Поэтическое слово на «сверхподмостках» // Московский наблюдатель. 1992. № 9. С.61-63.

⁵⁵ Гинзбург Л.Я. О лирике. М.; Л., 1964. С.367.

⁵⁶ См. подробнее: Тименчик Р.Д. Предисловие // Ахматова А. Requiem / Сост. и примеч. Р.Д.Тименчика при участии К.М.Поливанова. М., 1989. С.5-6. Переключку ахматовского стихотворения с «Зима. Что делать...» отметил в 1921 г. Евг. Раич (Рабинович) в статье ««Четки» и «Подорожник»» (Голос России. Берлин, 1921. 16 октября).

Б.А.КАЦ

ИЗ КОММЕНТАРИЕВ К ТЕКСТАМ А.А.АХМАТОВОЙ И Б.Л.ПАСТЕРНАКА*

ОПЕРА И ГИБЕЛЬ

Среди разрозненных ахматовских четверостиший есть одно, содержащее уникальный для поэтического лексикона Ахматовой эпитет — «оперный»:

Там оперный еще томится Зибель
И заклиняет милые цветы,
А здесь уже вошла хозяйкой — гибель,
И эта гибель — это тоже ты.

Опубликованное впервые посмертно, это четверостишие осталось недатированным. Комментатор первой публикации В.М.Жирмунский отметил в нем «намек на известную арию Зибеля из оперы Ш.Гуно "Фауст" ("Расскажите вы ей, цветы мои!...")»¹.

Такая ария (точнее говоря, куплеты) действительно в опере имеется, однако почему именно куплеты Зибеля, исполняемые, судя по эпитету, на оперной сцене, становятся контрапунктом к явлению гибели, и почему оперная музыка оказывается членом организующей все четверостишие оппозиции «там — здесь», остается непроясненным.

Кажется, текст предстанет нам более ясным, если обратить внимание на глагол «заклинает» во втором стихе. Дело в том, что описываемое этим глаголом действие очень мало похоже на открывающую первую сцену III акта оперы трогательную просьбу наивного Зибеля, умоляющего цветы поведать Маргарите о его пылках к ней чувствах. Зато тот же глагол совершенно точно описывает магическое действие, производимое над цветами Мефистофелем в начале последней сцены того же акта: «А вы, цветы, своим душистым ядом должны весь воздух отравить и впитаться в сердце Маргарите». Этот краткий монолог Мефистофеля обычно так и называется — «Закливание цветов».

Не исключено, конечно, что Ахматова просто спутала два разных номера из одного действия одной и той же оперы. Однако такое предположение кажется маловероятным: тот, кто хоть раз слышал оперу Гуно «Фауст», вряд ли способен спутать Зибеля с Мефистофелем, хотя бы потому, что вокальная партия безнадежно влюбленного в Маргариту студента исполняется женским голосом — меццо-сопрано, которое вряд ли может смешаться в памяти с мефистофельским басом. Ахматова, подчеркивавшая в беседах свою информированность о том, что, скажем, в «Страстях по Матфею» Баха партию Евангелиста поет именно тенор² или что Шуберт обладал редким голосом — альтино³, едва ли могла допустить подобную ошибку.

К тому же человек, мало-мальски знакомый с оперой «Фауст», не может не знать, что «заклинает <...> цветы» в ней именно Мефистофель, а не Зибель. Потому более вероятным кажется предположение, что перед нами один из характерных примеров ахматовской «шкатулки» с двойным дном. Мне уже приходилось показывать, как в ахматовских текстах (особенно в «Поэме без героя») явное упоминание одной музыки содержит скрытую отсылку к другой⁴.

Если допустить, что куплеты Зибеля «прикрывают» мефистофельское «Закливание цветов», то совершенно очевидной предстанет переключка между ахматовским четверостишием и эпизодом, предшествовавшим знаменитой дуэли Н.Гумилева и М.Волошина. В описании последнего эпизода выглядит следующим образом:

«Мы встретились с ним в мастерской Головина в Маринском театре во время представления "Фауста". <...> В огромной мастерской на полу были разостланы деко-

* Статья подготовлена при поддержке Research Support Scheme of The Central European University, grant № 872/93.

рации к «Орфею». Все были уже в сборе. Гумилев стоял с Блоком на другом конце залы. Шаляпин внизу запел «Заклинание цветов». Я решил дать ему кончить. Когда он кончил, я подошел к Гумилеву, который разговаривал с Толстым, и дал ему пощечину. <...> Гумилев отшатнулся от меня и сказал: «Ты мне за это ответишь» (мы с ним не были на «ты»). <...> На другой день рано утром мы стрелялись <...>⁵.

Оперное «Заклинание цветов» в этом описании четко отделено в пространстве от места, где возникает угроза гибели.

Напомним в этой связи, что слова «гибель» и «здесь» на протяжении одного стиха встречаются и в «Поэме без героя»:

В черном небе звезды не видно,
Гибель где-то здесь, очевидно,
Но беспечна, пряна, бесстыдна
Маскарадная болтовня...

Примечательно, что сразу вслед за процитированными идут строки, вводящие оперную атмосферу:

Крик: «Героя на авансцену!»
Не волнуйтесь: дыльде на смену
Непреренно выйдег сейчас
И споег о священной мести...

Как уже приходилось отмечать, так и не появившийся герой поэмы заявлен автором в качестве героя оперного⁶. Опера и гибель, таким образом, вновь оказались в содестве.

Возможно, эпизод, описанный Волошиным, отразился и в других строках поэмы, где возникает «Маринская сцена» (заметим попутно, что слова «над Маринской сценой» — случайно или нет — точно представляют место, где разыгралась драма оскорбления Гумилева, повлекшая вызов на дуэль, — ср. в мемуарном очерке А.Толстого: «В Маринском театре, наверху <...> когда под колосниками, в черной пропасти сцены, раздавались звуки <...>»⁷. Не исключено, что следующие далее строки о пении Шаляпина:

И опять тот голос знакомый,
Будто эхо горного грома, —

намекают (среди прочего, разумеется) на шаляпинское исполнение «Заклинания цветов» (кстати, обретшее широчайшую популярность, благодаря записи на граммофонные пластинки в 1910-1912 гг.)

В опубликованном Р.Д.Тименчиком варианте строфы о голосе Шаляпина первый и третий стих еще прозрачнее намекают на причастность упоминания шаляпинского пения к преддуэльному эпизоду:

Он, почти недоступный взорам,
Но родившим его просторам
Льется, словно живая кровь...⁸

Если так, то проясняются и строки, непосредственно предшествующие этому упоминанию:

Звук оркестра, как с того света
(Тень чего-то мелькнула где-то),
Не предчувствием ли рассвета
По рядам пробежал озноб?

Пространственная удаленность музыки получает здесь отчетливую потустороннюю окраску.

Предчувствие рассвета вполне может прочитываться, как предчувствие гибели, ибо «рассвет» имеет достаточно устойчивые в русской поэзии коннотации с казнью. Не соблазняясь обилием примеров, напомним лишь строки из «Петербурга» И.Анненского:

Да пустыни немых площадей,
Где казнили людей на рассвете, —

откликнувшиеся в «Поэме без героя» («Как пред казнью бил барабан»), и строки Ахматовой, непосредственно связанные с Гумилевым:

Чтоб увидеть рассветный, синий,
Страшный час над страшной Невой.

Но не менее, чем с казнью, рассвет ассоциировался (как в литературе, так и в реальности) и с дуэлью. Дуэль Гумилева и Волошина не представляла в этом плане исключения. «На рассвете третьего дня...» — вспоминает его секунданта А.Толстой, противореча только в дате, но не во времени суток.

В описании того же Толстого мы видим Гумилева на дуэли: «Он стоял на кочке, длинным, черным силуэтом различимый во мгле рассвета. На нем был цилиндр и скюртук, шубу он сбросил на снег»⁹.

Заметим, что цилиндр, скюртук и шуба на снегу — это не только намек на «реквизит» дуэли Пушкина. Это еще и реминисценция оперной мизансцены: таким же реквизитом снабжают обычно сцену дуэли Ленского и Онегина постановщики оперы Чайковского. Примечательно, что последние из процитированных выше строки «Поэмы без героя» могут быть прочитаны как снимающий пародийную окраску парафраз преддуэльных стихов Ленского, ставших, с легкой руки Чайковского, словами едва ли не самой популярной русской оперной арии:

Блеснет завтра луч денницы
И заиграет яркий день,
А я — быть может, я гробницы
Сойду в таинственную сень.

В 1909 г. для того, что мы теперь назвали бы «массовым сознанием», дуэль была очевидным анахронизмом, притом — за счет популярности «Евгения Онегина» Чайков-

ского — в существенной мере окрашенной в тона оперного пафоса. Показательный пример находим в рассказе В.Набокова «Лебеда» (рассказ написан на основе детских впечатлений автора от ожидавшейся дуэли его отца — В.Д.Набокова — с А.С.Суворинным). Юный гимназист в ожидании отцовской дуэли воображает именно оперную сцену: «Онегин скидывал плащ, Ленский, как черный мешок, падал на подмостки»¹⁰.

В описании А.Толстого дуэлянт Гумилев почти что цитирует либретто оперы Чайковского.

«Я требую, чтоб господин Онегин мне объяснил свои поступки», — яростным речитативом поет Ленский на балу у Лариных.

«Я требую, чтобы этот господин стрелял», — с бешенством кричит Гумилев в том же описании дуэли¹¹.

Разумеется, стилистика и фразеология дуэлянтской речи не отличалась большим разнообразием, и сходство оперной реплики Ленского и реальной (или сочиненной А.Толстым) реплики Гумилева может быть чисто случайным, но сам факт этого сходства кажется немаловажным: русский дуэлянт XX века *volens polens* оказывался похожим на оперного героя.

Кстати говоря, авторское обещание, что герой «споеет о священной мести», не содержит ли отсылку к тому же речитативу Ленского: «Я вами оскорблен, и сатисфакции я требую!»?

Но возможна и отсылка к другому оперному дуэлянту, гибнущему из жажды «священной мести», — к Валентину, который в той же опере Гуно, готовясь к дуэли (терцет из IV акта), поет: «Боже, дай силы отомстить за оскорбленье», — а свой предсмертный монолог начинает со слов: «Я умираю, за то что мстить хотел любовнику ее».

Уместно вспомнить, что обреченный на гибель Валентин в 1910 г. стал героем стихотворения Гумилева «Маргарита», чей сюжет, как справедливо заметил М.Д.Эльзон, «связан с оперой Шарля Гуно “Фауст”, либретто которой отличается от литературной основы — первой части трагедии Гете»¹².

Хотя досужие журналисты расценили дуэль Гумилева и Волошина как богемную забаву, для ее участников она отнюдь не была таковой. По крайней мере, Гумилев, по свидетельству А.Толстого, был настроен весьма решительно, и бескровный исход дуэли можно объяснить разве что случайностью: «Гумилев предъявил требование стреляться в пяти шагах до смерти одного

из противников. Он не шутил. Для него, конечно, изо всей этой путаницы, мистификации и лжи не было иного выхода, кроме смерти»¹³. Речь, таким образом, шла о «полной гибели всерьез», говоря словами другого поэта, и надо думать, что именно в такой тональности могла слышать Ахматова рассказ о дуэли от самого Гумилева. Настроенность на смертельный исход не снимала, однако, оперного антуража с дуэли, поводом (а не причиной — о ней здесь говорить не место) к которой был эпизод, разыгравшийся «над Мариинской сценой» на фоне декораций к одной опере и под звуки другой. Возможно, это и связало в сознании Ахматовой предчувствие гибели с оперной атмосферой.

Если наши суждения небезосновательны, то четверостишие «Там оперный еще томится Зибель» следует включить в круг стихотворений, «блуждающих» вокруг «Поэмы без героя», и рассматривать его в связи с той гранью поэмы, которую сама Ахматова именovala «линией отсутствующего героя» (имея в виду Гумилева)¹⁴.

«Того же, кто упомянут в ее заглавии, — писала Ахматова, — и кого так жадно искала сталинская охранка, в Поэме действительно нет, но многое основано на его отсутствии»¹⁵. Можно думать, что на «его отсутствии» основаны и «оперные эпизоды» поэмы, скрыто отсылающие к той самой дуэли, что волею судьбы стала для Гумилева одной из репетиций его трагической смерти¹⁶.

В очерке А.Толстого, написанном по свежим следам гибели Гумилева, читаем: «Смерть всегда была вблизи него, думаю, что его возбуждала эта близость»¹⁷.

...И эта гибель — это тоже ты.

НИЗВЕРЖЕНИЕ ФОРТЕПИАНО

Написанное в 1931 г. стихотворение Б.Пастернака «Опять Шопен не ищет выгод...» состоит в окончательной редакции из 12 строф. В первых шести строфах все глаголы — в настоящем времени. В шести последних, отличающихся решительным преобладанием вопросительной интонации, все глаголы даны в инфинитиве с сопровождением слова, открывающего стихотворение. Это слово — «опять» — встречается на протяжении второй части текста шесть раз (причем в одном случае образует рифму), создавая сильнейший эффект повторяющегося действия:

Итак, опять из-под акаций
Под экипажи парижан?
Опять бежать и спотыкаться,
Как жизни тряский дилжанс?

Опять трубить, и гнать, и звякать,
И, мякоть в кровь поря, — опять
Рождать рыданье, но не плакать,
Не умирать, не умирать?

Опять в сырую ночь в мальпосте
Проездом в гости из гостей
Подслушать пенё на погосте
Колес, и листьев, и костей.

В конце ж, как женщина, отпрянув
И чудом сдерживая прыть
Впотьмах приставших горлопанов,
Распятем фортепьян застыть?

А век спустя, в самозащите
Задев за белые цветы,
Разбить о плиты общежитий
Плиту крылатой правоты.

Опять? И, посвятив соццветьям
Рояля гулкий ритуал,
Всем девятнадцатым столетьем
Упасть на старый тротуар.

Очевидно, что в последней строфе трагическим паденьем завершается полет, о котором говорится в первой строфе:

Опять Шопен не ищет выгод,
Но, окрыляясь на лету,
Один прокладывает выход
Из вероятья в правоту.

Метафора полета на крыльях, прерванного гибельным падением, уже использовалась Пастернаком в связи с музыкой Шопена. В написанной годом раньше «Балладе» («Дрожат гаражи автобазы...»), обращенной к Г.Г.Нейгаузу и воссоздающей, как и в комментируемом стихотворении, картину киевского пейзажа, шопеновская музыка уподобляется обреченному на падение «орлу» («Шопена траурная фраза / Вплывает, как больной орел») и наделяется неким сюжетным содержанием: «Полет орла — как ход рассказа».

Сюжет вскоре уточняется, и оказывается сюжетом мифологическим: «Полет — сказанье об Икаре».

В стихотворении «Опять Шопен не ищет выгод...» то, что произошло с героем древнегреческого мифа, происходит и с Шопеном (или с его музыкой). Впрочем, в контексте стихотворения они почти неразличимы, что подтверждается переходом от четвертой строфы к пятой: «Из окон музыка гремит. / Гремит Шопен, из окон грянув <...>».

Соответственно сливаются они в своем благородно-восторженном, но катастрофическом полете. Нам уже приходилось говорить, что драматургическое развитие ряда шопеновских сочинений по сюжету аналогично мифу об Икаре («Баллада № 1» — лишь один из многих примеров)¹⁸. Но сейчас мы обратим внимание на то, что в стихотворении «Опять Шопен не ищет выгод...» полет Икара повторяется как бы в трех ипостасях. «Шопен», его «музыка» и

«рояль» неразрывно сливаются в некое единство — и это вполне соответствует как самому феномену Шопена, так и восприятию шопеновской музыки Пастернаком¹⁹. И хотя рояль открыто назван лишь в десятой строфе («распятем фортепьян застыть»), а само слово «рояль» появляется только в заключительной строфе текста («Рояля гулкий ритуал»), присутствие его ощутимо уже в первой строфе. Корневой источник слова «окрыляясь» — «крыло» — уже указывает на инструмент, получивший свое немецкое название (*der Flügel* — крыло) именно из-за крыловидной формы верхней крышки. В русском же языке корневое родство «крышки» и «крыла» могло дополнительно побудить к «окрылению» самого рояля (особенно, *раскрытого* или *открытого*), а также фортепианной музыки и фортепианной игры. Написанные в самом начале того же 1931 г. строки из стихотворенья «Упрек не успел потускнеть...» (курсив мой. — Б.К.):

Ты дома подымеешь пюпитр,
И только коснешься до клавиш,
Попытка тебя ослепит,
И ты ей все *крылья расправишь*, —

лишь одна из пастернаковских вех на этой малозаметной тропинке, идущей в русской поэзии от Фета до Бродского²⁰.

Однако «триединство» «Шопена», «музыки» и «рояля» по ходу развития текста иногда расщепляется. Так, например, очевидно, что бежать «под экипажи парижан» и подслушивать проездом в почтовой карете «музыку» кладбища может только «Шопен», а греметь из окон — только его «музыка». В двух заключительных строфах «рояль» существенно выделяется из отмеченного «триединства». «О плиты общежитий» разбивается «плита крылатой правоты» (=рояль), и, по-видимому, именно «рояль» падает «на старый тротуар» (заключительная строка). В первой редакции это уточнялось в еще одной, впоследствии отброшенной, строфе:

Всей *черной крышкой* вниз с площадки,
Всем этим третьим этажом
Во двор, лопатками в нападки,
Когда мы дома лампу жжем.

Заметим, что это «падение» не только с некой метафизической высоты. Вертикаль «окно многоэтажного дома» — «тротуар» намечена была еще в пятой строфе:

Гремит Шопен, из окон грянув,
А *снизу*, под его эффект
Прямя подсвечники каштанов,
На звезды смотрит прошлый век.

Опять-таки, в первой редакции «низ» был охарактеризован более четко:

Гремит Шопен, и, не увянув,
С *панелей* под его эффект <...>

Таким образом, метафорическая (и разумеется, чрезвычайно многозначная) катастрофа, прерывающая полет шопеновской музыки, включает в себя почти сюрреалистическую картину падения фортепиано из окна дома на улицу.

Между тем, эта картина окажется вполне реалистической, если вспомнить исторический эпизод, который наверняка был известен Пастернаку. Речь идет о происшествии, случившемся во время взятия Варшавы российскими войсками в ходе подавления польского восстания 1861-1863 гг. Даже на фоне массовых казней это происшествие произвело сильное впечатление на польскую интеллигенцию. Громя дворец князей Замоиских, солдаты выбросили на улицу находившееся во дворце фортепиано, — это было фортепиано, на котором играл Шопен.

В польской поэзии немедленно появился отклик на это событие. В 1863 г. выдающийся польский поэт Циприан Норвид, познакомившийся с Шопеном незадолго до его смерти (1849) в парижском изгнании, написал поэму «Фортепиано Шопена», заключительные строфы которой представлены ниже в переводе Д.Самойлова (курсив Норвида) ²¹:

Здание в огне.
Выбились пламя и вспыхнуло рядом.

IX

Глянь: подгоняют к стене,
Траурных вдов подгоняют прикладом...
В месиве дыма, огня и тумана
Через колёсны балкона,
Как катафалк похоронный,
Рухнуло... рухнуло... *фортепиано*...

X

То... что прославило Польшу сиянья
Радуг восторга, взнесенных
Ко всесовершенству деянья <...>

*

*Камни глухие и те застонали:
Идеал коснулся мостовой!*

Насколько нам известно, при жизни Пастернака поэма Норвида на русский язык не переводилась, а по-польски Пастернак не знал. Напомним, однако, что в годы, предшествовавшие написанию стихотворения, Пастернак особо часто беседовал с Г.Г.Нейгаузом, бывшим не только замечательным интерпретатором Шопена, но и знатоком польской поэзии (польский был его родным языком). Из этих бесед, часто затрагивавших шопеновскую тему, Пастернак мог узнать о поэме Норвида (ср. ряд переключек, касающихся не самого факта, а его фона — и у Норвида, и у Па-

стернака фоном является огонь, пламя — ср.: «Когда ж мы ночью лампу жжем» и «Крошатся огненным дождем» — в четвертой строфе).

Думается, однако, что с гораздо большим основанием можно указать на другой подтекст стихотворения Пастернака, не имеющий, однако, отношения к Шопену.

Мы уже обращали внимание на упорное «опять» во второй части стихотворения. Можно предположить, что «роялю» приходилось падать на тротуар не один раз. В строке «рояля гулкий ритуал» слово «гулкий» по контексту может быть интерпретировано как звуковой фон падения рояля, но слово «ритуал» явно подразумевает некое закономерно повторяющееся действие.

Заметим также, что действие в XI строфе отделено от действия в трех предыдущих строфах (они связаны с биографией Шопена) сакраментальной мерой времени — «век спустя». Итак, «плита крылатой правоты» разбивается о «плиты общежитий» именно в XX в., но в стихотворении содержится вопрос: не произойдет ли это событие еще раз?

Если, не покидая почвы поэтической (а не житейской) реальности, задать вопрос — «где падало фортепиано на тротуар в XX веке?», то ответ будет очевиден: в поэме Велимира Хлебникова «Ночной облык» (1921).

Революционных матросов, ворвавшихся в дом ненавистных «белых господ» и убивших сына хозяйки дома, привлекает странная принадлежность гостиной:

— А это что? Господская игра,
Для белой барышни потеха?
Сидит по вечерам
И думает о муже,
И черная дощечка
За белую звучит
И следует, как ночь
За днем упорно.

Сначала фортепиано становится предметом забавы «товарищей»:

— Кто играет из братьев?
Как бахнем ложем...
Аль прикладом...
Глянь, братва,
Топай сюда,
И рокот будет, и гром, и пение...
И жалоба,
Как будто тихо
Скулит под забором щенок.
Щенок, забытый всеми.
И пушек грохот грозный вдруг подымется,
И чей-то хохот, чей-то смех подводный и
русалочий.
Стопнулись. Струнный говор,
— Прикладом бах!
Бах прикладом! — Смейся море!

Море смейся! Большой кулак бури,
Сегодня ходи по ладам...

Но затем фортепиано подвергается матросскому самосуду (курсив мой. — Б.К.):

А эту рухлядь,
Этот ящик, где воет цуцик,
На мостовую за окно!
Пугать соседок
Эдак!
— Это дело подходящее,
Море, бурное оно.
Это по-нашенски.
А не по-нищенски.
Вдребезги
Ббаам-паах!

Впервые опубликованная посмертно в 1928 г. поэма «Ночной обыск»²² вряд ли могла остаться неизвестной Пастернаку и (независимо от отношения Пастернака к стилю Хлебникова) вряд ли могла не произвести на него впечатления. На матросские самосуды послеоктябрьского времени Пастернак сам, как известно, откликнулся гневными стихотворениями «...Мутится мозг. Вот так? В палате?...» и «Русская революция». Революция, которой так «было хорошо дышать <...> в марте», после октября предстала поэту иной:

Теперь ты — бунт. Теперь ты — топки польханье
И чад в котельной, где на головы котлов
Пред взрывом плещет ад Балтийской лоханью
Людскую кровь, мозги и пьяный флотский блев.

Если для польской культуры священным было фортепиано, к которому прикасались руки Шопена, то для Пастернака фортепиано само по себе было окружено сакральным ореолом²³, и хлебниковская картина надругательства над инструментом вряд ли могла не запечатлеться в сознании поэта.

Пастернаковский и хлебниковский тексты сближаются еще рядом обстоятельств. В обоих действие происходит ночью, и ночь озаряется пламенем: правда, у Пастернака это невинное домашнее освещение, устраивающее иллюзорный пожар кленов, которые «Когда ж мы ночью лампы жжем <...> Крошатся огненным дождем», а у Хлебникова это смертоносный пожар, устроенный хозяйкой дома, мстящей за

убийство сына своим «гостям»²⁴. Мотив «гулкости» фортепианной гибели отчетливо прослушивается у Хлебникова:

Ишь, зазвенели струны!
Умирать полетели,
Долго будет звенеть струнная медь.
— Вдарь еще разок,
Годок!
Гудит, как пчелы,
Когда пчеляк отымет мед.

Наконец, в возбужденном матросском воспоминании о только что свершившейся казни фортепиано, кажется, звучит едва ли не сама тема пастернаковского смертельного полета:

— А ловко ты
Прикладом вдарил.
Как оно запост,
Зазвенит, заиграет и птицей, умирая, полетело²⁵.

Можно предположить, что реальная история солдатской расправы над шопеновским роялем и — «век спустя» — воплощенная в поэме Хлебникова картина (так ли уж далекая от реальности?) матросского самосуда над неповинным, но «классово чуждым» инструментом, и породили пастернаковскую формулу: «Рояля гулкий ритуал».

Достаточно вспомнить стихотворение «Другу», где выражается мучительное сожаление о роли поэта в те времена, когда коллективное начало подминает под себя индивидуальное, — чтобы ввести строки «разбить о плиты общежитий / плиту крылатой правоты» в уже хорошо изученный контекст пастернаковских поисков своего места (и места искусства вообще) в эпоху «восстания масс».

Низвержение фортепиано, его выбрасывание на «тротуар», «панель», «мостовую» становится символом судьбы культурного наследия в XX в.: не случайно же рояль (а с ним и шопеновская музыка, и все, что связано с ней у поэта) падает «всем девятнадцатым столетьем». Это низвержение в новой культуре становится поистине ритуальным, и поэту остается только спрашивать: «Опять?»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ахматова А. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А.А.Суркова; Сост., подгот. текста и примеч. В.М.Жирмунского. Л., 1977. С.503.

² См.: Озеров Л. Разрозненные записи // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В.Я.Виленкин и В.А.Черных; Коммент. А.В.Курт и К.М.Поливанова. М., 1991. С.603; Бродский об Ахматовой: Диалоги с С.Волковым. М., 1992. С.28.

³ См.: Бражнин И. Сумка волшебника. Л., 1978. С.427.

⁴ См.: Кац Б., Тименчик Р. Анна Ахматова и музыка. Л., 1989. С.277 и др.

⁵ Волошин М. Воспоминания о Черубине де Габриах // Николай Гумилев в воспоминаниях современников / Ред.-сост., автор предисл. и коммент. В.Крейд. М., 1990. С.146.

⁶ См.: Кац Б., Тименчик Р. Указ. соч. С.213.

⁷ Толстой А. Н. Гумилев // Николай Гумилев в воспоминаниях современников. С.41.

Я вынужден оборвать цитату, ибо ее продолжение — «раздавались звуки "Орфея"» — несомненное за-

блуждение памяти мемуариста. Описываемый эпизод происходил в ноябре 1909 г. Премьера же оперы Глюка «Орфей» в постановке Вс. Мейерхольда с декорациями А.Головина состоялась в Мариинском театре лишь в 1911 г. Однако работу над декорациями Головин вел с 1908 г., что отражено в волошинском описании эпизода и, видимо, привело к ошибке А.Толстого. Как показал В.Крейд, Волошин спутал в воспоминаниях год события (с.278). Но музыкальный фон эпизода вряд ли мог быть забыт Волошиным, если он действительно выжидал окончания одного из коронных шалашинских номеров, прежде чем перейти к столь брутальным действиям. В.Крейд указывает, что «встреча в Мариинском театре произошла в начале двадцатых чисел ноября 1909 года» (Там же). Доверяясь музыкальной памяти Волошина, можно уточнить дату: эпизод с оскорблением, повлекшим вызов на дуэль, произошел 19 ноября 1909 г., ибо именно в этот день состоялось единственное в ноябре 1909 г. представление «Фауста» на Мариинской сцене с участием Ф.И.Шалипина, см.: Летопись жизни и творчества Ф.И.Шалипина. В 2 кн. / Сост. В.Богачева и В.Гармаш. 2-е изд., доп. Л., 1989. Кн.1. С.356.

⁸ Кац Б., Тименчик Р. Указ. соч. С.60. Комментируя следующие строки этого варианта:

Ни на что на земле не похожий,
Он несется, как вестник Божий,
Настигая нас вновь и вновь, —

Р.Д.Тименчик полагает, что «одним из источников последних строк могла быть фраза из перечитанной Ахматовой в конце 1950-х гг. книги Вс.Мейерхольда «О театре» (СПб., 1916), где о Шалипине (*в связи со сценой из «Фауста» Гуно*) говорилось как о «голосе совести»» (Там же. С.60. Курсив мой).

⁹ Толстой А. Указ. соч. С.42.

¹⁰ Набоков В. Круг / Вступ. ст. А.Г.Битова; Сост. и примеч. Н.И.Толстого. Л., 1990. С.355.

¹¹ Толстой А. Указ. соч. С.41.

¹² Гумилев Н. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. М.Д.Эльзона. Л., 1988. С.565. Ср. также сообщение о том, что «стихотворение Гумилева «Маргарита», по свидетельству Ахматовой, было навеяно ее рассказом Гумилеву о своем сне под впечатлением «Фауста»» (Ахматова А. Поэма без героя / Сост. и примеч. Р.Д.Тименчика при участии В.Я.Мордерера. М., 1989. С.156). Напомним, что и стихотворение Ахматовой «И очертанья «Фауста» вдали...» представляет собой описание сновидения, насыщенного звучанием музыки. Можно предположить, что именно оперная версия гетевской трагедии послужила подтекстом как ахматовских, так и гумилевских стихотворений.

¹³ Толстой А. Указ. соч. С.41.

¹⁴ См.: Ахматова А. Поэма без героя. С.286.

¹⁵ Там же. С.183.

¹⁶ Едва ли стоит напоминать, что среди новогодних гостей автора в «Поэме без героя» появляются маски Фауста и Сатаны, а среди прототипов тех же гостей фигурируют имена Блока (собеседника Гумилева в мастерской Головина) и М.Кузмина — одного из гумилевских секундантов.

¹⁷ Толстой А. Указ. соч. С.39.

¹⁸ Кац Б. «Очертанья Шопена» в русской поэзии // Музыкальная жизнь. 1985. № 5.

¹⁹ Подробнее см. раздел «Опять Шопен...» в кн.: «Раскат импровизаций...»: Музыка в творчестве,

судьбе и в доме Бориса Пастернака / Сост., вступ. ст. и коммент. Б.А.Каца. Л., 1991.

²⁰ Не вдаваясь в подробное освещение темы, напомним не только о фетовском «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» (1877), но и о его же стихотворении «Певице» (1857), в котором анаграмматически зашифрованный роля :

Уноси мое сердце в звенящую даль.
Где как месяц за Рошей печАль<...>, —

побуждал к полету:

Выше, выше плыву серебристым путем,
Будто шаткая тень за крылом.

В поэме Блока «Возмездие» (1910-1921) при описании «музыкальной бури», рождавшейся из фортепианной игры («И на покорную роля / Властительно ложились руки»), возникали «крылья белые в лазури». В 1931 г. В.Набоков назвал «дивной» строфу из стихотворения Ант. Ладинского «Детство»: «И спрятавшись в углу за сундуками, / Я слушал в дальней комнате глухой, / Как небо в страшной нежности громами / Впервые трепетало надо мной, / Когда роля прекрасней раскрывался, / И черным лакированным крылом, / Огромной ласточкою в белом зале, / Он бился на паркете восковым» (Набоков В. Рассказы; Приглашение на казнь; Эссе, интервью, рецензии / Сост. и примеч. А.А.Долгинина и Р.Д.Тименчика; Послесл. А.А.Долгинина. М., 1989. С.388). Напомним и строки И.Сельвинского «Большой роля, от блеска бел, / Подняв крыло, стоял, как айсберг» («Лебединое озеро», 1943), Вс. Рождественского — «И — тяжело приземлившаяся птица — / Роля приподняла черное крыло» («Гремел оркестр в белоколонном зале», 1950-е гг.), а также стихотворение Д.Самойлова «Рихтер» (1970-е гг.), открывающееся строкой: «Крыло роля. Руки Рихтера <...>» и завершающееся стихами — «Сам Гелиос внимает, как поет, / Крыло откинув, / Черный лебедь Аполлона». Наш краткий «пробег» закончим у памятника «капитарам, воспарявшим к тучам / посредством крылатого фортепиано», воздвигнутого в стихотворении И.Бродского «Открытка из Лиссабона» (1988).

²¹ Европейская поэзия XIX века / Вступ. ст. С.Небольсина; Сост. В.Богачева и др.; Примеч. В.Вебера и др. М., 1977. С.566 (Библиотека Всемирной литературы. Т.85). На это стихотворение любезно обратил наше внимание Ю.Г.Кон, которому мы рады выразить искреннюю благодарность.

²² Хлебников В. Собрание произведений. Л., 1928. Т.1: Поэмы / Ред. текста и примеч. Н.Степанова.

²³ Ср. в стихотворении «Музыка», где роля несут, «как колокол на колокольном» и «как с заповедями скрижаль».

²⁴ Слово «гости» — одно из сквозных в поэме Хлебникова. Ср. у Пастернака: «Проездом в гости из гостей». Сквозным эпитетом же «Ночного обыска» выступает слово «белый» в его политическом смысле. Это слово (разумеется, без всякой политической окраски) дважды звучит в стихотворении Пастернака, причем в первом случае с военной метафорой («Штыками белых пирамид»), а во втором — в прямой связи с падением фортепиано («в самозащите / Задев за белые цветы»).

²⁵ Ср. также повтор у Хлебникова «умирать полетель» и «умирая, полетело» с пастернаковским «Не умирать, не умирать?».

М.В.БЕЗРОДНЫЙ

О «КОСНОЯЗЫЧИИ» БОРИСА ПАСТЕРНАКА

КОНСПЕКТ НЕПРОЧИТАННОЙ ЛЕКЦИИ*

Начнем с прописей. До тех пор, пока слово используется только как средство сообщения, его компоненты — смысл и звук — пребывают в согласии. Но стоит слову попасть в поэтическую речь, т.е. сделаться еще (и даже прежде всего) предметом сообщения, как это согласие оборачивается напряженным, а временами и конфликтным сосуществованием. Смысл стремится избавиться от чрезмерной опеки со стороны звучания (отсюда, например, феномен свободного стиха — свободного от рифмы и метра); звук, в свою очередь, пытается умалить роль смыслового фактора (замена логических связей между словами паронимией). Окончательная победа ни того, ни другого, разумеется, невозможна: триумф «голового» звука превратил бы речь в шум, триумф «голового» смысла — в молчание. Вместе с тем опыты по приближению слова вплотную к границам смысл/молчание и звук/шум могут быть весьма плодотворны — и не только для поэтической техники, которую испытания материала на прочность обогащают, но и для поэтической тематики — коль скоро все эти предельные напряжения речи становятся объектом и содержанием авторской рефлексии.

Говоря о труднопроизносимости стихов Пастернака, иногда имеют в виду пристрастие поэта к раритетным звукосочетаниям. Пример, ставший хрестоматийным, — слово «волчцы», употребленное в стихотворении «Степь». Отмечалось, что это единственное в русском языке слово, в котором наличествует сочетание ЧЦ, и что его частотность в речи близка к нулевой: «Даже в очень больших текстах, например в транскрипции всей эпопеи “Война и мир” Толстого, не встретится это сочетание»¹. Но что за странная причуда искать «волчцы» в «Войне и мире», когда они не-

однократно упоминаются в другом, тоже «очень большом», тексте — русском переводе Священного Писания (Быт. 3, 18; Иов. 31, 40; Ис. 5, 6; Иезек. 28, 24; Ос. 10, 8; Евр. 6, 8)? Откуда, кстати, «волчцы» и проникли в русскую поэзию еще до Пастернака; см., напр., у Вл. Соловьева: «О нет! я терном и волчцами / Посев небесный подавлял...» («Когда в свою сухую ниву...»). Или у Вяч. Иванова: «Волчцами шелестит, сверкая, чешуя...» («Eritis sicut Dei»). «Волчцы» Господь присудил земле в память о грехопадении прародителей, и если в начале пастернаковской «Степи» это слово используется как реалія:

Туман отовсюду нас морем обстиг,
В волчцах волочась за чулками,

— то в финале ботаническому термину возвращается его библейский смысл и масштаб:

...В Начале
Плыл Плач Комариный, Ползли Мураши,
Волчцы по Чулкам Торчали?

Закрой их, любимая! Запорошит!
Вся степь — как до грехопаденья...

Что же касается «русской фонетики», то «волчцы» пленили Пастернака не своей сверхредкостью (как мы видели, весьма относительной), а тем звуко-смысловым иллюзионизмом, о котором Цветаева, понимавшая в таких вещах толк как мало кто другой, писала: «Да, здесь вместо репей: волчец. Но разве “волчец” не лучше? (По хищности, цепкости, волчиной своей сути?)»².

Речь пойдет о труднопроизносимости другого рода.

Содержание многих текстов Пастернака сводится к изображению некоей ситуации, которую в самом общем виде можно описать так: *нечто*, наделенное способностью и склонностью к самодвижению и удержи-

* Из книги «Конец Цитаты».

ваемое в замкнутом пространстве, с силой и шумом прорывается наружу. Несколько примеров из поэзии и прозы:

Нет сил никаких у вечерних стрижей
Сдержат голубую прохладу.
Она прорвалась из горластых грудей
И льется, и нет с нею сладу.

Любую боль сметут как сон,
Поэта в ней законопатив.

Клубясь во много рукавов,
Он двинется подобно дыму
Из дыр эпохи роковой
В иной тупик непроходимый.

Он вырвется, курясь из прорв...

Здесь родильный приют,
И в некрашеном сводчатом чреве
Бьется об стены комнат
Комком неприкрашенным
Век.

Нарастает что-то в темноте,
И, глуша раскатами догадки
И сметая со всего двора
Караулки, будки и рогатки,
Катится и катится ура.

Ворочая балки, как слон,
И освобождаясь от бревен,
Хорал выходил, как Самсон,
Из кладки, где был замурован.

Трепещет даль. Ей нет препон.
Еще оконницы крепятся.
Когда же сдернут с них крестон,
Зима заплещет без препятствий.

Медленно наполнялся партер. Насилу загнанная в палки на зимнюю половину, музыка шлепала оттуда лапой по деревянной обшивке органа. <...> Музыку выпускали. Пестрая, несметно ломящаяся, молниеносно множащаяся, она скачками рассыпалась по эстраде.

Та же ситуация в обращенном виде (*нечто* втягивается в замкнутое пространство) встречается реже и представляет собою, как правило, следствие или просто зеркальное изображение прорыва: «И еще загадочнее праздная тишина, ключами вливающаяся в дыру, вырубленную звуком».

Препятствия, которые оказываются на пути у прорывающейся силы (энергии, стихии), это «запруды», «плотины», «плетни», «изгороди», «ограды», «перегородки» («Перегородок тонкоробость / Пройду насквозь»), «переборки» («Бил в переборки радости прилив»), просто «препоны», «препятствия» и «преграды» и даже уравненные с ними антонимы — «подмоги» и

«поддержки» («Он проскользнул неуследимо / Сквозь строй препятствий и подмог <...> Ядра, не властного не рваться / В кольце поддержек и преград»). Повышенную значимость приобретают предикаты с семантикой «сдерживания» и «сдавливания»: «Волн наводнения не сдержишь сваями»; «Спирали выход из долин»; «И сжала крик, теснивший из уст» и т.п. Ср. также названия стихотворений (вроде «Раскованный голос») и сборника — «Поверх барьеров» (надписывая в 1946 г. один из его экземпляров, Пастернак признавался, что «понятие “Поверх барьеров”» со временем «стало названием периода или манеры»³).

Ситуация прорыва может быть представлена не в полном, а в свернутом виде (например, только упоминанием препятствий), а может и вовсе отсутствовать на уровне словесного изображения, но при этом быть предметом описания, так сказать, артикуляционного.

Цветаева завершила «Световой ливень» словами: «Это не отзыв: попытка выхода, чтобы не захлебнуться. Единственный современник, на которого мне не хватило грудной клетки»⁴. Ей вторил Мандельштам: «Стихи Пастернака почитать — горло прочистить, дыхание укрепить, обновить легкие: такие стихи должны быть целебны от туберкулеза»⁵.

Как ни странно, сколько-нибудь серьезной научной рефлексии это наблюдение подвергнуто не было: исследователей больше интересовало «звучание» пастернаковской речи, чем проблема «звукоизвлечения». Артикуляционный ракурс анализа нашла едва ли не одна А.Юнгрен; разбирая фрагменты о Реликвимини, она пишет, в частности:

Образы первой половины вычеркнутого (речь идет о редакции 5-го фрагмента. — М.Б.) апеллируют к звуковому ряду: это «голоса» и «гортань», возвращающие «крик или окрик» начала фрагмента. Их смысловое единство опирается на консонантную инструментовку первой половины выкрикивания: КРик, ГоЛос, ГоРтань, доРоГа, ГРад, связывающие эти понятия, воплощающие различные образные грани «воздушных путей»; сочетание задненебного с вибрантом [ГР, КР] или плавным [ГЛ] ассоциируется с гортанным звукоизвлечением, представленным в полном составе в слове «ГоРЛо». «Газетчики», «артельщики» или «пьяные парни» привязывают «голоса» к социальной, «низкой» вокзальной реальности⁶.

С заключительным тезисом согласиться трудно (как и с лежащим в его основе представлением о «социологическом» принципе членения пастернаковского дискурса), однако в остальном подход А.Юнгрен ка-

жется исключительно плодотворным, и можно только сожалеть о том, что анализируемый ею материал был недостаточно репрезентативен в количественном отношении, отчего наблюдения о словообразовании и звукоизвлечении у Пастернака оказались неполны.

Одну из продуктивнейших для пастернаковской речи консонантную модель словообразования можно представить как трехзвенную: заднеязычный (Г, К, Х) + нендзальный сонорный (Р, Л / Л') + переднеязычный эксплозив (Т, П, Б). Эта схема в полном виде реализуется в таких гиперлексемах, как, например, «гортан-» (ГРТ), «глот-» (ГЛТ), «хрип-» и «храп-» (ХРП), «хлеб-» (ХЛБ / П), «картав-» (КРТ); в неполном виде — «горл-» (ГРЛ).

Несколько примеров из поэзии и прозы: «Лес стянут по горлу петлею пернатых / Гортаней...»; «И ночь полоскалась в гортанях запруд»; «А щебеня плыл и, поводя гортанью, / Грозил и их когда-нибудь слотнуть»; «Как обезглавленных гортани»; «В две тысячи своих гортаней»; «Гортанно и арабски клегчет бес»; «Сало разгорячало гортани»; «...гортанно рычит мальчишка»; «С гортанью найден мой висок»; «Вот что выделывают глоткой»; «Он солнцем давится взаглот»; «Серебряный слиток глотательной впадины»; «Но в глотках рвались холостые фугась»; «...кроме жутких / Глотков...»; «Холодящие дольки глотать торопясь»; «Лишь пыль глотала дождь в пилюлях»; «В волненье глотающей волны, как клецки»; «С песчаной косы, наглотавшейся чалений»; «И вот за петухом петух / Отметят глоткою...»; «...они широко и лениво глотают накрошенную зиму...»; «...сердце глотательными движениями подхватывало куски картины...»; «Гулко глотают их зевы виадуков...»; «...уже глотал в ответ»; «И охрипло пропетые кровли»; «Хрипло собирал...»; «...и кончу прохрипев»; «Но они очам прохрипели: открой!»; «Стоят в парах и каплют храп и хорканье»; «Ветер в степи, фыркай, храни»; «Захлебнувшийся в спирту»; «Захлебываясь кулешом подков»; «Волной захлебываясь...»; «Захлебнулась в черных сводах дня»; «Захлебнулась Тристанова захолодь»; «Захлебывающийся локомотив»; «Сгорая и захлебываясь»; «Так легко захлебнуться»; «...мылась, захлебываясь, жимолость»; «...захлебывающийся звон трамваев»; «И эта голая картавость»; «Картавящие газом перекрестки»; «...полногорло прокартавила она»; «Она прорвалась из горластых грудей»; «Звезды долго горлом текут в пищевод»; «Песком

полощут горло тротуары»; «показывались горловые связки»; «И вот, лишь к горлу подступали клубья»; «И осень, дотоле вопившая выпью, / Прочистила горло»; «В тот час, как загорланит первый хочет»; «Ветер горланил протажно и властно»; «Петух свой окрик прогорланит»; «...Как полное слез / Горло...»; «...как он дергает жабрами, / И горлом...»; «...громко захлебнулось горло»; «Ночь издала горловой звук»; «...давали горловые свистки паровозь»; «В горловом краю его творчества...».

Ср. подсчеты Е. Вуканович, показывающие повышенную по сравнению с разговорной речью частотность в поэзии и прозе Пастернака согласных [К] и [Л], а в ряде сочинений — еще и [Р]⁷.

О преобладании переднеязычных эксплозивов на основании таблиц Вуканович говорить нельзя, однако следует учесть, что ею исследовалась частотность отдельных звуков, т.е. количественная их роль в дискурсе, а не качественная, которая определяется не столько «простым большинством», сколько степенью устойчивости связей.

Произнесение слов, построенных по консонантной схеме «заднеязычный + нендзальный сонорный + переднеязычный эксплозив» предполагает преодоление трех препятствий: задняя смычка (Г, К, Х); смычка в полости рта (Л, Л') или вибрация (Р); передняя смычка — билабиальная (П, Б) или дентальная (Т). Слова как бы вырываются изнутри наружу (ср. со словами, которые, напротив, втягиваются извне вовнутрь: ПиРоГ, ТаЛьК), что на уровне артикуляции повторяет вышеописанную ситуацию прорыва.

Та же модель в усложненном виде — с удвоенной задней смычкой — представлена в слове «клекот». Этот тип звукоизвлечения Пастернаком не раз упоминается («Под хлопанье крыльев, плеск и клекот»; «Сосущий клекот лихолетья»; «В последний раз орлиный клекот»), и даже там, где речь о нем не идет, словесный отбор порой определяется звукорядом КЛ'ОКЪТ:

И песни колотой куски,
Жар наспанной щеки и лоб,
В стекло, горячее, как лед,
На подзеркальнич льет,

КОЛ Т К К
КЛО
Т КЛО КЪКЛОТ
Т К Л' КЛОТ

Интересно, что цитированное стихотворение («Еще более душный рассвет») вообще строится как цепочка разных типов звукоизвлечения: «воркованье» («Все утро голубь ворковал...»), «баюканье» (с инструментовкой на АЮ: «Боюсь, мою / Баюча») и т.д., а завершается все, есте-

ственно, расстройством речевого аппарата и «хрипением» пересохшей гортани:

...Как тихий хрип,
Как хрип:
«Испить,
Сестрица».

Другие часто изображаемые типы звукоизвлечения — «бормотанье» («Быстро бормочешь вслух»; «Он ожил ночью нынешней, / Забормотал, запах»; «И бормочет: прерви: до утра») и, конечно, «щелканье» («Лишь знойное щелканье белочье»; «Ночи на щелканье славок проматывать!»; «Это — щелканье сдавленных льдинок»; «Чтоб щелкали с кольца / Клесты...»); «Бился, щелкал, царил и снял соловей»; «Ошалелое щелканье катится»). Само слово «щелканье» опять-таки может отсутствовать; соответствующий тип звукоизвлечения нередко не называется, а описывается, например в стихотворении «Эхо» — о соловьином пении:

Мне кажется, бьется о сруб
Та песня железною цепью,

— или имитируется артикуляционно:

Неистовствовал соловей.

Последняя находка лишь наполовину пастернаковская: у Б.Лившица, бывшего без ума от неполноударных строк «Адмиралтейская игла» и «Порфиноносная вдова» и без конца перебиравшего эту мелодию (несколько примеров из стихов разного времени: «Изваивая облака»; «Охвачен университет»; «Несеверные семена»; «Зимнодворцовым багрецом»; «Сердцебиением Невы»; «Гиперборейский травертин»; «Ничтожествующей страны»; «Александрийского стиха»; «Камнеподобная мечта»; «Отравленные письма»; «Соблазны полубытия»; «Кровосмесительствуя с ним»; «Вращающийся небосвод»; «Завидовал Игова»; «Благословение свое»; «Полуистлевшие в грязи»; «Кандидатурою своей»; «Иранский миниатюрист»; «Нашептывая в полусне») — так вот, у Лившица уже прозвучало: «Неистовствовал Водолей» («Насущный хлеб и сух и горек...»).

Пастернак же, заменив «Водолей» на «соловь», дал слову «неистовствовал», так сказать, естественную мотивировку, освободил его от явного налета экспериментаторства. На этом фоне другие аналогичные опыты Пастернака — «...смеялась и неистовствовала черемуха» в «Детстве Люверс» или «На ветках тысячи грачей, / Неистовствуя, как кликуши» в одной из редакций стихотворения «Февраль. Достать чернил и плакать!...» — выглядят именно опытами, пробами пера, или, точнее, голоса.

«Неистовствовал соловей» — типичный случай того, что Г.Шенгелл называл «кинетической инструментовкой», т.е. «таким подбором звуков, при котором само движение произносительного аппарата воспроизводит воображаемое явление»⁸. Подобные речевые метаописания у Пастернака не редкость: «Всюду, всюду, всюду судачили, сплетничали и сочились ручьи»; «...стали болтливо разглагольствовать католические колокола»; «Вопли лопались, вылупливались, стреляли» и т.д. Кинетическая инструментовка может сопровождаться еще и упоминанием органов артикуляции:

(1) ...они <деревья> шепчут друг другу, еле вращая сонными отяжелевшими листьями, как заплетающимися шепеливыми языками

(2) Не отсыхает ли язык
У лип, не липнут листья к небу ль?

В обоих примерах образы «листьев» и «языков» взаимоуподоблены: в (1) — через сравнение, в (2) — напрямую. Основания для взаимоуподобления очевидны: это, во-первых, распространенность метафоры «шелест листьев=речь деревьев» и, во-вторых, зрительное представление о сходной конфигурации языка и листка (липового; абрисы дубовых и ивовых листьев ассоциируются у Пастернака с рисунком губ: «И блестят, блестят, как губы, / Не утертые рукою, / Лозы ив и листья дуба»). Для примера (2) это еще и наличие общего члена в выражениях «отдохни [у меня] языку» и «язык прилип / присох к гортани», с одной стороны, и в словосочетании «засохший лист» — с другой (ср.: «...У сада пахнет / Из усыхающего рта»). Взаимоуподобление образов «листьев» и «языка» служит, в свою очередь, основанием для имитации изображаемого явления самим процессом артикуляции пяти Л': передняя и средняя части спинки языка поднимаются (т.е. как бы *липнут*) к твердому небу.

Следует обратить также внимание на значительное количество упоминаний о заболеваниях органов дыхания или об иных причинах, затрудняющих речь либо делающих ее вовсе невозможной: «...хрипы хронических гриппов»; «индюшачий кадык спирал сухой коклюш»; «...больные глотки луж»; «пылали, как горла в ангине»; «...всех лавок скарлатина»; «...в астме — кисея»; «...и астму сулят»; «листьям в августе, с астмой в каждом атоме»; «Здорово дышит ли штрека, / И нет ли хриплого оттенка»; «в одышке, далеко облако»; «урчали краны порчею аорт»; «Февраль

нищал и стал неряшлив. / Бывало, крикнет, кровь откашляв, / И сплюнет...»; «Что строчки с кровью — убивают, / Нахлынут горлом и убьют!»; «спирало гортань...»; «как пересохшая гортань»; «с перехваченной от волнения глоткой»; «...но с оцепенением, с комьями / В горле...»; «хоралу горло перегрызли»; «Ты вся — как горла перехват, / Когда его волнение сдавит»; «мне перехватило горло» и т.п.

Все это — тоже препятствия на пути стихии, энергии, силы, рвущейся на волю.

Но если рвущаяся на волю стихия, энергия, сила — не что иное как речь, то какая же это речь и о чем она?

Стихи обычно подразделяют на те, что предназначены для зрительного восприятия, и те, что обращены к слуху. Поэзия (а часто и проза) Пастернака вызывают к произнесению; она переживается не глазами и не ушами, а губами, зубами, языком, гортанью, диафрагмой, т.е. звуко- и голосообразующими, а также дыхательными органами. В уже цитированном очерке Мандельштама пастернаковская поэзия определяется как «прямое следствие особого физиологического устройства горла», а о книге «Сестра моя жизнь» говорится как о «сборнике прекрасных упражнений дыхания: каждый раз голос ставится по-иному, каждый раз иначе регулируется мощный дыхательный аппарат»⁹. Подверстаем к этому отзыву несколько пассажей из самого Пастернака — о физиологическом сопереживании чужому звукоизвлечению. В 1910 г. он писал О.Фрейденберг о том, что за музыку следят «голосовыми мускулами «символически активно»»¹⁰, а в одном из ранних прозаических набросков замечал, что «одаренные вниманием дети <...> переживают говорящего тем, что подвергают себя движениям его головы и игре рта». В «Охранной грамоте» встречаем: «...потрясенная глотка с животным медиумизмом воспроизводила судорогу жилах корпусов...» и т.д., а в «Докторе Живаго» (V, 14,16) появляется некий М.А.Клинов-Погоревших — появляется ненадолго и едва ли не затем только, чтобы оказаться «феноменально способным воспитанником школы Гартмана или Остроградского, то есть глухонемым, с невероятным совершенством выучившимся говорить не по слуху, а на глаз, по движению горловых мышц учителя, и таким же образом понимавшим речь собеседника».

Речь рефлекторная, подражательная — так говорят маленькие дети. Важны не слова, а звуки, — между ними, а не между словами все совершается и происходит.

Так начинают. Года в два
От мамки рвутся в тьму мелодий,
Щебечут, свищут, — а слова
Являются о третьем годе.

Подражания достойно все, что наделено даром речи, а им наделено все. Мир тотального говорения: чердак декламирует, сад бормочет, вечер заикается («Вечер — желтый безумный заика»), метель лепечет, ручьи сплетничают и судачат.

Сошлись и собеседуют звезды и деревья, философствуют ночные цветы и митингуют каменные здания. Что-то евангельское, не правда ли? Как во времена апостолов. Помните, у Павла? «Говорите языками и пророчествуйте. Молитесь о даре истолкования» («Доктор Живаго», V, 8).

В этом мире речь обретает и глухонемой (речь — не слух!), «причем главным для него было не общение и обмен мыслей, а сама деятельность речи, произнесение слов и издавание звуков».

Речь, рассчитанная на артикуляционное сопереживание, — это речь аффектированная и интенсивная, т.е. активно преодолевающая преграды. А.Синявский в своем «историческом» предисловии 1965 г. определил пастернаковский метод как «метафорическую скоропись действительности»¹¹. Оставив в стороне дискуссионный вопрос «метафора или метонимия?» (Р.Якобсон за тридцать лет до Синявского писал как раз о метонимической природе поэтики Пастернака), заметим, что правильнее было бы назвать это не скорописью, а скороговорением.

Вообще «поэтическая организация речи рассчитывает не на скороговорку», а «скороговорка, в свою очередь, не предназначается для чтения, имеющего в виду поэтические эмоции»¹². В пастернаковском случае, однако, все иначе. Звуки брамсовского «Интермеццо, ор. 117»:

Мне Брамса сыграют, — я вздрогну, я сдамся, —
вызывают у него ассоциацию (см. выше о слежении за музыкой «голосовыми мускулами») с известной скороговоркой:

Я вспомню покупку припасов и круп, —

ср.: «Из-под Костромщины шли четыре мужчины, говорили они про торга да про покупки, про крупу да про подкрупки» (известны и другие варианты).

Основу скороговорок составляет скопление согласных и их повтор (прямой и обратный), но такова ведь и речь Пастернака: удельный вес согласных в его стихах (и даже прозе) выше, чем в разговорной речи¹³, а звуковой повтор «становится как бы единым со стихом», «тендирует быть приравненным к понятию стиха, к самому

его принципу»¹⁴. Местами стихи превращаются в некие новые скороговорки:

В серебре и перламутре
Полумертвых фонарей

О ширь без решенья и шифр без ключа!
О крыши! Отварного ветра отдавая,
Кыш в траву и марш, тротуар горяча!

Или — из уже цитировавшегося стихотворения о Брамсе и крупах:

Художницы робкой, как сон, круголобость,
С беззлой улыбкой, улыбкой вздохом,
Улыбкой, огромной и светлой, как глобус,
Художницы облик, улыбку и лоб.

Медленно произносить такие строки невозможно: повышенная скорость чтению уже задана, как и манера исполнения — «взахлеб», преодолевая препятствия (в этом же стихотворении, кстати, поминается «астма»). Специалисты по логопатии уподобили бы это «батаризму», т.е. такому типу афазии, при котором речевое дыхание нарушено и слова произносятся в чрезмерно быстром темпе, целыми каскадами и нечетко.

...Говорила быстро-быстро, бессвязную скороговоркой... («Доктор Живаго», XVI, 10).

А parte. Сам Пастернак, как известно, речевыми расстройствами не страдал, однако чуть не все мемуаристы обращают внимание на следующие особенности его речи (несколько примеров):

М.Цветаева: ...какие-то бормотá, точно медведь просыпается. <...> Захлебывание. Задохновение. Пастернак не говорит, ему некогда договаривать, он весь разрывается, — точно грудь не вмещает: а-ах!¹⁵

И.Берлин: Пастернак говорил великолепными медлительными периодами, которые время от времени перебивались внезапным потоком нахлынувших слов; его речь зачастую перехлестывала берега грамматической правильности — ясные и строгие пассажи перемежались причудливыми, но всегда замечательно яркими и конкретными образами, которые могли переходить в речь по-настоящему темную, когда понять его уже становилось трудно, — и вдруг он внезапно снова вырывался на простор ясности; иногда его разговор был настоящей речью поэта, как и его произведения¹⁶.

И.Эренбург: Его речь — сочетание косноязычия, отчаянных потуг вытянуть из нутра необходимое слово и бурного водопада неожиданных сравнений, сложных ассоциаций, откровенностей на явно чужом языке¹⁷.

К.Чуковский: ...со всеми внезапными взрывами его густого гудящего баритона <...> со всей причудливой манерой обрушивать на собеседника лавину признаний, откровений, размышлений, предчувствий, догадок, надежд¹⁸.

Л.Чуковская: Выкрикивал он громко, с надрывом, с отчаяньем, и даже приседал от натуги, словно камни выталкивал из горла¹⁹.

Н.Муравина: Необычен и его голос, низкий, гудящий, похожий на голос чревоушателя²⁰.

М.Поливанов: Его скорее низкий голос шел из глубины и, казалось, захватывал его самого целиком этими произносимыми строками, и все окрашивалось неповторимой интонацией взволнованного, живого и подлинного чувства, где-то почти на грани вслипливания и захлеба, с которой он говорил всегда, которая была его естественной сущностью²¹.

Любопытно, что наблюдения над поэтической речью Пастернака (Эренбург, отчасти Цветаева) и отзывы о его повседневной речи неотличимы, и что пастернаковская речь местами описывается совершенно по-пастернаковски. (Таков же был и гипноз слога Ремизова: вспоминая о нем, современники то и дело невольно переходят на сказ. Воистину: *Le style c'est l'homme même.*)

Примечательны пастернаковские уподобления речи — бреду и косноязычию: «Назвать тебя мне уст-калек углами?»; «Уж замка тень росла из крика / Обретших слово, а в горах, / Как мамкой пуганный заяц, / Мычал и таял Девдорах»; «Льетса без умолку бред торопливый / Полубезумного болтуна»; «Речь половодья — бред бытия»; «Речь их, как кисти слепых повитух. / Это ведь бредишь ты, невменяемый, / Быстро бормочешь вслух»; «И в лихорадке бредил бог»; «Неистовствуя, как кликуши»; «За косноязычную далью в развалинах»; «Язык и глагол ее, — месяц небесный, / Нет, косноязычный, гундосый и сиплый...»; «Мой друг, ты спросишь, кто велит, / Чтоб жглась юродивого речь?»

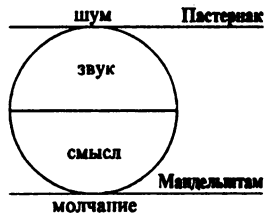
Только ~~Д.Долженков~~ ~~написал~~: «С Блоком чувствовал свое родство Пастернак, а не с Белым, который был чужд ему своей экзальтированностью...»²². Говорить о пастернаковской «задолженности» Белому не нужно (это уже сделано, делалось и еще не раз, поскольку «долг» велик, будет сделано); стоит лишь отметить, что «невнятность» Пастернака была во многом унаследована им от Белого. Во многом, но далеко не во всем.

Белый в 1933 г. писал Б.Томашевскому: «Я давно осознал тему свою; эта тема — косноязычие, постоянно преодолеваемое искусственно себе сфабрикованным языком»²³. Если воспользоваться типологией глоссолатий, предположенной Э.Ломбаром²⁴, то «косноязычие» Белого можно сблизить с глоссолатией как псевдоязыком: говорящий на нем экзатик искажает реальные слова (ср. квазиэтимологические опыты Белого), повторяет одни и те же слоги, часто пользуется аллитерацией и метризует глоссы. (А резкая индивидуализация синтаксиса Белого позволяет уподобить его речь даже глоссопоэзии — говорению на полностью выдуманном языке). Пастерна-

ковские же приступы «косноязычия» напоминают скорее то, что Ломбар определял «как *fonations frustes*» — предварительную стадию транса, дословесную глоссолалию: нечленораздельные звуки, рыдание, свист, подражание речи животных.

В начале 1910-х гг. Пастернак сформулирует свое знаменитое «И чем случайней, тем вернее» и назовет себя «столпом дремучих диалектов», а спустя десять лет медиумический склад его самоощущения и понимание им творческого акта как экзотической импровизации станут предметом обсуждения и не самых прозорливых критиков. (Странно, что профессиональных литературоведов отсутствие в лирике и прозе Пастернака «истинного *agens'a*» заинтригует много позже и продолжает удивлять до сих пор).

В заключение стоило бы сопоставить поэтические системы Пастернака и Мандельштама (обоих при этом, конечно, сильно примитивизировав) по их отношению к слову как звуко-смысловому единству. Схематически это можно изобразить примерно так:

Необходимостью иметь дело со «словом-в-целом» тяготились оба, но каждый на свой лад: Пастернаку хотелось бы ограничиться *плотью* слова (Цветаева в 1923 г. писала ему: «Звук Вы любите больше слова, и шум (пустой) больше звука, — потому что в нем *всё*»²⁵); Мандельштаму же, кажется, довольно было бы только *духа* слова: «У него, — замечал Тынянов, — не слова, а тени слов. У Пастернака слово становится почти осязаемой стиховой вещью; у Мандельштама вещь становится стиховой абстракцией»²⁶. Отсюда — поэтика скороговорки у первого и загадки у второго. Их поэтические системы располагались как бы на границах слова: у Пастернака — на границе звука с шумом (речью природы, которую он транслировал), у Мандельштама — на границе смысла с молчанием (молчанием, исполненным смысла). То, что было за гранью, завораживало, притягивало и пугало. Пастернак искренно пытался преодолеть свою «невнятность», Мандельштам преследовал страх немоты. Пользоваться словом как единством значения и звучания они были вынуждены, поскольку при всем желании первый не мог обернуться соловьем, грозой и ручьем, а второй — стать готическим собором.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Панов М. Русская фонетика. М., 1967. С.80.
² Цветаева М. Световой ливень // Цветаева М. Сочинения. В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.А.Саакянц. М., 1988. Т.2. С.333.
³ Цит. по: Пастернак Б. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1989. Т.1: Стихотворения и поэмы. 1912-1931 / Предисл. Д.С.Лихачева; Сост. и коммент. Е.В.Пастернак и К.М.Поливанова. С.642.
⁴ Цветаева М. Указ. соч. С.343.
⁵ Мандельштам О. Сочинения в 2 т. М., 1990. Т.2: Проза; Переводы / Сост. С.С.Аверинцева и П.М.Нерлера; Подгот. текста и коммент. А.Д.Михайлова и П.М.Нерлера. С.210.
⁶ Юнгтрен А. *Juvenilia* Б.Пастернака: 6 фрагментов о Реликвимини: Doctoral Diss. Stockholm, 1984. P.163-164.
⁷ Вуканович Е. Звуковая фактура стихотворений сборника «Сестра моя жизнь» Б.Л.Пастернака. Lansing, 1971. P.161, 162, 173-175.
⁸ Шенгели Г. Техника стиха / Предисл. Л.И.Тимофеева. М., 1960. С.266.
⁹ Мандельштам О. Указ. соч. С.210.
¹⁰ Пастернак Б. Переписка с Ольгой Фрейденберг / Под ред. и с коммент. Э.Мосмана. New York; London, 1981. P.26.
¹¹ Синявский А.Д. Поэзия Пастернака // Пастернак Б. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста и примеч. Л.А.Озерова. М.; Л., 1965. С.19. (Библиотека поэта. Большая серия).
¹² Поливанов Е. Общий фонетический принцип всякой поэтической техники / Предисл. и коммент.

А.А.Леонтьева // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С.100.
¹³ См.: Вуканович Е. Op. cit. P.160, 172, 174.
¹⁴ Dahl J. Некоторые особенности звуковых повторов Бориса Пастернака. Göteborg, 1978. S.131.
¹⁵ Цветаева М. Указ. соч. С.328, 329.
¹⁶ Берлин И. Встречи с русскими писателями. 1945 и 1956 // Воспоминания о Борисе Пастернаке / Сост., подгот. текста и коммент. Е.В.Пастернак и М.И.Фейнберг. М., 1993. С.522-523.
¹⁷ Эренбург И. Портреты современных поэтов. М., 1923. С.62.
¹⁸ Чуковский К. Ираклий Андроников // Чуковский К. Собр. соч. В 6 т. М., 1969. Т.6. С.630.
¹⁹ Чуковская Л. Отрывки-из дневника // Воспоминания о Борисе Пастернаке. С.415.
²⁰ Муравина Н. Встречи с Пастернаком. Tenafly (N.J.), 1990. С.7.
²¹ Поливанов М.К. Тайная свобода // Воспоминания о Борисе Пастернаке. С.495.
²² Долгополов Л. Андрей Белый и его роман «Петербург». Л., 1988. С.200.
²³ Б.В.Томашевский в переписке с Андреем Белым / Публ. А.В.Лаврова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С.226.
²⁴ Lombard E. De la glossolalie. Losanne; Paris, 1910.
²⁵ Цветаева М. Указ. соч. С.481.
²⁶ Тынянов Ю. Поэтика. История литературы. Кино / Изд. подгот. Е.А.Тоддесом, А.П.Чудаковым и М.О.Чудаковой. М., 1977. С.189.

М.А.КОЛЕРОВ

ПОЧЕМУ П.Б.СТРУВЕ ОТКАЗАЛСЯ ПЕЧАТАТЬ «ПЕТЕРБУРГ» А.БЕЛОГО

Факты общезвестны: в январе 1912 г. редактор журнала «Русская мысль» П.Б.Струве прочел первые три главы романа Андрея Белого и, несмотря на сделанный писателю заказ, решительно отказался его печатать. Хотя представленные главы были лишь первым вариантом, да и роман не имел окончательного названия, уже эти подступы к теме отвратили заказчика. Можно подумать, что причины такого решения были чрезвычайно принципиальны и настолько существенны, что никогда не отличавшийся скупостью редактор отказался выплатить автору гонорар. В этом чувствовалась обида.

В письме В.Я.Брюсову Струве подчеркивал: «Вещь эта абсолютно неприемлема, написана претенциозно и небрежно до последней степени»¹. И несколько дней спустя называл роман «незрелым и прямо уродливым произведением». Но нисколько не прояснял, что именно вызвало его неприятие. Ведь публикация на страницах «Русской мысли» под редакцией Струве произведений небрежных и просто посредственных не была редкостью.

Предположения, высказанные наблюдателями инцидента, исходили из возможности принципиальных разногласий. Белый так излагал версию Брюсова: Струве «имеет очень многое возразить против тенденции «Петербург», находя, что она очень зла и даже скептически. <...> Только потом стало ясно, что я, как всегда, не тактично дал маху, попавши не в бровь, а в глаз Струве; у меня в романе изображен рассеянный либеральный деятель, на последнем митинге сказавший радикальную речь и тут же переметнувшийся вправо; и по виду своему, и по политической ситуации это был живой портрет Струве, который увидел себя»². Газетно-журнальные подтрунивания над Струве в 1906-1911 гг. были очень распространены, особенно после того, как, говоря словами романа, «готовилось нечто вроде сближения между одною из групп <...> гуманных реформ — с истинно-патриотическими сердцами» (с.153). И хотя параллели между образом «либерального профессора» и Струве возможны (равно как и параллели с другими деятелями эпохи), представляется обоснованной осторожность исследова-

телей романа, сообщающих, что документальных подтверждений того, что Струве узнал себя в герое, нет (с.664). В отсутствие позднейших «личных» догадок Белого складывалось мнение о том, что «по мнению Струве, роман имел в себе антизападнические идеи и проникнут пессимизмом» (с.557-558).

Видимо, из совокупности догадок и вытекает суждение исследователя о причинах инцидента, согласно которому «Струве, один из идеологов конституционной монархии и лидеров кадетской партии, вряд ли способен был одобрить ту злую критику в адрес буржуазных верхов России и всей системы государственности, которая содержалась в романе Белого. Сторонник буржуазных реформ, Струве, естественно, не мог положительно отнестись и к тому отрицанию Запада, которое заполняло страницы романа Белого» (с.556). Или еще конкретнее: «Для редактора «Русской мысли» была скорее неприемлема <...> резкая критика правительственно-бюрократических кругов»³.

Однако, во-первых, Струве вовсе не был «идеологом конституционной монархии» и к 1912 г. был далек и от лидерства и от активного членства в кадетской партии. Будучи, во-вторых, безусловным сторонником буржуазных реформ, он именно по рекомендации «славянофила» С.Н.Булгакова, восхищенного «славянофильским» «Серебряным голубем» Белого, заказал ему новый роман⁴. А свое демонстративное западничество столь же демонстративно соединял с национализмом. И на страницах «Русской мысли» привечал неблизких западничеству В.В.Розанова, В.П.Свенцицкого, С.Н.Булгакова и др. Что же касается «резкой критики», не принятой Струве, то вряд ли она вступала в противоречие с тем, что писал сам Струве о «правительственно-бюрократических кругах» в описываемые годы: их «полном вырождении», «трупном яде» и о том, что «существующий порядок должен быть разрушен»⁵.

Причины резкого неприятия «Петербурга» не могут зависеть и от литературных пристрастий Струве. Одним из первых пропагандируя Ницше и Сологуба, восхищаясь Брюсовым, Струве

жесткой рукой пресекал начавшееся было (благодаря С.В.Лурье и С.Л.Франку) сотрудничество А.М.Ремизова в «Русской мысли».

Поэтому первым по значению должен стать вопрос о том, какой именно текст был принесен Брюсовым в редакцию журнала и прочитан Струве. Освещающая текстологическую историю романа, Л.К.Долгополов пишет: «Что реально осталось сейчас от первых редакций романа? От начальной, “журнальной”, так испугавшей П.Б.Струве своей “антизападнической” тенденцией, — фактически очень мало»: небольшое количество машинописных листов с рукописной правкой. «Восстановить по этим листам текст, который имел бы связный характер <...> сейчас уже невозможно» (с.569-571). По наблюдениям Р.В.Иванова-Разумника, листы этой редакции «лишь слегка вкраплены в рукопись I-ой главы романа, составляют большую часть II-ой, всю III-ю и первую треть IV-ой главы, но все они сильно правлены и переделаны в 1912 году»⁶. Указанная треть четвертой главы и включает в себя главу «Бал» о переметнувшемся к правым «либеральном профессоре». Об «антизападнических мотивах» сказать ничего нельзя. Наиболее близкая к первоначальной «некрасовская» редакция «Петербурга» в львиной доле соответствующих глав посвящена «мозговой игре» как первопричине вещей и не дает достаточного материала для заключений об антиправительственном духе текста.

Следует искать «личного», непосредственно затрагивающего редактора и вызывающего его личную обиду. «Два оттопыренных уха» героя в равной степени напоминают и К.П.Победоносцева и Струве. Или ненависть Аполлона Аполлоновича Аблеухова к общине и любовь к хуторскому хозяйству (с.429) вовсе не обязательно отсылают читателя к П.А.Столыпину (действие развивается в 1905 г.) или С.Ю.Витте, аграрные проекты которого являются непосредственным источником столыпинских⁷. Все это в полной мере можно отнести на счет Струве и его первой книги «Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России» (1894).

Из первоначального текста, представленного в «Русскую мысль», впоследствии исчезла другая история из революционной молодости 1890-х гг. В качестве одного из примеров «мозговой игры» Аблеухова Андрей Белый приводил эпизод, когда тот занялся «методикой социальных явлений»; и <...> предопределил сей жизни безусловное социальное равенство, долженствующее превратить земной шар в систему планомерных квадратов, по числу обитателей этого земного шара». «Но теоретический идеал оказался неадекватен действительности» — и герой Белого «обрек на гибель неадекватное проявление мира в социальных формах неравенства. И как только обрек он на гибель не-

адекватное себе самому проявление мира в социальных формах неравенства (это было, когда о своем решении он прочел реферат в самообразовательном кружке), слух о нем распространился далеко за пределами самообразовательного кружка. И тогда в кружки, в заседания, в совещания легкомысленной партии повлекли насильно брэнную форму непогрешимого и сурового существа <...>. Но едва оно раскрывало рот, как из этой брэнной эмпирики вылетали одни только трансцендентальные истины; низвергались систематически — религия, метафизика, мистика, этнография, национальность, капитализм. Но едва оканчивались трансцендентальные акты суждений, как усталое, побледневшее и всегда любезное существо со склеротическим лбом, испугавшись итогов своей трансцендентальной способности, поскорее домой несло свою оболочку; всякий радикализм как-то сам собой угасал вплоть до... нового акта суждений» (с.480).

Трудно представить себе более точное, злое и жестокое изображение юношеской социал-демократической карьеры Петра Бернгардовича Струве. Действительно переходивший в своих размышлениях от социологии к теории познания, кабинетный, нескладный, бледный, постоянно болеющий, с трудом и мучениями выговаривающий сложные, насыщенные научной терминологией суждения, Струве в очень молодом возрасте неожиданно для самого себя стал лидером молодежи в «кружках самообразования». Его рефераты и малопонятные речи собирали толпы восторженных поклонников, а недостаточную ясность речей оратора с лихвой восполняла ясность их политического радикализма. Его чувство собственной избранности и сосредоточенность на развитии собственной мысли, привычка «вещать» в самом деле превращали его идейно-политическую эволюцию в процесс выработки формул и мыслительных решений. В конце концов, Струве отнюдь не чужда была и «мозговая игра», диктовавшая его политическое поведение⁸. Одним словом, в предложенных Белым трех первых главах нового романа Струве увидел злую пародию на свою, в отличие от либеральной деятельности, малоизвестную, и в этом смысле — интимную, эпоху жизни. Пародию тем более удачную, что вышла она совершенно произвольно, из исследования «ставрогинской» природы русского радикализма.

Упомянутые три главы сам Белый называл «непонятными» (с.566), а Блок — «злыми» (с.567). И в этом немотивированном «злом» контексте с полной очевидностью для Струве выделялись ясные и «мотивированные» разоблачения его духовной эволюции. И никакие идеи романа не могли уже повлиять на решение уязвленного в самом интимном Струве.

¹ Цит. по: Долгополов Л.К. Творческая история и историко-литературное значение романа А.Белого «Петербург» // Белый Андрей. Петербург. Л., 1981 (Литературные памятники). С.555. Далее ссылки на это издание даются в тексте.

² Белый Андрей. Между двух революций / Подгот. текста и коммент. А.В.Лаврова. М., 1990. С.438.

³ Гречишкин С.С., Лавров А.В. [Вступительная статья] / Переписка с Андреем Белым. (1902-1912) // Валерий Брюсов. М., 1976 (Литературное наследство. Т.85). С.344.

⁴ Лавров А.В. Комментарии // Белый Андрей. Между двух революций. С.555.

⁵ См. специальный раздел «Политика» в сборнике статей П.Б.Струве «Patriotica» (СПб., 1911. С.1-305).

⁶ К истории текста «Петербурга» // Иванов-Разумник Р.В. Вершины: Александр Блок. Андрей Белый. Пг., 1923. С.90.

⁷ См.: Симонова М.С. Кризис аграрной политики царизма накануне Первой российской революции. М., 1987.

⁸ Этот портрет Струве составлен по его эпистолярно и мемуарам лично знавших его людей. Укажу лишь на небольшой, но редкий по своей объективности отрывок из ранней редакции знаменитых мемуаров В.А.Оболенского «Моя жизнь. Мои современники», см.: Оболенский В.А. Воспоминание о П.Б.Струве // Вестник РХД. Париж, 1981. № 134. С.110-111.

К.М.ПОЛИВАНОВ

НЕИЗВЕСТНАЯ СТИХОТВОРНАЯ НАДПИСЬ Б.Л.ПАСТЕРНАКА*

*Юлиану
горячо и братски Б.П.*

*Когда ж лиловой двери
Не стали в ночь захлопывать,
В ненастье шло поверье
Глушила осень проповедь.*

Эта надпись на титульном листе сборника «Близнец в тучах» (1913), хранящегося в собрании Государственного литературного музея (Москва), и была выставлена летом 1993 г. на выставке, посвященной 100-летию В.В.Маяковского.

Написанное на книге Ю.П.Анисимову четверостишие, очевидно, представляет собой фрагмент ранних несохранившихся стихов Пастернака, которые начинающий поэт не включил при тщательном отборе в свою первую книгу стихов¹.

В этих четырех строчках мы встречаемся с типичными чертами пастернаковских стихов этих лет — «осень» и «ненастье» принадлежат к числу сквозных организующих мотивов «Близнеца в тучах», а «лиловая дверь» свидетельствует о том, что Пастернак в ранних стихах исправно платил дань поэтике модернизма — уже с 1890-х лиловый цвет воспринимался как «сигнал» декадентской ориентации поэтического текста.

История отношений Пастернака с адресатом дарственной надписи — поэтом и переводчиком Юлианом Павловичем Анисимовым (1889-1940) достаточно хорошо известна. В квартире Анисимова на Разгуляе собирался московский кружок музыкантов и поэтов «Сердарда», куда входил и Пастернак. В «Охранной грамоте» кружок назван «пьяным сообществом», но позже, в «Людах и положениях», описана атмосфера собраний и перечислены постоянные посети-

тели: композитор Б.Б.Красин, поэт С.Н.Дурылин, издатель А.М.Кожеваткин. Подробнее всего говорится об Аркадии Гурьеве. Читателей пастернаковского автобиографического очерка не могла, вероятно, не удивлять характеристика этого не просто забытого, но даже и в 1900-1910-х гг. практически никому не известного поэта: «Незаурядные стихи его предвосхищали будущую необузданную искренность Маяковского и живо передающиеся читателю отчетливые образы Есенина»².

Определенным комментарием к этой фразе может служить стихотворение А.Гурьева из его единственного сборника «Безответное» (М., б/г) — «Память», написанное четырехстопным ямбом с редким чередованием женских и дактилических рифм, которое, несомненно, послужило одним из главных литературных источников пастернаковского «Августа»³ (написанного лишь несколькими годами раньше «Людей и положений»):

ПАМЯТЬ

Сквозь спущенные занавески
Втекает в гроб мой свет полуденный...
Незаглушенный в резком блеске —
Правдив и нежен день мой буденный. —
В душе спокойное сознание
Того, что я прошел все радости; —
Во мне весна — воспоминанье,
Слова и пеплы — знаки младости.

.....
Так. В нескончаемой заботе
Свершайте, тени, путь назначенный...
Вы все — гроба свои найдете,
И в них — цветы и огонь растроченный...
Как я — спокойно погруженный
В воспоминанье настоящего:
Так ваш восторг — лишь отраженный
В стихании огня горящего...

* Настоящая публикация подготовлена в рамках проекта «Б.Пастернак и его эпоха», финансируемого Фондом Культурная Инициатива (Фонд Сороса).

Фактически продолжением «Сердарды» явился кружок «Лирика», в одноименном издательстве которого и вышел «Близнец в тучах». «Лирика» просуществовала недолго, ее раскол привел к образованию футуристической «Центрифуги», куда и вошел Б.Пастернак. О литературных причинах раскола писалось неоднократно, однако недавно опубликованные письма Пастернака к К.Г.Локсу проливают новый свет на происшедшие события. Из письма 27 января 1914 г.⁴ становится очевидным, что одним из непосредственных поводов к подписанию манифеста «Центрифуги» послужил разговор с Н.М.Мешковым, приведший Пастернака к убеждению в невозможности оставаться в одной группе с людьми, позволяющими себе «стилистически-этнографические замечания оскорбительного толка» (так описывает Пастернак юдофобские, очевидно, реплики Анисимова и Мешкова).

Николай Михайлович Мешков (1885-1947) — еще один забытый московский поэт начала века. Содержащиеся в его стихотворных сборниках многочисленные дружеские посвящения С.Я.Рубановичу, С.Н.Дурылину, Б.Б.Красину, А.И.Гурьеву и др. свидетельствуют о близости с участниками как «Сердарды», так и «Лирики». Среди излюбленных тем стихотворений Мешкова, неуклюжесть и редкостный версификационный консерватизм которых отмечали все рецензенты, — московские монастыри и храмы,

колокольные звоны и т.п. Можно предположить, что своеобразным продолжением спора с Мешковым могли быть для Пастернака его «ультра-футуристические» стихи «Мельхиор» и «Об Иване Великом», опубликованные им в 1914 г. в декларативном альманахе «Центрифуги» — «Руконого».

Отношения же с Анисимовым Пастернак подерживал и позже: в 1920-х гг. он бывал в его квартире в Мертвом переулке, где в ноябре 1923 г. читал свою «Высокую болезнь»⁵.

¹ О большом количестве таких текстов см. в воспоминаниях: Локс К.Г. Повесть об одном десятилетии / Публ. Е.В.Пастернак и К.М.Поливанова // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. [Вып.] 15. С.106.

² Пастернак Б. Собрание сочинений. В 5 т. М., 1991. Т.4: Повести; Статьи; Очерки / Сост., подгот. текста и коммент. В.М.Борисова и Е.Б.Пастернака. С.318.

³ Впрочем, как отметил И.Смирнов, такая же схема рифмовки — и в «Моих похоронах» И.Северянина, также возможном источнике «Августа»; см.: Смирнов И. Порождение интертекста: Элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б.Л.Пастернака // Wiener Slawistischer Almanach. Wien, 1985. Sbd.17. S.201.

⁴ См.: Пастернак Б. Письма к Константину Локсу / Публ. Е.Б.Пастернака и Е.В.Пастернак // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1994. [Вып. 13]. С.182-183.

⁵ См.: Горнунг Л.В. Встреча за встречей: По дневниковым записям / Примеч. К.М.Поливанова // Литературное обозрение. 1990. № 5. С.102.

Р.Д.ТИМЕНЧИК

ЗАБЫТЫЙ ЭКСПРОМТ В.ПЯСТА

В дополнение к ничевочиане А.Т.Никитаева (DV. 1992. № 0) я бы добавил фрагмент, опубликованный Р.Б.Заборовой в статье «Из архивных разысканий о Сергее Есенине»¹: «1921 годом помечена и шутка В.Пяста о литературной разногласии того времени — “Питер против Москвы”, — в которой “Хор москвичей” (под водительством Маяковского и Майоренгофа*) “конфузит” “Хор питерских писателей”. На стихи питерцев —

У вас ничевок какой-то Рюрик Рок,
Для нас ничевок сам Блок... —

москвичи отвечают куплетами, начинающимися словами:

Есенин у нас — класс.
Ваш хилый Кузмин что? — сплин...»**

Приводим ниже полный текст этого сочинения В.Пяста:

ПИТЕР ПРОТИВ МОСКВЫ (коллективная декламация, амебеино)

Хор питерских поэтов
(под водительством Ник. Оцуца
и Жоржа Иванова)

У вас ничевок какой-то* Рюрик Рок,
Для нас ничевок сам Блок.
У вас Мандельштам вечно где-то там,
У нас же он весь здесь.
Адалис у вас — пасс,
Павлович у нас — бас;
У нас Ольга Форш, морж;
У нас дирижер Жорж.

(ликуют)

Хор москвичей
(под водительством Маяковского
и Майоренгофа)
(бодро)

Есенин у нас — класс,
Ваш хилый Кузмин что? — сплин;
Для вас и Юркун — гунн,

* Примеч. Р.Б.Заборовой: Шутливая переделка фамилии А.Б.Маренгофа.

** Примеч. Р.Б.Заборовой: ГПБ. Ф.207. № 106. Л.63. Запись внесена позднее — 17 (30) декабря 1924 года.

* Набранные полужирным шрифтом слова «надставлены» над строками В.Пястом.

Для нас и Пильняк-с — клякс;
 Что весит ваш Лунц? — унц...
 А ваш Мандельштам? — грамм...
 Вам правит Оцуп клуб,
 По нас Пястоцуп глуп.
 Для вас Нельдихен — член;
 По нас Нельдихен — тлен;
 У вас Владислав — граф,
 По нас Владислав слишком прав;
 Рождественский ваш *стаж*,
 А Кусиков наш апаш!

(припрыгивают, петербуржцы проваливаются от стыда)

Очевидно, пястовский экспромт в первом варианте (до «надставок») был метрически настроен в тон мандельштамовскому «Сегодня дурной день...», а семантически выводил в рифму сближение односложных «Рока» и «Блока» у Мандельштама в конкурсе экспромтов 1911 г., в

котором участвовал и Пяст. В перечнях литературных звезд блистают своим отсутствием неписанные вожди обоих полухорий — Брюсов (разве что предвставленный метонимически своей креатурой Адалис) и Гумилев, создатель Клуба поэтов («Оцуп-клуба»), в пьесе которого «Гондла» в ростовской постановке как будто играл статистом Рок. Менее значимо отсутствие зимовавших тогда в Баку Вяч. Иванова и Городецкого. Последний, вернувшись в Россию, перешел из петербургского хора в московский и тут же заклеил «махровую тенденцию» ничевочества и лично «Юрия Рока»².

¹ Русская литература. 1970. № 2. С. 153.

² Городецкий С. Обзор областной поэзии // Красная новь. 1921. № 4. С.280.

Л.Ф.КАЦИС

ЕЩЕ РАЗ К ТЕМЕ «М.А.КУЗМИН И М.А.БУЛГАКОВ»

Сравнительно недавно в журнале «Слово»¹ была опубликована новая находка: концовка «Белой гвардии» М.А.Булгакова, которая так и не появилась в прекратившем существование в 1926 г. журнале «Россия». В новонайденном тексте наибольший, с нашей точки зрения, интерес представляет первый вариант так называемого «сна» Турбина. Приведем несколько отрывков из этого эпизода:

В теплых комнатах поселились сны. В своей комнате спал старший Турбин. <...> Сон развернулся воедино. Видел Турбин тяжкий, больной, ревнивый сон. Был он в своей *страшной ясности** — сон вещей. Ах, замучила Юлия Алексея Васильевича Турбина. Любит Алексей Васильевич Юлию таинственную. <...> КрадетсЯ Турбин, полный злобы, подозрения и отваги, и верный браунинг у него в кармане... <...>
 — Ах ты... — хрипит Турбин Юлии.

*Хожу ли я,
 Брожу ли я,
 Плюю ли я!
 Все Юлия да Юлия! —*

и грозит пистолетом. Но что значит нестреляющий пистолет! <...>

Здесь невозможно не узнать отголоски стихотворения М.Кузмина «В саду» из сборника «Сети»:

*Хотите знать Вы, люблю ли я,
 Люблю ли, бесценная Юлия?
 Сердцем давно Вы это узнали.*

Совпадает с кузминским стихотворением (правда, как и всегда у Булгакова, в «вывернутом» виде) и эпизод, предшествующий процитированным строкам:

Была какая-то скверная ночь. Понимаете, ночь, а видно, как днем. И в то же время темно. И вот крадетсЯ, крадетсЯ Алексей по ступеням этого *лучшего в мире садика* к флигельку, к этому флигельку².

Стихотворение же Кузмина заканчивается приходом обманутого мужа:

*Легко сердце прелестницы,
 Отлоги ступени лестницы —
 К той же ведут их веранде.
 .....
 Муж Юлии той обманутой,
 В жилет атласный затянутый —
 Стекла блеснули его лорнета.*

В турбинском сне обманутым оказывается Турбин, именно он пытается убить своего противника из ревности в «кузминском саду». Для Булгакова же очевидно — «прекрасная ясность», провозглашенная Кузминым, теперь, после революции, стала «страшной ясностью» — послереволюционной явью.

В статье, опубликованной три года назад³, не зная, конечно, об этом варианте концовки «Белой гвардии», мы показали широкий и разветвленный кузминский слой в романе Михаила Булгакова, пронизывающий текст на всех структурных и смысловых уровнях. Теперь же, кажется, мы получили убедительное подтверждение нашей работе.

¹ Булгаков М. Белая гвардия / Публ. И.Владимирова // Слово. 1992. № 7. С.63-70.

² Там же. С.68.

³ Кацис Л. «...О том, что никто не придет назад»: Предреволюционный Петербург в «Белой гвардии» М.А.Булгакова // Литературное обозрение. 1991. № 5. С.78-86.

* Здесь и далее курсив наш. (Л.К.)

Ф.Р.БАЛОНОВ

«МОСКОВСКИЙ ВАВИЛОН» И «КРИВОЕ ЗЕРКАЛО»

М.А.БУЛГАКОВ В «СОВАВТОРСТВЕ»
С И.ИЛЬФОМ И В.П.КАТАЕВЫМ

Известно, что в 1920-е гг. в редакции московской газеты «Гудок» трудилось немало начинающих журналистов, ставших впоследствии знаменитыми писателями. Среди них были М.А.Булгаков, В.П.Катаев, И.А.Файнзильберг (Ильф). Менее известно то, что эти писатели, до поры до времени писавшие лишь небольшие фельетоны и рассказы, одновременно сотрудничали с другими периодическими изданиями, и не только московскими. И уж совсем забытыми оказались их публикации, рассеянные по страницам двух бакинских изданий: газеты «Бакинский рабочий» и сатирико-юмористического приложения к ней — журнала «Желонка»¹.

Ранее других на страницах «Бакинского рабочего» появляются произведения М.А.Булгакова — еще в «догудковскую» пору. В «Гудке» Булгаков начал работать в феврале 1923 г., первая же его публикация в «Бакинском рабочем» состоялась в октябре 1922 г. (перепечатка из берлинской газеты «Накануне» «Похождений Чичикова»²). С «Накануне» М.Булгаков начал сотрудничество весной 1922 г. «Похождения Чичикова» публиковались там двумя неделями раньше, чем в Баку. Московская редакция «Накануне» в то время располагалась в «Доме Нирнзее» (Б.Гнездиновский пер., 10), приютившем редакции множества газет и журналов³. Не исключено, что там же находился и московский корпункт «Бакинского рабочего». В пользу того, что газета имела свое представительство в Москве, говорит то, с какой оперативностью и высокой степенью осведомленности она откликалась на московские события литературной и театральной жизни, печатала произведения московских и петроградских (позднее — ленинградских) авторов. Размещение же по соседству с «Накануне» могло облегчить оперативную перепечатку материалов со страниц берлинского собрата, числившегося, как и «Бакинский рабочий», по ведомству партийных изданий⁴. Перепечатывались отсюда бакинской газетой произведения не только Булгакова.

После первой публикации М.А.Булгакова в «Бакинском рабочем» прошло пятнадцать месяцев, прежде чем здесь появляются отрывки из 1-й части его «Записок на манжетах», датированные автором маем 1923 г.⁵ Другие фрагменты «Записок» были опубликованы ранее⁶, и между ними и бакинской публикацией есть различия. Спустя месяц появился здесь и булгаковский репортаж о прощании Москвы с телом Ленина, не повторяющий его «гудковского» очер-

ка на ту же тему «Часы жизни и смерти». Бакинский очерк, написанный, по-видимому, даже чуть раньше «гудковского», позволяет, как нам уже приходилось писать (см. примеч. 1), поиному взглянуть на известный «гудковский» текст.

В марте 1924 г. в «Бакинском рабочем» публикуется рассказ Булгакова «Бурнаковский племянник»⁷. В библиографии произведений Булгакова, составленной Б.С.Мягковым, отмечено, что рассказ этот опубликован в рубрике «Московский Вавилон»⁸. Но такой рубрики в газете до публикации «Бурнаковского племянника» не было. Эта, говоря точнее, «шапка» впоследствии встретится в газете только один раз: всего через два дня, над заглавием рассказа Ильфа «Изобретение мистера Принцметалла»⁹. Поскольку перед заглавием булгаковского рассказа стоит цифра 1 (обстоятельство, не учтенное ни Б.С.Мягковым, ни составителями сборников сочинений, многотомников и сборников избранных произведений М.А.Булгакова), есть основания считать, что «Московский Вавилон» — название цикла, задуманного и осуществленного Булгаковым и Ильфом. Этот цикл представляет собой триптих. Его третьей «створкой» стал рассказ Ильфа «Катя-Китти-Кэт», опубликованный вскоре «Желонкой»¹⁰. Очевидно, все три части триптиха редакция планировала приурочить к 1 апреля, но выход очередного номера журнала по каким-то причинам задержался, сроки отодвигались неоднократно, о чем газета не раз уведомляла читателей. Выход этого номера был проанонсирован и 30 марта, т.е. в том же номере газеты, где был опубликован «Бурнаковский племянник» Булгакова. При этом указывалось, что очередной номер «Желонки» «выходит сегодня, 30 марта. Следующий номер <...> выйдет 10 апреля»¹¹. Фактически же номер журнала с рассказом Ильфа появился только в мае. Здесь обозначена и рубрика — «Рабкория», — в которой был помещен этот рассказ. Ниже крупным жирным шрифтом было обозначено: «Московский Вавилон», еще ниже — полужирным — «Катя-Китти-Кэт».

Что же, помимо общего названия цикла, объединяет три рассказа и создает триптих? Его первую и центральную «створку» здесь, видимо, образует рассказ Булгакова, две другие — рассказы Ильфа. Не только потому, что рассказ Булгакова несколько больше по объему ильфовских. Его центральное место, на наш взгляд, оправдано и тем, что здесь наиболее полно дана картина нового столпотворения, «Нового Вавилона». Сюжетообразующим стержнем здесь яв-

ляется пресловутый «квартирный вопрос», который не раз еще будет обыгран Булгаковым. Этот же стержень и в рассказе Ильфа «Катя-Китти-Кэт». В другом ильфовском рассказе появляется, в ироничном свете, и фигура Булгакова и один из атрибутов его будущего романа (бриллиантовая подкова).

Триптих Булгакова и Ильфа не открывал, но и не закрывал тему «Нового Вавилона» в произведениях писателей — тему, достаточно распространенную в искусстве 1920-х гг., но получившую у Булгакова и Ильфа особую трактовку¹².

На страницах бакинских изданий Булгаков выступил позднее и «в соавторстве» с Катаевым. В августе 1924 г. с разрывом в неделю на страницах «Бакинского рабочего» появляются друг за другом два рассказа: М.Булгакова — «Три застенка»¹³ и В.Катаева — «Хитрый Безмылов»¹⁴. Эти рассказы были объединены общим «надзаголовком»: «Кривое зеркало». Название цикла восходит, без сомнения, и к сборнику пародий Александра Измайлова (1908 г.), и к театру пародий с тем же названием. Этот театр, бывавший на гастролях в Киеве, мог быть известен Булгакову не только по откликам в театральной прессе, но и de visu (во всяком случае, совершенно в духе этого театра Булгаков позднее напишет свою пьесу — «Багровый остров», где ощутима переключка с «Вампукой», прославившей прежде «Кривое зеркало»).

¹ См. об этом также наши публикации: Забытый репортаж Михаила Булгакова // Аничков мост. СПб., 1992. № 8 (март); Апрельский рассказ неизвестного Ильфа // Там же. № 13 (апрель); Михаил Булгаков: Газетная поденщина // Простор. 1993. № 1. С. 155-157.

² Бакинский рабочий. 1922. 9 октября. № 226 (658). В указанной выше статье «Михаил Булгаков: Газетная поденщина» мною допущена ошибка в указании, что «Похождения Чичикова» в «Бакинском рабочем» перепечатаны без указания авторства. На самом деле, отсутствует подпись, а имя автора указано перед произведением. В конце публикации — ссылка на «Накануне».

³ См.: Бессонов В. «А внизу шумела Москва...» // Неделя. 1987. № 48; Бессонов В.А., Янгиров Р.М. Большой Гнездиновский переулок, 10. М., 1990. С. 78, 80-83, 87.

⁴ См., напр.: Вся Москва на 1923 год. М., 1923. Отд. II. С. 226.

⁵ Бакинский рабочий. 1924. 1 января. № 1 (1024).

⁶ Накануне. 1922. Литературное приложение № 8 (к № 68 за 18 июня); Возрождение. М., 1923. Кн. 2. С. 5-19.

⁷ Бакинский рабочий. 1924. 30 марта. № 70 (1093).

⁸ Алфавитный перечень произведений М.А.Булгакова: Материалы к библиографии / Сост. Б.С.Мягков // Творчество Михаила Булгакова: Исследования. Материалы. Библиография. Л., 1991. Кн. 1. С. 428.

⁹ Бакинский рабочий. 1924. 2 апреля. № 73 (1096). Под названием «Принцметалл» этот рассказ включен в 5-й том Собрания сочинений И.Ильфа и Е.Петрова (М., 1961. С. 102-106). В примечаниях к нему Л.М.Яновская указывает: «Публикация не установлена. <...> Печатается по рукописи». Рассказ не учтен и в библиографии И.Ильфа, составленной В.М.Акимовым (см.: Русские советские писатели: Прозаики: Биобиблиогр. ук. Л., 1964. Т. 2).

Интересно, что фамилия персонажа Ильфа прежде него была использована М.Булгаковым в «Белой гвардии», законченной в начале 1924 г. и неоднократно читавшейся автором на литературных вечерах. Булгаков дал эту фамилию несколько в другом написании: «Зубной врач Берта Яковлевна Принц-Металл». Эти фамилии происходят от имени американского кардиолога Мирона Принцметала (ум. в 1908 г.), впервые описавшего редкую разновидность стенокардии. По-видимому, использование Ильфом этой фамилии было стимулировано булгаковским романом.

¹⁰ Желонка. 1924. № 9 (май). С. 143 (пагинация сквозная из номера в номер). Составитель библиографии И.Ильфа В.М.Акимов фиксирует этот рассказ под названием «Московский Вавилон» (Указ. соч. С. 222).

¹¹ Бакинский рабочий. 1924. 30 марта. № 70 (1093).

¹² См. об этом применительно к творчеству М.Булгакова: Балонов Ф. Безумству блаженных не пел он песни // Смена. Л., 1991. № 109-110; Он же. «Апокалипсис» Михаила Булгакова // Петербургский литератор. 1993. № 2 (8); Он же. Мифологема Вавилона в произведениях Михаила Булгакова // Михаил Булгаков: «...Этот мир мой...». СПб., 1993. С. 188.

¹³ Бакинский рабочий. 1924. 18 августа. № 185 (902). Републиковано: Булгаков М.А. Повести. Рассказы. Фельетоны / Вступ. ст. В.В.Новикова. М., 1988. С. 118-120 (составителем Г.С.Файманом первопубликация не указана).

¹⁴ Бакинский рабочий. 1924. 25 августа. № 191 (1314). В библиографии В.П.Катаева, составленной Б.М.Толочинской (Русские советские писатели: Прозаики. Т. 2. С. 328-391) этот рассказ не зафиксирован.

Ж.ШЕРОН

К ПУБЛИКАЦИИ ПОСЛЕДНЕГО ПИСЬМА Б.Л.ПАСТЕРНАКА

Сравнительно недавно было найдено последнее письмо Бориса Пастернака (датированное 6 мая 1960 г.) и с некоторым разрывом во времени опубликовано в Риге, Вене и Москве¹. Из этих публикаций ясно, что философ и критик Ф.А.Степун поддерживал переписку с Пастернаком во время бурных дней, связанных с романом «Доктор Живаго». Однако, если быть точным, никакой переписки между ними не было:

Пастернак послал Степуну две открытки² и упомянутое выше письмо. Но от Степуна не последовало никакого ответа. В своем последнем письме Пастернак хвалил статью Степуна о его творчестве, опубликованную на немецком языке³. Любопытно, что сам Степун предпочитал русский вариант своей немецкой статьи⁴. Эти понятия из публикуемого ниже письма Степуна Г.П.Струве.

Письмо Ф.А.Степуна, сохранившееся в архиве Г.П.Струве в Гуверовском институте при Стэнфордском университете (США), дополняет наши сведения о последнем письме Пастернака.

Мюнхен, 30 октября 1962 г.

Многоуважаемый Глеб Петрович!

Большое спасибо за письмо. Мне было очень приятно узнать, что брат Бориса Леонидовича⁵ хорошо отзывается о моей статье. В свое время — я, кажется, Вам об этом не писал — недели за три до смерти Пастернака я получил от него очень милое письмо — третье по счету. На первые два я не отвечал, главным образом по просьбе жены, которая боялась повредить Бор<ису> Л<еонидовичу>. На последнее ответил, но не отослал, так как узнал о его смерти. В этом последнем письме есть несколько строк о моей вышедшей только по-немецки работе. Русской статьи Пастернак, к сожалению, не получил. Вероятно, она ему понравилась бы еще больше, потому что она обширнее и затрагивает проблемы, которых в немецкой нет. Я с Москвой не переписываюсь, но, может быть, Вы при случае могли бы сообщить «туда» отзыв Пастернака о написанном мною о нем. Он пишет: «Дорогой мой Федор Августович! Только на днях более чем с годичным запозданием прочел Вашу статью в "N<еue> Rundschau". Сколько души и понимания Вы мне подарили. Страшно горд Вашим признанием и такой одухотворенной захватывающей поддержкой».

Письмо кончается бесконечно грустными словами: «Прерываю это письмо против воли: очень больно писать. Обнимаю Вас, Федор Августович, милый, дорогой».

До сих пор мне очень грустно, что мне не удалось с ним перекликнуться. Видались мы с ним не очень много, но все же существенно и главным образом встречались в милом нам «Мусагете»⁶ и в Обществе Свободной Эстетики⁷. Мельком потом в Берлине, когда он и Белый⁸ возражали мне на моем докладе о театре⁹. Мои «Встречи»⁹ продаются в Америке. У кого — я сейчас не знаю, так как распространением книг нашего Издательства Зарубежных писателей¹⁰ заведует Андреев¹¹. В личном порядке мне обещала помогать и, кажется, помогает Терентьева¹². Но это Вас, конечно, не касается. Простите, что я Вам до сих пор не выслал личного экземпляра. На днях сделаю. У меня очень много работы и вокруг меня очень много людей. По приезде из Голландии у меня побывали представители всех континентов. Этому надо, конечно бы, радоваться, потому что одиночество — трудная вещь. Но с другой стороны такой наплыв приветливости, сердечности стоит много времени. Работаю же я сейчас, побывав в Риме (прожил там около месяца), о Вячеславе Иванове.

Сердечный привет.

Искренне Ваш Федор Степун.

¹ Чудакова М.О., Лебедушкина О.П. Последнее письмо Б.Л.Пастернака Ф.А.Степуну // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалов для обсуждения. Рига, 1990. С.40-41; То же со значительными дополнениями: «Быть знаменитым некрасиво...»: Пастернаковские чтения. М., 1992. Вып.1. С.269-279; Cheron G. Fedor Stepun and Boris Pasternak: A Letter // Wiener Slawistischer Almanach. 1991. Bd.28. S.381-382.

² Отрывки были опубликованы Р.Герра: Русский альманах. Париж, 1981. С.475-477.

³ См.: Boris Leonidowitsch Pasternak // Die Neue Rundschau. 1959. № 70. S.145-161.

⁴ См.: Новый журнал. Нью-Йорк, 1959. № 56. С.187-206. Эта статья перепечатана: Литературное обозрение / Вступ. зам. и публ. К.М.Поливанова. № 2. 1990. С.66-71.

⁵ Речь идет об Александре Леонидовиче Пастернаке (1893-1981).

⁶ Московское издательство «Мусагет» (1910-1917) объединяло вокруг себя «младших символистов». Об участии в деятельности литературных кружков при «Мусагете» Пастернак вспоминает в очерке «Люди и положения» (1956).

⁷ «Общество свободной эстетики» (1906-1917) — объединение представителей модернистских и близких к ним кругов творческой интеллигенции в Москве.

⁸ В 1922-1923 гг. Ф.Степун, А.Белый и Б.Пастернак находились в Берлине.

⁹ Речь идет о книге: Степун Ф. Встречи. Нью-Йорк, 1962.

¹⁰ Имеется в виду издательство Товарищества зарубежных писателей (1959-1970). Учреждено Г.Андреевым, Л.Ржевским и Ф.Степуном под эгидой Центрального общества политических эмигрантов (ЦОПЭ) в Мюнхене (впоследствии перенесено в Вашингтон), см.: Русская литература в эмиграции: Сб. ст. / Под ред. Н.П.Полторацкого. Питсбург, 1972. С.309-320.

¹¹ Андреев Герман (Хомяков Геннадий Андреевич; 1906-1984) — писатель и журналист. О сотрудничестве с Ф.Степуном писал, в частности, в воспоминаниях: В отраженном свете: («Мосты», эмиграция, Россия) // Там же. С.311-312*.

¹² Неустановленное лицо.

* Редакция «ДВ» благодарит Р.М.Янгирова за уточнение сведений, приведенных в примеч. 10 и 11.

П.В. ДМИТРИЕВ, А.Г. ТИМОФЕЕВ

БИБЛИОГРАФИЯ КРИТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ М.А. КУЗМИНА

Литературно-критическая проза М. Кузмина остается terra incognita для читателей и литературоведов даже после того, как «девятый вал» возвращения «забытых имен» накатило, слынул и на поверхности «взбаламученного моря» кузминоведения воцарилась легкая зыбь научных публикаций. Неудавшиеся попытки авторов настоящей библиографии издать с тщанием подготовленные корпуса кузминских статей, посвященных вопросам литературы и театра¹, дали стимул к подготовке соответствующего тома в Собрании сочинений М. Кузмина, задуманном петербургским издательством «Северо-Запад». Наш американский коллега Ж. Шерон также, при нашем содействии, начал работу по сбору и комментированию критического наследия М. Кузмина, надеясь выпустить книгу, которая продолжила бы издание художественной прозы поэта, выпущенное в Беркли (Калифорния) в 1984-1990 гг.² Единственным трудом, содержащим более или менее достоверную оценку роли литературной критики в творчестве М. Кузмина, а также стремящимся к выяснению сокровенного смысла эволюции критического дарования поэта, является статья одного из соавторов, обратившая на себя внимание покойной З. Г. Минц и напечатанная в одном из последних тартуских «Блоковских сборников»³. Таково положение дел в настоящее время; отчасти его претендует исправить предлагаемая библиография.

Творческий путь Кузмина-критика протянут во времени более чем на четверть века: с 1907 до 1936 гг. Кузмин писал о литературе, музыке, театре, изобразительном искусстве. Широкий диапазон изданий, в которых печатались его статьи: от эстетизированных журналов «Весь» и «Аполлон» — до ежедневных всеохватно-информационных «Биржевых ведомостей» или «Вечерней Красной газеты». В зависимости от издательской, политической и цензурной ситуации и, что вне всякого сомнения, в связи с возможностью или необходимостью пренебречь репортерским заработком или зарабатывать таким образом на хлеб насущный, — в разные годы Кузмин публиковал неодинаковое количество статей. Парадоксален, но — с точки зрения экономики быта — полностью организован тот факт, что написанное Кузминым в 1918-1926 гг. в жанре рецензий, обзоров, предисловий и т. п. в несколько раз превышает количество критических опытов «дореволюционного» периода и последнего десятилетия жизни поэта, когда он был практически отлучен от советской периодической печати.

При жизни поэта был издан единственный сборник его статей. Эта книга (см.: Кузмин М. Условности:

Статьи об искусстве. Пг.: Полярная звезда, 1923) состоит по большей части из материалов, посвященных театру и музыке (разделы I-III). Статьи по литературным вопросам представлены в ней в значительно меньшей степени (раздел IV, № 2-6 в оглавлении сборника). Кое-где имели место цензурные (либо автоцензурные) «порчи» текста. «Условности» были изданы неэстетично, на плохой дешевой бумаге. Убогий квадрат на обложке, в котором уместилось название книги, поэт не без схищства назвал в «Дневнике» «траурной рамкой»⁴.

До революции Кузмин выступал в качестве критика и рецензента не всегда систематично. Круг изданий, в которых он публиковал свои заметки и обзоры, сравнительно невелик. Полнее всего Кузмин — обозреватель текущей словесности (помимо публикации статей с изложением своего *sic et non*) представлен в журнале «Аполлон»: в 1909-1913 гг. он вел здесь «Заметки о русской беллетристике», время от времени «замещая» своего коллегу Н. Гумилева в рубрике «Письма о русской поэзии». Единичны случаи помещения статей и рецензий в журналах «Весь», «Луч», «Весна», «Труды и дни», «Северные записки», газете «Обозрение театров», альманахе «Петроградские вечера» и некоторых других изданиях. В 1915-1917 гг. Кузмин-критик часто печатался в газете «Биржевые ведомости», помещая там не чуждые парадоксальности суждений фельетоны и отклики на спектакли французской труппы Михайловского театра.

Значительное смещение акцентов в жанровой структуре кузминского творчества в сторону повышенной рецензентской активности произошло в конце 1918 г. с организацией в Петрограде газеты «Жизнь искусства», органа Отдела Театров и Зрелищ Союза коммун Северной области. Первое время Кузмин входил в редколлегию нового издания и выступал в печати чуть ли не ежедневно; бывали случаи, когда он давал по две заметки в номер. Политическая и цензурная обстановка была далека от стабильности и покровительства изящным искусствам и словесности; в отношении к Кузмину в привычку постепенно входило предубеждение. Он был вскоре оставлен за штатом редколлегии, хотя довольно продолжительное время оставался для газеты желанным автором в основном заказных статей — из-за своей блестящей эрудиции и легкого пера. Впрочем, в 1921-1922 гг. публикации кузминских материалов могли уже сопровождаться пометой о печатании «в дискуссионном порядке». Об эту пору и само издание едва выдерживало гнетущее давление партийно-

бюрократического прессы и бумагораспределительной «карточной системы». По подсчетам Ю.П. Анненкова, «неизменное сокращение тиража, размера и дней выхода «Жизни и Искусства» с ежедневного выхода на 8 страницах в 25000 экземпляров к выпуску два раза в неделю на 2 страницах в 4000 экземпляров» означало в статистическом плане «ровно 1/75 часть первоначального размаха»⁵.

С 1923 г. газета «Жизнь искусства», где часто печатался Кузмин, была преобразована в журнал-еженедельник, но перемены не ограничились внешней стороной. Если поэту еще дозволялось помещать на страницах издания рецензии на события театрально-музыкальной жизни (исключения — юбилейная статья об А.Н. Островском в 1923 г. и некрологическая о В.Я. Брюсове в 1924 г.), то с момента публичного шельмования — публикации убийственно резкой статьи Акима Волынского «Амстердамская порнография»⁶ — журнал взял на себя роль непримиримого гонителя старейшего сотрудника, который, по его собственным словам, «писал (для «Жизни искусства». — А.Т.) с самого основания до той поры, пока Г.Г. Адонц (новый ответственный редактор «Жизни искусства». — А.Т.) ясно не дал мне понять, что сотрудничество мое, в возможной для меня форме, нежелательно»⁷. Кузмин был далек от мысли принять вызов, понимая, что его коллега стал орудием в чужой грязной игре, и лишь обратился к Волынскому в частном письме: «Многоуважаемый Аким Львович, конечно, мне неизвестно, что заметка в «Ж.И.» принадлежит Вам. Если бы Вы подписались не Старый Энтузиаст, а «Юный Скептик», или как угодно, все равно ход мыслей, слог и темперамент Вас бы выдали. Да Вы, кажется, и не скрываете, что Вы — автор этой статьи. <...> Не обижайтесь, Аким Львович, но я думаю, что написали Вы с чужих слов и для чужих интересов. Будьте осторожнее с советниками. При всей своей преданности Вам, они могут быть неосведомленными и недальновидными. Легко может случиться, что Вы окажетесь, полагаясь на них, в положении неловком. Говорю Вам это, движимый самым простым чувством товарищеского уважения. Никто, раньше смерти, не может знать, каким путем пойдет тот или иной человек, но если наши пути соприкоснутся, мы встретимся не врагами, Аким Львович»⁸.

Вместо «Жизни искусства» Кузмин нашел было временный приют на страницах «Красной газеты» (1923-1926) и журнала «Театр» (сезон 1923-1924; издатель «Красная газета», редактор И.П. Флеровский). Всего за два месяца он успел напечатать в «Театре», не считая театральных откликов, статьи о Брюсове, Сологубе, программный этюд «Пристрастная критика». Вскоре остались последние возможности репортерского заработка — мелкие заметки о концертах и театральных постановках (и чтобы ни-ни — о литературе!), но в 1926 г. право печататься в газетах было у Кузмина «отобрано». Остались последними средствами к существованию — переводы и, в семилетней перспективе, продажа легендарного «Дневника» в Государственный литературный музей. В 1933 г. Кузмин предпринял попытку адаптироваться к новой литературной политике, но в этом явно не преуспел, оставшись в статье «Эдуард Багрицкий» собой и, вероятно, по мнению чиновников от литературы, чересчур собой⁹.

Изгнание Кузмина со страниц советской печати велось методично и последовательно, и сегодня нелишне напомнить имена тех, кто этому всячески способ-

ствовал, равно как и — по мере слабых сил и возможностей — сопротивлявшихся. Помимо выступления А.Л. Волынского, зловещую роль сыграли заметка критика В.М. Перцова «По литературным водоразделам»¹⁰ и откровенный донос Михаила Падью «Несколько слов рецензентам и о рецензентах; попутно о Саде Отдыха и о премьере в Музыкальной Комедии»¹¹. Письмо в защиту Кузмина, подписанное С. Ольденбургом, Н. Державиным, И. Садофьевым, И. Глебовым (псевдоним композитора и музыкального критика Б.В. Асафьева), А. Гвоздевым, А. Пиотровским, В. Щуко, Н. Монаховым, С. Радловым, К. Фединыным, Н. Тихоновым, Н. Никитиным, А. Белым, Б. Лавреневым и М. Слонимским¹², не возымело действия, будучи «парированным» ответным за подписями Георгия Горбачева, Алексея Тверяка, Мих. Карлова, В. Друзна, Б. Соловьева, Ив. Васильева, Г. Лелевича, З. Штейнмана, Ал. Крайского, Сергея Семенова, Анатолия Брауна, Павла Журбы, проф. М.Н. Николаева, проф. И.М. Никитенко, Иоффе¹³.

Опытов составления библиографии кузминской критики не существовало по тысяче понятных причин, среди которых самой труднопреодолимой, наряду с проблемой ограничения доступа к газетным источникам в недавнем прошлом, была чрезвычайная редкость некоторых газет, где печатался Кузмин. Сказанное относится в первую очередь к газете «Жизнь искусства» за 1918-1919 гг. Дело в том, что сегодня ни одна из библиотек Петербурга и Москвы не располагает полным комплектом этого издания, и для устранения возможных лакун пришлось обследовать по меньшей мере три (!) государственных библиотечных собрания.

В разделах, выделенных составителями, статьи Кузмина даются в хронологическом порядке их опубликования. При отсутствии точных авторских датировок сначала следуют газетные публикации данного года, затем приводятся сведения о напечатанном в журналах, альманахах и книгах. В необходимом большинстве случаев тема рецензии поясняется путем указания библиографических данных обсуждаемого печатного издания или сообщения сведений о постановке. Кроме того, приводится информация о перепечатках и переизданиях статьи, а также авторская ее датировка, если последняя имеет место. В случае, если возможно уточнение времени написания статьи сравнительно с данными библиографии, — указывается дата написания. Для уточнений такого рода использованы различные авторские списки работ М. Кузмина¹⁴ и иные источники, доступные исследователям в ходе их работы. При наличии сведений о рукописных источниках опубликованных статей сделаны соответствующие отсылки к государственным и частным собраниям. Информация о месяцах или датах (для еженедельников) выхода журналов в библиографии опущена, однако учтена (когда это было возможно) при установлении последовательности статей. В библиографии учтены источники до 1994 г.

Автор настоящего вступления сердечно благодарит Ж. Шерона за ценные мнения, высказанные при обсуждении настоящей библиографии, указание на некоторые анкеты М. Кузмина, упавшие из поля зрения автора, и существенное техническое содействие.

¹ Имеется в виду избранная литературная критика Кузмина, подготовленная А.Г. Тимофеевым для Ленинградского отделения издательства «Советский писатель» (подробнее см.: DV. 1993. № 2. С. 64-65), из-

бранная театральная критика Кузмина, подготовленная П.В.Дмитриевым для издательства «Артист. Режиссер. Театр» (Москва).

² Кузмин М.А. Проза / Ред., примеч. и вступ. ст. Владимира Маркова. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1984-1990. [Гр.] I-IX. (Modern Russian Literature and Culture: Studies and Texts. Vols. 14-22).

³ Тимофеев А.Г. «Память» и «археология»-«реставрация» в поэзии и «пристрастной критике» М.А.Кузмина // Ученые записки ТГУ. Вып. 881. (Блоковский сборник. X. А.Блок и русский символизм: Проблемы текста и жанра). Тарту, 1990 (обл. 1991). С.101-116. Факт помещения статьи в сборнике с таким названием не означает того, что ее автор готов безоговорочно разделить мысль о принадлежности Кузмина к символистскому движению.

⁴ РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. № 61. Л.183.

⁵ Анненков Ю. О «Жизни Искусства»: Возникновение газеты // ГЦТМ. Ф.328. № 11. Л.1-2.

⁶ Жизнь искусства. 1924. № 5. С.14-15. Подпись: С.Э.

Объектом критики А.Л.Волынского стал сборник эротических стихотворений Кузмина, не предназначенный к свободной продаже; см.: Кузмин М. Занавешенные картины. Амстердам [Пг.], 1920.

⁷ Письмо Кузмина А.Л.Волынскому от 2 февраля 1924 г. // ГЛМ. Ф.9 (№ не проставлен). Л.1.

⁸ Там же. Л.1-2.

⁹ См. раздел А, II, № 327 настоящей библиографии.

¹⁰ Жизнь искусства. 1925. № 43. С.4-6.

¹¹ Там же. 1926. № 23. С.16.

¹² В защиту достоинства советской критики // Вечерняя Красная газета. 1926. 14 июня. № 137. С.4.

¹³ Письмо в редакцию // Там же. 1926. 18 июня. № 141. С.4.

¹⁴ РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. № 43. Л.9-17; ИРЛИ. Ф.172. № 319. Л.95-118. Здесь уместно вспомнить о том, что данные М.Кузмина о времени создания того или иного из своих произведений подчас требуют критической оценки. Так, в авторском списке работ за 1920-1928 гг. большинство статей, напечатанных в журнале «Театр» в декабре 1923 — январе 1924 гг., отнесены Кузминым к октябрю 1923 г., что иногда опровергается их содержанием. Вероятно, Кузмин заполнял список позднее (это происходило в период увлечения Кузмина Л.Л.Раковым). Известно немало эпизодов непреднамеренного пропуска опубликованных статей при заполнении списка. С другой стороны, благодаря этому документу сегодня нам известно о некотором количестве неразысканных статей Кузмина, причем среди них есть и весьма важные (такие, как «Портреты Серова» или «Фейдт»). Однако обсуждение этой проблемы вывело бы нас за рамки, ограничивающие область нашего труда. Сказанное в полной мере относится и к «библиографии» неопубликованных статей поэта.

А.Г.Тимофеев

А. ПРИЖИЗНЕННЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

I. Книги статей

Кузмин М. Условности: Статьи об искусстве. — Пг.: Полярная звезда, 1923. — 188 + 2 с.

II. Рецензии, обзоры, теоретические, юбилейные, памятные и др. статьи, некрологи, фельетоны, предисловия, письма в редакции

1. Драматический театр В.Ф.Комиссаржевской: (Сезон 1906-1907 гг.) // Весы. — 1907. — № 5. — С.97-99. — Датировано: Апрель 1907.

2. Письмо в редакцию [по поводу утраты «последних пяти глав» при публикации повести «Картонный домик» в кн.: Белые ночи: Петербургский альманах. — [Спб.,] 1907] // Там же. — 1907. — № 6. — С.74.

3. Открытие сезона // Луч. — 1907. — № 1. — С.20-22*.

Краткий обзор спектаклей открывшегося сезона петербургских театров. Номер журнала был конфискован.

4. Москва и Петербург // Там же. — 1907. — № 2. — С.21-22.

Заметка о московской и петербургской композиторских школах.

5. Музыка и революция // Весна. — 1908. — № 11. — С.4.

6. Заметки о русской беллетристике // Аполлон. — 1909. — № 3. — С.22-23 (2-я паг.). — Рец. на

кн.: Ремизов Алексей. Рассказы. — СПб.: Прогресс, 1910.

7. Письма о русской поэзии // Там же. — 1909. — № 3. — С.46-48 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Остров. 1909. № 2; Животов Н. Ключья чернов: Сборник стихотворений. Книга первая. — [Киев]: Вымпел, 1910 [1909].

8. О прекрасной ясности: Заметки о прозе // Там же. — 1910. — № 4 — С.5-10 (1-я паг.).

9. Письма о русской поэзии // Там же. — 1910. — № 4. — С.62-64 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Геркен Евгений. Лирические стихотворения. — Казань, 1909; Катанский Николай. Созвездие лиры: Сборник стихов. — СПб., 1910; Гофман Виктор. Искус: Новые стихи. — [СПб.]: Т-во М.О.Вольф, 1910; Из Мюссэ и Верлена / Перевод Зинаиды Ц. [Быкова З.И.]. — [СПб., 1907].

10. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1910. — № 4. — С.64-67 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Вознесенский Ал. Хохот: Пьеса в 4 действиях. — [СПб.]: Шиповник, 1910; Струве Алекс. Над морем: Драма в четырех действиях. — [М.]: Фрам, [1909]; Гордин Владимир. Одинокие люди. — [СПб.]: Т-во художественной печати, 1910 [1909]; Милицына Е. Рассказы. — СПб.: Т-во «Знание», 1910. — Т.1-2; Журавлев Борис. Хозяева: (Повесть). — СПб., 1910; Сборник товарищества «Знание» за 1909 год. Кн. XXVII. — СПб., 1909; То же: Кн. XXVIII. — СПб., 1909; Немирович-Данченко Вас. Ранние огни. — М.: Т-во И.Д.Сытина, 1910; Литературно-художест-

*Сведения об этой и следующей за ней статьях Кузмина уточнены по авторскому индексу переписки М.Кузмина 1907-1909 гг.; см. его рабочую тетрадь: ИРЛИ. Ф.172. № 321. Л. 202.

венный альманах современных писателей «Звуки жизни». — [СПб., 1909?]; Библиотека «Гонг». — Киев: Гонг, [1909?]. — № 1-21.

11. Петербургские театры: «Путаница»; «Цезарь и Клеопатра» // Там же. — 1910. — № 4. — С.75, 78-79 (2-я паг.).

Рецензия на постановки пьес Ю.Д.Беляева «Путаница, или 1840 год» в Малом и Б.Шоу «Цезарь и Клеопатра» в Новом драматическом театрах.

12. Петербургские театры: «Перед зарей»; «Вольные каменщики»; Смерть В.Ф.Комиссаржевской // Там же. — 1910. — № 5. — С.35-36 (2-я паг.).

Рецензия на постановки пьесы П.П.Гнедича «Перед зарей» в Александринском и трагедии Е.М.Беспятова «Вольные каменщики» в Малом театрах; краткая некрологическая заметка памяти актрисы.

13. Письма о русской поэзии // Там же. — 1910. — № 5. — С.50-53 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Новиков Иван. Дыхание земли: Вторая книга стихов. — [Киев, 1910]; Гурвич Илья. Облачные ткани: Стихи. Книга первая. — [СПб.], 1909; Фырин Аркадий [Губер П.К., Шубной Н.Д.]. Голова Медузы: 1-ая книга стихов. — СПб.: Богема, 1910; Булдеев Александр. Потерянный Эдем: Стихи. — М., 1910; Городецкий Сергей. Собр. стихов. — СПб., 1910 (на обл. 1909). — Т.1. Кн. 1 и 2.

14. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1910. — № 5. — С.54-55 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Башкин В. Рассказы. — Пб.: Т-во «Общественная польза», 1909. — [Т.П.]; То же: [СПб.]: Звено, 1910. — Т.П.; Федоров А.М. Мщение: Эпизод из жизни Бенвенуто Челлини в I действии в стихах. — СПб.: [М.Аверьянов], 1910; Друкаръ: Литературный сборник / Под ред. Н.Д.Телешова; С портретами авторов. — М.: Вспомогательная касса типографов, 1910; Мстиславлев С. Не для толпы: Сцены и рассказы. — СПб., 1910. — Т.1.

15. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1910. — № 6. — С.43-44 (3-я паг.). — Рец. на кн.: Чулков Георгий. Рассказы. Книга вторая. — [СПб.]: Шиповник, 1909 [1910]; Альманах «Любовь». — СПб.: Нов. журнал для всех, 1910; Муринов Вл. В сумерках жизни: Рассказы и очерки. — СПб.: Журнал «Жизнь для всех», 1910.

16. Письма о русской поэзии // Там же. — 1910. — № 7. — С.35, 37-38 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Волошин Максимилиан. Стихотворения: 1900-1910. — М.: Гриф, 1910.

17. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1910. — № 7. — С.43-46 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Альманах для всех. Книга первая. — СПб.: Нов. журнал для всех, 1910; Огни: Литературный альманах памяти В.Башкина. — СПб.: [Нов. журнал для всех], 1910; Сборник товарищества «Знание» за 1910 год. Кн.ХХIX. — СПб., 1910; Дымов Осип. Рассказы. — СПб.: Шиповник, 1910. — Кн. I; Нилус Петр. Рассказы / С портретом автора работы Л.О.Пастернака. — М.: Т-во И.Д.Сытина, 1910; Зноско-Боровский Евгений. Крейсер

«Алмаз» (Цусима): Сцены из войны. — СПб., 1910. — На титуле: Крейсер «Алмаз».

К «Заметкам» прилагает короткое сообщение о прекращении выпуска журнала «Весь».

18. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1910. — № 8. — С.55-59 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Книга 12. — СПб., 1910; Городецкий Сергей. Повести: Светлая бьяль; Волк; Рассказы. — СПб.: [Прогресс], 1910. — Кн. 2; Семенов-Волжский С. Рассказы. — [СПб., 1910]. — Т.1; Рукавишников Иван. Diarium. Кн. 7. 1908-1910. — [СПб., 1910]; Алин Леонид. Осенняя сказка. — СПб.: Папирус, 1910; Башкин В. Рассказы. — СПб.: Т-во «Общественная польза», 1910. — Т.3; На рассвете: Художественный сборник / Под ред. А.Ф.Мантель. — [Казань], 1910. — Кн. I; Литературно-художественный сборник «Ручьи». — СПб.: Земля, 1910; Шамиссо Адальберт, фон. Петер Шлемиль: Чудесная история / Пер. П.Потемкина. — СПб.: Пантеон, 1910; Русская мысль. — 1912. — № 1-5 (январь — май).

19. Письма о русской поэзии // Там же. — 1910. — № 8. — С.59, 62, 63 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Гиппиус З.Н. Собрание стихов. Книга вторая. 1903-1909. — М.: Мусагет, 1910.

20. Художественная проза «Весов» // Там же. — 1910. — № 9. — С.35-41 (1-я паг.).

21. Футуристы // Там же. — 1910. — № 9. — С. 20-21 (2-я паг.).

Оценка программы итальянских футуристов и рецензия на журнал «Россия», литературный орган этой группы. Помещена в рамках журнальной рубрики «Письма из Италии».

22. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1910. — № 9. — С.33-35 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Сборник товарищества «Знание» за 1910 год. Кн.ХХХ. — СПб., 1910; То же: Кн.ХХХI. — СПб., 1910; Некрасова Ольга. Утро жизни: Роман. — СПб., 1910. — Т.1; Нагродская Е.А. Гнев Диониса. — [СПб., 1910]; Тэффи Н.А. Юмористические рассказы. — СПб.: Шиповник, [1910]. — Кн. 1; Слезкин Юрий. Картонный король. — СПб.: Прогресс, 1910; Чириков Евгений. Плен страстей. — [М.]: Мос. книгоизд-во, [1910]. — [Собр. соч.]. Т.9 (на переплете XI); Айзман Д. Рассказы. — СПб.: Т-во «Знание», 1910. — Т.2.

23. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1910. — № 10. — С.26-27 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Крачковский Д. Необыкновенный человек. — СПб., 1910; Гуцин А. Рассказы. — СПб.: Антей, 1910. — Т.1; Аверченко Аркадий. Веселые устрицы: Юмористические рассказы. — СПб.: М.Г.Корнфельд, 1910.

24. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1910. — № 11. — С.49-50 (2-я паг.). — Рец. на кн.: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Книга 13. — СПб., 1910; Земля. — М.: Мос. книгоизд-во, 1910. — Сб. 4.

К «Заметкам» прилагает сообщение о втором конкурсе газеты «Биржевые ведомости» на лучший русский рассказ.

25. Заметки о русской беллетристике // Русская художественная летопись. — 1911. — № 2. — С.30-32. — Рец. на кн.: Ремизов Алексей. Сочинения. — СПб.: Шиповник, [1911]. — Т.1, 2; Толстой Алексей Н., гр. Сочинения. — СПб.: Шиповник, [1911]. — Кн.1. — На обл.: Повести и рассказы. Кн.1; Сергеев-Ценский С. Рассказы. — СПб.: Шиповник, [1910]. — Т.5; Каменский Анатолий. Сочинения. — СПб.: Т-во А.Ф.Маркс, [1910]. — Т.III; Каменский Василий. Землянк. — СПб., 1911.
26. Письма о русской поэзии // Аполлон. — 1911. — № 2. — С.58-60. — Рец. на кн.: Мережковский Д.С. Собрание стихов: 1883-1910 г. — СПб.: Т-во «Просвещение», [1910]; Толстой Алексей Н., гр. За синими реками: Стихи. — М.: Гриф, 1911; Бурнакин А. Разлука: Песенник. — М., 1911 [1910].
27. Письмо в редакцию [по поводу искажения в петербургской прессе некоторых фактов, касающихся постановки оперетты М.Кузмина «Женская верность, или Возвращение Одиссея» в Малом театре] // Обозрение театров. — 1911. — 16 сент. — № 1515. — С.10.
28. Заметки о русской беллетристике // Аполлон. — 1911. — № 9. — С.73-75. — Рец. на кн.: Ремизов Алексей. Пруд: Роман. — СПб.: Шиповник, [1911]. — (Сочинения. — Т.4); Ан-ский С.А. Старые устои. — СПб.: Т-во «Просвещение», [1911]. — (Собр. соч. Т.1); Муйжель В.В. Собрание сочинений. — СПб.: Т-во «Просвещение», [1911]. — Т.3.
29. «Живой труп», драма в 6-ти действиях Л.Н.Толстого // Русская художественная летопись. — 1911. — № 14. — С.216-217.
30. Театр Незлобина: «Не было ни гроша, да вдруг алтын»; «Шлюк и Яу» // Там же. — 1911. — № 16. — С.252-254.
Рецензия на гастрольные спектакли московского театра по пьесам А.Н.Островского и Г.Гауптмана.
31. Театр К.Н.Незлобина: «Снег» Пшибышевского; «Мещанин-Дворянин» // Там же. — 1911. — № 17. — С.266-267.
Рецензия на гастрольные спектакли московского театра по пьесам С.Пшибышевского и Ж.-Б.Мольера.
32. «Орфей и Эвридика» Кавалера Глука // Аполлон. — 1911. — № 10. — С.15-19. — То же, с изменениями: Условности. С.49-56.
К премьере оперы в Мариинском театре.
33. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1911. — № 10. — С.72-73. — Рец. на кн.: Земля. — М.: Мос. книгоизд-во, 1911. — Сб. 7; Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого / Под ред. В.Черткова. — [М.]: Издание Александры Львовны Толстой, [1911]. — Т.1.
34. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1912. — № 1. — С. 67-69. — Рец. на кн.: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Книга 16. — СПб., 1911; Сборник товарищества «Знание» за 1911 год. Кн. XXXVI. — СПб., 1911; Гофман Виктор. Любовь к далекой:
- Рассказы и миниатюры. 1909-1911 гг. — СПб.: Нов. журнал для всех, 1912.
35. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1912. — № 2. — С.71-73. — Рец. на кн.: Посмертные художественные произведения Льва Николаевича Толстого / Под ред. В.Черткова. — [М., 1911]. — Т.II; То же: [М., 1912]. — Т.III; Детские сборники издательства «Шиповник»: Жар-птица. — СПб., [1911]. — Книжка 1-я; Подорожник: Альманах для детей. — М.: Т-во скоропечатни А.А.Левенсон, 1912 [1911]. — Кн. 1; Бекфорд [У.] Ватек: Арабская сказка / Пер. Бор. Зайцева; Вступ. ст. «Бекфорд, автор Ватека» П.Муратова. — М.: К.Ф.Некрасов, 1912; Земля. — М.: Мос. книгоизд-во, 1912. — Сб. 8; Дьяконов Александр. Ничто: Повествование. — М.: Е.Д.Бурылина, 1912.
36. Письма о русской поэзии // Там же. — 1912. — № 2. — С.73-74. — Рец. на кн.: Гумилев Н. Чужое небо: Третья книга стихов. — СПб.: Аполлон, 1912.
37. «Cor ardens» Вяч. Иванова // Труды и дни. — 1912. — № 1. — С.49-51; без окончания. — Рец. на кн.: Иванов Вяч. Cor ardens. — М.: Скорпион, 1911. — Ч.1.
Наборная рукопись, автограф: РГБ. Ф.190. К.47. № 47. Л.1-10 (под назв.: «Cor ardens» Вячеслава Иванова).
38. Заметки о русской беллетристике // Аполлон. — 1912. — № 3/4. — С.102-106. — Рец. на кн.: Ауслендер Сергей. Рассказы. — СПб.: Аполлон, 1912. — Кн. II; Гиппиус З.Н. Лунные муравьи: Шестая книга рассказов. — [М.]: Альциона, [1912]; Издательское товарищество писателей. Сборник первый. — СПб., 1912; Толстой А.Н., гр. Сочинения. — СПб.: Шиповник, [1912]. — Кн. 2. — На обл.: Повести и рассказы. Кн. 2; Ремизов Алексей. Сочинения. — СПб.: Шиповник, [1912]. — Т.6, 7; Евтихийев Викт. Весна: Роман*; Эфрон Сергей. Детство. — М.: Оле-Лукойе, 1912.
39. Заметки о русской беллетристике // Там же. — 1912. — № 5. — С.51-53. — Рец. на кн.: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Книга 17. — СПб., 1912; Верхоустинский Б. Рассказы. — СПб.: Издательское т-во писателей, 1912. — Т.1; Аверченко Аркадий. Круги по воде: Рассказы. — СПб.: М.Г.Корнфельд, 1912; Марло Кристофер. Трагическая история доктора Фауста / Пер. с англ. К.Д.Бальмонта. — М.: К.Ф.Некрасов, 1912.
40. Письмо в редакцию [по поводу публикации без окончания рецензии на первую часть «Cor ardens» Вяч.Иванова журналом «Труды и дни»] // Там же. — 1912. — № 5. — С.56-57.
41. Предисловие // Барбэ д'Оревиля. Дэндиизм и Джордж Брэммель / Пер. М.Петровского; Вступит. ст. М.Кузмина. — М.: Альциона, 1912. — С.1-V.

*С изданием, указанным Кузминым (М.: Португалов, 1911). — мы не смогли ознакомиться de visu; в библиотечках Петербурга имеется только одно издание: М.: Икар, 1912.

- Наборная рукопись, автограф: ИМЛИ. Ф.192. Оп.1. № 9. Л.1-7 (под назв.: Барбо д'Орсальи: О дзадизме и Ж.Брюммеле).
42. Предисловие // Ахматова Анна. Вечер: Стихи. — СПб.: Цех поэтов, 1912. — С.7-10.
43. Новые книги и журналы // Аполлон. — 1913. — № 1. — С.74-75. — Рец. на кн.: Литературно-художественные альманахи издательства «Шиповник». Книга 18. — СПб., 1912.
Рецензия примыкает к «Заметкам о русской беллетристике».
44. [Рец. на кн.: Гумилев Н. Чужое небо: Третья книга стихов. — СПб.: Аполлон, 1912] // Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива» на 1913 г. — Т.1. — № 1. — Стлб. 161-162.
Вторая рецензия на сборник стихов Н.Гумилева (ср. № 36).
45. Предисловие // Юркун Юр. Шведские перчатки: Роман в 3 частях с предисловием М.Кузмина. — Пб., 1914. — С.3-6. — Датировано: 7 февраля 1914 г.
46. Как я читал доклад в «Бродячей собаке» // Синий журнал. — 1914. — № 18. — С. 6. — То же: Wiener Slawistischer Almanach. — 1984. — Bd. 14. — S.387. — В качестве приложения к статье: Cheron George. Mixail Kuzmin and the «Stray Dog» Cabaret; Звезда. — 1982. — № 5. — С.162. — В тексте воспоминаний: Ивнев Рюрик. Встречи с М.А.Кузминым.
47. О пантомиме, кинематографе и разговорных пьесах // Дневники писателей. — 1914. — № 3/4. — С.12-16.
48. Аналогия или провидение: (О А.С.Хомякове как о поэте) // Аполлон. — 1914. — № 6/7. — С.82-85.
49. Раздумья и недоуменья Петра Отшельника // Петроградские вечера. Кн. 3. — [Пг.]: М.И.Семенов, [1914]. — С.213-217. — Подпись: Петр Отшельник.
О современном литературном процессе.
Автограф: РНБ. Ф.400. Оп.1. № 8. Л.1-13 (под назв.: Раздумья и недоуменья Петра Отшельника). Датирован: 1914. Подпись: Петр Отшельник.
50. [Рец. на кн.: Иванов Георгий. Горница: Книга стихов. — СПб.: Гиперборей, 1914] // Там же. — С.232-233. — Подпись: Петр Отшельник.
Наборная рукопись, автограф — коллекция М.С.Лесмана, ныне собрание Н.Г.Князевой (С.-Петербург), см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана: Аннотированный каталог. Публикация. М., 1989. С.302.
51. [Рец. на кн.: Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. — М.: М. и С. Сабашниковы, 1914] // Там же. — С.234-235.
Наборная рукопись, автограф — коллекция М.С.Лесмана, ныне собрание Н.Г.Князевой (С.-Петербург), см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. С.302.
52. [Рец. на кн.: Дунаев Б.И. Библиотека старорусских повестей. XVIII век. Петровская эпоха: Гистория о российском матросе Василии Кариотском и о прекрасной королеве Ираклини Флоренской земли. — М., 1914; Он же. Библиотека старорусских повестей: Повесть о горе и злочастии, как горе злочастие довело молотца во иноческий чин. — М., 1914] // Там же. — С.236-237.
53. [Рец. на кн.: Regnier Henri, de. Romaine Mirmault. — [Paris] Mercure de France, 1914] // Там же. — С.237-238.
Наборная рукопись, автограф — коллекция М.С.Лесмана, ныне собрание Н.Г.Князевой (С.-Петербург), см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. С.302.
54. XX-летие театра имени А.С.Суворина // Биржевые ведомости. — 1915. — 20 сент. — № 15099. — С.7. — Утр. вып.
55. Михайловский театр: «Un ange» Альфреда Капоса // Там же. — 1915. — 1 нояб. — № 15183. — С.7.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
56. [Письмо в редакцию «Биржевых ведомостей», дезавуирующее подпись М.Кузмина под коллективным письмом в петроградские газеты, в котором группа литераторов заявила об отказе продолжать сотрудничество в журнале «Лукоморье», см. № 346] // Там же. — 1915. — 4 нояб. — № 15189. — С.4. — Под назв.: Письма в редакцию. I.
О намерении продолжать сотрудничество с журналом.
57. Михайловский театр: «Un fils d'Amérique» Вебера и Жербидона // Там же. — 1915. — 8 нояб. — № 15197. — С.5.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
58. Михайловский театр: «Antoinette Sabrier» Р.Кооллоса // Там же. — 1915. — 15 нояб. — № 15211. — С.5.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
59. «Le voleur» А.Бернштейна // Там же. — 1915. — 22 нояб. — № 15225. — С.5.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
60. Михайловский театр: «Le zèbre» Армона и Нансей // Там же. — 1915. — 29 нояб. — № 15239. — С.7.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
61. Михайловский театр: «L'enjôleuse» К.Ру и М.Сержин // Там же. — 1915. — 6 дек. — № 15253. — С.7.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
62. Михайловский театр: «Baraterie» А.Лорда и Массон-Форестье; «La tontine» П.Армона и М.Жербидона // Там же. — 1915. — 20 дек. — № 15281. — С.7.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
63. Михайловский театр: «Georgette Lemenier» Мориса Дюниз // Там же. — 1915. — 28 дек. — № 152292. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.

64. Михайловский театр: «La femme de Claude» А.Дюма-сына // Там же. — 1916. — 10 янв. — № 15314 — С.5-6.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
65. Михайловский театр: «Le prince charmant» Тристана Бернара; «Dozulé» А.Пикара // Там же. — 1916. — 17 янв. — № 15328. — С.6.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
66. Михайловский театр: «La belle aventure» Кайявэ, де Флера и Рэя // Там же. — 1916. — 24 янв. — № 15342. — С.7.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
67. Михайловский театр: «Comme les feuilles» Джакозы, перев<од> с итальянского // Там же. — 1916. — 31 янв. — № 15356. — С.7.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
68. «Привал комедиантов» // Обозрение театров. — 1916. — 20 апр. — № 3076. — С.12. — То же: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1988. — М., 1989. — С.112-113. — В составе публикации: Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов». К открытию артистического кабаре 18 апреля 1916 г.
69. Переезд из Петербурга в Петроград: [Фельетон] // Биржевые ведомости. — 1916. — 9 июля. — № 15668. — С.4. — Веч. вып.
70. Бытовая безграмотность: [Фельетон] // Там же. — 1916. — 2 сент. — № 15778. — С.4.
71. Троицкий театр // Там же. — 1916. — 6 сент. — № 15786. — С.4.
Рецензия на театрально-концертную программу Троицкого театра, представленную для открытия сезона.
72. Скачущая современность: [Фельетон] // Там же. — 1916. — 9 сент. — № 15792. — С.5. — То же: Условности. — С.151-153.
73. Михайловский театр // Там же. — 1916. — 17 сент. — № 15808. — С.4.
Рецензия на спектакль по пьесе В.Шекспира «Венецианский купец» в Александрийском театре (на сцене Михайловского театра).
74. Михайловский театр: Открытие спектаклей французской труппы // Там же. — 1916. — 25 сент. — № 15824. — С.4.
Рецензия на постановку французской труппой Михайловского театра пьесы Э.Гарокура «Les Oberlé».
75. Причины и следствия: [Фельетон] // Там же. — 1916. — 29 сент. — № 15832. — С.4.
76. Михайловский театр: «Les deux canards» Тристана Бернара и А.Атис // Там же. — 1916. — 2 окт. — № 15838. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
77. Михайловский театр: «Le lys» Пьера Вольфа и Гастона Леру // Там же. — 1916. — 9 окт. — № 15852. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
78. Михайловский театр: «Le mannequin» П.Гаво // Там же. — 1916. — 16 окт. — № 15866. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
79. Михайловский театр: «Соперники» Рич. Шеридана // Там же. — 1916. — 18 окт. — № 15870. — С.4.
Рецензия на спектакль в Александрийском театре (на сцене Михайловского театра).
80. Михайловский театр: «Сюж à сюж» Р.Коолос // Там же. — 1916. — 23 окт. — № 15880. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
81. Михайловский театр: «Vous n'avez rien à déclarer» М.Эннекен и П.Вебера // Там же. — 1916. — 30 окт. — № 15894. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
82. Автомобилизм и прирост населения: [Фельетон] // Там же. — 1916. — 14 нояб. — № 15924. — С.4.
83. Михайловский театр: «Le hannetons» Брис. «L'essayeuse» П.Вебера // Там же. — 1916. — 20 нояб. — № 15936. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
84. Михайловский театр: Кайявэ, Флер и Арэн. «Le roi» // Там же. — 1916. — 27 нояб. — № 15950. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
85. Новая спираль: [Фельетон] // Там же. — 1916. — 3 дек. — № 15962. — С.6.
86. Михайловский театр: «L'ange gardien» А.Пикара // Там же. — 1916. — 4 дек. — № 15964. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
87. Михайловский театр: «Les demi-vierges» Марселя Прево // Там же. — 11 дек. — № 15978. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
88. Воспоминания о Н.Н.Сапунове // Н.Сапунов: Стихи, воспоминания, характеристики. — М.: Н.Н.Карышев, 1916. — С.43-53.
89. Михайловский театр: «Le bon roi Dagobert» А.Ривуара // Биржевые ведомости. — 1917. — 15 янв. — № 16041. — С.4. — Веч. вып.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
90. Михайловский театр: «Sapho» А.Долэ и А.Бело // Там же. — 1917. — 22 янв. — № 16055. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
91. Михайловский театр: «Le joug» г. А.Гиннон и г-жи Марин // Там же. — 1917. — 29 янв. — № 16069. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.

92. [Рец. на кн.: Хлебников В.В. Ошибка смерти. — М.: Лирень, 1917 (отпеч. в Харькове в конце 1916 г.)] // Северные записки. — 1917. — Янв. — С.263-264.
93. Михайловский театр: «Occupe-toi d'Amélie» // Биржевые ведомости. — 1917. — 5 февр. — № 16083. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
94. Михайловский театр: «Les honneurs de la guerre» М.Эннекена // Там же. — 1917. — 13 февр. — № 16097. — С.4.
Рецензия на спектакль французской труппы Михайловского театра.
95. Предисловие // Ярошевский Лев [Ерошевский Л.Г.]. Песнь Песней: В стихотворном переложении с Библейского текста / Под ред. и с предисл. М.А.Кузмина. — Пг., 1917. — С.5-6. — То же: Одесса, 1918. — То же: Вена, 1921. — Датировано: 1916.
96. Предисловие // Бамдас М. Предрасветный ветер: Стихи / Предисл. М.Кузмина. — [Пг.]: Марсельские матросы, [1917]. — С.3-5. — Датировано: 1917.
97. Официальный романтизм // Жизнь искусства. — 1918. — 29 окт. — № 1. — С.2. — Подпись: М.К.
О художественных направлениях в немецкой драматургии конца XIX — начала XX вв.
98. Чехов и Чайковский // Там же. — 1918. — 29 окт. — № 1. — С.4. — То же: Условности. — С.144-147.
Сопоставление творчества П.И.Чайковского и Ж.Массне.
99. Дочь площадей, спутница революций // Там же. — 1918. — 30 окт. — № 2. — С.4. — То же с изм.: Условности. — С.125-127.
Об истоках комической оперы.
100. Мудрое делание: (Передвижной театр) // Там же. — 1918. — 31 окт. — № 3. — С.6.
Заметка о Мастерской Передвижного общедоступного театра.
101. Шарль Лекок. (1832-1918) // Там же. — 1918. — 2 нояб. — № 5. — С.5. — То же: Условности. — С.128-129.
102. [Рец. на кн.: Муратов П. Герои и героини. — М.: Геликон, 1918] // Там же. — 1918. — 6 нояб. — № 8. — С.5.
103. Арена массовых движений: [Фельетон] // Там же. — 1918. — 12 нояб. — № 11. — С.4.
104. Сентиментальное хулиганство: («Хулиган» Мольнара) // Там же. — 1918. — 13 нояб. — № 12. — С.4.
Рецензия на постановку пьесы Ф.Мольнара «Хулиган» («Лиллом») в Малом театре.
105. «Царь Эдип» // Там же. — 1918. — 14 нояб. — № 13. — С.3.
Рецензия на спектакль по трагедии Софокла в театре «Музыкальная драма».
106. [Рец. на кн.: Радлова Анна. Соты: Книга стихов. — Пг.: Фиаметта, 1918] // Там же. — 1918. — 18 нояб. — № 16. — С.4.
107. Рампа героизма // Там же. — 1918. — 20 нояб. — № 18. — С.2. — То же: Условности. — С.25-26.
О репертуаре пореволюционного театра.
108. Театр Л.Толстого // Там же. — 1918. — 21 нояб. — № 19. — С.3.
Заметка о драматургии Л.Н.Толстого.
109. Нам неведомый классик // Там же. — 1918. — 21 нояб. — № 19. — С.3. — Подпись: М.К. — То же без указания заголовка: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1988. — С.146. — В составе публикации: Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов».
Отзыв о выступлении А.В.Луначарского с докладом о Конраде Фердинанде Мейере в «Привале комедиантов» 19 ноября 1918 г.
110. «Петр Хлебнико» // Там же. — 1918. — 22 нояб. — № 20. — С.3.
Рецензия на постановку пьесы Л.Н.Толстого в Александринском театре.
111. Рядовое рыцарство: («Рыцарь Ланваль») // Там же. — 1918. — 23 нояб. — № 21. — С.5.
Рецензия на спектакль по пьесе Э.Штукуена в Александринском театре (на сцене Михайловского театра).
112. [Рец. на кн.: Гермес: Научно-популярный вестник древнего и нового мира. Сборник за первое полугодие 1918 года. — Пг., 1918] // Там же. — 1918. — [25 нояб.] — № 22. — С.4.
Номер газеты ошибочно помечен 24 ноября 1918 г.
113. [Рец. на журн.: Книжный угол: Критика — хроника — библиография. — Пг.: Очарованный странник, 1918. — № 1-4] // Там же. — 1918. — [25 нояб.] — № 22. — С.4.
114. «Безумный день» // Там же. — 1918. — 11 дек. — № 34. — С.1.
Рецензия на постановку комедии П.Бомарше «Безумный день, или Женитьба Фигаро» в Александринском театре.
115. «Привал комедиантов» // Там же. — 1918. — 18 дек. — № 40. — С.2.
Рецензия на новую театральную концертную программу «Привала комедиантов», впервые представленную 13 декабря 1918 г.
116. [Рец. на кн.: Эфрос Николай. Сверчок на печи: Инсценированный рассказ Ч.Диккенса. Студия Московского Художественного театра. — Пг.: А.Э.Коган, [1918]] // Там же. — 1918. — 24 дек. — № 44. — С.2.
117. Об археологии, открытом воздухе и Шекспире: (По поводу «Эдипа-царя» и предстоящего «Макбета») // Там же. — 1918. — 25 дек. — № 45. — С.2. — То же с изм., без подзаголовка: Условности. — С.70-72.
Полемика с С.О.Цыбульским о принципах постановки античной трагедии на современной сцене.
118. Цирк // Там же. — 1919. — 4 янв. — № 53. — С.1-2.
О цирке как специфическом виде искусства и о новой программе цирка Чинизелли.

119. Вскрытая драматургия // Там же. — 1919. — 15 янв. — № 59. — С.1. — То же: Условности. — С.27-29.
О сущности театра как зрелища.
120. [Рец. на кн.: Эфрос Николай. К.С.Станиславский: (Опыт характеристики). — Пг., 1918; Соболев Юрий. Вл.И.Немирович-Данченко. — Пг.: Светозар, 1918] // Там же. — 1919. — 5 февр. — № 71. — С.3.
121. «Дон Карлос» // Жизнь искусства. — 1919. — 18 февр. — № 80. — С.1-2. — То же: Условности. — С.77-79.
Рецензия на постановку драмы Ф.Шюллера в Большом Драматическом театре.
122. Вечер поэтов // Там же. — 1919. — 5 марта. — № 91. — С.1-2. — То же без указания заголовка: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1988. — С.149. — В составе публикации: Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов».
О вечере поэтов и чтении А.В.Луначарским пьесы «Маги» в «Привале комедиантов» 20 февраля 1919 г.
123. «Бова Королевич» // Там же. — 1919. — 12 марта. — № 96. — С.1-2.
Рецензия на постановку комедии С.И.Антимонова в театре «Студия».
124. «Много шуму из ничего» // Там же. — 1919. — 18 марта. — № 99. — С.3.
Рецензия на постановку комедии В.Шекспира в Большом Драматическом театре.
125. «Король-Арлекин» // Там же. — 1919. — 25 марта. — № 103. — С.1-2.
Рецензия на гастрольный спектакль московского Камерного театра по пьесе Р.Лотара «Король-Арлекин» («Шуг на троне»).
126. «Ящик с игрушками» // Там же. — 1919. — 1 апр. — № 108. — С.3.
Рецензия на гастрольный спектакль московского Камерного театра — пантомиму на музыку К.Дебюсси «Ящик с игрушками».
127. [Рец. на кн.: Эфрос Николай. В.И.Качалов: (Фрагмент). — Пг.: Светозар, 1919] // Там же. — 1919. — 4 апр. — № 111. — С.3.
128. Наивные вопросы: (Гастроли Московского Камерного театра) // Там же. — 1919. — 6 апр. — № 113. — С.2-3. — То же с изм.: Условности. — С.103-106.
Рецензия на гастрольный спектакль московского Камерного театра по пьесе Л.Н.Стояцы «Голубой ковер».
129. Андерсеновский Добужинский // Там же. — 1919. — 29 апр. — № 123. — С.1. — То же: Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник 1988. — С.150-151. — В составе публикации: Конечный А.М., Мордерер В.Я., Парнис А.Е., Тименчик Р.Д. Артистическое кабаре «Привал комедиантов».
Отзыв о вечере, посвященном Г.Х.Андерсену, в «Привале комедиантов» (художественное оформление М.В.Добужинского).
130. Мирок иронии, фантастики и сатиры: (Кукольный театр) // Там же. — 1919. — 3-4 мая. — № 127/128. — С.1. — То же: Условности. — С.38-39.
О специфике и репертуаре кукольного театра.
131. Студии: I. О чем пел чайник?; II. Новый Салтан // Там же. — 1919. — 6 мая. — № 129. — С.1. — То же с изм., как вторая и третья части статьи «Студия»: Условности. — С.99-102.
Рецензия на гастрольный спектакль Первой студии Московского Художественного театра «Сверчок на печи» (по Ч.Диккенсу) и кукольный спектакль по «Сказке о царе Салтане» А.С.Пушкина в петроградском театре «Студия».
132. «Дочь Иорно» // Там же. — 1919. — 8 мая. — № 131. — С.1.
Рецензия на гастрольный спектакль Первой студии Московского Художественного театра по пьесе Г.Д'Аннуцио.
133. «Двенадцатая ночь» // Там же. — 1919. — 13 мая. — № 135. — С.1. — То же: Условности. — С.63-65.
Рецензия на гастрольный спектакль Первой студии Московского Художественного театра по комедии В.Шекспира.
134. «Праздник мира»: Малый театр // Там же. — 1919. — 15 мая. — № 137. — С.1.
Рецензия на гастрольный спектакль Первой студии Московского Художественного театра по драме Г.Гауптмана (в помещении б. Малого театра).
135. Театр неподвижного действия // Там же. — 1919. — 20 мая. — № 141. — С.1. — То же: Условности. — С.57-58.
Замечка об опере К.-В.Глюка «Орфей и Эвридика».
136. «Гибель Надежды» // Там же. — 1919. — 20 мая. — № 141. — С.2.
Рецензия на гастрольный спектакль Первой студии Московского Художественного театра по драме Г.Гейерманса.
137. Счастливый археолог // Там же. — 1919. — 27 мая. — № 147. — С.1. — То же: Условности. — С.73-75.
Продолжение полемики с С.О.Цыбульским (см. № 117).
138. Живые люди и натуральные // Там же. — 1919. — 5 июня. — № 155. — С.1. — То же: Условности. — С.30-31.
О натурализме и реализме на театральной сцене.
139. Красота необходимости: (Цирковые движения) // Там же. — 1919. — 7-9 июня. — № 157/159. — С.1. — То же: Условности. — С.32-34.
О художественной специфике цирка.
140. † В.А.Шпис (Ван-Брут) // Там же. — 1919. — 17 июня. — № 165. — С.1.
Некрологическая заметка памяти композитора.
141. «Дантов» // Там же. — 1919. — 24 июня. — № 171. — С.1.
Рецензия на постановку драмы М.Е.Левберг в Большом Драматическом театре.
142. Студия // Там же. — 1919. — 25 июня. — № 172. — С.1. — То же, как первая часть статьи «Студия»: Условности. — С.97-99.
О Первой студии Московского Художественного театра в связи с завершением ее гастролей в Петрограде.

143. Театр новых пьес // Там же. — 1919. — 2 июля. — № 178. — С.1. — То же: Условности. — С.35-37.
О проблемах современного театрального репертуара.
144. Россия в иностранцах // Там же. — 1919. — 8 июля. — № 183. — С.1. — То же: Условности. — С.95-96.
О России в изображении иностранных драматургов, поэтов и композиторов.
145. «Как важно быть серьезным»: (Открытие Малого Драматического театра) // Там же. — 1919. — 15 июля. — № 189. — С.1.
Рецензия на постановку комедии О.Уайльда в Малом Драматическом театре.
146. «Четыре сердцееда» // Там же. — 1919. — 29 июля. — № 201. — С.1.
Рецензия на постановку пьесы К.М.Миклашевского в Малом Драматическом театре.
147. «Соломенная шляпка» // Там же. — 1919. — 7 авг. — № 209. — С.1. — То же: Условности. — С.114-116.
Рецензия на постановку водевиля Э.Лабиша в Малом Драматическом театре.
148. Реставрация: («Труфф» Крылова) // Там же. — 1919. — 13-14 сент. — № 241/242. — С.1.
Рецензия на постановку комедии И.А.Крылова «Труфф, или Поддипна» в Малом Драматическом театре.
149. «Разбойники»: (Открытие Большого Драматического театра) // Там же. — 1919. — 16 сент. — № 243. — С.1. — То же с изм., без подзаголовка: Условности. — С.80-82.
Рецензия на постановку драмы Ф.Шпшнера (открытие нового сезона в Большом Драматическом театре).
150. «Рваный плащ» // Там же. — 1919. — 23 сент. — № 249. — С.1.
Рецензия на постановку комедии Сем Бенелли в Большом Драматическом театре.
151. Пафос юношеских драм Шиллера // Дела и дни Большого Драматического театра. — 1919. — № 1. — С.18-25.
152. Традиция и инерция // Жизнь искусства. — 1919. — 10 окт. — № 264. — С.1. — То же с изм.: Условности. — С.40-43.
О репертуаре Александринского театра.
153. «Фуэте Овехуна» // Там же. — 1919. — 26 нояб. — № 302. — С.1.
Рецензия на постановку пьесы Лопе де Вега в Малом Драматическом театре.
154. Предисловие [к роману Ан. Франса «Остров Пингвинов»] // Избранные сочинения Анатоля Франса / Под ред. М.Кузмина; Пер. [З.А.Венгеровой]; С предисловием М.Кузмина. — Пг.: Всемирная литература, 1919. — Т.6. — С.7-10.
На титульном листе книги переводчицом романа ошибочно указана Е.Бекетова; поправка сделана на с.3 обл. Написано в 1918 г.
155. Условности: [1] // Жизнь искусства. — 1920. — 13 янв. — № 341. — С.1. — То же, в составе статьи «Условности»: Условности. — С.11-13.
О натурализме в искусстве.
156. Дездемона: (Красавица и зверь) // Там же. — 1920. — 12 февр. — № 369. — С.1.
О главной героине трагедии В.Шекспира «Отелло» (в связи с постановкой в Большом Драматическом театре).
157. К.Д.Бальмонт // Там же. — 1920. — 16 марта. — № 399. — С.1-2.
К 30-летию литературной деятельности К.Д.Бальмонта. Написано между 10 и 13 марта 1920 г.
158. «Царевич Алексей» // Там же. — 1920. — 27-29 марта. — № 410/412. — С.1; [Окончание статьи, по недосмотру корректора не попавшее в предыдущий номер]: Там же. — 1920. — 30 марта. — № 413. — С.2. — С подзаголовком: (Окончание). — То же с изм.: Условности. — С.90-94.
Рецензия на постановку драмы Д.С.Мерекжовского в Большом Драматическом театре.
159. Условности: [2] // Там же. — 1920. — 8-9 мая. — № 446/447. — С.1. — То же, в составе статьи «Условности»: Условности. — С.13-16.
Автограф: ИРЛИ. Р.1. Оп.12. № 358. Л.1-4.
О традиции в театральном искусстве. Написано 29 апреля 1920 г.
160. Условности: 3 // Там же. — 1920. — 15-16 мая. — № 452/453. — С.2. — То же, в составе статьи «Условности»: Условности. — С.16-20.
О специфиче оперы как разновидности сценического искусства. Написано 13 мая 1920 г.
161. Условности: 4 // Там же. — 1920. — 22-23 мая. — № 458/459. — С.1. — То же, в составе статьи «Условности»: Условности. — С.20-22.
О комической опере. Написано 19 мая 1920 г.
162. Шиллер в Академическом театре: («Заговор Фиеско») // Там же. — 1920. — 28 мая. — № 463. — С.1. — То же с изм., под назв. «Заговор Фиеско»: Условности. — С.83-86.
Рецензия на постановку в Академическом театре драмы. Написано 26 мая 1920 г.
163. Испытание популярностью: (50-летие смерти Ч.Диккенса) // Там же. — 1920. — 19-20 июня. — № 482/483. — С.2.
Написано 17 июня 1920 г.
164. Скореходы истории // Там же. — 1920. — 27 июня. — № 488/489. — С.1. — То же с сокр.: Условности. — С.23-24.
О путях развития современного искусства. Написано 24 июня 1920 г.
165. Бесшумное чудо: («Тайный брак» в Гос. Театре Комической Оперы) // Там же. — 1920. — 6 июля. — № 496. — С.1.
Рецензия на постановку комической оперы Д.Чимарозы в Государственном театре комической оперы. Написано 5 июля 1920 г.
166. Полезные распри: [Фельетон] // Там же. — 1920. — 31 июля-1 авг. — № 518/519. — С.1.
167. «Похищение из Серали» // Там же. — 1920. — 7 сент. — № 550. — С.1. — То же с изм.: Условности. — С.136-138.
Рецензия на постановку оперы В.-А.Моцарта в Государственном театре комической оперы. Написано 2 сентября 1920 г.

168. Трагедия справедливости // Там же. — 1920. — 21-22 сент. — № 562/563. — С.2. — То же: Условности. — С.59-62.
О трагедии В.Шекспира «Король Лир» (в связи с постановкой в Большом Драматическом театре). Написано 11 сентября 1920 г.
169. Глашатай правды: («Трагедия шута») // Там же. — 1920. — 1-3 окт. — № 571/573. — С.1.
О пьесе Р.Ритнера (в связи с постановкой в Государственном драматическом театре Народного Дома). Написано 27 сентября 1920 г.
170. Драма Шекспира и ее исполнение // Там же. — 1920. — 30 нояб.-2 дек. — № 619/621. — С.1. — На странице с общим заголовком: «Венецианский купец» в Большом Драматическом театре. — То же под назв. «Венецианский купец»: Условности. — С.66-69.
Рецензия на постановку драмы В.Шекспира в Большом Драматическом театре.
171. «Вертер»: (Академический Театр Комической оперы) // Там же. — 1920. — 14 дек. — № 631. — С.1. — То же без подзаголовка: Условности. — С.141-143.
Рецензия на возобновление оперы Ж.Массне в Государственном академическом театре комической оперы (б. Михайловском). Написано 12 декабря 1920 г.
172. Предисловие [к роману Ан. Франса «Восстание ангелов»] // Избранные сочинения Анатоля Франса: Повести и рассказы / Предисл. М.Кузмина. — Пг.: Всемирная литература, 1919 (обл. 1920). — Т.9. — С.7-11.
Написано в 1918 г.
173. Предисловие [к сборнику рассказов Ан. Франса «Семь жен Синея Бороды»] // Там же. — С.219-221.
Написано в 1918 г.
174. Репертуарная лотерея // Жизнь искусства. — 1920/1921. — 31 дек.-2 янв. — № 646/648. — С.1. — То же с изм.: Условности. — С.44-46.
О репертуаре Академического театра драмы (б. Александринского). Написано 20 декабря 1920 г.
175. «Вольная комедия»: («Как Иван-дурак правду искал», «Четверть девятого», «Тумба» и др.) // Там же. — 1921. — 12-13 янв. — № 653/654. — С.1.
Рецензия на новую программу Государственного театра вольной комедии.
176. «Игра интересов»: (Государственный театр Комической оперы) // Там же. — 1921. — 19-20 февр. — № 677/678. — С.1.
Рецензия на спектакль по пьесе Х.Бенаvente в Государственном академическом театре комической оперы.
177. Голос поэта: (Анна Радлова. «Корабли») // Там же. — 1921. — 26-29 марта. — № 702/705. — С.1. — То же с сокр.: Условности. — С.169-171. — Рец. на кн.: Радлова Анна. Корабли: Вторая книга стихов. — Пг.: Алконост, 1920.
178. «Слуга двух господ»: (Большой Драматический театр) // Там же. — 1921. — 30/31 марта-1 апр. — № 706/708. — С.1. — То же с изм., без подзаголовка: Условности. — С.87-89.
Рецензия на постановку комедии К.Гольдони в Большом Драматическом театре.
179. «Двенадцатая ночь»: (Большой Драматический Театр) // Там же. — 1921. — 25-27 мая. — № 739/741. — С.1.
Рецензия на постановку комедии В.Шекспира в Большом Драматическом театре.
180. «Così fan tutte»: (Государственный театр Комической оперы) // Там же. — 1921. — 28-31 мая. — № 742/745. — С.1. — То же с изм., без подзаголовка: Условности. — С.139-140.
Рецензия на постановку оперы В.-А.Моцарта в Государственном театре комической оперы.
181. А.И.Мозжухин как певец камерный // Там же. — 1921. — 15-17 июня. — № 752/754. — С.1.
О концерте камерной музыки с участием А.И.Мозжухина.
182. Созвездия и звезды: («Король Эрик XIV» в Студии Московского Художественного театра) // Там же. — 1921. — 18-20 июня. — № 755/757. — С.1.
Рецензия на гастрольный спектакль Первой студии Московского Художественного театра по пьесе А.Стриндберга.
183. Мечтатели: («Записки мечтателей» № 2-3; «Переписка из двух углов», изд. «Алконост», 1921) // Там же. — 1921. — 29 июня-1 июля. — № 764/766. — С.1. — То же с изм., без авторских подстрочных сносок: Условности. — С.154-157.
Рецензия на издания «Алконоста»: журнал «Записки мечтателей» и сборник философской переписки 1920 г. Вяч. Иванова и М.О.Гершензона.
184. Капуста на яблонях // Там же. — 1921. — 26-31 июля. — № 786/791. — С.2. — С редакционной пометой: Печатается в дискуссионном порядке. — То же: Литератор. — Л., 1990. — 6 июля. — № 24. — С.5. (публ. А.Г.Тимофеева).
Апология независимости искусства.
185. «Малабарская вдова»: (Театр б. «Летний Буфф») // Там же. — 1921. — 2-7 авг. — № 792/797. — С.1. — То же с изм., без подзаголовка: Условности. — С.130-132.
Рецензия на постановку оперетты Ф.Эрве в Государственном театре комической оперы (на сцене театра «Летний Буфф»). Написано в июле 1921 г.
186. Лицом к лицу // Там же. — 1921. — 9-14 авг. — № 798/803. — С.1.
Призыв о помощи голодающим Поволжья. Весь номер газеты, в котором помещена статья, был посвящен этой теме.
187. А.Блок // Там же. — 1921. — 16-21 авг. — № 804. — С.5. — На странице с общим заголовком: Памяти Александра Александровича Блока.
188. «Бригитта»: («Летний Буфф») // Там же. — 1921. — 23 авг. — № 805. — С.1.
Рецензия на постановку оперетты Г.Серпетта и В.Роже в Государственном театре комической оперы (на сцене театра «Летний Буфф»).
189. «Разведенная жена»: (Государственная Комическая опера) // Там же. — 1921. — 18 окт. — № 813. — С.1.
Рецензия на постановку оперетты Л.Фаллы в Государственном театре комической оперы.

190. Без козырей: («Виндзорские кумушки» — Гос.сударственная» Ком.сическая» опера) // Там же. — 1921. — 15 нояб. — № 817. — С.1.
Рецензия на постановку комической оперы О.Николаи в Государственном театре комической оперы.
191. «Звездочет»: («Музыкальная Комедия») // Там же. — 1921. — 22 нояб. — № 818. — С.1.
Рецензия на постановку оперетты Ф.Легара в Театре музыкальной комедии.
192. «Борис Годунов»: (Гос. Большой Оперный театр) // Там же. — 1921. — 6 дек. — № 820. — С.1.
Рецензия на постановку музыкальной драмы М.П.Мусоргского в Государственном Большом оперном театре. Написано в ноябре 1921 г.
193. К.А.Сомов // К.А.Сомов: [Альбом]. — Пг.: Камена, 1916 [1921]. — С.3-7 (нenum.). — То же с изм.: Условности. — С.180-185.
Сроки выхода альбома со статьей Кузмина проясняются из рецензии, подписанной: N. (Жизнь искусства. 1921. 14 июля. № 776/779. С.4); здесь год выхода обозначен: 1916-21.
194. Прекрасная отвага: («Гондла» в Театральной мастерской) // Жизнь искусства. — 1922. — 17 янв. — № 3 (826). — С.2. — То же, под назв. «Гондла»: Условности. — С.107-108.
Рецензия на постановку пьесы Н.С.Гумилева в Театральной мастерской.
195. «Адвокат Пателен»: (Театральная мастерская) // Там же. — 1922. — 24 янв. — № 4 (827). — С.2. — То же с изм., без подзаголовка: Условности. — С.109-110.
Рецензия на постановку старинного фарса в Театральной мастерской.
196. «Иуда»: (Театральная мастерская) // Там же. — 1922. — 14 февр. — № 7 (830). — С.1. — То же: Голос России. — Берлин, 1922. — 16 апр. — № 943. — С.8. — Подпись: Михаил Кузмин. — С редакционной пометой: По поводу трагедии А.Ремизова «Иуда» (№ 7 (830) Жизнь искусства 14.2.1922); Условности. — С.111-113.
Рецензия на постановку «Трагедии о Иуде, принце Искаротском» А.М.Ремизова в Театральной мастерской.
197. Драгоценный подарок: (Три года Большого Драматического театра) // Там же. — 1922. — 21 февр. — № 8 (831). — С.3.
Статья к 3-ей годовщине основания Большого Драматического театра.
198. Крылатый гость, гербарий и экзамены // Там же. — 1922. — 18 июля. — № 28 (851). — С.2. — То же: Условности. — С.172-176. — Рец. на кн.: Радлова Анна. Крылатый гость: Третья книга стихов. — [Пг.]: Петрополис, 1922.
Полемично по отношению к другому отклику; см.: Шагиния Маризтта. Литературный дневник: Новые поэты // Литературная неделя. 1922. 9 июля. № 7. С.2. (Приложение к № 151 газеты «Петроградская правда»).
199. Говорящие // Там же. — 1922. — 8 авг. — № 31 (854). — С.1. — То же: Условности. — С.158-161.
Заметки о современном литературном процессе, характеристика творчества группы «Серапионовы братья» и отзыв о повести Б.Л.Пастернака «Детство Люверсь».
200. Свежие побеги // Там же. — 1922. — 22-28 авг. — № 33 (856). — С.1. — То же с сокр.: Условности. — С.133-135.
О Е.В.Лопуховой как артистке оперетты.
201. «Восстание ангелов»: (Гос. театр Новой драмы) // Там же. — 1922. — 5 нояб. — № 44 (867). — С.4. — Подпись: М.К.
Рецензия на спектакль по роману Ан. Франса в Театре Новой драмы (инсценировка А.Я.Бруштейн и В.Н.Соловьева). Написано в октябре 1922 г.
202. Две Ганни танцуют одно гоп-са-са: I // Там же. — 1922. — 14 нояб. — № 45 (868). — С.2.
О репертуаре опереточных театров Петрограда. Написано в октябре 1922 г.
203. Письмо в Пекин // Абракасас. — Пг., 1922. — С.58-62. — Ноябрь [Вып. 2]. — То же с изм. и сокр.: Условности. — С.162-168.
Обозрение современного литературного процесса. В обеих публикациях датировано: 1922 г. Написано в ноябре 1922 г.
204. Эмоциональность и фактура // Жизнь искусства. — 1922. — 26 дек. — № 51 (874). — С.1. — С редакционной пометой: В порядке дискуссии. — То же: Условности. — С.177-179.
О соотношении эмоциональности и фактуры (материала) в произведении искусства на примере работ современных художников.
205. Колебания жизненных токов // Анненков Юрий. Портреты: Текст Евгения Замятина, Михаила Кузмина, Михаила Бабенчикова. — [Пг.]: Петрополис, 1922. — С.43-56.
О творчестве художника Ю.П.Анненкова. Написано в ноябре 1921 г.
206. Творчество Д.И.Митрохина // Кузмин М., Воинов Всеволод. Д.И.Митрохин. — М.: Гос. изд-во, 1922. — С.7-18. — То же в переводе на нем. яз.: М.: Staats-Verlag, 1922. — С.7-18; Книга о Митрохине: Статьи. Письма. Воспоминания / Сост. Л.В.Чага; Подгот. текста и примеч. И.Я.Васильевой. — Л.: Художник РСФСР, 1986. — С.347-350. — С датой: 1922.
Датировано: 1922. Март.
207. От переводчика // Франс Анатолий. Маленький Пьер: Детство и отрочество / Пер. с французского М.Кузмина. — Пг.: Полярная звезда, 1922. — С.3. — Подписано: Переводчик.
Датировано: 1922. По всей очевидности, фрагмент предисловия, написанного в августе 1922 г.
208. «Польская кровь»: («Музыкальная комедия») // Красная газета. — 1923. — 18 янв. — № 14. — С.4. — Веч. вып. — Подпись: М.К.
Рецензия на постановку оперетты О.Недбала в Театре музыкальной комедии.
209. «О чем девушки мечтают»: («Музыкальная комедия») // Там же. — 1923. — 6 февр. — № 30. — С.4. — Подпись: М.К.
Рецензия на постановку оперетты Л.Ашера в Театре музыкальной комедии.
210. Вечер дуэтов: (Малый зал Филармонии) // Жизнь искусства. — 1923. — № 8. — С.13-14.
О выступлении певиц В.Я. и М.Я.Хортик в концерте камерной музыки. Написано в феврале 1923 г.

211. «Морской разбойник» и некоторые соображения // Там же. — 1923. — № 10. — С.16-17.
О репертуаре петроградских опереточных театров. Написано в марте 1923 г.
212. «Последний вальс»: («Музыкальная комедия») // Там же. — 1923. — № 13. — С.10-11.
Рецензия на постановку оперетты О.Штрауса в Театре музыкальной комедии. Написано в марте 1923 г.
213. «Карнавал костюма» // Там же. — 1923. — № 13. — С.11 — Подпись: М.К.
О выступлении В.Л.Юреновой и А.Н.Скрыдлова на сцене Свободного театра. Написано в марте 1923 г.
214. «Баядера»: (Бенефис И.М.Орловой) // Там же. — 1923. — № 16. — С.16-17.
О выступлении И.М.Орловой в постановке оперетты И.Кальмана в Театре музыкальной комедии. Написано в апреле 1923 г.
215. «Баядерка» по оригиналу: (Палас-театр) // Там же. — 1923. — № 17. — С.12-13.
О постановке оперетты И.Кальмана на сцене Палас-театра. Написано в апреле 1923 г.
216. «Принцесса Турандот» // Там же. — 1923. — № 18. — С.15-16.
О гастрольном спектакле Третьей студии Московского Художественного театра по пьесе К.Гоцци. Написано в апреле 1923 г.
217. «Дочь Сильвы» // Там же. — 1923. — № 19. — С.9.
О постановке оперетты И.Кальмана в Театре музыкальной комедии.
218. Ответ коллективу артистов Палас-театра // Там же. — 1923. — № 19. — С.24.
Ответ на возражения коллектива артистов Палас-театра против оценок актерской работы Е.И.Тиме и Л.О.Утецова, содержащихся в статье № 215.
219. Островский // Там же. — 1923. — № 20. — С.19-20.
Характеристика творчества А.Н.Островского в связи со 100-летним юбилеем драматурга. Написано в апреле 1923 г.
220. Бенефисы // Там же. — 1923. — № 21. — С.17-18.
О бенефисах опереточных артистов.
221. Петроградский театральный сезон: (Письмо из Петрограда) // Известия. — 1923. — 31 мая. — № 118. — С.6.
Обозрение театрального сезона 1922-1923 гг.
222. Последние минуты сезона // Жизнь искусства. — 1923. — № 22. — С.17.
О бенефисах опереточных артистов.
223. Кинематограф в Германии // Вечерняя Красная газета. — 1923. — 14 июня. — № 135. — С.3.
О современном немецком и американском кинематографе.
224. Пьер Лоти (1850-1923) // Там же. — 1923. — 17 июня. — № 138. — С.2.
Характеристика творчества П.Лоти в связи с его кончиной.
225. «Дама в красном»: («Летний Буфф») // Жизнь искусства. — 1923. — № 24. — С.15.
О возобновлении Театром музыкальной комедии оперетты Р.Винтербергера на сцене театра «Летний Буфф».
226. «Эриван»: («Летний Буфф») // Вечерняя Красная газета. — 1923. — 6 июля. — № 157. — С.3.
О постановке оперетты О.Недбала в Театре музыкальной комедии (на сцене театра «Летний Буфф»).
227. Опереточный сезон // Жизнь искусства. — 1923. — № 33. — С.15.
Обзор репертуара петроградских опереточных театров. Написано в августе 1923 г.
228. О программах маленьких театров // Там же. — 1923. — № 34. — С.9-10.
О новой программе Свободного театра. Написано в августе 1923 г.
229. Пафос экспрессионизма // Театр. — Пг., 1923. — № 11. — С.1-2.
О художественном течении экспрессионизма в Германии и, в частности, о драме Э.Толлера «Hinkemann» («Эуген Несчастный») — в связи с ее предстоящей постановкой на сцене Б. Михайловского театра. Написано не ранее октября 1923 г.
230. Брюсов: «То мореплаватель, то плотник...» // Там же. — 1923. — № 12. — С.1.
Характеристика личности и творчества В.Я.Брюсова в связи с 50-летием со дня рождения поэта. Написано не ранее октября 1923 г.
231. Письмо в редакцию [по поводу своего участия в переводе либретто оперетты Ф.Легара «Ева»] // Жизнь искусства. — 1923. — № 51. — С.28.
232. Г.Нарбут: (По поводу посмертной выставки) // Русское искусство. — 1923. — № 1. — С.34-36. — То же: Наше наследие. — 1990. — № 3. — С.113-114 (публ. М.Долинского).
Характеристика творчества Г.И.Нарбута в связи с выставкой его произведений в Русском музее. Написано в сентябре 1922 г.
233. Влияние костюма на театральные постановки // Ателье. — 1923. — № 1. — С.22-23.
Единственный номер этого журнала вышел не ранее августа 1923 г. Написано в марте 1923 г.
234. Костюмы Александра Бенуа для «Мещанина во дворянстве» // Там же. — 1923. — № 1. — С.33-34. — Подпись: М.К.
О художественной стороне постановки комедии Ж.-Б.Мольера в Академическом театре драмы. Написано в июле 1923 г.
235. Парнасские заросли // Завтра: Литературно-критический сборник под ред. Евг. Замятина, М.Кузмина и М.Лозинского. [Вып.]I. — [Берлин]: Петрополис, 1923. — С.114-122.
Наборная рукопись, автограф: РГАЛИ. Ф.2853. Оп.1. № 30. Л.1а, 1-15, 15а, 16.
Обозрение современного литературного процесса. Датировано: 1922. Март; авторский Р.С. к статье: 1922. Сентябрь; суда по рукописи, в сентябре 1922 г. в текст были внесены поправки.
236. Собинов // Леонид Витальевич Собинов. 1898-1923: Юбилейный сборник под ред. Вл.И.Немировича-Данченко. — М., [1923]. — С.39-40, 42.
Статья, написанная в связи с 25-летием сценической деятельности певца. Написано в декабре 1922 г.
237. Эмоциональность как основной элемент искусства // Арена: Театральный альманах / Под ред. Евг. Кузнецова — Пг.: Время, 1924 [1923]. — С.7-12.

- Формулировка и разъяснение основных положений и принципов эмоционализма. Написано в январе 1923 г. Статья послужила основой для доклада об эмоционализме, прочитанного Кузминым на вечере эмоционалистов 15 апреля 1923 г. в Институте истории искусства.
238. Е.В.Лопухова в оперетке // Е.В.Лопухова: Двадцать лет сценической деятельности. — Пг., [1923]. — С.13-16.
Написано в феврале 1923 г.
239. Н.Ф.Монахов // Условности. — С.117-121.
О драматических ролях Н.Ф.Монахова на сцене Большого Драматического театра. Написано в мае 1922 г.
240. Н.К.Рерих // Рерих. — М.: Всероссийский Комитет Помощи Инвалидам Войны при ВЦИК Советов, [1923]. — С.1-15. — С обозначением жанра «Очерк». — На титуле: Н.К.Рерих: Очерк Кузмина.
Издание отпечатано в Петрограде. Написано в августе 1923 г.
241. Те-с!..: Подарки к Новому году // Театр. — 1924. — № 14 [1]. — С.8-9.
О репертуаре петроградских театров. В номере еженедельника от 1 января 1924 г., в котором помещена эта статья, сохранена нумерация предыдущего года.
241. Дела-делишки // Там же. — 1924. — № 14 [1]. — С.15.
О последних постановках опереточных театров.
243. Пристрастная критика // Там же. — 1924. — № 3. — С.1. То же: Ленинградский рабочий. — 1988. — 25 марта. — № 13. — С.12 (публикация Л.Н.Житковой и А.Г.Тимофеева).
О принципах художественной критики. Написано не ранее октября 1923 г.
244. «Баядера» // Там же. — 1924. — № 3. — С.14.
Рецензия на обновленную постановку оперетты И.Кальмана на сцене объединенного опереточного театра «Музыкальная комедия». Написано в январе 1924 г.
245. Сумеречная Дульцинея // Там же. — 1924. — № 4. — С.4.
Статья к 40-летию литературной деятельности Ф.К.Сологуба. Написано 15-16 января 1924 г.
246. «Евгений Онегин»: Гастроли Московской оперной студии имени Станиславского // Там же. — 1924. — № 5/6. — С.8.
Рецензия на гастрольный спектакль московской Оперной студии им. К.С.Станиславского. Написано в феврале 1924 г.
247. Театр актера: 5 или 25? // Там же. — 1924. — № 7. — С.1.
К 5-й годовщине создания Большого Драматического театра.
248. Элеонора Дузе // Вечерняя Красная газета. — 1924. — 23 апр. — № 93. — С.3.
Характеристика творчества актрисы в связи с ее кончиной.
249. Новая кладка // Там же. — 1924. — 3 июня. — № 124. — С.5.
О постановке оперетты Ж.Жильбера «Дорина и случай» в Театре музыкальной комедии. Написано в мае 1924 г.
250. Концы и начала: (Опереточный сезон) // Там же. — 1924. — 12 июня. — № 131. — С.3.
О постановках ленинградских опереточных театров.
251. Лидия Иванова // Там же. — 1924. — 18 июня. — № 135. — С.3. — То же: Русская мысль. — Париж, 1990. — 2 нояб. — № 3852. — Лит. приложение № 11. — С.IV (публ. А.Г.Тимофеева); Московский наблюдатель. — 1991. — № 3. — С.56.
Некролог балерины Л.А.Ивановой, трагически погибшей 16 июня 1924 г. Написано 17 июня 1924 г.
252. «Баядера»: (Открытие балетного сезона) // Там же. — 1924. — 22 сент. — № 215. — С.4.
Рецензия на постановку балета Л.Минкуса в Академическом театре оперы и балета.
253. Начало опереточного сезона: (Малый оперный театр) // Там же. — 1924. — 23 сент. — № 216. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты Ф.Легара «Там, где жаворонок поет» в Академическом Малом оперном театре.
254. Московская Сильва // Там же. — 1924. — 4 окт. — № 226. — С.4.
О выступлении З.Л.Светлановой в спектакле Театра музыкальной комедии «Сильва» (оперетта И.Кальмана).
255. Гастроли Кандауровой // Там же. — 1924. — 6 окт. — № 227. — С.4.
О выступлении М.П.Кандауровой на сцене Ленинградского Академического театра оперы и балета.
256. [Некролог В.Я.Брюсову] // Там же. — 1924. — 10 окт. — № 231. — С.2. — То же: Wiener Slawistischer Almanach. — 1981. — Bd. 7. — S.68-69. — В составе предисловия к публикации: Cheron George. Letters of V.Ja.Brjusov to M.A.Kuzmin.
257. «Дон-Кихот» // Там же. — 1924. — 14 окт. — № 234. — С.4.
Об участии Е.И.Люком в балете Л.Минкуса на сцене Академического театра оперы и балета.
258. Средства и выразительность: «Дон-Жуан» // Там же. — 1924. — 15 окт. — № 235. — С.4.
Рецензия на постановку оперы В.-А.Моцарта в Академическом театре оперы и балета.
259. Мобилизация сил: (Опереточный сезон) // Там же. — 1924. — 17 окт. — № 237. — С.4.
О постановках оперетт на сценах Академического Малого оперного театра и Театра музыкальной комедии.
260. «Фраскита» // Там же. — 1924. — 20 окт. — № 239. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты Ф.Легара в Театре музыкальной комедии.
261. Валерий Брюсов // Жизнь искусства. — 1924. — № 43. — С.2-3.
Некрологическая статья о творчестве В.Я.Брюсова.
262. «Голубая мазурка» // Вечерняя Красная газета. — 1924. — 29 окт. — № 247. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты Ф.Легара в Театре музыкальной комедии.
263. Неожиданный «сдвиг»: («Туту» в «Музыкальной Комедии») // Там же. — 1924. — 28 нояб. — № 272. — С.4. — С предупреждением «От редакции», посвященным критике разбираемой постановки.
Рецензия на постановку оперетты Ф.Легара «Туту» («Танец стрекоз») в Театре музыкальной комедии.

264. «Танец стрекоз» // Там же. — 1924. — 6 дек. — № 279. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты Ф.Легара в Академическом Малом оперном театре.
265. Сандро Моисси: («Живой труп») // Там же. — 1924. — 12 дек. — № 284. — С.4.
О выступлении С.Моисси в роли Протасова в спектакле по пьесе Л.Н.Толстого «Живой труп» на сцене Академического театра драмы.
266. «Чарли»: («Музыкальная комедия») // Там же. — 1924. — 15 дек. — № 286. — С.4.
О выступлении Е.В.Лопуховой и А.А.Орлова в оперетте В.Гетце на сцене Театра музыкальной комедии.
267. Гастроли Светлановой: («Музыкальная Комедия») // Там же. — 1924. — 19 дек. — № 290. — С.4.
О выступлении З.Л.Светлановой на сцене Театра музыкальной комедии.
268. «Эдип» // Там же. — 1924. — 20 дек. — № 291. — С.4.
О выступлении С.Моисси в спектакле по трагедии Софокла «Эдип-царь» на сцене Академического театра драмы.
269. Лев Бакст: [Некролог] // Там же. — 1924. — 31 дек. — № 298. — С.4.
270. Предисловие // Ренье Анри, де. Встречи господина де Брео / Пер. и предисл. М.Кузмина. — Л.: Academia, 1924. — С.5-11. — (Собр. соч. в 17 тт. — Т.VII). — То же: Ренье Анри, де. Необыкновенные любовники: Дважды любимая; Встречи господина де Брио; Необыкновенные любовники / Сост. М.Чугориной. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — С.335-340. — (Соч. Т.I).
Написано не ранее октября 1923 г.
271. Предисловие // Наль Анатолий. Элегии и стансы. — [Л.]: Academia, 1924.
Датировано: 1924. Март.
272. «Смерть командарма»: (Драма Адр. Пиотровского) // Вечерняя Красная газета. — 1925. — 2 янв. — № 1. — С.4.
О пьесе А.И.Пиотровского «Смерть командарма» («Гибель пяти»).
273. Последняя новинка Кальмана: (К постановке «Марицы») // Там же. — 1925. — 7 янв. — № 6. — С.4.
Об оперетте И.Кальмана в связи с ее постановкой на сцене Театра музыкальной комедии.
274. «Марица»: («Музыкальная комедия») // Там же. — 10 янв. — № 9. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты И.Кальмана в Театре музыкальной комедии.
275. Оперетта сего дня: I // Там же. — 1925. — 4 февр. — № 29. — С.4.
Об истории возникновения оперетты как жанра музыкального театра.
276. «Королева ночи»: (Бенефис А.Н.Феона) // Там же. — 1925. — 28 февр. — № 51. — С.4.
О выступлении А.Н.Феона в оперетте В.Колло на сцене Театра музыкальной комедии.
277. Опера в оперетке: (Ак. [опера]. «Цыганский барон» и пр.) // Там же. — 1925. — 17 марта. — № 63. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты И.Штрауса «Цыганский барон» в Академическом Малом оперном театре.
278. «Марицтга»: («Музыкальная комедия») // Там же. — 1925. — 23 марта. — № 68. — С.4.
О выступлении И.М.Орловой в оперетте В.Колло на сцене Театра музыкальной комедии.
279. «Похищение из Сераля» // Там же. — 1925. — 30 марта. — С.4.
Рецензия на постановку оперы В.-А.Моцарта в Академическом Малом оперном театре.
280. XXV-летие Н.И.Тамары // Там же. — 1925. — 3 апр. — № 78. — С.4.
О XXV-летию сценической деятельности артистки оперетты Н.И.Тамары.
281. «Принцесса О-ля-ля» // Там же. — 1925. — 21 апр. — № 93. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты Ж.Жильбера в Театре музыкальной комедии.
282. «Эдип» // Там же. — 1925. — 22 апр. — № 94. — С.4.
Рецензия на постановку трагедии Софокла в Академическом театре драмы.
283. Грановская в оперетке // Там же. — 1925. — 25 апр. — № 97. — С.4.
О выступлениях Е.М.Грановской на опереточной сцене.
284. Утверждение оперы: («Дальний звон») // Там же. — 1925. — 11 мая. — № 112. — С.4.
Рецензия на постановку оперы Ф.Шрекера в Академическом театре оперы и балета.
285. Летние несоответствия: (Открытие Таврического сада) // Там же. — 1925. — 27 мая. — № 128. — С.4.
Об открытии летнего сезона в театре Таврического сада.
286. Анатолий Франс // Россия. — 1925. — № 4. — С.281-286.
Отклик на кончину Ан.Франса, последовавшую 12 октября 1924 г. Написано в октябре 1924 г.
287. Стружки // Там же. — 1925. — № 5. — С.164-169. — Подпись: Мих. Кузмин.
Сохранился отдельный оттиск статьи с правой печаткой, сделанной автором; см.: РНБ. Ф.625. № 721.
Историсофские заметки и мысли о литературе. Написано в августе 1924 г. Изложение статьи: К.В. [Мочульский К.В.]. Кузмин об искусстве // Звено. Париж, 1926. 3 янв. № 153. С.6.
288. Предисловие // Ренье Анри, де. Живое прошлое (Le passé vivant) / Пер. и предисл. М.А.Кузмина. — Л.: Academia, 1925. — С.5-7. — (Собр. соч. в 19 тт. Т.VIII).
Написано в октябре 1924 г.
289. Предисловие // Черемшанова О. Склеп: Стихи с предисловием М.А.Кузмина. — Л., 1925. — С.3-8.
Беловой автограф — коллекция М.С.Лесмана, ныне собрание Н.Г.Князевой (С.-Петербург), см.: Книги и рукописи в собрании М.С.Лесмана. С.302. Написано в феврале 1925 г.
290. Предисловие // Ренье Анри, де. По прихоти короля (Le bon plaisir) / Пер. и предисл. М.Кузмина. — Л.: Academia, 1925. — С.5-6. — (Собр. соч. в 19 тт. Т.IV).
Написано в мае 1925 г.

291. Д.И.Митрохин // Рисунки и гравюры Д.И.Митрохина 1908-1925 гг.: Каталог выставки. — [Казань]: Центральный Музей ТССР, 1925. — С.9-12. — На обл.: Казань, 1925. — То же: Книга о Митрохине: Статьи. Письма. Воспоминания. — С.350-352. — С датой: 1925. — С обозначением имени автора: Михаил Кузмин.
292. Возвращение к истокам: («Дуня-тонкопряха») // Вечерняя Красная газета. — 1926. — 9 февр. — № 35. — С.4.
Об оперетте А.И.Пиотровского и Д.Г.Толмачева.
293. «Фрак»: («Комедия») // Там же. — 1926. — 13 февр. — № 39. — С.4.
Рецензия на постановку пьесы Г.Дрегели «Хорошо спи-тый фрак» в театре «Комедия».
294. Дмитрий Смирнов: (Б<ольшой> зал Филармонии) // Там же. — 1926. — 26 февр. — № 50. — С.4.
О гастрольном выступлении певца Д.А.Смирнова на сцене Большого зала Ленинградской филармонии.
295. Москвичи в Филармонии // Там же. — 1926. — 1 марта. — № 52. — С.4.
О поэтическом вечере Московского Художественного театра 2-го на сцене Большого зала Ленинградской филармонии.
296. В оперетте: («Фаворитка») // Красная газета. — 1926. — 3 марта. — № 51. — С.6. — [Утр. вып.] — Подпись: М.К.
Рецензия на постановку оперетты Ж.Жильбера «Фаворитка его высочества» в Театре музыкальной комеди. Написано в феврале 1926 г.
297. «Фаворитка его высочества»: («Музыкальная комедия») // Вечерняя Красная газета. — 1926. — 3 марта. — № 54. — С.4.
Написано в феврале 1926 г.
298. Новое испытание сил: («Любовь к трем апельсинам») // Там же. — 1926. — 11 марта. — № 61. — С.4.
Рецензия на постановку оперы С.С.Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» в Академическом театре оперы и балета.
299. «Когда заговорит сердце»: (Спектакль С.Н.Надеждина) // Там же. — 1926. — 13 марта. — № 62. — С.4.
Рецензия на постановку пьесы Ф.Круассе в театре «Комедия» (с участием С.Н.Надеждина).
300. «Орфей» // Там же. — 1926. — 15 марта. — № 63. — С.4.
Рецензия на возобновление оперы К.-В.Глюка «Орфей и Эвридика» Академическим театром оперы и балета.
301. Возобновление «Орфея»: (Академическая опера) // Красная газета. — 1926. — 16 марта. — № 61. — С.6. — [Утр. вып.] — Подпись: К.
302. Н.Ф.Монахов // Там же. — 1926. — 17 марта. — № 62. — С.6. — Подпись: М.К.
К 30-летию артистической деятельности Н.Ф.Монахова.
303. «Монна Лиза» // Там же. — 1926. — 31 марта. — № 73. — С.6.
Рецензия на постановку оперетты М.Шиллинга в Академическом Малом оперном театре.
304. «Четыре шельмы»: (На бенефисе Феона) // Вечерняя Красная газета. — 1926. — 1 апр. — № 77. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты В.Гетце в Театре музыкальной комедии (с участием А.Н.Феона). Статья написана в марте 1926 г.
305. Оперой дирижирует Альберт Коутс // Там же. — 1926. — 16 апр. — № 90. — С.4.
Об исполнении оперы М.П.Мусоргского «Борис Годунов» в Академическом театре оперы и балета под управлением А.Коутса.
306. «Ливень»: (б. Александринский театр) // Там же. — 1926. — 19 апр. — № 92. — С.4. — Подпись: М.К.
Рецензия на постановку пьесы С.Мозма в Академическом театре драмы.
307. «В низинах» // Там же. — 1926. — 20 апр. — № 93. — С.4.
Рецензия на постановку оперы Эд'Альбера «В низинах» («Долина») в Академическом Малом оперном театре.
308. Оленина д'Альгейм // Там же. — 1926. — 24 апр. — № 97. — С.4.
О концерте М.А.Олениной д'Альгейм в Большом зале Ленинградской филармонии.
309. «Сказание о граде Китеже»: (Акопера) // Красная газета. — 1926. — 27 апр. — № 96. — С.6. — [Утр. вып.].
Рецензия на постановку оперы Н.А.Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» в Академическом театре оперы и балета.
310. «Оде Набунаго»: (Дом Печати) // Вечерняя Красная газета. — 1926. — 7 мая. — № 106. — С.4.
О вечере японской литературы и постановке героической трагедии О.Кидо «Оде Набунаго» в Студии академических театров (на сцене Дома печати).
311. «Человек без имени» // Там же. — 1926. — 8 мая. — № 107. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты Э.Кюннеке в Театре музыкальной комедии.
312. Негры // Там же. — 1926. — 10 мая. — № 108. — С.4.
Рецензия на выступление негритянского джаз-банды в помещении Госцирка.
313. Новое в балете: («Пульчинелла») // Красная газета. — 1926. — 18 мая. — № 112. — С.6. — [Утр. вып.] — Подпись: М.К.
Рецензия на постановку балета И.Ф.Стравинского в Академическом театре оперы и балета.
314. «Гибель Фауста» // Вечерняя Красная газета. — 1926. — 19 мая. — № 116. — С.4.
Об исполнении оперы-оратории Г.Берлиоза на сцене Академической капеллы.
315. «Тильль Уленшпигель»: (Театр Юных Зрителей) // Там же. — 1926. — 26 мая. — № 122. — С.4.
Рецензия на постановку пьесы Е.Г.Гаккеля по роману Ш. де Костера в Театре юных зрителей.
316. В Саду Отдыха // Там же. — 1926. — 1 июня. — № 127. — С.4.
Рецензия на постановку оперетты Р.Штольца «Девушка из 1001 ночи» в Театре музыкальной комедии (на сцене летнего театра в Саду Отдыха (б. Анничковом)). Написано в мае 1926 г.

317. Новое слово в опере // Там же. — 1926. — 7 июня. — № 132. — С.4.

Об опере А.Берга «Воццека» («Войцек»).

318. «Соня»: (Сад Отдыха) // Там же. — 1926. — 3 июля. — № 153. — С.4.

Рецензия на постановку оперетты Л.Ашера в Театре музыкальной комедии (на сцене летнего театра в Саду Отдыха).

319. Монахов в оперетте // Николай Федорович Монахов: К 30-летию артистической деятельности. 1896-1926. — Л.: Academia, 1926. — С.21-22. — (Дела и дни Большого Драматического театра. Сб. № 2. 1926).

320. Монахов — «Филипп» // Там же. — С.23, 25.

Юбилейная заметка о Н.Ф.Монахове в роли Филиппа II в драме Ф.Шаллера «Дон Карлос» (постановка Большого Драматического театра, премьера 15 февраля 1919 г.). Ср. № 121.

321. Монахов — «Шейлок» // Там же. — С.26.

Юбилейная заметка о Н.Ф.Монахове в роли Шейлока в драме В.Шекспира «Венецианский купец» (постановка Большого Драматического театра, премьера 27 ноября 1920 г.). Ср. № 170.

322. Предисловие // Ренье Анри, де. Амфисбена (L'amphisbene) / Пер. и предисл. М.А.Кузмина. — Л.: Academia, 1926. — С. 5-6. — (Собр. соч. В 19 тт. Т.ХII). — То же: Ренье Анри, де. Ромэна Мирмо: Амфисбена; Ромэна Мирмо / Сост. М.Чугориной. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — С.7-8. — (Соч. Т.III).
Написано в декабре 1925 г.

323. Предисловие // Геркен Евгений. Башня: Стихи / Предисл. М.Кузмина. — Л., 1926. — С.3-4.

Написано в январе 1926 г.

324. Две стихии // Лидия Иванова: 1903-1924. — Л., 1927. — С.16-19. — С сокр. — На титуле: Лидия Иванова. — Б.м., 1927. — То же: Studies in the Life and Works of Mixail Kuzmin / Ed. by John E. Malmstad. — Wien, 1989. — S.187-189. — (Wiener Slavistischer Almanach. Sbd.24). — В статье: Malmstad John E. «Two Elements» — Two versions. — С неверной датировкой, проистекающей из путаницы с № 251, и с приведением фрагментов автографа, дополняющих опубликованный в 1927 г. текст; Под загл.: Статья памяти балерины Л.А.Ивановой / Публ. И.Хабарова // Советский балет. — 1990. — № 3. — С.27. — С обозначением имени автора: Михаил Кузмин. — По автографу напечатано с неточностями.

Автограф: РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. № 42. Л.1-5. Написано в мае 1925 г.

325. В.М.Ходасевич // Валентина Ходасевич: Статьи М.Кузмина, Сергея Радлова, С.Мокульского, А.Мовшенсона. — Л.: Academia, 1927. — С.5-18. — (Современные театральные художники).
Написано в апреле 1927 г.

326. [Casa rosa] // Казароза. — М., 1930. — С.23-27.

Воспоминания о Б.Г.Казарозе-Волковой в сборнике ее памяти. Датировано: 1929.

327. Эдуард Багрицкий // Литературная газета. — 1933. — 17 мая. — № 23. — С.3. — С двумя редакционными примечаниями: справкой об авторе и заметкой «От редакции», где объявлено, что статья публикуется «как документ перестройки М.Кузмина». — То же: В мире книг. — 1988. — № 12. — С.23-24. (публ. Всеволода Азарова). — С неточностями и неоговоренной купурой в первой цитате из стихов Э.Багрицкого. Обзор поэтического творчества Э.Багрицкого.

328. Несколько слов о переводе // Звезда. — 1933. — № 6. — С.69-71. — В качестве предисловия к публикации перевода М.Кузмина «Прощание Гектора с Андромахой: Перевод из «Илиады» Гомера».

Беловой автограф: ИМЛИ. Ф.192. Оп.1. № 13. Л.1-6. Автограф датирован: 1933. Февраль.

329. От переводчика // Шекспир Вильям. Трагедия о Короле Лире / Пер. М.Кузмина; Под ред. С.Динамова и А.Смирнова; Комментар. А.Смирнова. — Л.: Academia, 1936. — С.VII-IX.

III. Предисловия к собственным произведениям

330. Предисловие // Кузмин М. Комедии: О Евдокии из Гелиополя. О Алексее человеке Божьем. О Мартиниане. — СПб.: Оры, 1908 (обл. 1909). — С.5. — Подпись: М.К.

Датировано: Июнь 1908 г. Наборная рукопись, автограф: РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. № 13а. Л.1. Подпись: М.Кузмин. Датировано: 1908 г. Июнь.

331. От автора // Условности. — С.5.

332. Вступление // Там же. — С.7.

Датировано: 1922 г. Написано в октябре 1922 г.

IV. Интервью, журнальные анкеты

333. Афинские вечера, кошкодавы и порнография: Наша анкета. (По телефону от наших петербургских корреспондентов). У М.А.Кузмина // Московская газета. — 1911. — 4 окт. — № 123. — С.3. — Часть заголовка набрана с ошибкой: У А.М.Кузьмина. — То же: Серебряный век в России: Избр. страницы. — М., 1993. — С.212. — В тексте статьи: Тимофеев А.Г. М.Кузмин в полемике с Ф.М.Достоевским и А.П.Чеховым: («Крылья»).

334. Самоубийство: Анкета «Биржевых ведомостей» // Биржевые ведомости. — 1912. — 19 мая. — № 12944. — С.4. — Веч. вып. — С ошибочным указанием имени автора: В.М.Кузьмин. — То же, с измененным подзаголовком: (Наша анкета): Новое слово. — 1912. — № 6. — С.8.

335. О печатном слове: (Кусочек анкеты) // Синый журнал. — 1912. — № 50. — С.3.

336. О жутком и мистическом: (Анкета «Синего журнала») // Там же. — 1913. — № 51. — С.5.

337. Человек о черте: (Анкета) // Огонек. — 1913. — № 52. — С.10. — С ошибочным указанием имени автора: Писатель М.М.Кузьмин — и факсимильным воспроизведением авторской подписи. — С воспроизведением авторского рисунка на тему анкеты.

338. Что будет через 200 лет: Анкета «Синего журнала» // Синий журнал. — 1914. — № 1. — С.10.

339. Все о немцах: (Анкета «Синего журнала») // Там же. — 1914. — № 31. — С.12-13.

340. [Интервью о музыке в спектакле Большого Драматического театра по комедии Сем Бенелли «Рваный плащ»] // Жизнь искусства. — 1919. — 20-21 сент. — № 247/248. — С.1.

О музыке собственного сочинения.

341. Некрасов и мы: [Анкета К.И.Чуковского] // Летопись Дома литераторов. — 1921. — № 3. — С.3.

О своем отношении к личности и творчеству Н.А.Некрасова.

V. Произведения, содержащие элементы критической прозы

342. Итальянский кукольный театр в сороковых годах // Жизнь искусства. — 1920. — 12 мая. — № 449. — С.1. — Подписано: Перевел М.Кузмин.

Перевод фрагмента, связанного с кукольным театром, из «Картин Италии» Ч.Диккенса. Сопровождается кратким вступительным пояснением. Написано и переведено 29 апреля 1920 г.

343. Чешуя в неводе: (Только для себя) // Стрелец. Сб. третий и последний / Под ред. Александра Беленсона. — СПб., 1922. — С.95-109. — То же: Литературная учеба. — 1990. — № 6. — С.115-120. — В составе публикации Н.А.Богомолова «“Внелитературный” Михаил Кузмин».

Собрание выписок при чтении и т.п. за 1916-1921 гг., предваряемое небольшой вступительной заметкой автора.

VI. Коллективное

344. Письмо в редакцию [журнала «Весы» с информацией об отказе сотрудничать в журнале «Золотое руно»] // Весы. — 1907. — № 8. — С.79. — Совместно с Ю.Балтрушайтисом, М.Ликиардопуло. — То же, с незначит. изм., в частности, см.: Русь. — 1907. — 23 авг. — № 222. — С.5.

Публикация письма сопровождается сообщением редакция: «В августовских № № большинства московских и петербургских и в некоторых № № провинциальных газет было напечатано два следующих письма в редакцию» (первым является письмо на ту же тему Д.Мережковского, 3.Гиппиус, В.Брюсова и А.Белого).

345. Письмо в редакцию [газеты «Слово» с сообщением об отказе продолжать выступления «в новом зале Театрального клуба под названием “Лукоморье”»] // Слово. — 1908. — 14 дек. — № 650. — С.5. — Совместно с Аркадием Аверченко, С.Ауслендером, Л.Бакстом, Александром

Бенуа, Александром Блоком, И.Билибиным, С.Городецким, М.Добужинским, бароном Дризенем, О.Дымовым, С.Зарембой, В.Каратыгиным, М.Корнфельдом, Е.Лансере, В.Мейерхольдом, В.Нувелем, А.Нуроком, П.Потемкиным, Б.Пронинным, И.Радзивиловичем, А.Ремизовым, Н.Ремизовым, А.Рославлевым, В.Сениловым, К.Сомовым, Ф.Сологубом, гр. А.Толстым, Н.Ходотовым, М.Фокиным, В.Чемберсом, Конст.Эрбергом.

Датировано: 10 дек. 1908 г.

346. Письмо в редакцию [газеты «День» и др. с сообщением об отказе продолжать участие в журнале «Лукоморье»] // День. — 1915. — 30 окт. — № 299. — С.3. — То же: Биржевые ведомости. — 1915. — 30 окт. — № 15179. — С. 5. — Утр. вып. — Совместно с Сергеем Ауслендером, М.Долиновым, Георгием Ивановым, Николаем Киселевым, Н.Кузнецовым, В.Мозалевским, А.Рославлевым, Борисом Садовским, Юрием Слезкиным, Федором Сологубом.

347. Декларация эмоционализма // Абракасас. — Пг., февраль 1923. — С.3. — [Вып. 3]. — То же: От символизма до «Октября»: Литературные манифесты. I. Россия / Сост. Н.Л.Бродский и Н.П.Сидоров. — [М.]: Новая Москва, 1924. — С.253-254; Russian Literature. — 1986. — Vol. XX. — № 1. — P.62-63. — В составе статьи: Nikol'skaya T. Эмоционалисты. — Совместно с Анной Радловой, Сергеем Радловым, Юр.Юркуном.

Написано в декабре 1922 г. Авторство принадлежит М.Кузмину.

348. Приветствие художникам молодой Германии от группы эмоционалистов // Жизнь искусства. — 1923. — № 10. — С.8. — То же: Russian Literature. — 1986. — Vol. XX. — № 1. — P.64-65. — В составе статьи: Nikol'skaya T. Эмоционалисты. — Совместно с Константином Вагиновым, В.Дмитриевым, Адрианом Пиотровским, Анной Радловой, Сергеем Радловым, Юр.Юркуном.

Написано в феврале 1923 г. Авторство принадлежит М.Кузмину.

VII. Dubia

349. Снова с Монаховым // Красная газета. — 1923. — 20 янв. — № 15. — С.3. — Веч. вып. — Подпись: К.

О появлении Н.Ф.Монахова на сцене Большого Драматического театра после перерыва в связи с болезнью.

350. Уловы летнего сезона: («Летний Буфф») // Вечерняя Красная газета. — 1924. — 23 июля. — № 165. — С.3. — Подпись: К.

О репертуаре Театра музыкальной комедии на сцене театра «Летний Буфф».

Б. ОПУБЛИКОВАННОЕ ПОСМЕРТНО

1. О церковном уставе и церковном пении / [Подготовка текста и публикация Игоря Хабарова]; Коммент. и послесл. Марины Рахмановой // Музыкальная академия. — 1992. — № 3. — С.37-44. — С датой: [1900 г.].

Публикация по автографу (РГАЛИ. Ф.232. Оп.1. № 26. Л.1-15 об.) очерка Кузмина «О церковном уставе и о церковном пении», в форме письма к Г.В.Чичерину. В подготовке текста есть серьезные упущения, датировка неточная.

2. [Рец. на пьесу Г. фон Гюнтера «Очаровательная змея, или Удивительная игра любви»] /

Публ. К.М.Азадовского (со ссылкой на сообщение М.Вахтеля, США) // Александр Блок: Новые материалы и исследования. — М.: Наука, 1993. — С.360. — (Литературное наследство. Т.92. Кн.5). — Совместно с Вяч. Ивановым. — В составе примечаний К.М.Азадовского к его переводу и публикации «Йоганнес фон Гюнтер и его “Воспоминания”».

Автограф Вяч. Иванова с подписью М.Кузмина. — Литературный архив при Национальном музее Шиллера (Марбах, ФРГ). Датирован: 13 мая 1908 г.

3. [Приветствие посетителям «Привала комедиантов», написанное для открытия артистического кабаре] / Подготовка текста и публикация И.Г.Кравцовой и А.Г.Тимофеева // Новое литературное обозрение. — 1993. — № 3. — С.144. — В тексте заметки А.Г.Тимофеева

«Кабаретная эфемерида» [о пьесе М.Кузмина «Зеркало дев»].

Публикация по автографу из собрания В.В.Казиминова (С.-Петербург).

4. Предисловие к переводу В.А.Вергер «Королевство вод» Анри де Ренье / Публ., подгот. текста А.Г.Тимофеева // Ренье Анри, де. Яшмовая трость: Яшмовая трость. Лаковый поднос. Стихотворения / Сост. М.Чугориной и А.Балакина (стихотворения); Статьи А.Смирнова, М.Кузмина и В.Шарыгина. — СПб.: Северо-Запад, 1993. — С.425-426. — (Соч. Т.V).

Публикация предисловия по неавторизованной машинописной копии: ИРЛИ. Ф.809. № 103. Л.41-43. Датировано: Декабрь 1913 г. По сведениям А.Е.Парниса и Ж.Шерона, подлинник находится в частном собрании (Москва).

В период верстки текста мы получили возможность ознакомиться с новейшей библиографией критических работ М.Кузмина, составленной К.Харером и опубликованной в его книге, посвященной творчеству Кузмина, см.: Harer Klaus. Michail Kuzmin: Studien zur Poetik der Früher und mittleren Schaffensperiode. München: Otto Sagner, 1993. S.261-276. Как и вся книга немецкого исследователя, библиография критической прозы Кузмина выполнена в целом на высоком профессиональном уровне, однако содержит в себе многочисленные пробелы, а с некоторыми атрибуциями К.Харера авторы настоящей работы не могут согласиться вполне. (Рецензия П.В.Дмитриева на книгу К.Харера готовится к печати в журнале «Новое литературное обозрение»).

П.Д. и А.Т.

Т.Л.НИКОЛЬСКАЯ

ТИФЛИССКИЙ ЖУРНАЛ «ОРИОН»

УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНИЯ

В первые пореволюционные годы Тифлис жил напряженной культурной жизнью, в которой принимали активное участие русские литераторы, бежавшие в Грузию из Москвы и Петрограда. Появлялись новые журналы и газеты, организовывались литературные общества.

Одним из интересных памятников этой поры стал журнал «Орион», выходивший в апреле-декабре 1919 г. Инициатором этого издания и его редактором был Сергей Львович Рафалович (1875-1943) — поэт, прозаик, драматург и критик, широко известный в начале века в литературных кругах Петербурга и Москвы. Его перу принадлежали многочисленные сборники стихов, пьеса «Отвергнутый Дон-Жуан» (1907), вызвавшая противоречивые оценки критики, многочисленные статьи о литературе и театре, печатавшиеся в журналах «Весь», «Театр и искусство» и других изданиях.

В Тбилиси С.Рафалович приехал осенью 1918 г.¹ Он вступил в «Цех поэтов» С.Городецкого², а после отъезда Городецкого из Грузии в Азербайджан стал руководителем «Цеха» вплоть до его распада зимой 1920 г. Рафалович активно сотрудничал в местной печати³, основал издательство «Кавказский посредник», в котором, помимо сборников своих стихов, выпустил перепечатку гиперборейского издания «Белой стаи» Ахматовой⁴, «Двенадцати» и «Скифов» А.Блока⁵. Весной 1919 г. издательство «Кавказский посредник» приступило к выпуску журнала «Орион». Всего до конца года вышло девять номеров журнала, после чего издание прекратилось из-за недостатка средств, а объявленный в последнем номере альманах «Орион», задуманный как продолжение журнала, никогда не вышел в свет.

Литературно-политический ежемесячник «Орион» уделял основное внимание местной литературной жизни. На его страницах печатались стихи членов «Цеха поэтов» С.Городецкого и конкурирующего «Цеха поэтов» при обществе «Кольчуга», произведения грузинских поэтов и прозаиков из группы «Голубые роги», армянских писателей О.Туманяна, В.Агароняна, Ст. Зоряна. Анонсировалось также участие таких авторов, как В.Ананов, Н.Бел-Конь-Любомирская, Д.Гордеев, Ю.Данцигер, И. и К. Зданевичи, Н.Капранов, Б.Корнеев, А.Петраковский, Н.Семейко, П.Яшвили и др. Оформление журнала было выполнено О.Шарлеманем (обложка и знак), клише — фото-цинкографии С.Согомовьяна и А.Сютчяна.

Творчество С.Рафаловича было представлено почти в каждом номере поэмами, стихами и статьями, из которых интересны статьи «Последнее обнажение» и «Крученных и «Двенадцать»», посвященные генезису футуризма и деятельности группы футуристов-заумников «41⁰». В отличие от журнала «Арс», выходившего в Тбилиси в 1918-1919 гг.⁶ и посвященного исключительно литературе и искусству, в «Орионе» печатались материалы и на политические темы, посвященные Февральской революции, Первой мировой войне, была перепечатана статья А.Блока «Интеллигенция и революция».

После закрытия журнала С.Рафалович продолжал литературную деятельность в грузинской столице. Он занимался переводами из грузинской поэзии, частично опубликованными в сборнике «Поэты Грузии», вышедшем в Тбилиси в конце 1921 г., возглавил образованный в 1921 г. «Союз русских писателей в Грузии», на заседаниях которого выступал с докладами о творчестве А.Блока⁷, о книге О.Шпенглера «Закат Европы»⁸, об имажинизме⁹ и др. В 1922 г. С.Рафалович вместе со своей женой С.Андрониковой уехал из Тбилиси в Париж.

¹ См.: Городецкий С. С.Рафалович. Стихи России: Стихотворения: [Рец.] // Кавказское слово. 1918. 2 ноября.

² См. о тифлисском «Цехе поэтов»: Никольская Т.Л. С.М.Городецкий в Грузии. (1917-1919): Материалы к библиографии // De Visu. 1993. № 9. С.59-60.

³ См., напр., его статьи: О лирике // Новый день. 1919. 12 мая; Футуризм // Там же. 1919. 28 июля; Молодая поэзия // Куранты. 1919. № 3/4; Анна Ахматова // Ars. 1919. № 1.

⁴ Подробнее см.: Никольская Т. Ахматова в оценке литературного Тифлиса. (1917-1920) // Ахматовский сборник. Париж, 1989. [Вып.] 1. С.85.

⁵ Блок Александр. «Двенадцать» и «Скифы»: Поэмы. Тифлис, 1919.

⁶ Об этом журнале см. подробнее в нашей публикации: С.М.Городецкий в Грузии. С.59-63.

⁷ Доклад о Блоке был частично опубликован в газете «Фигаро» (1921. 25 декабря).

⁸ См.: Правда Грузии. 1922. 29 марта.

⁹ См.: Там же. 1922. 20 июля.

ОРИОН
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
1919

№ 1 (апрель)

Редакционная коллегия:

Сергей Рафалович, Сергей Городецкий,
А.Меликова, С.Андреева

Туманян Ованес. В армянских горах: [Стихотв.]. — С.3.

Табидзе Тициан. Петербург: Сонет / Пер. с груз. С.Рафаловича. — С.4.

Рафалович Сергей. Марк Антоний: Поэма. — С.5-20. — Посв. Саломее Андреевой. Начало.

Городецкий Сергей. Алый смерч: Роман. — С.21-30. — Начало.

Барбюс Генри. Огонь: Роман: Пер. с франц. — С.31-42. — Начало.

Блок Александр. Интеллигенция и революция. — С.43-53.

Тер-Карпетов-Дубровин П. 11-е жерминаля: [Ст.]. — С.54-59.

Рафалович Сергей. Крученных и «Двенадцать»: [Ст.]. — С.59-69.

Агаронян В. Ованес Туманян: [Ст.]. — С.70-73.

№ 2 [май]

Редакторы:

Сергей Рафалович, Сергей Городецкий

Пояркова Татьяна. «Земля уже была крылом луча задета...»; «Над ярусом полотен черных ярус...»; «В моей комнате в сумерки бродит...»; «Весь вечер в желобах пустых чуть внятно...» (Г.Баммелю): [Стихотв.]. — С.3-4.

Рафалович Сергей. Марк Антоний: Поэма. — С.5-23. Продолж. Начало в № 1.

Робакидзе Григорий. Пан: Поэма / Пер. с груз. С. Рафаловича. — С.24-25. — Посв. Тициану Табидзе.

Городецкий Сергей. Алый смерч: Роман. — С.26-41. — Продолж. Начало в № 1.

Барбюс Генри. Огонь: Роман. — С.42-52. — Продолж. Начало в № 1.

Туманян Ованес. Олень: Рассказ / Пер. с арм. В.Агароняна. — С.53-58.

Исаакян Ав. Непобедимый халиф: [Сказка] / Пер. с арм. В.Агароняна. — С.59-60.

А.Ф.Керенский и Февральская революция: [Запись его воспоминаний о Февральской революции от 5 июня 1917 г.] / Предисл. ред. — С.61-66. — В содерж.: Керенский А.Ф. «Февральская революция»; Протокол допроса.

Гартман Ф. Захарий Палиев: [Ст.]. — С.67-72. — В содерж. назв.: Палиев и грузинская народная песня.

Рафалович Сергей. Россия и союзники: [Ст.]. — С.73-83.

№ 3 (июнь)

Редакционная коллегия

Рафалович Сергей. Марк Антоний: Поэма. — С.3-26. Оконч. Начало в № 1, 2.

Городецкий Сергей. Алый смерч: Роман. — С.27-44. — Продолж. Начало в № 1, 2.

Робакидзе Гр. Майя / Пер. с груз. Н.Мицишвили. — С.45-48. — В содерж. подзаголовков: Легенда.

Агаронян А. В ту ночь: Рассказ / Пер. с арм. В.Агароняна. — С.49-58.

Фаррер Клод. Поблекшие руки: Рассказ / Пер. с франц. Г.Кепинова. — С.59-68. — Начало.

Чубинов Г. Город Ани: [Ст.]. — С.69-81.

№ 4 (июль)

Редакционная коллегия

Струве М. Петербург: Десять восьмистиший. — С.3-7.

Рафалович Сергей. «В часы томительного синего сиянья...»: [Стихотв.]. — С.8. — Посв. Марии Андрониковой.

Шагинян Мариэтта. Чудо на колокольне: [Пьеса в стихах]. — С.9-25. — Посв. Анне Аваковне Будагянц.

Барбюс Генри. Огонь: Роман. — С.26-44. — Оконч. Начало в № 1, 2.

Фаррер Клод. Поблекшие руки: Рассказ / Пер. с франц. Г.Кепинова. — С.45-56. — Оконч. Начало в № 3.

Лордкипанидзе Н. Воспоминание: [Рассказ] / Пер. с груз. Н.М. [Н.Мицишвили]; Осколки трагедии: [Рассказ] / Пер. с груз. Г.Р. [Г.Робакидзе]. — С.57-60.

Чумбадзе Аристо. Ваза — сердце: [Рассказ] / Пер. с груз. Г.Р. [Г.Робакидзе]. — С.61-62.

Джоржикиа Джажу. Мерцхала: [Рассказ] / Пер. с груз. Г.Р. [Г.Робакидзе]. — С.62-67.

Гартман Ф. Мои встречи с Рихардом Штраусом. — С.68-79.

Мицишвили Николай. Новое в грузинской поэзии: [Ст.]. — С.80-84.

№ 5 (август)

Редакционная коллегия

Кузмин М. Чужая поэма. — С.3-6. — Посв.: «Дорогим С.Ю.С. и В.А.» (С.Ю.Судейкину и В.А.Шиллинг).

Рафалович Сергей. Симон Волхв: Поэма. — С.7-18. — Посв. Саломее Андрониковой. Начало.

Шагинян Мариэтта. День рождения полковника: [Пьеса]. — С.19-38.

Туманян Ованес. Храбрый Назар: Сказка / Пер. с арм. А.Мадатян. — С.39-48.

Цирекидзе Сандро. Spleen; Лайя; Лунный: [Миниатюры]: Пер. с груз. — С.49-51.

Мицишвили Николай. Страхи: [Рассказ]: Пер. с груз. — С.52-53.

Баммель Григорий. Григорий Робакидзе: [Ст.]. — С.54-61.

№ 6 (сентябрь)

Редакционная коллегия

Кузмин М. «Все тот же сон живой и дальний...»: [Стихотв.]. — С.3.

Мандельштам Осип. «Золотистого меда струя...»: [Стихотв.]. — С.4. — Посв. Вере Артуровне и Сергею Юрьевичу С<удейкиным>.

Чачиков Александр. «Я скоро распрошаюсь с вами...»; «Забыв узор твоих сандалий...»: [Стихотв.]. — С.5-6.

Рафалович Сергей. Симон Волхв: Поэма. — С.7-20. Продолж. Начало в № 5.

Папава Акакий. Сноп бледных лучей: Рассказ / Пер. с груз. Н.Мицишвили. — С.21-26. — Начало.

Месян Г. Нора: Рассказ / Пер. с арм. А.Мадатян. — С.27-32.

Микаэлян Карэн. Аракел: Рассказ / Пер. с арм. А.Мадатян. — С.33-38.

Фаррер Клод. Завтрак Императора: Рассказ: Пер. с франц. — С.39-44.

Рафалович Сергей. Последнее обнажение: [Ст.]. — С.43-62.

№ 7 (октябрь)

Редакционная коллегия

Кулебякин А. «Синей кистью кроет густо...»; «Как бровь над омутом зрачка...»; «Желтый отблеск усталой зари...»; «Как золотистый апельсин...»: [Стихотв.]. — С.3-4.

Пояркова Т. Тифлис; «Крыльями алыми люблю...»; Эроту; «Для памяти так много значат...»: [Стихотв.]. — С.5-6.

Рафалович Сергей. Симон Волхв: Поэма. — С.7-23. Оконч. Начало в № 5, 6.

Месян Г. Златорог: Восточная легенда / Пер. с арм. А.Мадатян. — С.24-32.

Папава Акакий. Сноп бледных лучей: [Рассказ] / Пер. с груз. Н.Мицишвили. — С.33-42. — Продолж. Начало в № 6.

Фаррер Клод. Три капли молока: Рассказ: Пер. с франц. — С.43-46.

Ахумян Тигран. Осень: [Рассказ]. — С.47-60.

№ 8 (ноябрь)

Редакционная коллегия

Рафалович Сергей. Из цикла «Женских стихов» — С.3-10. — Посв. Саломее Андреевой.

Городецкий Сергей. Алый смерч: Роман. — С.11-24. — Оконч. Начало в № 1, 2, 3.

Ивнев Рюрик. Друг Кристофа: Рассказ. — С.25-34.

Зорян Ст. Ангел: Рассказ. — С.35-41.

Барбюс Генри. Ад: Отрывки из романа / Пер. франц. А.Мадатян. — С.42-54. — Начало.

Папава Акакий. Сноп бледных лучей: Рассказ / Пер. с груз. Н.Мицишвили. — С.55-59. — Продолж. Начало в № 6, 7.

Сказки попугая / Пер. с персидского Юрия Марра. — С.60-65.

№ 9 (декабрь)

Редакционная коллегия

Деген Юрий. Весна: [Стихотв.]. — С.3-4. — Посв. Ксении <Деген>.

Майя. «Ногой коснулась пены талой...»; «Безбольно, всегда одинаково...»: [Стихотв.]. — С.4.

Ивнев Рюрик. «Смотрю на ветку сирени...»; «Виденья Рейна, торная Двина...»; «В моей душе не громоздятся горы...»; Север: [Стихотв.]. — С.5-8.

Минуэлян Микаэл. Victies vos salutat: [Рассказ] / Пер. с арм. А.Мадатян. — С.9-15.

Барбюс Генри. Ад: Отрывки из романа: Пер. с франц. — С.16-37. — Оконч. Начало в № 8.

Папава Акакий. Сноп бледных лучей: Рассказ / Пер. с груз. Н.Мицишвили. — С.38-58. — Оконч. Начало в № 6, 7, 8.

С.И.СУББОТИН

С.М.ГОРОДЕЦКИЙ В ГАЗЕТЕ «КАВКАЗСКОЕ СЛОВО» (1918) И ЕЕ ПРЕЕМНИЦАХ (1919)

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ

В № 9(10) «DV» за 1993 г. обнародованы дополнения к библиографии С.М.Городецкого, исполненные Т.Л.Никольской по материалам тифлисской периодики 1917-1919 гг. В содержательном предисловии публикатора указывается, в частности, что сведения о статьях Городецкого в газете «Кавказское слово» были почерпнуты из «комплекта этой газеты, к сожалению также (как и в фондах РНБ, РГБ и БАН. — С.С.) неполного, хранящегося в библиотеке Тбилисского государственного университета»¹.

Обращение к комплектам «Кавказского (Закавказского) слова» за 1918 и 1919 гг., имеющимся в Научной библиотеке Федеральных архивов России (ниже — НБ ФА), показало, что — при всех лакунах в них² — по полноте они превосходят (и существенно) все вышеперечисленные комплекты, с которыми работали библиографы С.М.Городецкого ранее. Эти источники из НБ ФА и были использованы для выявления статей поэта, не известных нашим предшественникам.

В процессе этой работы выяснилось также, что некоторые сочинения Городецкого, напечатанные «Кавказским словом» в 1918 г., библиографически описаны с теми или иными неточностями — как в указателе «Русские советские писатели: Поэты. Т.6» (М., 1983), так и в списке Т.Л.Никольской. Поэтому

публикуемые ниже материалы к библиографии С.М.Городецкого содержат справки о произведениях, как не учтенных ранее, так и описанных с искажениями³. Каждое из последних отмечено в нашем перечне звездочкой, предвещающей соответствующее библиографическое описание.

¹ De Visu. 1993. № 9 (10). С.60.

² Так, в комплекте НБФА за 1918 г. отсутствуют № 7, 9, 12, 13, 20, 21, 25, 32, 55, 74, 85, 87, 102, 109-111, 148, 150, 176, 201, 202, 215, 216, 218-220, 222-233, 235, 236, 238, 241-245, 251, 252, 255-257, 259, 261, 262, 264, 265, 267 и все номера после № 272 (с 18(5) по 31(18) декабря), а из первых 149-ти номеров «Закавказского (Кавказского) слова» (с 19 января по 25 июля) в комплекте НБФА за 1919 г. имеется лишь 31 номер (зато с 26 июля по 31 декабря комплект почти полон — нет лишь газеты от 26 сентября 1919 г.)

³ Отметим, что статьи и рецензии С.М.Городецкого, опубликованные в № 7, 20, 25, 32, 110, 148, 230 и 236 «Кавказского слова» за 1918 г. и в № 12, 27, 41, 51, 68 и 76 «Закавказского (Кавказского) слова» за 1919 г., которые зафиксированы в упомянутых библиографических источниках, проверить de visu нам не удалось.

* Закакомми: Балет-опера [в стихах] // Кавказское слово. — 1918. — 28 янв. — № 22. — С.2.

Судьба интеллигенции // Там же. — 1918. — 22 февр. — № 42. — С.2.

* Генрих Ибсен: 1. Уединенная душа // Там же. — 1918. — 23 февр. — № 43. — С.2.

* Задачи художественного журнала в Закавказье // Там же. — 1918. — 11 мая. — № 92. — С.2.

Эстетика книги // Там же. — 1918. — 29 июня. — № 132. — С.2.

* Русская Дума: [Рец. на журн.] // Там же. — 1918. — 4 июля. — № 136. — С.2.

«Русская Дума». № 2. Июль. Тифлис. 1918 г. 72 стр. Цена 2 р. 50 к.: [Рец.] // Там же. — 1918. — 23 июля. — № 152. — С.4.

Маленький царь: [В связи с убийством Николая II] // Там же. — 1918. — 1 авг. — № 160. — С.2.

Поэт правды: В.Г.Короленко (15-VII-1853 — 15/28-VII-1918) // Там же. — 1918. — 3 авг. — № 162. — С.2.

Двенадцать: [О поэме А.Блока] // Там же. — 1918. — 10 авг. — № 168. — С.2.

«Мой журнал». № 1. Август 1918 г. С иллюстрациями. Обложка О.Шарлеманя. Издание «Кавказского Военного Трудового Кооператива». Цена 3 р.: [Рец.] // Там же. — 1918. — 13 авг. — № 170. — С.3-4. — Подпись: С.Г.

* «Опыт» Ленина // Там же. — 1918. — 15 авг. — № 172. — С.2. — Рец. на кн.: Ленин В. Государство и революция. — Тифлис: Пролетарий, 1918. — Вып. 1.

* Илья Репин (24-VII-1844 — VII-1918) // Там же. — 1918. — 17 авг. — № 173. — С.2.

* Ярославский пожар // Там же. — 1918. — 31 авг. — № 184. — С.2-3.

На с.2 этого номера действительно есть аббревиатура И.КР., похожая на вынесенную в списке Т.Л.Никольской («Н.К.Р.») как название статьи С.М.Городецкого (De Visu. 1993. № 9. С.63). Однако на самом деле это — вовсе не заголовок материала, а подпись под рецензией на журнал «Арс» (№ 2/3).

Страшнее сказки: (Из жизни современного Петербурга) // Там же. — 1918. — 1 сент. — № 185. — С.3.

«Наша обувь» // Там же. — 1918. — 18 сент. — № 198. — С.3. — Подпись: С.Г.

Согор [Союз городов]: (К съезду) // Там же. — 1918. — 19 сент. — № 199. — С.3.

Две России или одна? // Там же. — 1918. — 26 сент. — № 205. — С.2.

* Скифы: Поэты революции // Там же. — 1918. — 28 сент. — № 207. — С.2. — Рец. на сб.: Скифы. — СПб., 1918. — [Вып.] 2.

Ajuto! // Там же. — 1918. — 6 окт. — № 214. — С.3.

* Канун мира // Там же. — 1918. — 31 окт. — № 234. — С.2.

Интернационал и расцвет наций // Там же. — 1918. — 14 нояб. — № 246. — С. 2.

Нужно помочь! // Там же. — 1918. — 15 нояб. — № 247. — С.3.

Максим Горький: (К пятидесятилетию) // Там же. — 1918. — 17 нояб. — № 249. — С.3.

Финал // Там же. — 1918. — 22 нояб. — № 253. — С.2.

Салон поэтов // Там же. — 1918. — 23 нояб. — № 254. — С.2. — Рец. на сб.: Весенний салон поэтов. — М., 1918.

Депруссификация Германии // Там же. — 1918. — 28(15) нояб. — № 258. — С.2.

Немножко зубрологии // Там же. — 1918. — 30(17) нояб. — № 260. — С.2.

Венок друзьям // Там же. — 1918. — 8 дек.(25 нояб.>). — № 266. — С.3.

Последняя буря // Там же. — 1918. — 12 дек.(29 нояб.>). — № 269. — С.2.

Несбывшееся чудо: [О В.И.Ленине] // Закавказское слово. — 1919. — 19 янв. — № 1. — С.3.

Excelsior! // Там же. — 1919. — 23 янв. — № 4. — С.3.

Страж тайны: († В.В.Розанов) // Там же. — 1919. — 25 янв. — № 6. — С.2.

Свиток Мнемозины // Там же. — 1919. — 15 февр. — № 24. — С.3.

Городской музей // Кавказское слово. — 1919. — 5 апр. — № 63. — С.2.

Музыка Блока // Там же. — 1919. — 13 апр. — № 69. — С.3.

Выставка художников-грузин // Там же. — 1919. — 4 мая. — № 82. — С.3.

Путешествие в Эривань: I. Тише пешего // Там же. — 1919. — 8 мая. — № 85. — С.3.

Малый Круг: [О вернисаже] // Там же. — 1919. — 21 мая. — № 96. — С.3-4. — Подпись: С.Г.

«Родина» // Там же. — 1919. — 31 июля. — № 154. — С.2. — Рец. на: Родина: Лит.-худ. альманах. — Ростов, [1919?].

Театрер: (Портрет Н.Евреинова) // Там же. — 1919. — 3 авг. — № 157. — С.3.

Цирк // Там же. — 1919. — 5 авг. — № 158. — С.2.

Lermontiana: (По поводу стих<отворения> «Сон») // Там же. — 1919. — 10 авг. — № 163. — С.2.

Модернизм в Италии // Слово. — 1919. — 21 авг. — № 1. — С.2.

Гаврилиада // Там же. — 1919. — 23 авг. — № 3. — С.3.

Последний крик // Там же. — 1919. — 28 авг. — № 7. — С.2.

В садах поэзии арабской // Там же. — 1919. — 30 авг. — № 9. — С.2.

Лирик прозы: (Портрет Бориса Лазаревского) // Там же. — 1919. — 5 сент. — № 15. — С. 3.

Анкета о Надсоне: I. Надсон и молодежь // Там же. — 1919. — 6 сент. — № 16. — С.3.

Аполлонова мошकारа // Там же. — 1919. — 10 сент. — № 19. — С.3.

Старуха и собака // Там же. — 1919. — 11 сент. — № 20. — С.3-4.

В Москве // Там же. — 1919. — 13 сент. — № 22. — С.3.

Вскрытие мошей в России // Там же. — 1919. — 14 сент. — № 23. — С.3-4.

Дети и школа в советской России // Там же. — 1919. — 19 сент. — № 27. — С.2.

Хронос русской литературы: († П.Д.Боборыкин. 1836-1919 г.) // Там же. — 1919. — 20 сент. — № 28. — С.3.

В газетном тексте подзаголовок ошибочно помещен над заглавием статьи.

Психика голода // Там же. — 1919. — 25 сент. — № 32. — С.3-4.

Григорий Робакидзе как критик // Там же. — 1919. — 27 сент. — № 34. — С.3. — Рец. на кн.: Робакидзе Григорий. Портреты. — Тифлис, 1919. — Вып. 1.

Путями правды: [О В.Г.Короленко] // Там же. — 1919. — 28 сент. — № 35. — С.3-4.

I. Тифлисская выставка; II. Батумская выставка // Там же. — 1919. — 4 окт. — № 40. — С.3.

НА ЭТОМ МАСКАРАДЕ БЫЛИ «ВСЕ»

Русская поэзия «серебряного века». 1890-1917: Антология. М.: Наука, 1993. 784 с.

...«Все» или почти «все» — и притом впервые. Редакторы новой антологии — М.Л.Гаспаров и И.В.Корецкая, составители подборок и авторы кратких (впрочем — относительно кратких, для «антологического жанра» даже и весьма подробных) библиографических справок о поэтах — И.С.Багдасарян, Н.А.Богомолов, Е.В.Ермилова, Е.В.Иванова, О.А.Клинг, О.Б.Кушлина, Д.М.Магомедова, М.А.Никитина, Н.О.Осипова, Е.Б.Пастернак, М.Г.Петрова, Е.М.Сахарова, О.П.Смола, Л.К.Швецова — проделали огромную составительскую, изыскательскую работу (не лишнюю, впрочем, некоторых недостатков, как мелких*, так и более серьезных). Сто сорок восемь поэтических имен «серебряного века»!

Число — трехзначный его порядок — выразительней любых комплиментов. Ни в антологии И.С.Ежова и Е.И.Шамурина, ни в будапештском двухтомнике Н.Секей и Л.Силард «Русская литература конца XIX — начала XX века. (1890-1917)», ни в добротной для своего времени московской хрестоматии 1979 г. из серии «Университетская библиотека», ни в антологиях последних лет (идет ли речь о таких, к примеру, изданиях как: Русская поэзия начала XX века: Дооктябрьский период / Сост. и вступ. ст. А.И.Казинцева. М., 1988; «Серебряный век» русской поэзии / Сост., вступ. ст., примеч. Н.В.Банникова. М., 1993, — или о журнальной антологии Р.Д.Тименчика в рижском «Роднике») — именной реестр поэтов эпохи не был столь полон.

Есть ли в именованном реестре лакуны? Есть, хоть их и очень немного.

Не попал в ряд предшественников (в первый раздел антологии) злейший враг и самый первый (раньше В.С.Соловьева в печати выступивший) пародист отечественного модернизма — В.П.Буренин. По тонкой догадке А.Л.Вольнского, «злой, нервически придиричивый, по собственному представлению — грозный, как крокодил, граф Алексис Жасминов» и сам в глубине души конфузливо тяготел к «поэтическим козорогам и скорпионам», так что в некоторых его пародиях «пропадает разъедающая соль критической насмешки, а местами проглядывает недурной и неглупый поэт декадентского стиля» (Вольнский А.Л.

* Приведем лишь два примера ошибок и неточностей в библиографических справках: книга Аполлона Коринфского «Народная Русь» вышла не в 1910 г., как указано в антологии, а в 1901 г.; ложный слух о смерти Бориса Саловского распространялся не в 1946 г., а в 1926 г. (думаю, впрочем, что это не неточности, а опечатки, не замеченные в корректуре огромной, в 45 авторских листов, книги). Больше удручает то, что алфавитный список имен поэтов в конце книги не снабжен указателем страниц, так что конкретное имя найти довольно трудно. Во всяком случае — при переиздании антологии (а она, несомненно, понадобится не одной еще генерации читателей) — это неудобство конструкции желательно было бы устранить.

Борьба за идеализм: Критические статьи. СПб., 1900. С.412). Сборник Буренина «Голубые звуки и белые поэмы» (СПб., 1895) — любопытное свидетельство тому; его пародии 1900-х гг. — кривое, но примечательное зеркало литературного процесса, а в его сатирах той поры присутствует здравый взгляд на Россию эпохи гражданских свобод и Первой думы и на гипотетическое ее (России) будущее (см.: Буренин В.П. Горе от глупости: (Драматическая сатира). Чтения в обществе «Бедлам-модерн». Поэтические козороги и скорпионы. СПб., 1905).

Ощущается отсутствие в антологии (среди старших символистов) А.Миропольского-Березина-Ланга. «Северные цветы» были к нему снисходительнее, а поэму «духовидца» «Лествица» рецензировали А.Белый, П.А.Флоренский, А.А.Блок (см.: Белый А. Предисловие // Миропольский А.Л. Ведьма; Лествица. М., 1905; Флоренский П.А. Спиритизм как антихристианство // Новый путь. 1904. № 3. С.149-167; Блок А.А. Собрание сочинений. В 8 т. М.; Л., 1962. Т.5. С.598-600).

То же можно сказать и о стихах В.Г.Князева. Речь не о том даже, что М.А.Кузмин, А.А.Ахматова и Г.В.Иванов — как бы то ни было — уже ввели имя несчастного корнета в историю литературы начала века: единственная посмертная книжечка Князева, републикация 16 его стихотворений, сделанная в 1989 г. Р.Д.Тименчиком и В.Я.Мордерер, показывает de visu: «гусарский мальчик с простреленным виском» действительно был поэтом (см.: Ахматова А.А. Поэма без героя / Вступ. ст. Р.Д.Тименчика; Сост. и примеч. Р.Д.Тименчика при участ. В.Я.Мордерер. М., 1989. С.203-211).

Жаль, что нет А.Л.Штиха, что забыта ранняя лирика Н.В.Крандиевской. Жаль, что паразитично лапидарны (два и три стихотворения соответственно) подборки Е.Г.Гуро и В.И.Нарбута. Но — по самому характеру дополнений видно: претензии к списку имен — претензии роскоши и избытка; републикация подборок А.М.Добролюбова, А.К.Герцык, Муни (С.В.Кисина), В.К.Шилейко, Н.В.Недоброво, Т.В.Чурилина, В.А.Комаровского, К.А.Липскерова, С.Я.Парнок, М.М.Шкапской, В.А.Зоргенфрея, А.И.Тинякова — была единственным в своем роде, неожиданно-радостным издательским подарком и подвигом. (А сколько их в книге — «вечных спутников» вечных мэтров, трагических теней, чудачков, эпизодических персонажей мемуаров!) Кстати, составители вели и архивный поиск: некоторые стихотворения В.И.Кривича, А.Альвинга, К.А.Липскерова, М.М.Шкапской печатаются впервые по автографам из РГАЛИ.

По причинам вполне естественным работа над книгой шла относительно долго, редподготовка пришлось на смутное время 1991-1992 гг., издательские злоключения задерживали том «по не зависящим от редакции обстоятельствам» — антология вышла в

свет в эпоху массовых переизданий поэтов «серебряного века».

Но и на этом фоне — она не теряется и не утрачивает своего значения.

На мой взгляд, не последняя тому причина вот какой счастливый и гуманный принцип составления: «Мы намеренно включили в этот сборник столько малоизвестных имен: на них виднее, как находки больших мастеров становились общим достоянием, ничуть не теряя в качестве» (Гаспаров М.Л. Поэтика «серебряного века». С.7). Этот метод оправдывает себя:

Во тьме на запасном пути
Вагон с раздавленным остался.
Чтоб нас в полночь унести,
Со свистом поезд закачался.
.....
И там, в провалах вышины,
Над визгом поезда, высоко,
Катастрофической луны
Открылось пристальное око.

Таких «неведомых шедевров», как это стихотворение К.А.Липскерова (иногда — строф, строк, но долгого стоящих), в книге много.

Линия на чужой обложке,
Мы лучшего не ищем;
Мы — как серебряные ложки,
Заложенные нищим.

Эти строки — надежно уже забытого В.Н.Максавейского...

Хороши (в своем роде) и полные «провалы»: строки пародийные, виньетки к истории школ и стилей, образцы триумфов эпохи. (В.Ф.Ходасевич предсказывал когда-то: по таким поэтам, как Виктор Стражев, Павел Сухотин, Полярков и Николай Ашукин историки литературы будут изучать слабости символизма. В.И.Стражев в антологии есть, П.С.Сухотина, Н.Е.Поляркова и Н.С.Ашукина, к сожалению, не включили). Впрочем — мыслимо ли трагестировать словарь и философию младосимволизма трогательней, чем это сделано в нижеследующих строках, в антологию вошедших:

Я полюбил твой белый страус
На зыбкой пряже лунных клякс:
Затем, что в безушный хаос
Ты брызгала оппопонакс.

(В.В.Курдюмов. Из цикла «Женщины с подведенными глазами».)

«Цветущую сложность» эпохи составителям, конечно же, пришлось разбивать на разделы. Конечно же, деление это достаточно «условно, как в пространстве литературной жизни» — по словам самих составителей. «В трех хронологических разделах (1890, 1900, 1910-е годы) выступают достигшие к тому времени известности участники литературных течений и групп: символисты (IV, V), акмеисты (VIII), футуристы (IX) — и те, кто был близок к этим течениям; представители революционно-демократической и пролетарской поэзии (III, VII, XI); крестьянские поэты (II, X), а также те, кто стоял вне направлений (I, VI, XII)». (В последний раздел неопределенных личностей попали, в основном, «сатириконицы» и дамы: Саша Черный, П.П.Потемкин, Н.Я.Агнiewicz, Дон-Аминадо, Сергей Горный и др., с одной стороны, — и В.М.Инбер, М.Л.Моравская, Л.М.Рейснер, Т.П.Ефименко и др. — с другой). Но почему-то здесь же оказался царскосел В.А.Комаровский, столь близкий ав-

торам «Аполлона» (что и отмечено в библиографической справке М.Л.Гаспаровым), сюда же отнесена Н.Г.Львова, которую даже и историко-литературная справедливость требует переместить ближе к началу 1910-х гг. — и к кругу В.Я.Брюсова...

Тем не менее — для поэтов «третьего» и последующих рядов, для имен забытых (всякое забытое имя забыто незаслуженно) сделано очень важное: их стихи отобраны и представлены тщательно и со вкусом, им открыта дорога к широкому читателю конца XX в. Читателю же не только дан антологический абрис десятков авторов, ему дана возможность идти вглубь — через представленную в книге библиографию прижизненных и позднейших, современных нам изданий лириков «серебряного века».

Читателю дана возможность свободного поиска и выбора, дана возможность игры в бисер на огромном пространстве полузабытых строк.

Но — для такого ли чтения составляются антологии? Каково их функциональное назначение? Какова аудитория? Каким видели составители своего читателя?

Образ его двойится и расплывается...

Несомненно: поэзия эпохи описана, представлена в книге структурно и весьма подробно. Книга, не претендующая, кажется, на роль учебного пособия, — становится таковым, выполняет огромное познавательное задание. Главное: антология создает в сознании читателя «координатную сетку» восприятия русской лирики 1890-х — 1910-х гг., и к этой «сетке» более подробная информация будет крепиться не беспорядочно. Некоторые из библиографических справок кажутся крошечными эссе, создают образ стихотворца (так пишет М.Г.Петрова о П.Ф.Якубовиче-Мельшине, Е.В.Иванова — об А.Н.Емельянове-Коханском, О.Б.Кушлина — о Ю.К.Балтрушайтисе, Рюрике Ивнине, М.Л.Гаспаров — об А.С.Рославлеве, А.Л.Лозине-Лозинском, М.М.Шкапскоф). И любопытно — вновь «в выигрыше» оказываются личности странные, печальные, полуфантастические. И вновь — больше всего «спитательного, умственного и гуманного» (по выражению Блока) получает читатель неискушенный.

Не «специалист-филолог», а — школьник старших классов, студент, начинающий стихотворец, юноша, обдумывающий житье. Вот, кажется, реальный читатель, главный читатель новой антологии (и основной, самый благодарный читатель антологий вообще). Для этого читателя создано высококлассное, подробнейшее пособие по русской лирике «серебряного века».

Но если так, антология должна быть хрестоматией. Хрестоматией в лучшем и высшем смысле этого слова. Книжки такого рода «создают в сознании канон текстов, в принципе знакомых каждому образованному человеку, и этим облегчают формирование единства вкуса и возможности читательского взаимопонимания» — формулирует М.Л.Гаспаров во вступительной статье (с.6). И составители выполняют эту задачу по отношению к забытым авторам — в то же самое время всячески стремясь уйти от этой же самой задачи по отношению к поэтам «первого ряда». Что весьма мешает целостности книги.

Для антологии «учебной», «познавательной» стихи должны быть, на наш взгляд, отобраны с ювелирной точностью. И для поэтов «первого ряда» — подбор

должен быть хрестоматийным (или почти хрестоматийным).

По пути «хрестоматийности» пошла И.С.Багдасарян, представляя стихи Игоря Северянина. Подборка — одна из лучших в антологии, для читателя неискушенного — особенно.

И.В.Корецкая в подборке К.Д.Бальмонта добавляет к «каноническому», затертому мелодекламацией (и все же — лучшему!) великолепное, но почти забытое (даже в Бальмонтовский том «Библиотеки поэта» не вошедшее) стихотворение «Святой Георгий» (1900). Очень необычное по мысли вообще (а для Бальмонта — особенно), оно придает новое измерение представлениям о поэте. И сразу — входит в «канон текстов». Так «хрестоматизирует» О.А.Клинг буниинское «Бегство в Египет» (1915) — и само стихотворение, хорошо известное, кажется обновленным.

Для книги такого жанра — безошибочная вкусовая находка равна архивной удаче составителя «Полного собрания...».

Но мыслима ли подборка «самого избранного» К.К.Случевского без «Шарманчика», без мертвой Коломбины в сбившейся маске, без жестоких строк о хриплых погребальных певчих — без того именно, что предвещало «серебряный век», без того, чем восхищался молодой В.Я.Брюсов, без того, что наследовал И.Ф.Анненский?

Вместо этого в ряд из десяти стихотворений Случевского попадает:

Скромно плакали гобой
В излияньях пасторальных,
Кружевные лились звуки
В чудных фразах музыкальных...

Мыслим ли «самый избранный» С.М.Городецкий — без «Весны монастырской»?

И таких примеров множество: чем крупнее дарование поэта, тем оригинальней подход составителей.

Более сложен и спорен, на наш взгляд, «случай Кузмина». Подборка, составленная Е.В.Ермиловой, кажется интересной, но представлен в ней «мой Кузмин» (в смысле — М.А.Кузмин составителя), Кузмин «прекрасной ясности», понятой именно как религиозное требование. Но — потерял, ушел из поля зрения читателя «дух мелочей прелестных и воздушных», обойдена вниманием любовная лирика Кузмина, образ поэта прояснен и уплощен.

Для антологии, понятой как хрестоматия, — путь спорный и неоднозначный.

И совсем спорной видится нам попытка Н.А.Богомолова представить путь В.Ф.Ходасевича стихами первых трех книг, даже без «Тяжелой лиры»...

По предположению рецензента, многие пробелы в отборе стихов классиков эпохи определяются неточностью в условии задачи — определением 1917 г. как точной даты «конца серебряного века».

«Ни одна эпоха не отделена от смежных четкой границей: смешно думать, что 24 октября 1917 г. лицо русской поэзии было одно, а 26 октября стало неузнаваемо иным. Многие поэты, сформировавшиеся в предоктябрьское двадцатилетие, дали интереснейшие образцы своего творчества в 1920-е гг. Они найдут место в аналогичной антологии, посвященной следующему периоду русской поэзии; мы же позволили себе в конце подборки некоторых авторов дать одно-два стихотворения начала 1920-х годов...» — это вновь из предисловия М.Л.Гаспарова к антологии (с.8).

Однако, кажется, что рубеж 1910-х — 1920-х гг. стал именно для «серебряного века», его лирики, его эстетики, его ментальности, принципов его жизнетворчества — временем предсмертной рефлексии, поздних прозрений, отчасти даже — философского, историко-философского покаяния. Особенно значима эта тема для литературного процесса 1921-1922 гг.: этим дышат предсмертные тексты А.А.Блока; статьи Б.М.Эйхенбаума о Блоке, написанные в 1921 г., звучат — вольно или невольно — «насмешкой горькою обманутого сына»; статьи Андрея Белого в «Записках мечтателей» несколько неожиданно для читателя его лирики и эссе 1916-1919 гг., воздают должное не только «Рембрандтовой правде в поэзии наших дней», но и «старо-новым — вечным» нравственным ценностям, «правдивости, стыдливости и скромной гордости», «праведности, святости и просвещению» (Белый А. Рембрандтова правда в поэзии наших дней: (О стихах В.Ф.Ходасевича); Он же. Так говорит правда // Записки мечтателей. № 5. 1921. С.137, 111, 136).

«Какой-то существенный переворот произошел в нравственном мире. Переживания массы почему-то не вызывают прежнего пламенного сочувствия, а вера в ее интуитивную мудрость целиком утрачена. Это печально, но это так. Более чем вероятно, что русская литература никогда не обретет вновь своего прежнего высоко идеалистического демократизма», — пишет в эти же месяцы пронизательный П.К.Губер, улавливая очень точно веяние в воздухе отечественной словесности (Губер П.К. Есть ли будущее у русской литературы? // Вестник литературы. 1921. № 1. С.3-4). И эта проблема напрямую связана с «затянувшейся агонией серебряного века», она принципиально важна, она представлена и в лирике.

Поэтому крайне трудно оторвать от «серебряного века» начало второго десятилетия XX в. Верхней границей периода, представленного в антологии, должен был бы стать, как представляется, 1922 г. Быть может даже 1925 г.: в этом смысле антология И.С.Ежова и Е.И.Шамурина определила предмет точнее, чем антология М.Л.Гаспарова и И.В.Корецкой. (Тем более, что принцип «до семнадцатого года» в новой антологии выдержан не строго. Лучшие четыре стихотворения в подборке Н.С.Гумилева — из «Огненного столпа», лучшее стихотворение В.А.Зоргенфрея «Над Невой» (1920) принадлежит, конечно же, поэзии после-революционной, а пастернаковский «Марбург» опубликован Е.Б.Пастернаком в редакции 1945 г.)

Впрочем... гораздо важнее другое. Огромный труд отбора, «структурирования», составления пояснительных текстов и справочного аппарата увенчался успехом. Составителями новой антологии собран из мозаики строф образ лирики эпохи.

Что же до изложенного выше — «Нет ничего легче, как говорить о том, что нужно, необходимо в искусстве: во-первых, это всегда произвольно и ни к чему не обязывает; во-вторых, это неиссякаемая тема для философствования; в-третьих, это избавляет от очень неприятной вещи, на которую далеко не все способны, а именно — благодарности к тому, что есть, самой обыкновенной благодарности...»

Эти слова Мандельштама прошу считать эпиграфом. С оговоркой, что чувство благодарности к составителям антологии у рецензента есть.

Е.А.Дьякова

Литература русского зарубежья возвращается на родину: Выборочный указатель публикаций 1986-1990 гг. / Сост. В.Т.Данченко (при участии Н.Л.Глазковой, О.В.Емельяновой, И.Л.Курант). М.: Рудомино, 1993. Вып.1. Ч.1. 334 с.; Ч.2. 304 с.

Как известно, дуракам полработы не показывают. Еще опаснее рассматривать незаконченное исследование. Всегда окажется, что в полном виде все не так, как показалось по незавершенной части. Несмотря на это я хочу высказать некоторые замечания относительно указателя, подготовленного во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И.Рудомино. Через несколько лет говорить о нем будет поздно, да и неинтересно.

Тематические рамки этого труда обозначены в самом названии. Мы все хорошо помним, каким триумфальным было это «возвращение», как захватило оно газеты и издательства, страницы «толстых» и «тонких» журналов, как поразило это явление рядового читателя и какое раздражение вызвало у некоторых маститых писателей. Все это в прошлом, и, понемногу становясь достоянием истории, переходит в руки каталогизатора и исследователя. Появление указателя, впервые с такой подробной описывающей публикации «возвращенной литературы», можно только приветствовать. Первый выпуск его охватывает период 1986-1990 гг.: часть первая — буквы от А до О, часть вторая — буквы от П до Я. Вероятно, далее последует выпуск второй для следующего пятилетия. В списке использованных периодических изданий 53 названия. В справочнике 334 страницы и 283 именные статьи в первой части и 304 страницы и 159 статей — во второй. Всего 5272 позиции, описывающие как публикации «возвращенных» авторов, так и статьи о них, написанные, главным образом, современными критиками.

Выглядит все весьма солидно и основательно, и слово «выборочный» представляется скорее данью академизму, чем действительным ограничением охвата темы. В указателе довольно мало опечаток и погрешностей. (Я заметил только, что название книги М.Геллера дано «Утопия власти» вместо «Утопия у власти», пропущен номер 1911, и среди сносок встречаются ссылки на «Слово», в то время как в списке изданий «Слово» на букву С не значится. Мы можем разыскать это название на букву «В» вслед за наименованием «В мире книг» («Слово») — тогда как в других случаях в круглых скобках обозначен город).

Серьезная неторопливость и фундаментальность сыграли с издателями злую шутку. Солидный пятилетний интервал, завершающий десятилетие, оборвался историческими и географическими переменами. 1991-й год, не уместившийся в первую пятилетку и спокойно оставленный на следующий срок, оказался последним для СССР, так что Родина, куда зарубежная русская литература «возвращалась», вдруг резко сузилась, а область, откуда писатели «возвращаются», неожиданно расширилась. Такая же участь постигла и всю солидную источниковедческую базу: периодические издания (казахский «Простор», молдавские «Кодры» и прибалтийские «Радуга» и «Родник» и др.), вливавшиеся в единый поток русской литературы, вдруг оказались за рубежами страны, и сегодня жительница Израиля, опубликовав ностальгические стихи в рижской «Даугаве», не «возвращается» на историческую русскоязычную родину, а лишь остается в так называемом зарубежье.

Учитывая этот факт, составителям следовало бы включить 1991-й год в первый выпуск, чтобы потом, уточнив источники, спокойно рассказывать о «возвращении» русской литературы в границы теперешней России.

Оплошность в хронологических рамках, к сожалению, не единственная методическая погрешность рассматриваемой работы. В указателе нет биографических справок, даны лишь даты жизни, и то далеко не для всех авторов. В поисках этих сведений составители могли бы воспользоваться явно большим количеством справочных изданий. Отсутствуют в книге даты эмиграции и возвращения авторов, даты первых публикаций рассматриваемых сочинений, даты публикации их за рубежом, что заметно снижает общую ценность издания, так как становится непонятным, на каком основании эти произведения отнесены к вернувшимся из-за границы.

Нам кажется, что составители указателя напрасно обошли вниманием те произведения великой русской литературы, которые в течение долгих лет печатались только в эмигрантских изданиях, стали фактом литературного процесса эмиграции и затем торжественно вернулись в страну в конце 1980-х гг. Так, в справочнике не упоминаются «Реквием» А.А.Ахматовой, «Собачье сердце» М.А.Булгакова, стихи Н.С.Гумилева и О.Э.Мандельштама, «Чевенгур» и «Котлован» А.П.Платонова. Нет сомнения, что эта литература впервые была напечатана на западе, что эмигранты много сделали для укрепления ее мировой славы, для изучения творчества этих авторов, эмигранты готовили Собрания сочинений, выявляли разночтения, писали монографии, с помощью радио и тамиздата «возвращали» эти произведения на родину, способствовали их переводу на иностранные языки. Вся эта непростая и важная деятельность оказалась, к сожалению, за границами справочника.

Можно возразить, что перечисленные выше авторы не уезжали из страны и их книги не были написаны в эмиграции, а эмиграция только усыновила и пестовала эти сочинения, как родных детей. Но сами критерии отнесения того или иного произведения к «возвращенной» эмигрантской литературе очень условны.

В указателе представлены авторы и книги, к последней волне «возвращенцев» прямого отношения не имеющие. Так, например, отмечены все издания Бунина (начиная со стихотворений 1888 г.), из которых лишь немногие, в первую очередь «Окаянные дни», принадлежат к «возвращающейся» сегодня эмигрантской литературе. В указателе описаны сочинения А.И.Куприна, А.В.Амфитеатрова, М.П.Арцыбашева, А.Т.Аверченко, Тэффи, Саши Черного, П.Д.Боборыкина, К.Д.Бальмонта, Игоря Северянина, Л.Н.Андреева и других известных русских дореволюционных писателей, имевших несчастье часть жизни провести в эмиграции. Каждый раз, когда я просматриваю указатель, я натываюсь на знакомый с детства рассказ «Белый пудель». Но ни он, ни 90% других сочинений дореволюционных авторов никогда не издавались в эмиграции и, естественно, не принадлежат к эмигрантской литературе, а их «возвращение» из запасников Ленинской библиотеки в советские издательства произошло лет 30-40 назад. Да и писатели, продолжавшие работать за рубежом, вернулись, в первую очередь, произведениями, созданными на родине. Таким автором является, к примеру,

Д.С.Мережковский, 14 книг которого, опубликованные в СССР к 1990 году, состоят, в основном, из исторических романов, написанных еще до революции.

Идея отнесения к эмигрантской литературе произведений писателей, проведших часть своей жизни за границей, доведена до абсурда включением в справочник Н.Ильиной, вернувшейся из Маньчжурии молодой девушкой сразу после войны, окончившей в Москве Литературный институт и ставшей известной фельетонисткой «Крокодила». В сборнике упоминаются две книги ее фельетонов и две книги воспоминаний об А.А.Ахматовой, А.Т.Твардовском, К.И.Чуковском, А.А.Реформатском, а также рассказ о поездке в Италию. В эмигрантских изданиях эти сочинения никогда не публиковались, и вдруг «огоньковский крокодилская» сатирическая проза, никуда не уезжавшая, торжественно «возвращается». Похожая судьба у А.В.Эйснера, вернувшегося еще до войны, отсидевшего свое и уже после «оттепели» принявшегося за повести-воспоминания об интернационалистах в Испании. Эти сочинения эмиграции не были нужны и никогда там не публиковались, и потому странно относить их к «возвращенной» литературе. Другим забавным примером «возвращения» прежде отъезда является М.Н.Эпштейн, оказавшийся на западе сравнительно недавно и, естественно, не представленный ни в каких эмигрантских справочниках, — в указателе же присутствуют две его книги, вышедшие в московских издательствах еще до отъезда. В справочнике отмечены книги Ф.Ф.Раскольников, две его биографии и 10 статей о нем. В эмиграции этот дипломат-«невозвращенец» провел всего несколько месяцев в 1939 г., а его воспоминания о гражданской войне публиковались после реабилитации в постсталинские годы.

Очевидно, составители рассматривают не «возвращение» книг, а судьбу писателей: жил, скажем, когда-либо в советские годы за границей — значит, эмигрантский автор. Но и в этой, достаточно сомнительной, позиции составители справочника не слишком последовательны. В сборнике нет А.М.Горького, проведшего в эмиграции больше времени, чем А.И.Куприн и, что более важно, вернувшегося в последние годы «Несвоевременными мыслями» и «Записками о русском крестьянстве». Нет в справочнике Андрея Белого, издание книг которого было одним из важных этапов «возвращающейся» литературы. К тому же, мне кажется, нет достаточных оснований говорить о «возвращении» того или иного писателя-эмигранта, если в «Литературной газете» или в «Радуге» напечатано всего лишь несколько его стихотворений, — скорее, речь идет об открытии нового имени. Таких поэтов, опубликовавшихся где-либо в СССР один-два раза, в справочнике более пятидесяти.

Сравнивая указатель с перечнем эмигрантских авторов, например, с библиографическим справочником «Free voices in Russian literature. 1950-1980» (New York, 1987), с интересом замечаешь, что многие весьма плодотворные эмигрантские авторы (прежде всего — из ныне здравствующих) пока не опубликованы в СССР. Может даже сложиться впечатление, что отсутствие в справочнике некоторых имен свидетельствует не столько об упущении, сколько о разборчивости, отнюдь не лишней. Впрочем, эта «требовательность» — скорее всего иллюзия, и все, кто пишут, потому что не могут не писать, рано или поздно вернутся в Россию, сильно осложнив работу составителей подобных рецензируемому указателей.

Таким образом, в сборнике многого нет, а многое включено не по назначению и не принадлежит к произведениям, вернувшемуся из-за рубежа. Но все-таки кое-что есть. И поэтому имеет смысл посмотреть, кто уже вернулся в СССР на конец 1990 г. По большому счету, есть все, кем гордилась «первая», «вторая» и «третья» эмиграция, и даже больше, чем все. К примеру, в американском справочнике, упомянутом выше, нет фамилии Н.Н.Берберовой, известной франко-русской писательницы. «Первая волна» эмиграции не любила ее, обвиняла в сотрудничестве с немцами, поэтому, очевидно, и вычеркнула ее из своих изданий. Но для СССР эти далекие счета оказались неинтересны, «тонкие» и «толстые» журналы наперебой бросились печатать ее романы, воспоминания и стихи (15 публикаций за три года).

В литературных рядах естественно вернулись на родину и многие известные политические деятели, историки, художники, музыканты, ученые, опубликовавшие письма, мемуары, критические и научные работы. Отдельный вопрос — о правомочности отнесения их к «литературе». Но мы не будем его здесь решать. Среди знаменитостей «первой волны» эмиграции: А.Н.Бенуа, Е.К.Брешко-Брешковская, В.Л.Бурцев, Н.Валентинов, А.Н.Вертинский, М.В.Вишняк, Б.П.Вышеславцев, А.И.Гучков, А.И.Деникин, М.В.Добужинский, В.В.Кандинов, А.Ф.Керенский, К.А.Коровин, П.Н.Краснов, С.М.Лифарь, В.А.Маклаков, Н.И.Махно, С.К.Маковский, С.П.Мельгунов, П.Н.Милкоков, В.Д.Набоков, М.В.Родзянко, Ф.Ф.Раскольников, Н.К.Рерих, Б.Савинков, П.А.Сорокин, П.Б.Струве, А.Л.Толстая, Л.Д.Троцкий, Н.С.Трубецкой, С.Л.Франк, Г.П.Федотов, М.Шагал, М.А.Чехов, Ф.И.Шаляпин, Л.Шестов, В.В.Шульгин, Р.О.Якобсон.

Но если выше мы утверждали, что никто не забыт, никак нельзя повторить заключительную часть этого знаменитого высказывания. Во многих случаях появление известных имен — это еще не знакомство с важнейшими работами серьезного автора, а лишь предупреждение о предстоящем приходе знаменитости.

Кто же уже пришел? Отвечая на этот вопрос, ограничимся лишь кругом авторов, опубликовавших в СССР хотя бы одну книгу. Критерий этот грубый, условный, и все-таки книга для писателя — это некое иное качество, и не случайно привлечение общего внимания журнальные публикации становятся книгами. В указателе насчитывается 106 авторов, 448 книг которых были изданы. Как указано выше, некоторых из них следует отнести скорее к дореволюционному поколению писателей, на их долю приходится 141 книга; 65 авторов (228 книг) представляют литературу «первой эмиграции» и 29 (79 книг) — «третью волну». Разница между «первой» и «третьей» эмиграцией кажется огромной, но здесь сыграл роль не только масштаб и талант авторов, но и дополнительные трудности, возникающие при работе со здравствующими писателями: личные взаимоотношения, необходимость платить гонорары, обязанность согласовывать изменения с автором и т.д.

Чемпионом по числу опубликованных книг среди эмигрантов «первой волны» стал В.В.Набоков. Его «возвращение» оказалось подлинным триумфом эмигрантской литературы. Он долго ждал этого, никогда особенно на это не рассчитывал, никогда не разрешил бы этого делать таким варварским способом, где попало (без правки верстки, с сокращениями

и искажениями), но так или иначе, читатели получили 41 книгу великого писателя XX века.

За Набоковым следует М.И.Цветаева, у которой вышло 40 книг стихов и прозы и еще 9 книг о ней. В указателе ей отведено 130 страниц — почти половина второго тома. Правда, ее «возвращение» началось почти 40 лет назад, и переиздания последних лет означают не открытие неизвещенного, а рост популярности, расширение круга читателей, свободу географическую. Сегодня Цветаеву издают везде, где захотят. Две книги в Уфе, по одной в Казани, Саранске, Мурманске, Якутске, Кишиневе, Владивостоке, Саратове, Алма-Ате, Баку, Кемерове, Минске, Магадане, Вильнюсе, Ашхабаде, Волгограде, Свердловске. В Ленинграде тоже одна. Конечно, для северной столицы одной книги маловато (возможно, сказалась старинная петербургская ревность к москвичке), но зато это не просто однотомник, а академическое издание «Большой серии» «Библиотеки поэта». Наконец, несколько десятков книг вышло в издательствах Москвы от «Детгиза» до «Молодой гвардии».

Следующим среди эмигрантов «первой волны» идет Н.А.Бердяев, 13 книг которого, прокрученные через репринтные издания, разошлись по градам и весям. Понять читателей можно, Бердяев словно специально подготовил ответы на волнующие нас вопросы: «Душа России», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Кризис искусства», «Самопознание», «Смысл истории», «Судьба России» (4 издания), «Философия неравенства», «Философия свободы» — вот названия его книг, опубликованных в 1990 г.

Восьмь московских издательств и три провинциальных выпустили в 1988-1990 гг. 10 однотомников и один двухтомник Е.И.Замятина, практически идентичных по содержанию: роман «Мы», повести, рассказы. И это «возвращение» нетрудно было предсказать. Весь мир читал «Мы», и только мы, для которых и про которых это было написано, не держали этой книги в руках. (Отметим в скобках, что роман этот был написан задолго до отъезда писателя из России в 1932 г.)

В.Ф.Ходасевич (7 книг стихов и воспоминаний), будто возникший из небытия, сразу занял в поэтических рядах свое собственное достойное место.

А.М.Ремизов, «возвращение» которого началось однотомником в 1978 г., предстал перед современным читателем в 1988-1990 гг. еще пятью книгами.

И, пожалуй, все. Правда, еще несколько десятков авторов написали около пятидесяти произведений, вернувшись на родину в виде отдельных книг, но трудно поставить кого-нибудь из них рядом с названными выше. Это А.Ладинский, И.С.Шмелев, Б.К.Зайцев, В.Н.Иванов, Ф.Ф.Юсупов, Н.А.Оцуп, Г.Газданов, М.А.Алданов, З.Н.Гиппиус, Н.А.Раевский, В.Ф.Булгаков, А.С.Бухов, Р.Б.Гуль, Г.В.Иванов, Н.В.Нароков, А.Несмелов, А.С.Симанович, а также авторы мемуаров, воспоминаний и научных трудов, фамилии которых назывались выше.

Лидером «третьей волны» эмиграции является А.И.Солженицын (26 книг); правда, к эмигрантской литературе сочинения Солженицына имеют лишь косвенное отношение (романы и рассказы, написанные на родине, до эмиграции — от «Одного дня Ивана Денисовича» до «Архипелага Гулага»). Подлинным триумфом «возвращаемой» сегодня литературы стала публикация произведений И.А.Бродского.

Конечно, рецензируемый справочник рассматривает лишь начало «возвращения» на родину, после 1990 г. почти у каждого из названных писателей выйдут в СССР-России новые книги, появятся книги новых авторов, уже обозначенные журнальными публикациями. И меньше всего я хотел бы этими заметками принизить значение эмигрантской литературы. Как уже было сказано, эмиграция сделала много больше, чем попало на страницы рассматриваемого указателя. Но при всех этих уточнениях и оговорках остается очевидным факт: среди всех (от А до Я), званных на родину из зарубежья, к 1990 г. оказалось, по самому большому счету, двое избранных.

Набоков и Бродский. «Первая волна» и «третья волна» эмиграции. Оба не чувствовали себя авторами эмиграции и более или менее успешно сумели войти в англоязычную литературу. Оба получили мировую известность. Оба испытывали брезгливое отчуждение от литературно-советской среды и не предпринимали никаких шагов к «возвращению» на родину. И оба были избраны читателем, преданным, терпеливо ждавшим и с восторгом бросившимся к ним при первой возможности. Кажется, что на наших глазах сбылось предсказание поэта, мечтавшего о времени, «когда мужик не Сталина и не милорда глупого, а Пушкина и Гоголя с базара понесет» (цитирую по памяти). Действительно ли сбылось это предсказание и вслед за детективами и порнографией понесли с книжной ярмарки Набокова и Бродского? Статистика отвечает — Да. Казалось бы, чему удивляться, замечательные писатели, и естественно, что читатель оценил их. Но как он узнал, что эти лучшие? Почему выбрал их, а не кого-нибудь другого из перечисленных выше? В 1990-1991 гг. в стране, увлеченной политикой, коммерцией, порнографией, этот читатель раскупил 40 книг Набокова (в каждой по несколько романов). Интересно, что «Лолита», обеспечившая Набокову мировую славу, в его русском восхождении не играет пока существенной роли — она включена в 4 книги, в то время как «Защита Лужина» или «Приглашение на казнь» издавались по семь раз. О Бродском не приходится и говорить. У него нет «Лолиты» и, естественно, нет массового читателя в Америке, так что все 13 книжек его стихов и прозы на английском языке по объему и тиражам были перекрыты первыми же изданиями на родине. Значит, все-таки действительно есть в стране этот удивительный феномен — квалифицированный, разбирающийся в литературе читатель.

Можно возразить, что до 1990 г. книги в СССР были почти бесплатными, что издательскую политику все еще определяли если не редакторы, то референтные группы интеллигенции. Но успех Набокова и Бродского только увеличился в 1991 г. при коммерциализации рынка, о чем свидетельствуют хотя бы данные каталога Гарвардской библиотеки. Конечно, советский человек рос в жесткой системе ценностей, где много значил престиж литературы, а за этими авторами стоит их мировая слава; конечно, не следует забывать, что запретный плод сладок. И при этом, однако, факт остается фактом: в СССР есть (был?) круг людей (полмиллиона или даже миллион), покупавших книги и разбиравшихся, что плохо, а что хорошо. Что теперь будет с этим читателем? Сохранится ли он или постепенно исчезнет? Очень трудно судить. Подождем, увидим.

Сергей Максудов

КНИГИ

Гумилев Н. Читатель книг: Сб. стихотв. / Вступ. ст., сост., примеч. М.Д.Эльзона. — СПб., 1994. — 52 с. — Тираж 50 номер. экз.

Новое библиофильское издание, подготовленное и выпущенное Санкт-Петербургским клубом любителей миниатюрной книги (председатель — В.В.Манукян) однозначно свидетельствует, что культура классического библиофильского издания в России не умерла и библиофилы и миниатюристы успешно продолжают делать друг другу подарки. Как и прежние издания Санкт-Петербургских миниатюристов, «Читатель книг» сочетает ориентированность на темы библиофильства (М.Д.Эльзоном отобраны «библиофильские» стихи Гумилева), неперменную оснащенность справочным аппаратом и изящество художественного и полиграфического исполнения. В сборник включены 26 стихотворений, тексты которых печатаются по изданию «Большой серии» «Библиотеки поэта». Издание иллюстрировано рисунками Н.Гумилева из рукописного сборника «Персия», на фронтисписе помещен известный портрет Гумилева работы Н.С.Войтинской. Особо следует сказать о переплете (с конгревным тиснением: портрет Гумилева на передней крышке и виньетка на задней — и золотым тиснением «Н.Гумилев» на корешке) и суперобложке, повторяющей рисунок переплета. Рисунок выполнен Э.Насибулиным, оформившим уже целый ряд миниатюрных библиофильских изданий и пользующимся заслуженным уважением у российских библиофилов. К сожалению, это безукоризненное по замыслу и исполнению издание омрачено досадной опечаткой в примечаниях: сборник «К синей звезде» назван... «К синей бороде». Впрочем, при библиофильских тиражах это не так страшно: М.Д.Эльзон собственноручно исправил опечатку во всех 50 экз., сопроводив исправление своей подписью. Добавлю, что все экземпляры книги подписаны и В.В.Манукяном — во избежание подделок. (В.М.)

Березов Р. До заката. — М.: Протестант, 1993. — 96 с. — 50 000 экз.

Перепечатка последнего сборника поэта Родиона Березова (Акулишина, 1896-1988), изданного в Майами в 1973 г. В сборник вошли стихи 1949-1973 гг. Какая-либо информация об авторе в книге отсутствует — как, впрочем, и отсылка к майамскому изданию.

Венок сонетов: Антология / Сост., вступ. ст. Ю.В.Линника. — Петрозаводск: Карелия, 1993. — 288 с. — Тираж 10 000 экз.

Большой пропагандист жанра и «сонетолог» Ю.В.Линник, составитель антологии «Сонет первой четверти XX века» (Петрозаводск, 1991), в своей новой книге применил оригинальные композиционные принципы.

В раздел «Первоначала», открывающий книгу, вошли «венки сонетов», в которых «преобладают космологические, натурфилософские, историсофские мотивы»: «Природа» А.Кочеткова, «Созвездие змей» Г.Ширмана, «Основа» К.Бальмонта (В раздвинутой дали. Белград, 1930) и «Ра» А.Коненко (Тбилиси,

1926). Второй раздел «Распятье» «естественно сложился из венков, в которых доминирует христианское сознание» — «Терновый венец» Н.Н.Шульговского (Ежемесячный журнал. 1916. № 3), «На сон души, давно забытой богом...» А.Архангельского (Черные облака. Чернигов, 1919), «Ключ» Н.Крандиевской-Толстой и «Крестный путь» В.Перелешина (Возрождение. Париж, 1967. № 188). Третий раздел «В неволе» представляет собой «своеобразный мемориал в пространстве нашей книги», в котором объединены произведения поэтов-узников советских лагерей: «Соловки» Г.Русакова (Соловецкие острова. 1926. № 2/3), «Ты мой Торец: Твоя навек судьба я...» Л.Карсавина (написано в Коми АССР незадолго до смерти Сталина) и «Восход кровавый и закат кровавый...» А.Радыгина, «узника мордовских лагерей во времена так называемого застоя». Не менее, пожалуй, интересен и заключительный раздел «Образы»; в нем представлены авторы, общей чертой которых является «вовлеченность в образное мышление реалий, связанных с различными знаковыми системами»: М.Тарловский («Жемчуг»), В.Бетаки («Европейские сонеты») и А.Глезер («Письмо в Москву Генриху Сапгиру»).

Завершают издание очень «Краткие сведения о поэтах». (С.Ф.)

Езда в остров любви: Русская куртуазная муза. XVIII — XX век. — М.: Х.Г.С., 1993. — 384 с. — Тираж не указан.

На обороте титула значится: «Печатается по решению Ученого совета кавалеров Ордена куртуазного маньеризма, на котором также присутствовал Евгений Мауль, предложивший благосклонным кавалерам идею этой книги». Идея сводится к следующему: собрать под одной обложкой все более или менее «куртуазные» стихотворения русских поэтов, начиная с Кантемира и заканчивая «авторами-составителями» этой книги Андреем Добрыниным, Виктором Пеленягрэ и Вадимом Степанцовым. Им, кстати, отдана одна шестая часть книги.

Из содержания сборника становится ясно кого считают маньеристы своими предшественниками в двадцатом веке: В.Брюсов, Н.Минский, А.Блок, А.Белый, К.Бальмонт, М.Кузмин, З.Гиппиус, И.Северянин, Черубина де Габриак, Н.Гумилев, М.Волошин, Ф.Сологуб, Б.Лившиц, И.Бунин, Л.Никулин, А.Ахматова, В.Ходасевич, Г.Иванов, В.Набоков. О степени «куртуазности» самой идеи судить сложно; отметим только, что получилась довольно толстая книга с «девятиюстами четырьмя рисунками и гравюрами» К.Сомова, В.Милашевского, Л.Бакста, О.Кундиной, А.Курпатенкова и Е.Мауля. (М.В.)

Бабель И.Э. Петроградская проза. Сборник / Сост. и вступ. В.Н.Аядрова. — СПб.: Юпитер, 1993. — 128 с. — Тираж 50 000 экз.

«Взяв эту книгу в руки, читатель, может быть, скажет: — У Бабеля есть «Чинармия», есть «Одесские рассказы». Эти книги «сделали погоду» в нашей литературе. А «Петроградская проза» Бабеля?! Но по-

чему бы и нет?» (с.3). Это из авторского вступления В.Н.Андреева. Действительно, почему бы и нет? И если есть «эротическая» проза Бабеля, почему бы не быть «петроградской» (хочется обнадёжить издателей и попутно заметить, что остается — «зимняя» проза Бабеля, а также «летняя», «весенняя» и т.д.)

Итак, в сборник вошли следующие «петроградские» произведения писателя: «Автобиография» (1924), рассказы «Начало» (для пущей убедительности подверстанное к «Автобиографии»), «Вечер у императрицы», «Линия и цвет» (в который раз с купорами), «Дорога», «Гюи де Мопассан», очерки «Мои листки», «Первая помощь», «О лошадях», «Недоноски», «Битые», «Дворец материнства», «Эвакуированные», «Мозаика», «Заведеньице», «Вечер», «О грузине, керенке и генеральской дочке», «Я задним стоял», «Зверь молчит», «Случай на Невском», «На дворцовой площади» и пьеса «Мария». Эпиграфы из К.Паустовского, В.Шкловского и И.Эренбурга.

По непонятной причине в сборнике не оказалось откровенно «петроградского» произведения Бабеля «Ходя» (в первом издании имевшего, кстати, подзаголовок «Из книги “Петербург, 1918”»). Будем надеяться, что в следующем издании это недоразумение будет разъяснено. (М.Е.Вайсман)

Петров П.Л. Золото: Романы, очерки / Сост., коммент. и послесл. В.П.Трушкина. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. — 560 с. — Тираж 15 000 экз. — (Лит. памятники Сибири).

В одноименный избранных произведений Петра Полкарповича Петрова (1892-1941) вошли романы «Борель» (впервые: Сибирские огни. 1928. № 5, 6; 1929. № 1), «Золото» (Будущая Сибирь. 1934. № 1, 2, 3), очерки «Перовские красные партизаны: Начало движения» (Сибирские огни. 1935. № 1), «Партизаны в Урянхайском крае» (Там же. 1927. № 4), «Таня Перова» (Новая Сибирь. 1935. № 4) и «Беглые заметки» (Будущая Сибирь. 1933. № 5), представляющие собой «обработанную стенограмму речи на производственном совещании оргкомитета ССП ВСК по прозе».

В Приложении впервые публикуется тюремно-лагерная корреспонденция писателя, сохранившаяся в его семейном архиве, — стихи и письма 1939-1941 гг. Некоторые из стихотворений («А в Москве колокольные звоны...», «Над узкой балкой галочья тревога...» и «В небо брошены зарницы...») сохранились в судебном деле Петрова (см.: Семенов А.И. Стихи, извлеченные из следственного дела // Восточно-Сибирская правда. 1989. 7 ноября). Стихотворение «Не снятся сердцу радости и воля...» написано в 1939 г. в «иркутской тюремной камере <...> на длинных полосах разорванной рубахи химическим карандашом». «Отдельные фразы» из писем жене и дочери ранее удалось привести в кн.: Трушкин В. Сибирский партизан и писатель П.П.Петров: Повесть героической жизни. Иркутск, 1965.

Послесловие состоит из двух частей: первая посвящена литературной судьбе П.П.Петрова и не носит названия, вторая — внелитературным обстоятельствам и называется «По кругам ежовско-бериевского ада: По материалам тюремно-лагерной корреспонденции». Подробный рассказ об истории ареста и тюремного заключения писателя завершается письмом П.Петрова к Сталину от 16 ноября 1939 г. (публикуется с любезного разрешения А.И.Семенова) и заключением по делу писателя, где, в частности, говорится: «Работая на обогатительной фабрике № 6 ТГПУ, откуда, в целях сознательного уклонения от исполнения установленного режима в ИТЛ НКВД и с целью отказов от работ для умышленного ослабления Дальстроя, 31 мая 1941 года с места работы совершил групповой побег. Принятыми мерами розыска 26 июня 1941 года на 161 километре Тенькинской трассы задержан» (с.555). 26 августа 1941 г. П.Петров приговорен Военным трибуналом к расстрелу; 23 октября 1941 г. расстрелян. (А.К.)

Набоков В.В. Романы. Рассказы. Эссе. — СПб.: Энтар, 1993. — 352 с. — Тираж 50 000 экз.

Сборник, как сказано в издательской аннотации, «составлен из произведений В.В.Набокова, написанных им по-русски, но не вошедших в наиболее полное на сегодня издание его русскоязычной художественной прозы — Собрание сочинений в четырех томах (М., 1990)». В книгу, в частности, вошли роман «Камера обскура», рассказы «Ultima Thule», «Solut Rex», «Нежить», «Слово», «Случайность», «Драка», «Бритва», «Рождественский рассказ», статьи и эссе «Кэмбридж», «Юбилей», «Торжество добродетели», «Что всякий должен знать», «О Ходасевиче», «Пушкин, или Правда и правдоподобие», «Предисловие к “Герою нашего времени”», «Николай Гоголь». Все они в разные годы печатались в перестроенной книжно-журнально-газетной периодике, а рассказ «Ultima Thule», названный почему-то «незавершенным романом» (точнее — глава из «незавершенного романа») входил в состав вышеупомянутого Собрания сочинений. Попутно отметим, что поскольку в издательской аннотации «огоньковское» Собрание названо «наиболее полным изданием русскоязычной художественной прозы» и в него включены «Другие берега», написанные, как известно, Набоковым совсем на другом языке, то логично было бы смысл воспроизвести и другой набоковский автоперевод — «Лолиту». (В.Р.)

Миронов Г.Е. «Начальник террора» («Заговор Таганцева»): Документальная повесть. — М.: Грабарь, 1993. — 144 с. — Тираж 3000 экз.

Последнюю книгу Г.Е.Миронова, известного нам ранее по таким работам, как «Карл Маркс» (1983), «На фронтах идеологических битв» (1984) и др., можно рассматривать с разных сторон. Но, с какой стороны ни посмотришь, — результат один: «пахнет лакейской» (как говаривал покойный В.В.Набоков). Провозглашая возникновенье «новых истин» («на штыках не продержится ни одна идеология») для сменивших ориентацию испытанных политинформаторов, автор перепевает и пересказывает широкоизвестные страницы И.Одоевцевой, И.Бунина, М.Волошина, О.Волкова, А.Амфитеатрова и сообщает слушателям очень краткие биографические сведения о Н.Лазаревском, В.Таганцеве, М.Тихвинском, М.Названове. Попутно пересказывается история «Дела о финской разведгруппе», о «группе», «пристегнутой к “Заговору Таганцева”» и группе «Соучастники ПБО». Наиболее захватывают главы, названия которых говорят сами за себя: «Охота на вепря», «Два трупа на юбилей», «“Шестерки” из “колоды” Петрочка». (А.С.)

Бишарев О.Л. Тайна Сергея Есенина. — М.: Инком, 1993. — 136 с. — Тираж 5000 экз.

Автор так определяет цели своей книги: «вера в справедливость жива в нас, и мы донесем ее до конца, сделав все, чтобы позорное пятно самоубийцы было снято с великого русского поэта» и — «каждое слово о Есенине должно быть зафиксировано. Мне осталось только вспомнить и рассказать вам об этом». Вспоминает и рассказывает автор, попутно пересказывая устные рассказы свидетелей и очевидцев, о встречах с М.И.Конотоповой-Кверденевой — троюродной сестрой С.Есенина, О.С.Смирновым — «внуком “водочного короля” Петра Смирнова», Н.П.Стором — сотрудником газеты «Заря Востока» (здесь же приводятся эпиграммы Есенина на сотрудников редакции, взятые из книги «Тысяча зевков»), А.И.Мицевичем — отцом своего школьного товарища, Н.П.Приблудной-Милоновой (наиболее обширные воспоминания, включающие в себя «отступления автора» (= «информация к размышлению») о П.М.Зиновьеве,

А.А.Берзинь, Илье Вардине (И.В.Мгеладзе), А.К.Воронском, Л.С.Сосновском и др.)

Что же касается «позорного пятна самоубийств», то здесь автор отстаивает свою версию: «Не спорю, что в организации убийства участвовали и евреи — подделок легко найти в любой национальности, но “заказчик” был другой — не сионистские круги. Публикация поэмы “Песнь о великом походе” затрагивала личности, их роль в революции и гражданской войне. А это всегда более опасно, потому что восхваляя Троцкого, Зиновьева, ставила ни во что Сталина. С этим “вождь” мириться никак не мог» (с.128-129).

Тынянов Ю.Н. Литературный факт / Вступ. ст. и коммент. В.Н.Новикова; Сост. О.Н.Новиковой. — М.: Высшая школа, 1993. — 319 с. — Тираж 5000 экз. — (Классика литературной науки).

«Задача настоящего издания — познакомить студента-филолога с научным наследием крупнейшего отечественного литературоведа XX в.», — пишет в предисловии составитель книги. И, если рассматривать сборник только в рамках этой задачи, то претензий к нему почти нет.

В книге не только перепечатаны работы, входившие в «судьбоносный» тыняновский сборник «Поэтика. История литературы. Кино» («Литературный факт», «О литературной эволюции», «Проблемы изучения литературы и языка», «Вопрос о Тютчеве», «Стиховые формы Некрасова», «Блок», «Сокращение штатов», «Журнал, критик, читатель и писатель», «Литературное сегодня», «Промежуток», «Иллюстрация», «Кино — слово — музыка» и «О сюжете и фавеле в кино»). Составитель удачно воспользовался предоставившейся возможностью, чтобы переиздать и другие работы Тынянова («Проблема стихотворного языка», «Как мы пишем», «Пушкин», «О Хлебникове»), в том числе — не воспроизводившиеся с первой публикации («200.000 метров Ильи Эренбурга»).

Комментарии предварены словариком «Основные понятия научной системы Тынянова» (ср. близкий опыт И.А.Чернова в антологии: Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976) и далее почти исключительно ограничены библиографическими справками. Предусмотрительно дается отсылка к комментариям М.О.Чудаковой, Е.А.Тоддеса и А.П.Чудакова в ПИЛКе, к которым «непреренно» обратится «читатель, изучающий научное наследие Тынянова». (Г.А.)

Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка / Коммент. В.Махлина. — М.: Лабиринт, 1993. — 192 с. — Тираж 5000 экз. — (Бахтин под маской. [Вып.] 3).

Первое с 1930 г. переиздание в России «девероканонической» (по определению комментатора) работы М.М.Бахтина. Аннотации на предыдущие выпуски этой серии см.: DV. 1993. № 6. С.58; № 10. С.82).

Миркина З. Огнь и пепел: Духовный путь Марины Цветаевой; Померанц Г.С. Лекции по философии истории. — М.: ЛИА «ДОК», 1993. — 276 с. — Тираж 1000 экз.

Эта работа «известного поэта и религиозного мыслителя» (из издательской аннотации) с равным успехом могла быть названа «Три огня Марины Цветаевой» или «Три любви Марины Цветаевой». Отгалкиваясь от письма М.Цветаевой Б.Пастернаку от 22 мая 1926 г., З.Миркина пишет: «Это “огнь-ал (та, с розами, постельная)”, чувственная, самая поверхностная любовь. <...> Проблема начинается с другого огня. <...> Синий, как небесная лазурь, так любимая ею, а может быть, — и как адское пламя... <...> Огонь этот нуждается в пище, как углырь в свежей крови. <...> Да, это не только пламя жизни, но и пепел смерти. <...> Кроме алого и синего огня она видит внутренним оком еще третий — белый — любовь к Богу. Чистое пламя без дыма. Огонь без пепла. Огонь, который не

оставляет после себя черных пожаров. Горение духа, свечение Сути...» и т.п. — в четырнадцати главах, с введением и примечаниями («Загар вечности», «Струсье, сквоженье», «Сплошное аэро»).

Мы затрудняемся, не прибегая к «сборной цитате», дать аннотацию на эту книгу, изданную «на правах рукописи». (М.В.)

Саакянц А.А. «Все понять и за всех пережить». — М.: Гешадальф, 1993. — 112 с. — 5000 экз.

Книга состоит из двух частей. В первой («Статьи о Марине Цветаевой») воспроизводятся работы А.Саакянц разных лет. Взаимоотношениям М.Цветаевой и А.Ахматовой посвящена статья «Твой — Петербург, моя — Москва» (1989), М.Цветаевой и А.Белого — «Вы прозвучали мне ласковой нотой...» (1987). В обзорной статье «Я забываю только над книгой» (1981) собраны материалы по теме «М.Цветаева и книга». О проблематике статьи «Написала, чтобы узнать» (1985, 1991) дает представление ее подзаголовок: «Чарльз Линдберг — Райнер Мария Рильке — Вера Аренская — “Поэма Воздуха”». Заключает этот цикл статья «“Жизнь и смерть” произношу с усмешкой...”: Уход Марины Цветаевой» (1991).

В книге воспроизводятся обложки прижизненных изданий М.Цветаевой, хотя, как нам представляется, совсем не преждевременно было бы воспроизвести и обложки некоторых посмертных изданий, ставших уже памятниками своей эпохи. Ведь и сборник статей А.Саакянц является определенным свидетельством того пути, которое прошло отечественное цветаведение.

Похоже, это осознается и самим автором, уже начинающим историзовать свою научную и редакторскую биографию. Об этом свидетельствуют материалы второй части книги. Здесь помещены два мемуарных текста. Первый из них, «Как мы работали с Ариадной Эфрон» (1991), предварительно распечатанный в «Русской мысли», — о работе над первыми посмертными книгами Цветаевой и о том, «как нам не дали работать над изданием Марины Цветаевой». Главным же «персонажем» второго очерка «Тарусский закат» (1992) является, по определению автора, Таруса, образ которой воссоздается по отрывкам из писем А.С.Эфрон к автору. (В.Ф.)

От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетшского / Рос. гос. гум. ун-т. — М.: Российский университет, 1993. — 352 с. — Тираж 10 000 экз.

Естественно, большая часть статей этого сборника посвящена тематике, далекой от интересов «DV». XX век оказался в центре внимания лишь трех авторов.

Л.Нирё в статье «Единство и несходство теорий авангарда» (с.321-333) рассматривает это литературное направление, основываясь на «методах и приемах структурализма, семиотики и семантики». На рубеже веков, по наблюдению автора, происходит «радикальная трансформация акта созидания художественного знака, с одной стороны, и художественного восприятия — с другой». Этот процесс рассматривается, в частности, на примере творчества Маринетти и теории и практики «заумного языка» русских футуристов. Т.В.Цивьян в статье «Об одном абсурдном / абсурдистском эксперименте» (с.334-340) предпринимает попытку «проникнуть в технику построения абсурдистского текста» Д.Хармса «Праздник». С.С.Аверинцев в статье «Бахтин и русское отношение к смеху» (с.341-345) рассматривает книгу «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

Сборник, среди авторов которого К.Леви-Стросс, Вяч. Вс. Иванов, В.Н.Топоров, Б.А.Успенский, М.Л.Гаспаров и др., включает ценный «Список

основных научных трудов Елеазара Моисеевича Мелетинского» за 1941-1993 гг.

Русская новелла: Проблемы истории и теории: Сб. статей / Под ред. В.М.Марковича и В.Шмида. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. — 280 с. — Тираж 3000 экз.

«Публикуемый сборник, — извещают редакторы, — подготовлен по инициативе Славянского семинара Гамбургского университета и кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского университета. Для участия в сборнике были приглашены известные исследователи русской литературы из Германии, Голландии, Швеции, России. <...> Сборник составлен с таким расчетом, чтобы осветить самые разные стороны общего предмета исследования».

Сборник открывает «установочная» статья И.П.Смирнова «О смысле краткости» (с.5-13), в которой так определяется жанровая специфика новеллы: «<...> философия новеллы впрямую противоречит той, которую выстраивал Кьеркегор. В то время как Кьеркегор утверждал, что в процессе выбора мы превращаемся из ничто в нечто, новелла демонстрирует нам ничто выбора или толкует выбор в качестве механизма, создающего ничто. <...> Назначение новеллы в том, чтобы не быть ни историей, ни ритуалом». Другие статьи сборника построены на конкретном материале русской литературы XX в. В статье Р.Грибеля «Воспоминание и повторение: Две модели повествования на примере повестей “Первая любовь” Тургенева и “Вымысел” Гиппиус» (с.171-195) повестям Тургенева и Гиппиус в итоге противопоставляется повесть Б.Пильняка «Верность». Статья Яна ван дер Энга «Искусство новеллы: Образование вариационных рядов мотивов как фундаментальный принцип повествовательного построения» (с.195-209) построена на материале творчества А.Чехова. Н.О.Нильсон («Русский импрессионизм: Стиль “короткой строки”», с.220-235) на примере прозы А.Белого, Ф.Сологуба, О.Дымова, В.Хлебникова и Е.Гуро прослеживает «несколько стилистических приемов в русской послечеховской прозе, которые развивают некоторые из новшеств, введенные Чеховым в русский рассказ: краткость, новые отношения между частями текста и его цельностью и, как следствие этого, — новые отношения между автором и читателем». В.Кошмал в статье «Новелла и сказка: Событие, случай, случайность» (Гумилев, Гиппиус, Набоков, Хармс) (с.235-248) рассматривает новеллы В.Набокова «Сказка» («обнаруживающую поразительные параллели с “Повестью о Савве Грудычине”»), Н.Гумилева «Принцесса Зара», З.Гиппиус «Время» и «Случай» Д.Хармса. «Новеллы Набокова, Гиппиус и Гумилева, — констатирует автор, — постулируют невозможность новой сказки на основе мотива, функций и схемы сказки традиционной. <...> Даниил Хармс, напротив, исходит не из схемы, <...> а из ее микроединицы, из деталей, из “случая”».

Среди авторов работ, посвященных литературе XIX в., В.И.Тюпа, В.Н.Топоров, В.Шмид, Ю.Н.Чумakov, Ю.В.Манн, В.М.Маркович, Р.Лакхманн, В.Н.Турбин.

Сборник издан при содействии Гуманитарно-культурного центра «Пилигрим». (Р.А.)

Глинин Г.Г. Авторская позиция в поэме Александра Блока «Двенадцать»: Учебное пособие по спецкурсу. — Астрахань: Изд-во Астраханского пед. ин-та, 1993. — 112 с. — Тираж 1000 экз.

Во введении автор пишет, что «анализ авторской позиции в поэме “Двенадцать” — проблема, над решением которой литературоведы будут биться еще долго» (с.10). И предлагает свой вариант решения. Так, например, в главе первой «Полисемантизм названия поэмы» почти дословно переписыва-

вая/пересказывая статью С.С.Аверинцева «Двенадцать апостолов» из «Мифологического словаря» и, напоминая забывчивому читателю о «зодиакальной дюжине», о «12 т.н. ветхозаветных пророках» и о «12 рыцарях круглого стола», Г.Г.Глинин (надо признать, что до него этого головокружительного предположения никто не высказывал) предлагает вспомнить еще и о «двенадцати» (курсив наш. — А.С.) кругах Дантова ада» (с.23) Вспомним. И не забудем о «двенадцати пальцах». И еще «про двенадцать деэний Геракла» — «не случайно некоторые параллели в судьбе Геракла и двенадцати красновардейцев. <...> Причем, если Геракл идет со своим горем к Феспию, сыну Архегона, который “был мудрым человеком и добрым товарищем”, то и Петька обращается к товарищам: “Ох, товарищи родные...”» (с.26). В общей сложности автор уделяет «полисемии» слова «двенадцать» 20 страниц. И с успехом продолжает свои изыскания в главе второй — «Очерк А.Блока “Катилина” как автокомментарий поэмы “Двенадцать”» («Тогда Катилина собрал своих молодцов и распределил роли: одни должны были поджечь город с двенадцати концов...»), основная мысль которой сводится к следующему: «Катилина убивает жизнь, и потому собственная его гибель неизбежна. Но так же поступает и Петька, убивший не просто Катюшу, но Вечную Женственность. Если это так, то о каком преображении жизни, связанном с Октябрьской революцией можно говорить!» (с.68). Вот здесь-то и происходит перелом в книге, и наступает праздничное, если можно так выразиться, пробуждение. Начавшись как ученическая компиляция, книга перерастает себя и превращается в политический памфлет. Голос автора крепнет (он запросит, на равных беседует с Белым, Гиппиус и Лениным) и звучит пророчески: «Двенадцать красновардейцев — тоже народ, и их трагедия является трагедией русского народа <...>, уничтожившего себя в лагерях, закрепостившего себя в колхозах, заводах, считающего нормальным до сих пор жить по прописке. <...> каким будет этот новый мир, они не знают, потому что забыли дорогу к храму» (с.99) и т.д. Впрочем, в отличие от авторской позиции Г.Г.Глинина, авторская позиция А.А.Блока не слишком проясняется. Но к этому мы были уже подготовлены самим автором — «анализ авторской позиции в поэме “Двенадцать” — проблема, над решением которой литературоведы будут биться еще долго» (с.10). (А.Е.Смуров)

Колядич Т.М. Мгновенья, полные как годы... (Двадцатые годы в воспоминаниях писателей): Учебное пособие. — М.: Прометей, 1993. — 90 с. — Тираж 300 экз.

«Настоящее пособие составлено в соответствии с программой спецкурса, читаемого автором на филологическом факультете МПГУ им. В.И.Ленина, утвержденной на кафедре русской литературы XX века. Оно органически дополняет ранее вышедшую программу автора “Воспоминания писателей. История развития. Жанровая специфика” (М.: Просвещение, 1991)» — сообщается в предисловии. В учебном пособии есть «Введение», главы I, II, III, IV, а также «Примерная тематика самостоятельных работ» и список использованной литературы. Отсутствует только содержание, подмененное несколькими тысячами мертвых слов, каким-то образом долежавших до наших дней: «Писатели двадцатого века были поставлены перед необходимостью отражения сложных и противоречивых явлений» (с.33); «Воспоминания писателей в той или иной степени фиксируют определенный тип психологического события, сформированный временем» (с.25); «Дневниковая форма считается первичной в ряду мемуарной литературы, чаще всего она рассматривается как вспомогательный источник для написания собственно воспоминаний»

(с.52). Естественно, на этом фоне не слишком ощути-многочисленные ошибки (или описки) — «Дневник моих встреч» Ю.Анненкова назван «Дневником моих трагедий», Б.Лившиц поименован Б.Лифшицем, «Курсив мой» датирован 1992 г. и т.д.

Актуальные проблемы лексикологии и стилистики / Отв. ред. Л.И.Баранникова. — Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та, 1993. — 160 с. — Тираж 300 экз.

В сборник, в частности, вошли работы: Назаров В.А. Темпоральная структура рассказов И.Бунина (с.117-124); Петрова Т.С. Повтор как принцип построения стихотворения Б.Пастернака «Зимняя ночь» (с.130-135); Тарасова И.А. К вопросу о вычленении семантических полей в поэтической картине мира: (Семантическое поле со значением «лето» в поэзии И.Анненского) (с.142-147).

Skupiska staroobrzędowców w Europie, Azji i Ameryce: Ich miejsce i tradycje we współczesnym świecie / Red.: I.Grek-Pabisowa etc. — Warszawa: SOW, 1994. — 348 s.

Несмотря на польское заглавие этого сборника, сюда вошло без малого три десятка статей на русском языке (а помимо этого, три статьи на английском и по одной — на польском и на немецком). Все они восходят к докладам, читанным на четвертой по счету Международной конференции исследователей старообрядчества, состоявшейся 9-14 сентября 1992 г. в польском городе Цехановец. Если в публикациях материалов предыдущих конференций (Гейдельберг, 1986; Загреб, 1988; Новосибирск, 1990) было мало примечательного по тематике «DV»*, то на этот раз дело обстоит иначе. Как отмечается в предисловии, в последние годы закономерно обострился научный интерес «к тому удивительному экономическому и культурному взлету, который был пережит старообрядчеством во время “серебряного века” русской истории. <...> Известные мыслители, идеологи и организаторы этого взлета сумели найти непростую меру сочетания включенности в наш мир с его материальными запросами и бережного сохранения духовной основы культурной традиции» (с.14-15). Различных преломлений этой традиции в русской словесности начала столетия так или иначе касаются несколько участников сборника. Статья Л.П.Кузьминой «Религиозный и политический идеал старообрядцев в трудах русского богослова XX в. Ф.Е.Мельникова» (с.57-64) посвящена перипетиям жизни и деятельности (включая деятельность книгоиздательскую) этого темпераментного публициста. В обзоре Я.Н.Щапова «Старообрядцы в Москве между двумя революциями. (1905-1917)» (с.81-95) особого упоминания заслуживает раздел о староверческой прессе. Статья Т.Б.Коваль «Проблема раскола и старообрядчества в русской религиозной философии “Серебряного века”» (с.107-116) построена в основном на анализе текстов, републикованных в перестроечные и постперестроечные времена. Сообщение А.Н.Жилко «Рукопись Николая (так!) Афанасьевича Яблокова: (Опыт исследования)» (с.117-124) содержит общую характеристику этих воспоминаний о русской Риге 1920-х гг., которые в обозримом будущем обещано опубликовать.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет работа Р.Вроона «Старообрядчество, сектантство и “сакральная речь” в поэзии Николая Клюева» (с.237-247). В ней вполне резонно критикуется большинство современных исследователей, игнорирующих «фундаментальные различия» между русским мистическим

сектантством и староверами, между различными деминациями внутри последнего и т.д., что часто приводит к вопиюще неточным оценкам и утверждениям. Стремясь вразумительно истолковать «конфессиональный фон» поэзии Клюева, Р.Вроон рассматривает вероятность его реальных связей с «серафимовским православием» (маргинальным течением внутри синодальной церкви), с филипповским согласием беспоповского староверия, с сектантскими общинами. Анализ употребления специфической лексики подводит к заключению относительно «индифферентизма поэта к догматической стороне старообрядчества», в котором Клюева интересовала преимущественно «эстетическая сторона». Староверие стало для него метонимией этноса в целом, «эмблемой особого социального устройства и соответствующего мировосприятия, уже вышедшего за пределы, обозначенные первоначальным канонам и обрядами» (с.244-245). (В.Н.)

Бухарин Н.И. Революция и культура: Статьи и выступления 1923-1936 годов / Сост., вступ. ст. и коммент. Б.Я.Фрезинского. — М.: Фонд им. Н.И.Бухарина, 1993. — 350 с. — Тираж не указан.

Вряд ли стоит напоминать о том, какую роль в культурном процессе 1920-1930-х гг. играл Н.Бухарин (достаточно упомянуть только «его» резолюцию о литературе 1925 г. и выступление на Первом съезде писателей). Но, кажется, инициаторы издания, берясь за подготовку книги избранных статей Бухарина о культуре, руководствовались не историко-культурными задачами. По крайней мере, в предисловии мы читаем: «Это издание — не памятник и не руководство к действию, не новонайденная инструкция к действию для руководителей культурной политики. Но это и не только лишь акт справедливости. Это — реализация того, закрепленного международными декларациями, права людей на свободный доступ к информации, которого мы долгие годы были во многом лишены». Много, конечно, в этом утверждении объяснит дата написания статьи: 1989, 1992. Но и сегодня с сожалением приходится констатировать, что, не будь у Бухарина группы активных сторонников (в общественный издательский совет Фонда им. Н.И.Бухарина входят: И.Г.Баннов, М.Я.Гефтер, Л.В.Карпинский, С.Козн, А.М.Ларина-Бухарина, О.Р.Ладис, В.Ф.Писигин), мы вряд ли бы дождалась этой книги. Неужели для издания сборников документов по советской культурной политике нужно ждать учреждения фондов имени, скажем, К.Радека, Г.Зиновьева, А.Жданова и т.п.?

Вошедшие в книгу Бухарина работы дают достаточно полное представление о его взглядах на культуру. Это статьи: «Первая ласточка» (рецензия на «Неделю» Ю.Либединского; 1923), предисловие к роману И.Эренбурга «Хулио Хуренито» (1923), «Пролетарская революция и культура» (1923), выступление на совещании о политике партии в области художественной литературы (1924), «Пролетариат и вопросы художественной политики» (1925), «Судьбы русской интеллигенции» (1925), «О формальном методе в искусстве» (1925), «“Рычи, Китай!” в Театре Мейерхольда» (рецензия на спектакль по пьесе С.Третьякова; 1926), «Злые заметки» (1927), «О старинных традициях и современном культурном строительстве» (1927), «Ленинизм и проблема культурной революции» (1928), «Героизм и проблема культурной революции» (1928), «Героизм и проблема культурной революции» (1928), «Валерий Брюсов и Владимир Маяковский: (Скорбные мысли)» (после 1930 г.), «Гейне и коммунизм» (1931), «Гете и его историческое значение» (1932), «Новое человечество: (Запоздавшая статья к юбилею М.Горького)» (1932), «Некоторые мысли о советской живописи» (1933), «Героика борьбы и труда» (1933), выступления и заявления на Первом съезде советских писателей (1934),

* Исключение составляет, пожалуй, лишь германоязычный обзор староверческой периодики начала века, см.: Hauptmann P. Das kirchliche Zeitschriftenwesen der russischen Altgläubigen im 20. Jahrhundert // Sprache, Literatur und Geschichte der Altgläubigen: Acten des Heidelberg Symposions vom 28. bis 30 April 1986. Heidelberg, 1988. S.65-80 (Heidelberger Slavistische Forschungen. Bd.1).

«Мастер и воин культуры, сын человечества» (о Р.Роллане; 1935), предисловие к книге Я.В.Апушкина «Константин Федорович Юон» (1936), «Горные вершины» (о Р.Роллане; 1936), «Основные проблемы современной культуры» (1936), «Демьян Бедный» (1936), «Певец разума» (о М.Горьком; 1936), «Горький: (Последнее "прости")» (1936). В Приложении дается работа В.П.Полонского «Н.И.Бухарин о художественной литературе» (глава из его книги: Очерки литературного движения революционной эпохи. М., 1928).

Отметим, что это, несомненно ценное, издание могло бы быть полнее — за счет включения некоторых более ранних статей, которые упоминаются, в частности, в предисловии (рецензия на журнал «Пролетарская культура» в «Правде» 1918 г. и др.) Отсутствие их не объяснено составителем. Конечно, украсила бы издание избранная (хотя бы) переписка Бухарина с деятелями советской культуры, а также именной указатель.

Комментатор ограничивается фактографией и почти не пытается реконструировать общественно-литературный контекст и скрытую полемичность некоторых бухаринских текстов. К примеру, стоило бы дешифровать острую критику фашизма в парижском выступлении Бухарина «Основные проблемы современной культуры» в апреле 1936 г. — ведь именно тогда Бухарин, встретившись с Б.И.Николаевским, излагал план предотвращения «гитлеровских порядков» в СССР (см.: Бухарин об оппозиции Сталину: Интервью с Б.И.Николаевским // Социалистический вестник. [Нью-Йорк], 1965. Сб. № 4. С.92). А что уж говорить о подтекстах и контекстах его выступлений на Первом съезде писателей.

Издание иллюстрировано — но не документальными фотографиями, как следовало бы ожидать, а работами художников В.Б.Богорада и Д.М.Магарилы, использующих фотографии тех лет и рисунки и шаржи Н.Бухарина. (А.Г.)

Рууд Ч. Русский предприниматель московский издатель Иван Сытин / Пер. с англ. А.Лещинского. — М.: Выставочный центр «У книгоиздателя И.Д.Сытина», 1993. — 283 с. — 5000 экз.

И.Д.Сытин — одна из ключевых фигур русского издательского дела конца XIX — начала XX в. Преуспевавший издатель книг для народа и юношества, учебной литературы и произведений А.Чехова, Л.Толстого, Л.Андреева, И.Бунина, владелец популярной газеты «Русское слово», он вызвал пристальный интерес современников и большое число посвященных ему публикаций еще при жизни. В 1960-1980-х гг. были изданы его воспоминания, беллетризованная биография К.Конищева «Русский самородок», содержательная монография Е.А.Динерштейна «И.Д.Сытин» и ряд ценных статей и публикаций. В результате деятельность Сытина освещена достаточно полно и, многоаспектно (чего нельзя сказать о многих других крупных отечественных издателях, например, об А.С.Суворине или Смирдине).

Однако канадский исследователь, используя материалы многих советских архивов (РГАЛИ, РГИА, РГИА Москвы, ГА РФ, РГБ, Сытинский музей), в том числе отчеты цензуры, полиции, судебных органов, экономические документы, письма и т.д., смог детально осветить ряд важных аспектов сытинской деятельности, почти не затронутых ранее (подробная история газеты «Русское слово», выпуск учебной литературы, развитие полиграфии, взаимоотношения Сытина с правительством и цензурой, пореволюционный период его деятельности и т.д.) В книге Рууда вводятся в научный оборот ряд важных сведений о сотрудничестве Л.Андреева, И.Бунина, М.Горького, В.Дорошевича, Г.Петрова и других известных литераторов в сытинских изданиях. В помещенных в При-

ложении таблицах и графиках систематизированы сведения о структуре выпуска книг в «Товариществе Сытина», тиражах «Русского слова», структуре расходов на издание этой газеты в разные годы и т.д. Издание богато иллюстрировано.

Однако ценность исследования не только в этом. Книга полемична по отношению к советской «сытиняне», она рисует во многом нового и неожиданного Сытина. Рууд трактует его как русского «американца», умелого дельца из числа тех, кого в Америке называют «self made man», т.е. «человек, создавший самого себя», добившийся всего сам (с учетом сильного интереса в американской культуре к подобным фигурам, становится понятным и обращение Рууда к Сытину, и выбранный им способ его изображения). Для Рууда Сытин — типичный «антрепренер», склонный к риску предприниматель низкого происхождения, добившийся успеха, по новому комбинируя различные способы производства. Так, в частности, вначале он достиг успеха, умело сочетая издание книг для крестьян, развитую сеть торговцев-офен и внедрение передовой западной полиграфической технологии. Затем он вошел в контакт с толстовцами, а через них — и с более широкими слоями интеллигенции. Само по себе сотрудничество с толстовским издательством не принесло ему особых доходов, но используя идеи и предложения своих интеллигентных сотрудников, он смог существенно расширить сферу деятельности, выпуская книги для читателей различных социальных слоев и имеющую широкое распространение газету «Русское слово».

Автор показывает на основе богатого документального материала, как Сытин лавировал между правительством, в руках которого была цензура, и оппозиционной интеллигенцией, к которой принадлежали лучшие авторы. И тем и другим Сытин был полезен, а его умение играть роль «простого человека из народа» помогало ему сохранять хорошие взаимоотношения с представителями каждого лагеря. Сытин выступал как «модернизатор и демократизатор» самодержавной России, поскольку внес немалый вклад в распространение грамотности и чтения, «раздвинул пределы свободы печати» и т.д. В то же время следует признать, что Сытин зарабатывал на популистских идеалах интеллигенции и что интересы дела, успех были у него на первом месте.

Книга Рууда не свободна от недостатков. Сделав вначале заявку на экономико-психологический анализ деятельности Сытина, он в дальнейшем нередко сбивается на чисто хроникальное изложение, не подкрепляет обобщающие выводы документальным материалом.

Неприятное впечатление производит пренебрежительный отзыв автора о своих предшественниках. По его мнению, из исследований советских авторов о Сытине «ни одно нельзя считать последовательным и полным» (с.17), но ведь «полным» не является и его работа, многие аспекты деятельности Сытина здесь не освещены. Кроме того, он весьма интенсивно использует (хотя не везде это отмечает) архивные разработки С.А.Иниковой, автора содержательной диссертации «Товарищество печатания, издательства и книжной торговли И.Д.Сытина. (1883-1917)» (1985).

В книге есть ряд фактических ошибок и анахронизмов. Так, вместо А.К.Воронского назван Воронский (с.268), сказано, что «выпускать техническую литературу <...> имело право только Центральное техническое издательство» (с.203), но такого издательства никогда не было, а если речь идет о Гостехиздате, то он никогда не был монополистом; говорится о деятельности А.Ф.Маркса в 1912 г. (с.139), хотя он умер в 1904 г. и А.С.Суворина в 1914 г. (с.165), хотя он умер в 1912 г., чествование Сытина в 1917 г. проходило не в Московском политехническом институте

(с.192), а в Московском политехническом музее. Автор пишет, что Сытин «без должного разрешения» издавал книги западных писателей (с.45), хотя сам же отмечает (на с.130), что Россия до 1911 г. не подписывала международную конвенцию по авторскому праву и Сытин не был обязан юридически регулировать отношения с зарубежными авторами. Недоразумением является высказывание Рууда, что «высочайшее утверждение» сытинской фирмы было «привилегией», за получение которой он, якобы, дал большую взятку (с.46). В то время уставы всех акционерных обществ, товариществ и т.п. утверждались царем, и взятка, причем сравнительно небольшая, могла быть дана лишь с целью ускорения бюрократической процедуры подписания устава. Сытин издал в 1887 г. не десяти-томник Пушкина (с.51), а всего лишь одготомник; распространение дубочной литературы запретил не Моссовет (с.200), а Совнарком (см.: Декреты Советской власти. М., 1971. Т.5. С.491). отметим также низкий уровень редактуры — библиографические описания и архивные ссылки (на российские архивохранилища!) не приведены в соответствии с отечественными нормами, что затрудняет восприятие текста. (Т.Д. Григорьева, А.И. Рейтблат)

Аллиский Ю. Веселый Петербург: (По материалам собрания Г.А.Иванова). — СПб.: ПРАНА, 1993. — Т.2. — 276 с. — Тираж 3000 экз.

Вторым томом этого оригинального издания (аннотацию на первый см.: ДВ. 1993. № 9. С.79) продолжается знакомство с петербургскими (петроградскими) эстрадными театрами, театрами-буфф, кабаре, луна-парками, садами развлечений, артистическими кафе, театральными и музыкальными обществами и др. за 1705-1924 гг.

Во втором томе представлены материалы, в частности, по таким местам и формам развлечения и отдыха петербуржцев, как: балы (до 1918 г. включительно), «Беклешевский сад», ресторан Бернара, кабаре «Би-ба-бо» (приведено стихотворение Н.Агницкова «Четыре»), «Благородное собрание» (приведено стихотворение И.Анненского «Под зеленым абажуром»), кафе «Бристоль», кафе «Бродячая собака» (приведены стихотворения А.Ахматовой «Все мы бражники здесь, блудницы...» и В.Маяковского «Вам!») и театр «Балаганчик», летний театр «Буфф» на Фонтанке, зимний театр «Буфф» на Адмиралтейской наб.

На суперобложке приведены отрывки из стихотворений А.Блока («Над черной слюкотью дороги...») и М.Цветаевой («Погода, дружок!...»), в тексте — стихотворения И.Анненского «Трактир жизни» (в связи с гостиницей и трактиром Балабина), В.Ходасевича «Акробат» (в связи с петербургскими балаганами).

Том заключает «Послесловие» [Ю.Л.Аллиского], в котором дополняются некоторые справки из 1-го и 2-го томов — в частности, об «Аквариуме», «Бродячей собаке», «Би-ба-бо», куплетисте И.А.Вольском (1889-1961), первом владельце летнего театра «Буфф» на Фонтанке П.В.Тумпакове (ум. 1911).

Издание подготовлено по инициативе и при участии Санкт-Петербургского Клуба любителей миниатюрной книги (консультанты Н.Ф.Куприянов и В.В.Манукян).

Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918-1945: Библиография. Из каталога библиотеки Русского Зарубежного Исторического Архива / Сост. С.П.Постникова; Под ред. С.Г.Блинова; Introd. by E.Kashner, R.P.Davis. — New York: Norton Ross Publishing Inc., 1993. — Т.1-2. — 526+XX с. (пагинация сквозная). — Тираж не указан.

Имя Сергея Порфирьевича Постникова (1883-1965), несомненно, займет свое почетное место в истории российской библиографии. Деятель партии

эсеров, сотрудник журнала «Заветы», газеты «Дело народа» и издательства «Колос», он в 1921 г. покинул Россию и, обосновавшись в Праге, стал одним из основателей легендарного Русского Исторического Архива. Подготовил книгу «Русские в Праге» (Прага, 1928) и справочник «Библиография русской революции и Гражданской войны. 1917-1921» (Прага, 1938), и по сей день оставшийся бесценным путеводителем по этому периоду. В 1945 г. С.Постников был арестован в Праге и отправлен в СССР. Отбыл заключение, работал швейцаром в чайной и т.п. и — составлял уникальную библиографию «Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции». Эта работа мыслилась С.Постниковым (по определению редактора книги С.Г.Блинова) «в качестве звена трех основных работ по библиографии Русского Зарубежья за период 1918-1945 гг.» Другими звеньями должны были стать: «Библиографический указатель Ученых Трудов за рубежом» Е.В.Спекторского и библиографический «Словарь Русских зарубежных писателей» В.Ф.Булгакова (вышел в 1994 г. в издательстве Н.Росса).

Библиография «Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции» составлялась С.Постниковым на основе каталогов РЗИА (изданных и неизданных); ее рукопись и копии сохранились в РГБ, РГАЛИ, ИМЛИ и Библиотеке ГА РФ. В качестве основы для настоящего издания взят микрофильм из РГБ.

Издание разбито на два тома, состоящих из нескольких частей. Первый том «Книги и брошюры русской эмиграции. 1918-1945 гг.», снабженный «Предисловием» и «Введением», состоит из десяти частей: «Политика и идеология русской эмиграции» (1021 позиция), «Политические партии и группировки русской эмиграции» (551 позиция), «Воспоминания. Дневники. Письма» (653 позиции), «Русские эмигранты в различных странах» (686 позиций), «Первая мировая война. Военное дело» (88 позиций), «Издания эмиграции по вопросам религии» (300 позиций), «Ученые труды. Издания коллективных» (18 позиций), «Сборники» (13 позиций), «Библиографические указатели» (35 позиций) и «Труды русских ученых за рубежом» (410 позиций). Второй том озаглавлен «Периодика русской эмиграции. 1918-1945 гг.» и описывает журналы (1435 позиций) и газеты (1030 позиций) этих лет. Итого: 6240 библиографических позиций.

Первый том открывают «Introduction» Э.Казинца и Р.Дэвиса, «Предисловие Редактора» и «Библиографические материалы» (перечень опубликованных и неопубликованных справочников по Русскому зарубежью). Второй том заключают: «Краткие биографические сведения» о С.П.Постникове (по автографу из РГАЛИ), «Записка о Русском Историческом Архиве в Праге» А.Ф.Изморова (по автографу из бывш. ЦГАОР, ныне — ГА РФ) и справка «Книжно-Журнальный Отдел [РЗИА]» (из сборника: Русский Заграничный Исторический Архив в 1936 году. Прага, 1936). Издание снабжено тремя указателями: Указатель имен, Предметный указатель и Указатель географических названий.

Конечно, книга С.Постникова неизбежно перекрывается печатными каталогами русской книги и периодики за рубежом, первые из которых начали выходить еще в 1920-е гг. Редактор не определяет степень соотносительности этого указателя с уже существующими работами и даже не упоминает их в своем предисловии, перечислив лишь основные в библиографическом списке. Надеемся, что мы, а не наши дети, доживем до того светлого времени, когда сводный указатель русской зарубежной печати будет составлен и когда станут очевидны роль и значение сделанного С.Постниковым.

Свое участие в труде С.Постникова С.Г.Блинов определяет так: «В процессе редактирования значительная часть изданий, описанных в библиографии Постникова, была проверена de visu, уточнены фамилии и имена авторов книг и брошюр, редакторов журналов и газет, а где возможно — раскрыты псевдонимы. Выверены названия трудов авторских коллективов, дополнены отсутствующие сведения о месте и дате издания книг и брошюр, газет и журналов. Все вмешательства редактора в текст библиографии заключены в угловые скобки (в случае, если уточняющие сведения заимствованы из справочной литературы — указан источник информации; в случае дополнений, сделанных посредством проверки de visu, последние не оговариваются). Текст рукописи унифицирован, с сохранением характерных особенностей, оговоренных Постниковым в Предисловии к библиографии» (с.XV).

Таким образом, благодаря корректной работе редактора, книга С.Постникова представляет собой не только ценный справочник, но и историко-библиографический памятник. И тем естественнее, нам кажется, было бы снабдить первое издание книги С.Постникова более подробным очерком об этом замечательном деятеле русской культуры (по крайней мере, следовало установить точную дату его возвращения в Прагу, а не расплывчато обозначать ее в редакторском примечании: «в 1950-х годах»). Материалы, относящиеся к разным периодам его жизни и творчества неплохо сохранились в российских архивах (в том числе, и РГАЛИ); воспользуемся случаем привести один из них, сохранившийся в архиве В.Б.Шкловского, бывшего соратника С.Постникова по эсерской партии: «Многоуважаемый Виктор Борисович, меня с Вами познакомил в 1922 году И.Эренбург, сначала перепиской, а потом и лично. Всегда с интересом вспоминаю наши литературные разговоры. Теперь, почти через 25 лет, волею судеб я из Праги, где жил и работал в Русск<ом> Ист<орическом> Архиве [последние 22 года. — зачеркнуто], переселен на Урал, в лагерь. Грехов особенных за мной нет, кроме литературно-критических и исторических статей, писанных еще в двадцатых годах. Статьи были направлены главным образом против Бухарина, Покровского и др., теперь — в опале. Срок у меня — 5 лет. Отсидел я 10 мес.<яцев>. <...> Во время войны я был горячим патриотом, помогал нашим военнопленным и сов<етским> интернированным гражданам посылкой хлеба. Спалас русских и др.<уих> евреев, чему предоставил доказательство своему пражскому сов<етскому> следователю. Около 20 русских эмигрантов<евреев> так спасли в Праге. Во время подготовки восстания в Праге я все время был в контакте с чешскими патриотами, а в дни самого восстания я и жена были на баррикадах. С радостью я встретил сталинскую танковую дивизию, которая примчалась на помощь восставшим пражанам. Я знал, что я буду арестован, т.к. в прежде занятых городах головка эмиграции арестовывалась. Но я, при полной возможности, не ушел в зону америк<анских> и англ<ийских> оккупаций, т.к. не хотел ничего общего иметь с немцами, туда убежавшими. И вот в результате всего — я в лагере на 5 лет. Но я бодр и не упал духом. Надеюсь на помилование» (Письмо от 22 марта 1946 г. // РГАЛИ. Ф.562. Оп.1. Ед.хр.674).

Издательство Н.Росса готовит к выходу и Каталог библиотеки РЗИА, сохранившийся в Славянской библиотеке в Праге. (А.Ю.Галушкин)

Степанов В.К. Материалы к указателю русской духовной литературы. 1801-1992. — М.: Рудмино, 1994. — 64 с. — Тираж 500 экз.

Полагаем уместным сообщить о появлении данного указателя 2-й степени (где описано почти 300 библиографических источников) как минимум по двум

причинам. Во-первых, очевидно его справочно-прикладное значение: мало кто из бывших над комментированием текстов (в том числе художественных) начала века не страдал из-за наличия библиографической дыры, образовавшейся некогда вследствие чистки каталогов. Новейшим изданием повезло гораздо меньше, нежели кириллическим книгам или духовным книгам гражданской печати XVIII в., числившимся по линии «памятников культуры». Во-вторых, похвальное, в принципе, стремление составителя к охвату «всех возможных <...> источников, в совокупности максимально полно отражающих книги духовного содержания <...> с начала XIX в. до наших дней», материализовалось, в частности, в описании — наряду с общими, тематическими, рекомендательными и т.п. указателями — и таких малопопулярных источников, как издательские и книготорговые каталоги. Последние позволяют составить более адекватное представление о репертуаре не только «книг духовного содержания» (в особенности, разножанровой словесности отечественных конфессиональных меньшинств начала века* и духовной книги русского зарубежья, очень плохо отраженной в существующих общих библиографиях), но и вообще всего того, что издавалось либо продавалось в течение XX столетия вне Советской России — от Финляндии до Джорджии и от Маньчжурии до Мюнхена. Особо отметим еще и составленные в СССР в 1950-1960-х гг. машинописные каталоги и библиографические словари, разными правдами и неправдами внедренные во время оно в справочные фонды крупнейших государственных библиотек (описаны под № 116, 277-278).

Напоследок предупредим, что вышеописанные «материалы к указателю» никоим образом не затрагивают периодических изданий. В предисловии, датированном июлем 1993 г., сказано лишь о близком завершении работы над каталогом русской христианской прессы 1807-1917 гг. с присовокуплением сведений о существовании печатных или машинописных указателей к таким изданиям в библиотеках Москвы и Петербурга. (В.Н.)

Литература и искусство русского зарубежья. 1917-1940 гг.: Каталог книжной выставки / Сост. Г.П.Демидово, Л.Е.Цыганова. — М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 1993. — 100 с. — 400 экз.

Каталог, составленный на основе книжно-иллюстративной выставки из фондов Государственной публичной исторической библиотеки, состоит из трех разделов. Раздел 1-й носит название «Культурное наследие русской эмиграции» (с.5-16) и имеет подразделы: «Журналы и сборники русского зарубежья» («эти издания, по мнению составителей, представляют несомненный интерес, и авторы каталога посчитали необходимым назвать некоторые имена, причастные к этим журналам»), «Общая литература» и «Библиографические и справочные издания». Раздел 2-й «Русское литературное зарубежье» (с.17-74) посвящен писателям, поэтам и литературным критикам (в подборе имен никаких неожиданностей не наблюдается, за исключением разве что сравнительно редко упоминающихся А.Ветлугина (В.И.Рындзюна), Дионео (И.В.Шкловского), И.Савина (И.Саволайнена), Т.Таманина (Т.И.Манухиной) и А.А.Яблоковского). Раздел 3-й «Русское искусство за рубежом» (с.74-99) посвящен деятелям театра, композиторам и музыкантам.

* Из упущений В.К.Степанова по этой части укажем на каталог обзорной библиотеки В.Г.Дружинина, распространенной за СКВ после ареста ее владельца в 1930 г., см.: Раскол и сектанство. Бюллетень № 75, 77 (так!) / Ленинградское обл. отделение акционерного общества «Международная книга». Антикварный магазин. Л., 1932.

ЖУРНАЛЫ*

Автора:

В № 1 — стихотворение А.Ахматовой «Мужество» (1942) (к 50-летию прорыва блокады Ленинграда).

Там же — статья Э.Шевелева «Возвышение души» о Е.Н.Чирикове.

Там же — рассказ Е.Н.Чирикова «Королевна» (впервые — Вестник Европы. 1912. № 1).

Там же — статья Л.Левинского «Дорогой длиною» об А.Вертинском.

Там же — подборка песен А.Вертинского 1915-1952 гг.

В № 2 — рассказ А.Н.Толстого «Прекрасная дама».

Как сообщается в редакционной врезке, рассказ является источником «приписываемого перу автора скабрезного рассказа "Возмездие"».

В № 7 — подборка стихов В.Маяковского 1913-1924 гг.; вступительная заметка И.Моисеевой «Через громаду лет».

В № 10/12 — глава «Рассказ о Господине Просто» из романа А.Д.Скалдина «Вечера у Мастера Ха» (1919-1924); вступительная статья «Терпение и верность» и публикация Т.Царьковой.

Творческое наследие А.Д.Скалдина (1889-1943?) последнее время привлекает особое внимание исследователей (републикация В.Крейдом романа «Странствия и приключения Никодима-старшего», цикл публикаций Т.Царьковой в «Русской литературе», «Минувшее» и др.) Настоящая публикация представляет одно из немногих сохранившихся прозаических произведений А.Скалдина. По общему мнению публикатора, роман о Никодиме должен быть стать первой частью трилогии, озаглавленной «Повествование о Земле»; две другие части были отправлены автором в конце 1920-х гг. за границу и до сих пор не разысканы. Не сохранилась также полностью и книга новелл «Вечера у Мастера Ха» («Вечера у Мастера Христофора»); публикуемый рассказ (из архива П.Н.Медведева) — одна из глав этой книги. Публикатор сообщает новые биографические сведения об А.Скалдине и делится наблюдениями о поэтике скалдинской прозы, которая, по его мнению, близка исканиям обриутов. Интересна версия о влиянии сочинений А.Скалдина на «Мастера и Маргариту» М.Булгакова. Продолжая высказанную в свое время В.Крейдом гипотезу о знакомстве Булгакова с романом «Странствия и приключения Никодима-старшего», публикатор пишет: «Еще вероятнее знание Булгаковым фрагментов из второй не вышедшей прозаической книги. Ведь в "Рассказе..." Скалдина действуют: нечистая сила — неизвестный Господин, "стукающий каблуком", говорящий кот и Мастер. Булгаков мог слышать "Рассказ о Господине Просто" в авторском чтении. В 20-е — начале 30-х годов <...> Скалдин охотно и часто читал свои вещи в московских и ленинградских литературных кругах». (М.В.)

Там же — рассказ М.Булгакова «Был май...» (1925; печатался в № 3 «Авроры» за 1978 г.); публикация и послесловие Л.Яновской.

Там же — рассказ О.Форш «Без сигары» (1925).

Алтай:

В № 6 — статья В.Гришаева «Я люблю Алтай крепко...»: К 120-летию со дня рождения В.Я.Шишкова» (по документам Алтайского краевого государственного архива).

Там же — статья Л.Шаляпиной «Злой дух революции: Религиозно-философские взгляды Л.Н.Толстого».

Апокриф:

В № [3] — под заглавием «Основной идеологический мотив фрейдизма» отрывок из книги В.Н.Волошинова «Фрейдизм» (1927); в качестве послесловия — «диалог» А.Махова и И.Пешкова о М.Бахтине.

Там же — статья Г.Шелогуровой «"И тебя не любить мне позволю..."»: Об одном мотиве в творчестве И.Анненского».

Библиотека:

В № 1 — статья Л.Егоршилова «Утверждение жизни: 120 лет со дня рождения М.Пришвина».

Там же — под заглавием «И вся земля была ему наследством...» сценарий литературного вечера, посвященного творчеству Б.Пастернака; составитель В.Третьякова.

В № 2 — статья Л.Белозерова «Страницы большой жизни: 125 лет со дня рождения М.Горького».

Там же — литературно-музыкальная композиция «Незабвенный милый образ», посвященная Празднику женщин (в тексте, в частности, фрагмент «Слепого музыканта» В.Короленько и стихотворение И.Буннина «Мать»); составители В.Валькова и Е.Кузьменкова.

Там же — сценарий «В гостях у юных натуралистов», включающий стихи А.Блока и А.Прокофьева; составитель Р.С.Агапова.

Там же — статья М.Панфилова «Исход вселенского странника: 140 лет со дня рождения В.Соловьева».

В № 3 — статья Л.Когана «Образ вечности и вечные образы».

В частности, о В.Соловьеве, С.Булгакове, Н.Бердяеве, А.Платонове и Вяч. Полонском.

В № 5 — статья Л.Егоршилова «Ответственность таланта и трагедия художника: 100-летие со дня рождения В.Маяковского».

Вестник древней истории:

В № 4 — статья Г.М.Борнгард-Левина, М.Вахтеля и В.Ю.Зуева «Михаил Иванович Ростовцев и Вячеслав Иванович Иванов: (Новые материалы)».

Воссоздается история отношений, начавшихся в 1893 г. в Риме, личные и научные контакты (в основном, в связи с работой Вяч. Иванова над диссертацией, его работами об античной литературе). В тексте статьи публикуются письма М.И.Ростовцева и С.М.Ростовцевой В.Иванову и В.К.Шварсалон 1907-1924 гг. (из РГБ и личного архива Д.В.Иванова, Рим) и В.Иванова М.Ростовцеву (из РГИА). Два письма связаны с намерением В.Иванова выехать за границу (М.Ростовцеву В.Иванову, 1924 г.), а также письмо М.Ростовцева 1921 г. к известному деятелю русской эмиграции А.В.Гольдштейну (1850-1937) из Бахметевского архива Колумбийского университета. Приведены также дарственные надписи Вяч. Иванова и М.И.Ростовцева.

Вестник Еврейского университета в Москве:

В № 4 — статья Л.Кациса «"Дело Бейлиса" в контексте "серебряного века"».

В частности, о В.Розанове, Б.Лившице, В.Шульгине, П.Флоренском, В.Жаботинском.

Там же — под заглавием «...Интимно понять русских я не в состоянии» письмо М.Гершензона А.Горнфельду от 20 января 1910 г.; вступительная заметка, комментарии и публикация В.Кельнера.

Вестник РХД:

В № 167 — работа С.Булгакова «Пророчество: Тезисы к докладу» (впервые на англ. яз. — Sobornost. 1939. № 19).

Там же — биографическое повествование А.Н.Шустова «Искания».

Публикация представляет собой «главу из документального повествования» о матери Марии и посвящена 1914-1916 гг. (поэтическое творчество, встречи с С.Дымшиц-Толстой, Вяч. Ивановым, А.Блоком, А.Толстым, отношении к Первой мировой войне). Приводятся письма поэтессе Б.Садовскому, С.Боброву, А.Блоку, И.Книжнику-Ветрову.

* В журнальном обзоре описаны отдельные номера журналов, пропущенных «DV» в обзорах за 1993 г. (№ 5-11 за 1993 г. и № 1-4 за 1994 г.)

Там же — статья Г.Зверева «Алексей Федорович Лосев. (1893-1988)».

Там же — работа А.Лосева «Основные категории абсолютной диалектики» (начало 1930-х гг.); публикация и комментарий А.А.Тахо-Годи.

Там же — работа А.Лосева «О методах религиозного воспитания» (1921); публикация и послесловие А.А.Тахо-Годи.

Там же — биографическая хроника А.Клементьева «Дела и дни Льва Платоновича Карсавина».

Сей первый опыт биографии Л.П.Карсавина, сопровождаемой указаниями на соответствующие авторские сочинения, безусловно, замечателен. Единственное, чего читатель вправе был ожидать от составителя, но не дождался, так это библиографических указаний и, самое главное, указаний на источники биографических сведений, зачастую (особенно за 1918-1921 гг.) крайне отрывочных и кое в чем вызывающих сомнения. (М.К.)

Там же — рецензия Ю.Кублановского «Обретение Розанова» на книги: Фатеев В.А. В.В.Розанов: Жизнь. Творчество. Личность. Л., 1991; Носов С. В.В.Розанов: Эстетика свободы. СПб.; Дюссельдорф, 1993.

Там же — окончание статьи Л.Долгополова «Владимир Маяковский: Путь к самоуничтожению или прорыв в бессмертие?». Начало в № 166.

Там же — статья В.Купченко «“Я его знаю давно и близко”: М.Волошин и П.Б.Струве» (на материалах неопубликованной переписки 1902-1920 гг.)

Краткое, но содержательное это исследование объединяет почти исчерпывающий ряд архивных и печатных источников, позволяющих с изрядной подробностью проследить биографические и, отчасти, идейные связи героя. К сожалению, не полностью использован ф.279 (П.Б.Струве) в РЦИХИДНИ (бывш. ЦПА ИМЛ); архивная ссылка в тексте ошибочна: не упоминается, например, письмо Волошина к жене Струве (конец 1905 г.), в котором он в ответ на ее просьбу помочь в перевозке вещей из Парижа в Россию советует обратиться в багажную контору, и др. (М.А.Колеров)

Там же — статья Ю.Медведева «Блок и Кузмин в архиве П.Н.Медведева».

В статье, основанной на архивных материалах литературоведа и критика П.Н.Медведева (1892-1938), впервые публикуются отзывы А.Блока, М.Кузмина, М.Лозинского, Н.Гумилева о стихах М.М.Шкапской, И.Давыдова, В.П.Лебедева, А.Н.Рябинина (1875-1942) и И.Шапир, написанные для приемной комиссии Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов. Эти материалы, сохранившиеся в семейном архиве П.Н.Медведева, непосредственно примыкают к подготовленной М.В.Рождественской и Р.Д.Тименчиком публикации «Блок и Союз поэтов» (Литературное наследство. М., 1987. Т.92. Кн.4). Приводятся отрывки из воспоминаний П.Медведева о Блоке (в том числе, и неопубликованных), сведения о материалах Блока в его фонде в РНБ.

Также по архиву П.Медведева публикуются автобиография М.Кузмина (ок. 1923 г.), написанная по просьбе П.Медведева для его книги о русской литературе XX в., и три неизвестных стихотворения М.Кузмина: «Гройное имя носит город...», «О, Феодоре Стратилате...» (1914) и «В гроте венерином мы горим...» (1923). Охарактеризованы отношения П.Медведева и М.Кузмина.

В № 168 — под заглавием «Зарождение Р.С.Х.Д. в эмиграции: Из истории русских религиозных течений в эмиграции» главы из неизданной книги В.В.Зеньковского «Мое участие в Русском Студенческом Христианском Движении».

Там же — доклад С.Булгакова «Церковь, мир, Движение», сделанный в Аржероне в 1924 г.

Там же — статьи Н.А.Бердяева «Значение Русского Христианского Движения» и «Об идейном кризисе Движения: Задачи Движения и грозящие ему опасности» (начало 1930-х гг.; из парижского архива Н.А.Бердяева); публикатор не указан.

Там же — под заглавием «От Евразийства к Р.С.Х. движению» три письма Г.В.Флоровского к П.П.Сувчинскому и Н.С.Трубецкому (август-ноябрь 1923 г.); публикация и примечания Н.А.Струве.

Там же — статья Н.А.Струве «Марина Цветаева и Вандей» (о пребывании М.Цветаевой в г.Сен-Жиль-сюр-Ви в апреле-октябре 1926 г.)

Волга:

В № 12 — эссе С.Боровикова «В русском жанре — 2».

В частности, об И.Северянине, Э.Багрицком, П.Васильеве, Б.Пастернаке, А.Вертинском, В.Маяковском, А.Н.Толстом.

Там же — рецензия С.Худайбердыева на книгу: Кац Р.С. История советской фантастики. Саратов, 1993.

Волшебная гора:

В № 1 — исследование Г.А.Мейера (1894-1967) «Топор Раскольников»; «P.S.» А.Медведева.

Там же — «Распад атома» Г.Иванова; послесловие «“Сквозь мировое уродство...”: (“Распад атома” Георгия Иванова)» Н.Мельникова.

Вопросы искусствознания:

В № 2/3 — отчет Л.Будровой о конференции «Язык сновидений: XXVI Выпывковские чтения» (Москва, 29-31 марта 1993 г.)

В частности, о докладах Л.М.Ельницкой «Сновидения в художественном мире Лермонтова и Блока: Миф о демоне», Е.А.Бобринской «Механизмы работы сна в футуристическом взаимодействии поэзии и живописи» и М.О.Чудаковой «Сон в сочинениях русских писателей советского времени».

Там же — отчет Е.Львовой о конференции «Художественные связи России и Востока» (Москва, 28 мая 1993 г.)

В частности, о докладе К.Нумано «Япония глазами русских модернистов: (Андрей Белый и современники)».

В № 4 — статья Г.Стернина «Опыт самопознания: О взгляде русской эмиграции (первой волны) на культурную традицию России».

Вопросы литературы:

В вып. III — статья А.Михайлова «Восстание против “отдохновенной пантомимы”»: (Перечитывая “Баню»).

Статья печатается к 100-летию юбилею поэта. «Баня» «перечитывается» как «мощный залп по укоренившейся системе управления и власти» и резкая критика авторитарных методов руководства искусством. «История советской литературы за семьдесят лет — это и история борьбы за искусство правды, и история его идеологического “выпрямления”, административного подчинения. Авторитарная система, конечно, не могла подавить творческую мощь народа, но она все-таки нанесла урон литературе и искусству разными ограничениями и односторонностью. <...> Маяковский сатирически беспощадно изображал пороки административного руководства искусством, вряд ли до конца осознавая, что это уже утвердившаяся система, пронизывающая всю новую власть сверху донизу. Он проиграл в одиночном бою с ней, но выиграл на многие десятилетия вперед, и значит — победил».

Там же — статья Л.Аннинского «Скитальцы: Еврейская тема в русской лирике».

В частности, о В.Брюсове, Саше Черном, М.Цветаевой, Э.Багрицком, И.Уткине, В.Маяковском.

Там же — статья Н.Богомолова и Д.Малмстада «У истоков творчества Михаила Кузмина».

Глава из готовящейся к изданию книги о жизни и творчестве М.Кузмина, посвященная «наиболее скрытому от глаз читателей и исследователей» периоду жизни писателя — от раннего детства до начала 1900-х гг. В тексте приводятся обширные цитаты из дневника М.Кузмина (подготовленного к печати Н.Богомоловым и С.Шумихиным) и переписки с Г.В.Чичериным (которая тоже, надеемся, дождется своего издания). Нехватка сохранившихся биографических источников восполняется умелой и корректной реконструкцией лакун и тонкой интерпретацией известного.

Там же — статья В.Есипова «Имя звезды: (К проблеме “утаенной любви” Пушкина)».

В частности, о работах М.Гершензона, П.Щеголева, Ю.Тынянова.

Там же — статья Н.Дворцовой «Пришвин и Мережковский: (Диалог о Граде Невидимом)».

Почти исключительно на материале дневников М.Пришвина (опубликованных и неопубликованных) характеризуется восприятие М.Пришвиным идей и личности Д.Мережковского в 1908-1940-х гг. Статья заключается выводом: «Диалог Пришвина и Мережковского, рассмотренный в статье, не исчерпывающей темы взаимосвязи писателей, делает тем не менее очевидным, что Мережковский, как и вся культура "начала века", был с Пришвиным на протяжении всего его пути богоискания, что Пришвин, всю жизнь преодолевая в себе противоречия "времена Мережковского", шел вместе с ним к Граду Невидимому, шел <...> к Богу, открывающему "на границе природы и человека", к природе, которая и спасала, и губила его, и вела его по пути к Слову».

Там же — статья Д.Бабиченко «Жданов, Маленков и дело ленинградских журналов».

По материалам РЦХИДНИ восстанавливается предыстория постановления 1946 г. «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». Приводится, в частности, сведения о негативных оценках ЦК произведений А.Платонова, А.Довженко, Н.Асеева, М.Зощенко, И.Сельвинского, Е.Долматовского, В.Шкловского, А.Ахматовой, Вс. Вишневского и др., опубликованных в 1943-1946 гг.

Там же — под общим заглавием «Литературно-критические статьи» статьи Г.Газданова «О Чехове: (К 60-летию со дня смерти)» (Новый журнал. 1964. № 76) и «О молодой эмигрантской литературе» (Современные записки. 1939. № 60); вступительная статья, подготовка текста и примечания (которых в тексте не выявлено) С.Никоненко.

Там же — под заглавием «Чешская газета о М.Горьком» статья-интервью «Визит к Максиму Горькому» (Народный горизонт. 1913. 22 августа); публикация, перевод и послесловие М.Заградки.

Там же — под общим заглавием «И снова рядом — Лесков и Горький...» мемуарный очерк З.Гиппиус «Далекая единственная встреча» о Н.Лескове (из рижской газеты «Сегодня», 1931, 15 марта) и рапорт З.Пешкова министру иностранных дел Франции Перретти от 6 января 1922 г. («Горький о Ленине и революции»; впервые — Вестник РХД. 1976. № 118; Новый журнал. 1976. № 124); вступительная заметка, публикация и комментарий А.Д.Романенко.

Там же — обзор публикаций № 1 и 2 журнала «Русская литература» за 1991 г. (в том числе, и по тематике «DV») и разделов «Публикации и републикации», «Библиография» и «Обзоры» «нулевого» номера «DV» за 1992 г.

В вып. IV — под общим заглавием «"Последний луч трагической зари...": Дискуссии о трагедийности искусства в 20-30-х годах» фрагменты из литературно-критических работ (вступительная статья, публикация и комментарий М.Ваняшовой):

«Два лада русской души» Вяч. Иванова (из его книги «Родное и вселенское», М., 1917);

«Основы позитивной эстетики» А.Луначарского (М.; Пг., 1923);

«О театре будущего: (Трагедия и современность)» Ф.Степуна (из его книги «Основные проблемы театра», Берлин, 1923);

«Революционная трагедия» А.Горнфельда (из его книги «Боевые отклики на мирные темы», Л., 1924);

«О трагедии и трагическом» Б.Эйхенбаума (из его книги «Сквозь литературу», Л., 1924);

«Дневник обнаженного сердца» Д.Горбова (из его книги «У нас и за рубежом: Литературные очерки», М., 1928);

«Настроения современной интеллигенции в отражении художественной литературы» Ж.Эльберга (из его книги «Кризис попутчиков и настроения интеллигенции», М.; Л., 1930);

«Социальная трагедия и героическая драма» А.Гвоздева (Новый мир. 1933. № 6);

«Спор о Вишневском» И.Альтмана (Литературный критик. 1933. № 6);

«Трагический оптимизм» А.Сольца (Правда. 1934. 7 января);

«Спорные вопросы советской драматургии» А.Дудучава (Литературное Закавказье. 1934. № 7/8);

«Освобожденный Прометей» Ю.Юзовского (Литературный критик. 1934. № 10);

«Прометей-освободитель» Б.Рейха (Литературный критик. 1935. № 1);

выступление Б.Пастернака на дискуссии о формализме 16 марта 1936 г. (Литературное обозрение. 1990. № 3);

«О первой социалистической трагедии» А.Платонова (печатается по: Аннинский Л. «Откровение и сокровение: Горький и Платонов» // Литературное обозрение. 1989. № 9).

Там же — статья Ю.Давыдова «"Апокалипсис атеистической религии": (С.Булгаков как критик революционистской религиозности): Статья первая».

Там же — под общим заглавием «Татьяна Яковлева о Маяковском и о себе» воспоминания Т.Яковлевой о поэте и письма В.Маяковского к ней (1928-1929); вступительная статья, подготовка текста и примечания В.Катаняна.

В конце 1970-х — начале 1980-х гг. Г.Г.Шмаков (1940-1988), один из пионеров изучения творчества М.Кузмина, к тому времени уже находившийся в эмиграции, задумал биографическую книгу о Т.Яковлевой. Публикуемые воспоминания представляют собой расшифровку магнитофонной записи бесед Г.Шмакова с Т.Яковлевой в эти годы. В стенограмму включены и семь неопубликованных писем В.Маяковского к Т.Яковлевой (печатается по машинописным копиям, предоставленным в свое время Р.Якобсоном Л.Брик, с воспроизведением всех купюр, сделанных адресатом). В предисловии — цитаты из писем Г.Шмакова В.Катаняну с отзывами о Т.Яковлевой.

Там же — воспоминания В.Баевского «Стоик: (О Лидии Яковлевне Гинзбург)» (встречи в 1960-1980-х гг.)

Там же — под заглавием «"Из далеких двадцатых...": (Лев Луцк — "Серапионовым братьям". 1923-1924)» письма и рассказ «Хождение по мукам» Л.Луцка; публикация Н.Фединой, вступление, послесловие и комментарий А.Старкова.

Письма сохранились в архиве К.Федина, три из них адресованы «Серапионам», остальные пять — К.А.Федину. Написанные из Германии в Россию, они, естественно, очень близки по тональности и тематике к другим лунцеским письмам этого времени, в свое время опубликованным Г.Корвом (Новый журнал. 1966. № 82, 83). Упоминаются: М.Горький, В.Шкловский, В.Ходасевич, Н.Берберова, И.Эренбург, Б.Пильник, Н.Никитин и др. Рассказ, также известный по публикации в «Новом журнале» (1966. № 83), печатается по окончательной редакции, сохранившейся в том же архиве. В предисловии и послесловии, снабженных различными дежурными словами и сведениями (имя Луцка «сегодняшнему читателю практически неизвестно» и т.п.), сообщается также о неудавшихся попытках публикации наследия Луцка в 1960-1980-х гг.

Там же — под заглавием «"Документы свидетельствуют...": Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД) подборка материалов 1954-1964 гг. из архива ЦК КПСС, касающихся И.Г.Эренбурга; вступление, публикация и комментарий М.Емельченковой и Е.Никифорова.

Публикуются, в частности: записка Отдела культуры ЦК о предисловии И.Эренбурга к «Избранному» И.Бабеля (М., 1937), материалы в связи с публикацией книги «Люди, годы, жизнь» (Новый мир, 1961-1963) и включением в Собрание сочинений И.Эренбурга романов «Рвач» и «В Протоочном переулке» (письма тогдашнего главного цензора страны П.И.Романова в ЦК, записки Отдела культуры ЦК, письма И.Эренбурга Н.С.Хрущеву и др.)

Там же — рецензия С.Шшуновой «Бунин против критического реализма...» на книги: Линков В.Я. Мир и человек в творчестве Л.Толстого и И.Бунина.

М., 1990; Лавров В. Холодная осень: Иван Бунин в эмиграции. (1920-1953 гг.). М., 1989.

Там же — рецензия А.Штейна «Бернард Шоу и русские писатели» на книгу: Образцова А.Г. Бернард Шоу и русская художественная культура на рубеже XIX и XX веков. М., 1992.

Там же — под заглавием «Железная женщина» и ЦК КПСС: (Из фондов ЦХСД) письмо Л.Никитина (октябрь 1959 г.) в ЦК КПСС о предполагаемом приезде М.И.Будберг в Москву и рекомендации Отдела культуры ЦК КПСС по этому вопросу.

Там же — обзор публикаций № 1-6 журнала «Известия Академии наук: Серия литературы и языка» за 1992 г. (в том числе, и по тематике «DV»).

В вып. V — статья Ю.Давыдова «Апокалипсис атеистической религии: (С.Булгаков как критик революционной религиозности). Статья вторая».

Там же — статья С.Ломинадзе «Небеса Маяковского и Лермонтова» (тема «набес» в творчестве поэтов).

Там же — статья Л.Смирновой «Горький и Ленин: (Разрушение легенды)».

Восстанавливаются один из эпизодов истории взаимоотношений Ленина и Горького, относящийся к концу 1909 — началу 1910 г. — т.е. к эпохе Каприйской рабочей школы и горьковского увлечения идеями группы «Вперед». Привлечены архивные материалы, прежде запрещенные даже к цитированию или только недавно вошедшие в научный обиход (письма Горького Ленину, Г.Александровского и А.Богданова Горькому и др.). В частности, интересно письмо Горького Ленину (ноябрь 1909 г.), в котором дается такая характеристика адресату: «Порою мне кажется, что всякий человек для Вас не более как флейта, на которой Вы разыгрываете ту или иную мелодию и что Вы оцениваете каждую индивидуальность с точки зрения ее пригодности для Вас, — для осуществления Ваших целей, мнений, задач». В полном объеме неизвестные письма Горького Ленину должны появиться в соответствующем томе Полного собрания сочинений писателя, — значит, не скоро.

Там же — под заглавием «Ю.Г.Оксман в Саратове: (Письма. 1947-1957)» 53 письма Оксмана к К.Богатовой (в сокращении); вступительная заметка, публикация, комментарий К.Богатовой.

Там же — заметка Б.Кравченко «Более сорока эпитетов к слову “облако”, или О пользе точности».

Об ошибках и неточностях в биографии Н.Клюева, допущенных в изданиях последних лет.

Там же — обзор Т.Николеску «Творчество Булгакова в Италии» (переводы, критические и литературоведческие работы 1920-1980-х гг.)

Там же — под заглавием «Сконгломерировав актеров и поэтов...»: (Ресторан “Вена”: Из истории российской литературной богемы начала века) фрагменты из литературно-художественного сборника «Десятилетие ресторана “Вена”» (СПб., 1913) (в частности, об А.Аверченко, К.Олипове); вступительная заметка и публикация Ю.Иропшикова.

Там же — обзор публикаций № 1 журнала «Новое литературное обозрение» за 1992 г. (в том числе, и по тематике «DV»).

В вып. VI — статья В.Чайковской «На разрыв аорты: (Модели “катастрофы” и “ухода” в русском искусстве)».

В частности, о В.Розанове, О.Мягдальштаме, И.Бушше, В.Набокове.

Там же — статья О.Клингга «“Петербург”: Один роман или два? (Трансформация поэтики “Петербурга” Андрея Белого в ходе работы над редакциями романа)».

Там же — статья И.Кондакова «Перед страшным выбором: Культурно-исторический генезис русской революции».

О В.Розанове и Д.Мережковском и русской критике 1860-1890-х гг.

Там же — статья Т.Новиковой «Русские символисты и английские прерафаэлиты».

Там же — статья В.Рыпкевича «Беспокойная муза Чехова» о Л.С.Мизиневой (1870-1937).

Там же — в рубрике «Документы свидетельствуют... Из фондов Центра хранения современной документации (ЦХСД)» под заглавием «Корней Чуковский о Борисе Зайцеве» расшифровка магнитофонных пленок бесед К.Чуковского с Р.Герра в 1969 г.; публикация и комментарий Р.Романовой.

Там же — воспоминания Э.Бабаева «Диотима» о Н.Я.Мандельштам.

Там же — «Из переписки В.Я.Брюсова» (1917-1922 гг.); вступительная заметка, подготовка текста и комментарий Н.Трифоновой.

Препубликация раздела «Из переписки послеоктябрьских лет» 2-го тома книги «Валерий Брюсов и его корреспонденция» («Литературное наследство»). Включены письма В.Шершеневича, П.Сакулина, Г.Шенгели, Н.Паолович, С.Венгерова, Б.Пильняка, С.Соловьева, Н.Пиксанова, В.Фряче, Д.Выгодского, М.Шкапской, А.Танрова, М.Лозинского, К.Чуковского и Б.Пастернака, а также письма В.Брюсова Х.Херсонскому, Н.Пиксанову и М.Лозинскому. Странно видеть в этой подборке письмо Б.Пастернака от 15 августа 1922 г., не менее трех раз уже опубликованное (в 1977, 1990 и 1993 гг. — две первые публикации Н.А.Трифоновой указываются), но еще страннее «публикацию» письма Б.Пильняка от 10 декабря 1920 г. без какого-либо упоминания о том, что практически полный текст этого письма напечатан в книге: Jensen P.-A. Nature as Code: The Achievement of Boris Pilnyak. 1915-1924. Copenhagen, 1979.

Там же — под заглавием «...Но все-таки услышат голос мой...: Планы несостоявшихся сборников Анны Ахматовой» (1940-е — 1960-е гг.); вступительная статья, публикация и комментарий Н.Г.Гончаровой.

Там же — статья Л.Колодного «Черновики “Тихого Дона”» (очередное описание десяти черновых страниц рукописи).

Там же — заметка Б.Соколова «“Донская волна” в “Тихом Доне” есть».

Ответ на заметку Г.Ермолова «В “Тихом Доне” — ни капли “Донской волны”» в № 1 за 1992 г. Уточняются обстоятельства возможного знакомства М.Шолохова с некоторыми материалами журналов «Донская волна» за 1919 г. и «Донская летопись» и использования их в тексте романа.

Там же — рецензия С.Морозова «Повторение пройденного» на книгу: Смирнова Л.А. И.А.Бунин: Жизнь и творчество. М., 1991.

Там же — под заглавием «Срапионовы оды и эпиграммы Елизаветы Полонской»; предисловие, примечания и публикация М.Полонского и Б.Фрезинского.

Публикуются три «срапионовские оды», написанные к годовщинам образования группы: 1 февраля 1922, 1924 и 1926 гг. (в 1923 и 1925 гг. шевелясь прозаические «сказки», черновые варианты которых приводятся в предисловии). Среди адресатов эпиграмм — Е.Замытин, С.Есенин, А.Вольнский, А.Толстой, М.Шкапская, А. и Е. Шварцы, П.Медведев, Г.Адонц, Б.Лавренев, М.Слонимский, Ю.Тынянов, О.Форш и др. (1922-1953). Все материалы печатаются по чистовым рукописям (включая и те, которые публиковались Е.Полонской в 1920-е гг. в журналах под псевдонимом).

Там же — обзор публикаций № 1-4 журнала «Русская литература» за 1992 г. (в том числе, и по тематике «DV»).

Там же — обзор спецвыпуска нижегородской газеты «Курьер» за 25 марта 1993 г., посвященного М.Горькому (неизвестная статья из цикла «Несовременные мысли», фрагменты из переписки М.Горького и В.Ходасевича 1925 г., два неизвестных письма М.Горького Р.Роллану 1932 г.)

Вопросы философии:

В № 12 — под заглавием «Р.В.Иванов-Разумник о Петроградской Вольфиле 1921-1923 гг.» письмо Р.В.Иванова-Разумника к А.Белому от 7 декабря

1923 г. (из РГБ); предисловие, публикация и комментарий Я.В.Леонтьева.

Там же — к 100-летию со дня рождения Г.В.Флоровского под заглавием «Завещание Флоровского» фрагмент статьи Э.Блейна о философе (из сборника статей «Георгий Флоровский: Русский мыслитель и православный священнослужитель», вышедшего в США к 100-летию со дня рождения Г.Флоровского); перевод с английского Д.Ханова, предисловие редакции.

Там же — под заглавием «К.П.Победоносцев о В.В.Розанове (1893 г.)» отрывки из писем Победоносцева к С.А.Рачинскому; предисловие, публикация и примечания А.Ю.Полунова.

Там же — «“Православная мысль”. (1928-1971): Указатель содержания»; составление Е.С.Полищука.

Там же — рецензия М.К.Олерова на книгу: Вадимов А. Жизнь Бердяева: Россия. Беркли, 1993.

Воскресенье:

В № 2 — начало публикации статьи А.Нилина «Архипелаг Переделькино».

Мемуарный очерк о 1930-1940-х гг. с цитатами из «записей в старой тетради» П.Ф.Нилина (в частности, о писательском быте того времени, Б.Пильняке, А.Афиногенове, Е.Петрове, В.Катаеве, К.Треневе, И.Гронском, С.Диковском, Н.Вирте, Л.Кассиле).

Воум!:

В № 1/2 (время выхода не указано) — статья Н.Богомолова «Алексей Чичерин. (1889-1960)» и «поэма» А.Чичерина «Звонок к дворнику» (из сборника: Новые стихи. М., 1927. Сб. 2).

Всемирное слово:

В № 4/5 — подборка материалов из сборника «Родная земля» (сб. 1-2. Нью-Йорк, 1920-1921); послесловие «Родная земля в Нью-Йорке» [и примечания?] Л.Иезуитовой:

очерк Е.Чирикова «Матрос Басов» (1919); стихотворение Н.Тэффи «Русь» (1919); рассказ А.Куприна «Последний из буржуев» (1919); статья М.Ростовцева «Большевики и интеллигенция» (1919; в частности, о М.Горьком); воспоминания М.Иорданской «Эмиграция и смерть Леонида Андреева» (1918-1919); стихотворение В.Набокова «Панихида» (1919).

Там же — статья В.Набокова «Мещане и мещанство» (без указания на источник публикации и публикатора).

Там же — воспоминания А.Л.Толстой «Наш Толстовский фонд»; послесловие «Дочь, достойная отца» А.Н.

Там же — рецензия Л.Долгополова «В Неаполе говорят о русской литературе двадцатого века» на книгу: Etkind E., Nivat G., Serman I., Strada V. La Letteratura Russa del Novecento: Problemi di Poetica. Napoli, 1990.

Встреча:

В № 7 — статья О.Платонова «Чаадаевщина — три популяции малого народа».

В частности, о взглядах на русское крестьянство И.Бунина и А.Белого.

В № 11/12 — под заглавием «“Только память о мертвых поет...”»: История одного стихотворения» стихотворение С.Словеннова «Вторая встреча с Ахматовой» и предисловие Юр.К. о встречах поэта с А.Ахматовой.

Голос зарубежья:

В № 68 (март) — статья Д.Штурман «Россия в изгнании: Встреча третья» о 3-м томе воспоминаний Р.Б.Гуля «Я унес Россию».

В № 71 — «Выступление на Международной конференции по цензуре» В.Илюшенко (Москва, 27 мая 1993 г.)

Там же — статья протоиерея Д.Константинова «Миссия русской эмиграции».

Диалог. Карнавал. Хромото:

В № 2/3 — статья К.Эмерсон «Американские философы в свете изучения Бахтина: (Уильям Джеймс, Джордж Герберт Мид, Джон Дьюи и Михаил Бахтин по поводу философии поступка)».

Там же — «Стенограмма заседания Ученого совета Института мировой литературы им. А.М.Горького. Защита диссертации тов. Бахтиным на тему “Рабле в истории реализма” 15 ноября 1946 г.»; вступительная статья Н.А.Панькова «“От хода этого дела зависит все дальнейшее...”»: (Защита диссертации М.М.Бахтина как реальное событие, высокая драма и научная комедия)». В Приложении — «Тезисы к диссертационной работе М.М.Бахтина “Рабле в истории реализма”», запись беседы с В.Кирпотиным и «Из воспоминаний» Е.М.Евниной, посвященные защите диссертации М.М.Бахтиным, «Отзыв о книге М.М.Бахтина “Рабле”» Б.В.Томашевского (1944); предисловия Н.П.

Там же — статья В.Кожина «Бахтин и его читатели: Размышления и отчасти воспоминания».

Там же — «Записи лекций М.М.Бахтина из устного курса по истории русской литературы»; публикация, вступительная заметка С.Г.Бочарова, комментарий С.Г.Бочарова (к лекции о А.Блоке) и Л.Силард (к лекциям об А.Белом и Ф.Сологубе).

Наиболее полная публикация текстов лекций М.Бахтина о русской литературе XX в., читавшихся в 1920-х гг. в домашнем кружке для школьников, а затем студентов, в Витебске и Ленинграде и записанных Р.М.Миркиной (1906-1987). Лекции посвящены творчеству А.Белого, Ф.Сологуба, А.Блока, С.Есенина. Ранее опубликованы были только лекции об А.Белом и Ф.Сологубе: Studia Slavica Hungarica. 1983. [Vol.] XXIX (с комментариями Л.Силард); фрагмент о С.Есенине: День поэзии 1985. М., 1986.

Там же — воспоминания А.З.Вулиса «У Бахтина в Малевке» (встречи в 1966 г.); послесловие редакции.

Там же — рецензия «Дыалог працягваецца?..» на книгу: М.М.Бахтин: Проблемы научного наследия. Саранск, 1992. (На белорусском яз.), автор — В.Ю.Бароук.

Там же — рецензия О.Е.Осовского на книгу: Shepherd D. Beyond metafiction: Self-consciousness in Soviet literature. Oxford, 1992 (книга посвящена творчеству Л.Леонова, М.Шагинян, К.Вагинова и В.Каверина).

Там же — отчет В.В.Здольникова «Вопрос остается открытым» о конференции в РГГУ «Бахтин и перспективы гуманитарных наук» (Москва, февраль 1993 г.) Ср. отчет в № 4 «DV» за 1993 г.

В № 4 — статья Ю.Крестовой «Бахтин, слово, диалог и роман» (1967); перевод Г.Г.Косикова.

Там же — статья «Роман Е.Замятина “Мы” в зоне контакта с М.Бахтиным», автор — Н.Р.Скалон.

Там же — «Из переписки М.В.Юдиной и М.М.Бахтина. (1941-1966 гг.)»; публикация, вступительная статья и комментарий А.М.Кузнецова.

Там же — «сказка-новелла» А.И.Цветаевой «Лесной ученый», посвященная А. фон Кордигу; предисловие и публикация С.Айдиняна.

Там же — статья И.И.Канаева (М.М.Бахтин) «Современный витализм» (впервые — Человек и природа. 1926. № 1); вступительная статья А.Б.Демидова «К тайне “жизненной силы”: О статье И.И.Канаева (М.М.Бахтин) “Современный витализм”»: В Приложении — статья Н.Лосского «Современный витализм» (1922); предисловие редакции.

Там же — рецензия В.И.Каравкина «Взаимобусловленность явления и сущности в бахтинской культурфилософии» на книгу: М.М.Бахтин как философ. М., 1992.

Там же — рецензия на книгу: Философия М.М.Бахтина и этика современного мира. Саранск, 1992, автор — В.М.Бородич.

Диапазон:

В № 1 — материалы второй конференции Русско-Американского Института «Вон!: Изгнание как явление литературы XX века», прошедшей в ВГБИЛ 24-26 августа 1992 г., в частности, выступления:

Вяч. Вс. Иванов «Русская диаспора, язык и литература» (о В.Хлебникове, В.Набокове, И.Бунине, А.Белом, М.Булгакове, В.Ходасевиче, Пражском лингвистическом кружке, переписке М.Цветаевой и Б.Пастернака и др.);

Д.М.Бетеа «“Треугольное зрение” Бродского: Изгнание как палимпсест» (в частности, о И.Бродском и О.Мандельштаме);

В.Е.Александров «Спасение от эмиграции у Набокова»;

С.Давыдов «Посещение кладбища и музея» (в частности, о В.Набокове);

К.Каванах «Мандельштам и модернистское изображение Европы» (О.Мандельштам и Т.С.Элиот и Э.Паунд);

К.Эмерсон «Бахтин, периферия и вненаходимость: О ценности отчуждения от самого себя и от родного дома»;

Т.Бейер «Русский Берлин: Экспатриация? Изгнание? Эмиграция?».

Там же — рецензия «Две новые книги о М.М.Бахтине» С.Осовского на книги: Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics. Stanford, 1990; Holquist M. Dialogism: Mikhail Bakhtin and His World. London; New York, 1990.

Дружба народов:

В № 12 — под заглавием «Венок Борису Пастернаку» мемуарные заметки Г.Айги «Обыденность чужда» и рецензия Е.Рейна «Гений и красавица» на книгу: Пастернак Б. Второе рождение. Письма З.Н.Пастернак. — Пастернак З.Н. Воспоминания. М., 1993.

Евразия:

В № 2 — в рубрике «Евразийская идея»: редакционная статья «В поисках объединяющих начал»;

заметка А.Безносова «И здесь печатались евразийцы» о пражском журнале «Дни»;

статья В.Хачатурян «Евразия: Между Востоком и Западом»;

статья П.Савицкого «Два мира» (из журнала: На путях: Утверждения евразийцев. Берлин, 1922. Кн.2); статья С.Г.Лушкарева «Россия и Европа в их историческом прошлом» (из журнала: Евразийский вестник. Париж, 1927. Кн.2);

статья П.Савицкого «Степь и оседлость» (из журнала: На путях... 1922. Кн.2);

статья Н.С.Трубецкого «О туранском элементе в русской культуре» (из журнала: Евразийский вестник. 1927. Кн.2);

статья П.Бицилли «“Восток” и “Запад” в истории Старого Света» (из журнала: На путях... 1922. Кн.2).

Там же — продолжение статьи О.Чайковской «Душа “серебряного века”» (о С.Франке). Начало в № 1 за 1993 г.

Журнал Московской Патриархии:

В № 2-10 — автобиографические записки митрополита Вениамина (Федченкова; 1880-1961) «На рубеже

двух веков»; подготовка текста и примечания А.Светозарского.

В частности, о культурной и общественной жизни во врагелеском Крыму и в эмиграции. Упомянуты: Д.П.Святополк-Мирский, Л.А.Тихомиров, Е.Н.Трубецкой, А.А.Ухтомский, В.П.Рабушинский, С.Н.Булгаков, И.А.Родионов, А.В.Карташев.

В № 3 — статья И.А.Ильина «Почему мы верим в Россию?» (около 1924 г.)

В № 7 — рецензия М.Вострышева на книгу: Окунев Н. Дневник москвича. 1917-1924. Paris, 1990.

В № 11 — фрагменты из книги И.Ильина «Аксиомы религиозного опыта» (1953).

Журналист:

В № 12 — под заглавием «Еще одна легенда?..» отклик Л.Колесниковой на статью В.Скорятина «Сретенка, Мадый Головин, 12» (о портрете В.Маяковского работы Д.Бурлюка 1925 г.)

Звезда:

В № 12 — в рубрике «Антология шедевров» стихотворения К.Вагинова «Поэзия есть дар в темнице ночи струнной...» (1924), «Юноша» (1922), «Психея» (1926).

Там же — «Паскаль» (1939?), третья (минуя первую и вторую — «Лютер» и «Кальвин» соответственно) книга трилогии Д.Мережковского «Реформаторы»; предисловие редакции.

Там же — фрагмент статьи публициста, поэта-переводчика И.И.Тхоржевского «Земля и скифы» (впервые — Вестник Русского национального комитета. Париж, 1923. № 4); в качестве предисловия — статья С.Тхоржевского «Шпага за шкафом».

Там же — статья И.Ефимова «“Юноша” Хлебников и “взрослый” Платонов» (об отношении писателя к идее переустройства мира).

Там же — статья Г.Померанца «Пробуждение чувства вестника» (об общем в романе Б.Пастернака «Доктор Живаго» и книге Д.Андреева «Роза Мира»).

Златоуст:

В № 2 (начало 1993 г.) — продолжение публикации книги Н.А.Клеппина «Святой и благоверный великий князь Александр Невский» (впервые — Париж, 1928). Начало в № 1 за 1992 г.

Там же — «Письмо об иконописи» (1930) графа Вл. А.Комаровского (брат поэта Вас. А. Комаровского); вступительная заметка В.Н.Сергеева, биографическая справка А.Комаровской.

Золотое руно:

В № 1 — эссе Г.Робакидзе «Петр Чаадаев», «Маска Лермонтова», «Душа России», «О двух путях творчества», «Стержень Грузии», «Борьба классов» (в частности, в связи с работами М.Гершензона, Д.Мережковского, Н.Бердяева); перевод И.Мухранели, предисловие редакции. Источники публикации не указаны.

Иностранная литература:

В № 12 — рассказ В.Набокова «Второй режиссер» (1943); перевод с английского И.Бернштейн, послесловие Б.Носика.

Иностранные языки в школе:

В № 4 (июль-август) — отчет Е.С.Кубряковой и В.И.Юньева «Дни памяти Романа Якобсона» о научной конференции в Москве, устроенной Советом по теории языкознания РАН совместно с Институтом языкознания РАН.

Искусство:

В № 1 — под заглавием «Я могу пострадать, как Бруно» два неизвестных письма Казимира Малевича

(К.И.Шутко от 26 апреля и 28 мая 1930 г.); публикация и сопроводительный текст Е.Котенко.

Там же — статья Е.Бобринской «Автографические книги А.Е.Крученых».

Искусство кино:

В № 12 — пародия Дон-Аминадо «Фильм из русской жизни» (из его книги: *Наша маленькая жизнь*. Париж, 1927); публикация Е.Петровской.

Источник:

В № 4 — «Исчез человек и нет его, куда девался — никто не знает»: Из конфискованного дневника» Е.Н.Николаевой за 1924-1937 гг.; публикация и комментарии В.Гончарова.

Там же — под общим заглавием «А за мною шум погоня...» подборка материалов Б.Пастернака:

письмо Б.Пастернака П.С.Когану (ноябрь 1923 г.); публикация, предисловие и комментарии М.Рашковской;

записка М.Сулова в ЦК от 23 октября 1958 г. в связи с присуждением Б.Пастернаку Нобелевской премии;

Постановление Президиума ЦК «О клеветническом романе Б.Пастернака» от 23 октября 1958 г.;

факсимиле письма Б.Пастернака Н.Хрущеву от 1 ноября 1958 г.;

факсимиле письма Б.Пастернака в «Правду» от 5 ноября 1958 г.;

записка КГБ «О контактах Б.Пастернака» от 16 февраля 1959 г.;

записка КГБ о Б.Пастернаке от 20 февраля 1959 г.;

записки Генерального прокурора СССР в ЦК «О мерах в отношении Б.Пастернака» от 20 февраля 1959 г. и «О направлении копии протокола допроса Б.Пастернака» (март 1959 г.), в которую включен протокол допроса Б.Пастернака от 14 марта 1959 г.;

Указ Президиума ВС СССР «О лишении советского гражданства и удалении из пределов СССР Пастернака Б.Л.»; предисловие редакции, публикация и комментарий А.Короткова, С.Мельчина, А.Степанова.

Этой публикации документов из Архива Президента РФ «DV» намерен посвятить отдельную рецензию. Сейчас же лишь отметим, что вряд ли уместно было открывать ее письмом Б.Пастернака П.С.Когану (в защиту Н.Н.Вильмонт, исключенной из бросовского Литературно-художественного института), т.к. письмо это уже несколько лет как опубликовано в достаточно доступном издании: *Вопросы литературы*. 1990. № 2.

В № 4, 5/6 — «Вокруг меня все еще плетут черную паутину»: Письма М.А.Шолохова И.В.Сталину; публикация и примечания Ю.Мурина.

Впервые одно из писем М.Шолохова Сталину, посвященное «перигидам» в хлебозаготовках, было напечатано еще в 1922 г. в № 11/12 журнала «Родина» (приложением к которому, напомним, и является «Источник»). Настоящая публикация продолжает знакомить с материалами из Архива Президента РФ.

Из публикуемых документов, строго говоря, письмом является лишь один (от 16 февраля 1938 г.), остальное — записки и телеграммы. Основные темы — хлопоты о судьбе репрессированных партработников Вешенского района, а также критика «ардентельского» планирования сельского хозяйства в районе и работа над завершением «Тихого Дона». По упомянутому выше письму были «приняты меры» и направлена комиссия в Вешенский район. «О результатах проверки письма тов. Шолохова на имя товарища Сталина» И.Сталина и Н.Ежова информировали 23 мая 1938 г. М.Ф.Шкирятов и В.Е.Цесарский (факты «не подтвердились»); письмо публикуется здесь же. Проверке фактов по «вопросам колхозного строительства» на Дону, изложенных в несохранившемся письме Шолохова Сталину (от 11 ноября 1940 г.), посвящено и письмо Л.Берни и В.Н.Меркулова Сталину (от 20 декабря 1940 г.).

Из других «сопутствующих» материалов наиболее, пожалуй, интересно письмо В.П.Ставского (тогдашнего генерального секретаря Союза советских писателей) Сталину от 16 сентября 1937 г., содержащее отчет о встрече с Шолоховым в Вешенкой (1937) и его политических настроениях, негативный отзыв о 4-й книге «Тихого Дона»: «...» его метания, его изолированность (по его вине), его сомнения вызывают серьезное опасение, о чем я и сообщаю». К

«сопутствующим» материалам также относится донос «колхозника В.А.Благородова» (псевдоним?) в Вешенский райком ВКП(б) от 27 декабря 1937 г.

Комментарии скупы и невыразительны. (В.М.)

Киноведческие записки:

В № 17 — статья В.С.Соколова «Роман Якобсон — киноведекти».

В № 18 — статья О.Булгаковой «ЛЕФ и кино».

В частности, о В.Шкловском, В.Маяковском, О.Брике, С.Третьякове.

Коллеги (Международный медицинский журнал):

В № 1 (вышел в июле) — статья Е.И.Лихтенштейна «Отшумевшая жизнь: (Клинический этюд)» о психологических причинах самоубийства С.Есенина.

Криси:

В № 6 — статья Э.Хлысталова «Ликвидация: Кем убит Сергей Есенин» (об арестах поэта в 1920 и 1923 гг. и участии ГПУ в его убийстве).

Культурология:

В № 3 — Dolinina A. A Forgotten Name: Grigory Lozinsky's Life and Scholarly Work.

Лад:

В № 1 — статья В.Пудожгорского «С верой в слово: К 120-летию Михаила Пришвина».

Там же — две фотографии из архива В.Янусова, изображающие Кружок издательства «Знание»; вторая сопровождается редакционной заметкой «А может, все-таки Горький?» (предположительная идентификация одного из изображенных на фотографии как М.Горького).

Лехаим:

В № 11 — рассказы В.Азова (В.А.Ашкенази, 1873-1941) «Идиот» и «Опровержение»; биографическая справка Р.Соколовского.

В № 14 — рассказ А.Аграновского «Город-Магист» (из его книги: *В фургоне по местечкам*. М., 1927); биографическая справка Р.Соколовского.

В № 18/19 — в рубрике «Евреи шутят» юмористические рассказы Ю.Барского и В.Городецкого «По следам Исаака Бабеля» (по мотивам «Одесских рассказов»).

Там же — рассказ А.Аверченко «Еврейский анекдот».

Литературное обозрение:

В № 11/12 — под общим заглавием «И.С.Тургенев: 1818-1883-1993» подборка материалов к юбилею писателя; [публикация, вступительные статьи и примечания В.А.Александрова]. Печатаются, в частности:

воспоминания Е.Н.Конусович (1855-1929) «Иван Сергеевич Тургенев» и ее же «Пояснения, какие люди и места отражены в рассказах И.С.Тургенева» (после 1918 г.; из РГБ);

воспоминания Н.М.Минского «Три часа у Тургенева» (впервые — *Последние новости*. 1921. 2 января); «воспоминания и заметки» Д.А.Олсуфьева (1862-1937) «Тургенев» (На чужой стороне. Прага, 1925. Т.ХI);

статья С.В.Завадского (1870-1935) «Тургенев как человек и писатель» (*Труды V съезда русских академических организаций за границей в Софии 14-21 сентября 1930 года*. София, 1932. Ч.1);

статья П.Н.Милкокова «Русский европеец» (*Последние новости*. 1933. 3 сентября);

статьи М.Алданова «При чтении Тургенева: Несколько заметок» (*Современные записки*. 1933. № 53), «В Буживале» (*Последние новости*. 1933. 3 сентября) и рецензия на книгу: Тургенев И.С. Полное собрание художественных произведений. В 10 т. Рига, 1930 (*Современные записки*. 1931. № 46);

статья В.В.Зеньковского «Миросозерцание И.С.Тургенева: К 75-летию со дня смерти» (Новый журнал. 1958. № 52).

Там же — «Переписка А.Г.Габричевского и М.А.Кузмина: К истории создания юбилейного собрания сочинений И.В.Гете» (1929-1932); вступительная статья, публикация, примечания Т.А.Лыковой и О.В.Северцевой.

Там же — полный текст либретто М.Кузмина к комической опере «Забава дев» (1911); публикация и комментарий П.В.Дмитриева и А.Г.Тимофеева.

Москва:

В № 12 — повесть И.М.Маленна «Устинушка» (написана в 1900-е гг.); публикация и предисловие М.Петрова.

Там же — окончание публикации мемуаров Н.Плевницкой «Мой путь с песней»; публикация И.Ракши. Начало в № 11.

Московский журнал:

В № 12 — под заглавием «Сны о сыне» фрагменты записей И.С.Шмелева, посвященные сыну; публикация Ю.Кутыриной.

Там же — статья М.Артамонова «И вечно среди нас их тени дороги...»: (Поиски и находки).

В частности, о поисках могилы писателя А.К.Виноградова на Ваганьковском кладбище в Москве.

Начала:

В № 3 — «Интервью с профессором Джорджем Клайном»; «провел интервью и подготовил его к печати Л.В.Поляков».

В частности, о В.Соловьеве, С.Франке, Н.Лосском, В.Зеньковском.

Там же — под общим заглавием «Н.Ф.Федоров: Из материалов к третьему тому «Философии общего дела»» письма Н.Федорова В.А.Кожевникову 1896-1898 гг. и заметки к этому произведению; публикация и примечания А.Г.Гачевой, предисловие редакции.

Там же — «Из писем Густава Шпета к Натальи Гучковой. (Геттинген, 1912)»; предисловие Е.В.Пастернак, публикация и примечания Е.В.Пастернак и М.Г.Шторх.

Там же — «Письмо А.Ф.Лосева к Г.Г.Шпету» (1922); предисловие и публикация М.Г.Шторх.

Там же — под заглавием «А.А.Ухтомский: Материалы из архива» подборка из писем, записных книжек и дневников 1896-1941 гг.; предисловие «Живое предание» и публикация Л.В.Соколовой.

Там же — статья Н.Я.Грота «Философия как ветвь искусства» (впервые — Мысль. 1880. № 8); предисловие А.С.Атаманского «Русские люди с нерусскими фамилиями».

Там же — под заглавием «В.Ф.Эрн: Новые документы и материалы» биографические материалы философа 1884-1917 гг.; публикация и комментарий В.А.Волкова и М.В.Куликовой.

Из личного дела В.Ф.Эрн в фонде Московского университета публикуется часть стандартного для такого рода источника набора документов: метрика, бумаги об оставлении при университете, приват-доцентуре, curriculum vitae и др. (М.К.)

Там же — под заглавием «И.А.Ильин: Архивные находки» биографические материалы философа 1883-1918 гг. и два его письма П.Б.Струве 1922 г.; публикация и комментарий В.А.Волкова и М.В.Куликовой.

«Находкам» названы отнюдь не находки. Ибо вся поисковая деятельность публикаторов свелась к общению с частными собраниями или росселью, а с обычной архивной описью. Распечатывается личное дело из архива Московского университета (аттестат, командировка etc.), украшенное специфическими документами 1918-го года (Мосгорархив), и два письма И.А.Ильина к П.Б.Струве

1922 года из Пражского архива (ГА РФ). Последние дополняют весьма интересный сюжет о берлинской встрече выдающихся интеллигентов с их прежде ушедшими коллегами и по заслугам сопровождаются вполне сносным комментарием. (М.А.Колеров)

Там же — под заглавием «К биографии В.В.Зеньковского» биографическая справка, биографические материалы и указатель архивных материалов философа 1909-1930 гг.; предисловие и публикация Ю.Н.Сухарева.

В № 4 (номер «посвящается светлой памяти» священника Павла Флоренского) — «Отзыв о сочинении А.Туберовского «Воскресение Христова: Опыт православно-мистической идеологии догмата» (Сергиев Посад, 1916)» П.Флоренского; публикация игумена Андроника (А.С.Трубачева), предисловие редакции, послесловие «К истории одного диспута в Московской духовной академии» А.Т.Казаряна (в тексте послесловия — другие материалы П.Флоренского в связи с этой книгой).

Там же — «Письма Сергея Николаевича Булгакова о Павлу Флоренскому» (восемь писем 1918 г.); предисловие и публикация С.М.Половинкина.

Там же — «Переписка Николая Александровича Бердяева с о. Павлом Флоренским» (пять писем 1910-1919 гг.); публикация игумена Андроника (А.С.Трубачева) и С.Л.Кравца, подготовка текста С.Л.Кравца.

Там же — под заглавием «Миросозерцание Флоренского» отрывок из одноименной книги С.С.Хоружего (1974); предисловие автора (от 29 октября 1993 г.)

Там же — статья С.М.Половинкина «Московская духовная академия. От Февраля к Октябрю 1917 года».

В тексте приводится письмо П.Флоренского М.А.Новоселову (март 1917 г.)

Там же — статья М.Хагемейстера «Павел Флоренский и его работа «Мнимости в геометрии»»; перевод с немецкого А.Т.Казаряна.

В частности, о взаимоотношениях П.Флоренского с символистами, его деятельности в группе «Маковей», отношении к его идеям и личности А.Белого, М.Шагинян, В.Хлебникова, В.Розанова, С.Городецкого, М.Горького, М.Булгакова, Вс. Иванова, М.Пришвина, А.Лосева, М.Волошина (впервые статья напечатана на нем. яз. в качестве предисловия к репринтному переизданию книги П.Флоренского: München, 1985).

Там же — «Библиография трудов П.А.Флоренского в 1985-1991 гг.» (Материалы к библиографии); составитель М.Хагемейстер.

Наш современник:

В № 12 — статья В.Дядичева «Маяковский. Жизнь после смерти: Продолжение трагедии».

Некоторые из приводимых в статье документов уже знакомы нам по статье того же автора в № 9/10 «Литературного обозрения» за 1993 г. (интервью Л.Брик в газете «Литературный Ленинград» и записки Б.М.Тали Н.И.Ежову и Сталину, см.: DV. 1994. № 3/4. С.112). В отличие, однако, от «Литобозовской» публикации, в «Нашем современнике» сделан больший упор на роль Л.Брик в издании сочинений Маяковского после апреля 1930 г. (приводятся, в частности, тексты ее издательских договоров и заявлений о выдаче гонораров).

Предпринята попытка реконструировать контекст известного письма Л.Брик к Сталину — причем для этого привлекаются сочинение В.Скоряткина и воспоминания Л.Брик и В.Катаяна, но не первая публикация письма в сборнике «Память» (Нью-Йорк, 1978. Вып.1), ни существующая вокруг него литература (см., хотя бы, наблюдения Л.С.Флейшмана в книге «Борис Пастернак в тридцатые годы», Jerusalem, 1984). С цифрами в руках автор опровергает высказанное Л.Брик утверждение, что книги Маяковского не издаются, и объясняет причины написания ею письма к Сталину «элементарной борьбой компании Брик-Катаянов за монопольное право редактирования всех изданий поэта. Последнее утверждение иллюстрируется историей издания книги: Маяковский В. Стихи, поэма, проза. Л.; М.: Детиздат, 1938 (книга была подготовлена к изданию М.П.Левиным и Л.К.Чуковской под редакцией

Г.И.Мешкевича в 1935 г., но вышла в свет только в 1938 г., причем составителем ее выступила Л.Брик, а автором вступительной статьи О.Брик).

Наше наследие:

В № 28 (время выхода не указано) — дневник З.Гиппиус «Год войны. (1939)»; предисловие, подтовка текста и комментарий А.Морозова.

Несмотря на то, что разрозненные публикации из дневника З.Гиппиус 1900-х — 1930-х гг. появляются уже в течение семидесяти лет, большая часть его остается еще не опубликованной (значительные фрагменты находятся, в частности, в ее зарубежном архиве в Университете Южного Иллинойса, США). Дневник 1939 г. был приобретен в Париже благотворительным фондом Опенгеймеров (De Beets / Septenay) и хранится ныне в Российском международном фонде культуры. Публикуемые поденные записи велись З.Гиппиус с 10 января по 31 декабря и не подвергались авторедактуре — в отличие от фрагментов дневника 1910-х гг., которые были изданы при жизни Гиппиус. Упоминаются, в частности: Ю.Мандельштам, В.Ходасевич, В.Мамченко, Д.Кнут, Г.Адамович, Г.Иванов, Л.Червинская и, конечно, Д.Мережковский и В.Злобин.

Там же — статья М.Гершензона «Дух и душа: Биография двух слов» (из невышедшего сборника «Пальмира»; хранится в РГБ); предисловие и публикация Т.М.Макагоновой.

Новая юность:

В № 3 — пять стихотворений Н.Туровой (из его книги: Стихи. Кн. 5. Париж, 1965); вступительная заметка В.Леонидова.

Новое литературное обозрение:

В № 4 (вышел в декабре) — сценарий С.Эйзенштейна и Г.Александрова «Базар похоти» (1925); публикация, подготовка текста, примечания и послесловие «В одной знакомой улице...» Б.Филевского.

Там же — отрывки из исследования Д.Д.Жуковского (1909-19367) «Элементы слова» (начало 1930-х гг.); публикация Т.Н.Жуковской, предисловие «Поэтика Д.Д.Жуковского» С.В.Поляковой и М.Б.Мейлаха.

Там же — статья К.Постоутенко «“Золотое сечение”: Взгляд В.О.Нилендера».

Там же — «Переписка В.Я.Брюсова с Б.А.Садовским»; [публикация, подготовка текста, предисловие и комментарий] Р.Л.Щербакова.

В публикацию, подготовленную для брюсовского тома «Литнаследства» и исключенную из него «из-за недостатка места», вошло 31 письмо 1903-1915 гг. из РГАЛИ и РГБ. Переписка зафиксировала, по определению публикатора, «слизь эпизоды начала знакомства и период сравнительно поздних отношений между Брюсовым, редактором литературного отдела «Русской мысли», и Садовским, постоянным автором этого журнала». Комментарии отмечены традиционной «литнаследственной» обстоятельностью и скрупулезностью.

Там же — «Письма к К.И.Чуковскому. 1924-1931» Л.Добычина; публикация, комментарий и предисловие «Вы мой единственный читатель...» А.Петровой.

«Литературное и эпистолярное наследие Добычина велико и в связи с этим трудно переоценить значение публикуемых здесь писем, основная часть которых приходится на 1924-1926 гг., — время, решающее для писательского самоопределения Добычина <...>» (из предисловия). 40 писем публикуются по автографам из архива К.Чуковского в РГБ. В письмах — ценная информация о творческой работе Л.Добычина, издательской судьбе его произведений, многочисленные отзывы о писателях-современниках (в частности, о Ю.Тынянове, М.Зощенко, И.Бабеле, Л.Сейфуллиной).

Там же — под заглавием «О Блоке и Пушкине (Царском Селе)» письмо Р.Иванова-Разумника к В.Д.Бонч-Бруевичу от 7 декабря 1940 г.; публикация, предисловие и примечания А.В.Лаврова.

Одно из многочисленных писем Иванова-Разумника к В.Д.Бонч-Бруевичу, связанное с предполагаемым изданием книги об А.Блоке. Отдельный сюжет — плагиат известного впоследствии блоковеда В.Н.Орлова, воспользовавшегося трудами находившегося в 1933-1936 г. в ссылке

Иванова-Разумника. В предисловии подробно рассказано о литературоведческой работе Р.Иванова-Разумника в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и сотрудничестве с В.Д.Бонч-Бруевичем.

Там же — «Тысяча мелочей» В.Сажина.

В частности, отрывок из воспоминаний В.Е.Беклемишевой о Блоке, не прошедший цензуру в 1973 г.

Там же — заметки М.Безродного «Об обезьяньих словах» (у А.Ремизова) и «Об источниках книги Ремизова “Электрон”».

Там же — статья Р.Д.Тименчика «Заметки на полях именных указателей».

В связи с недостаточностью комментария в некоторых новейших изданиях (в частности: Ремизов А. Взвирренная Русь / Вступ. ст. и лит.-ист. коммент. В.А.Чалмаева. М., 1990; Ходасевич В. «Некрополь» и другие воспоминания / Коммент. Е.М.Беня. М., 1992). «Год смерти, место смерти и шире — судьба персонажа после описываемого эпизода, финал его жизненного пути являются такими же обязательными элементами текста, как содержание исчезнувшей реалии или фрагмент иноязычной речи. Биография как персоналогическая характеристика есть такое же толкование глоссы». Даются ценные дополнения к персоналогии, в частности, А.В.Цыгальского, С.М.Дионесова, А.М.Зальманова, М.Э.Палей и В.П.Палей, С.Ю.Кулаковского.

Там же — «Письмо И.А.Булгина И.В.Гессену» от 3 мая 1920 г.; предисловие С.П.

Там же — статья К.Икрамова «“Постойте, положите шляпу...”»: К вопросу о трансформации первоисточников» (в частности, о «Мастере и Маргарите» М.Булгакова).

Там же — статья М.Б.Ямпольского «Структуры зрения и телесность у Исаака Бабеля» (из готовящейся к изданию книги «Бабель / Babel», написанной в соавторстве с А.Жолковским).

Там же — статья А.К.Жолковского «Как сделан Мопассан Бабеля» (из готовящейся к изданию книги «Бабель / Babel», написанной в соавторстве с М.Б.Ямпольским).

Там же — статья Г.Фрейдина «Революция как эстетический феномен: С очками Ницше на носу и осенью в сердце русских читателей Исаака Бабеля. (1923-1932)».

Там же — под заглавием «Несколько писем из середины 30-х» переписка Д.Дос Пассоса, С.Динамова и У.Кармона 1934-1936 гг.; [публикация, подготовка текста, предисловие и комментарий] Е.Салмановой.

Публикуемые письма относятся к непродолжительному периоду активных контактов американского писателя с советской системой, когда его пьесы ставились советскими театрами, выходили книги, а в прессе шумели дискуссии о значении его творчества для литературы «социалистического реализма». Письма сохранились в архиве журнала «Интернациональная литература» в РГАЛИ, ответственным редактором которого являлся С.С.Динамов.

В насыщенном малоизвестными фактами предисловии — сведения об эволюции отношения Дос Пассоса к Советскому Союзу, подробная биографическая справка о С.С.Динамове (1901-1939), литературном критике, игравшем заметную роль в литературном процессе 1930-х гг. Не лишним, нам кажется, было бы упомянуть о значении творчества Дос Пассоса для советской литературы 1930-х гг., а также привлечь и материалы уже опубликованной переписки С.Динамова с Дж. Фрименом, см.: Флейшман Лазарь. Материалы по истории русской и советской культуры: Из Архива Гумеровского Института. Stanford, 1992 (Stanford Slavic Studies. Vol.5). (А.Г.)

Там же — статья А.Гольдштейна «Скромное обаяние социализма: (Неосентиментализм в советской литературе тридцатых годов)».

«Предмет статьи, — пишет автор, — одна недооцененная ветвь советских тридцатых. <...>. Я имею в виду определенный круг сочинений с выраженным в них нетривиальным стремлением найти непосредственный контакт не столько с тоталитарной государственностью, сколько с общественностью, с каким-то чудом сбереженными в ней целями пастиками как бы в вопле огосударственного, неполитизированного существования, общенародного я частного-жизельского». Так — несколько туманно — определяется эта категория текстов, к которым автор относит произведения Ю.Германа, В.Гроссмана, Р.Фрермана,

В.Каверина, А.Афиногенова, А.Гайдара, Е.Зозули, А.Платонова и др. Произведениями этих писателей, по наблюдению автора, свойственно «прочувствованное или энтузиастическое видение действительности как непреложно предначертанной, абсолютной и цельной», в них отражено «стремление показать особую теплоту росовых, коммунальных связей, росовой семейственности, этику низового пролетарского демократизма и честных охлократических обычаев и свычаев».

В остроумной статье А.Гольдштейна, к сожалению, не достаточно четко выявлена связь этого (условно говоря) течения в советской литературе с эволюцией общей идеологической системы в те годы. Не случайно само появление этих произведений именно в 1930-е гг. — после решительного поворота советского общества к традиционным семейным формам, внедрения критериев «народности», «простоты» и «понятности» как важнейших в литературе «социалистического реализма». Ср. также параллельные процессы в архитектуре (отказ от строительства «домов-коммун»), кино, изобразительном искусстве, музыке (расцвет советской массовой песни). (А.Ю.Галушкин)

Там же — под заглавием «Москва, 1938-й. Delirium Persecutio А.К.Виноградова» произведение А.К.Виноградова; [предисловие], публикация и комментарий С.В.Шумихина.

«Жанр этого необычного произведения (сам автор именуется «сообщением») определить затруднительно. — пишет в предисловии публикатор. — Это нечто среднее между автобиографическим очерком, воспоминаниями, газетной статьёй и следственными показаниями, плавно перетекающими в расширенный донос. «Произведение» датируется мартом 1938 г. и написано во время или сразу после завершения процесса «антисоветского правотроцкистского блока». Как говорится, «реальность и фантазия неразрывно сплетены» в этом сочинении А.Виноградова, отразившем не только болезненный бред автора, но и атмосферу общего психоза 1930-х гг.

В предисловии даются подробные биографические сведения о творческом и жизненном пути А.К.Виноградова, а комментарий (86 позиций) представляется почти образцовым.

Там же — рецензия Ф.Икшина на книгу: Вождь: Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1992 (в сборник, в частности, вошли произведения М.Горького, А.Куприна).

Там же — отчет Егора Мирного «Тамбовская конференция по авангарду» о конференции «Поэтика русского авангарда» (22-24 апреля 1993 г., Тамбов).

В частности, о докладах В.Григорьева и Е.Лебедева, посвященных В.Хлебникову, и А.Белашкина, посвященного А.Шемшурину.

Там же — отчет Ю.Орлицкого «Третьи Дягилевские чтения» (1-3 июня, Пермь). Ср. его же отчет в № 9 «DV» за 1993 г.

Новый журнал (Нью-Йорк):

В № 190/191 — очерк Е.Герцык «Мой Рим» (1915-1916); публикация Т.Н.Жуковской.

Там же — под общим заглавием «Рассказы в стихах и прозе» рассказы Б.Садовского «Конец Фауста» (1922), «Дама червей» (1925), «Первое марта» (1928), «Лео-ли» (1924), а также стихотворения «Сон» (1922), «Кровь» (1918); предисловие и публикация С.Шумихина.

Стихотворение «Сон», по сообщению публикатора, представляет собой позднейшую редакцию стихотворения «Федя Косопуз» из сборника Б.Садовского «Морозные узоры» (Пб., 1922).

Там же — под общим заглавием «Рассказы» исторические миниатюры И.Лукаша «Граф Брюс» и «Людвик в Митаве» (впервые — Возрождение. 1933. 2 июля и 12 ноября); предисловие А.Богословского.

Там же — «Мимолетное. 1915 год» В.Розанова; публикация и предисловие А.Николкокина. Продолж. в № 192/193.

Там же — продолжение мемуарных записей А.Бахраха «По памяти, по записям... II». Начало в № 189.

Воспоминания о русской эмиграции в Берлине и Париже начала 1920-х гг. Встречи с П.Потемкиным, Д.Шаховским, Б.Поплавским, М.Таловым, Ю.Одарченко, В.Смоленским,

Р.Блох, М.Горлиным, В.Варшавским, В.Булич, Х.Сутиным, И.Пуни, М.Ларионовым, Ю.Анненковым, Мане-Кацем, Р.Пикельным, П.Челищевым, Р.Фальком, О.Любичем, А.Ланским, К.Терешковичем. Аннотацию на публикацию первой части воспоминания см.: DV. № 10. С.86.

Там же — работа А.Белого «О Софии-премудрости» (около 1916-1918 гг.; хранится в РГБ); публикация и вступительная статья И.Вишневецкого.

Там же — некролог «В день кончины моей»: Памяти Валерия Перелешина; подпись: «Ариель (Е.Витковский)», сопровождаемый стихотворением В.Перелешина «Каждому из многих» (1990).

Там же — «Указатель содержания "Нового журнала" с 1 по 190/191 книгу»; составитель не указан.

В № 192/193 — рассказ Г.Чулкова «Красный жеребец» (по рукописи из ИМЛИ); предисловие М.Михайловой.

Там же — повесть А.Лосева «Метеор» (1933); подготовка текста и публикация А.Тахо-Годи.

Там же — окончание публикации «Мимолетное. 1915 год» В.Розанова. Начало в № 190/191.

Публикациям и препубликациям новонайденной книги В.Розанова «DV» предполагает посвятить отдельную статью.

Там же — статья М.Шнеерсон «"Лучший слой в нашей стране": (Заметки о Булгакове)».

Там же — публикация В.Вейдле «О тех, кого уже нет: Воспоминания, мысли о литературе»; публикация Г.Поляка.

«Это — воспоминания, или клочки воспоминаний. Но это и критика. Я ведь о пишущих пишу», — поясняет жанр своего сочинения автор. Среди героев его очерков Д.Мерзковский и З.Гиппиус, И.Бунин, А.Ремизов, И.Шмелев, Б.Зайцев, М.Алдано, Вяч. Иванов, В.Ходасевич, М.Цветаева, Г.Адамович, Г.Иванов, Н.Оцуп, Б.Поплавский, А.Штейгер, Ю.Одарченко, Ю.Мандельштам, М.Горлин и Р.Блох, И.Кнорринг и Ю.Софиев, А.Присманова и А.Гингер, В.Смоленский, Ю.Фельзен, Д.Святополк-Мирский, А.Левинсон, М.Жирмунский (двоюродный брат В.Жирмунского), Г.Лозинский, К.Мочульский, П.Бицилли, Б.Шлецер, С.Маковский, Ф.Степун, П.Муратов, Л.Карсавин, Н.Оттокар и др.

Там же — заметка А.Тахо-Годи «К столетию А.Ф.Лосева» о юбилейных мероприятиях в Москве (в частности, о конференции «А.Ф.Лосев: Философия. Филология. Культура» 18-23 октября в Москве).

Там же — эссе В.Ерофеева «Последний русский философ» об А.Ф.Лосеве.

Там же — воспоминания о Алексее Бабурина «Из общения с А.Ф.Лосевым».

Там же — статья Г.Вагнера «А.Ф.Лосев о становлении личности».

Там же — заметка М.Голубкова «"Новый журнал" вчера и сегодня» (в частности, об истории этого издания).

Там же — отчет С.Бабенышевой «Цветаева в дни столетия» о симпозиуме по творчеству М.Цветаевой 18-20 сентября 1992 г. в Амхерсте (США).

В частности, о выступлениях Т.Уитни, С.Карлинского, В.Швейцер, Е.Коркиной, И.Кудровой, К.Азадовского, Ю.Каган, Т.Венцлова, Э.Кана, М.Гаспарова, И.Андреевой, Д.Таубман, И.Бродского.

Там же — стенограмма «Из беседы, состоявшейся 16 марта 1984 года» о А.Лосеве (участвовали: П.В.Флоренский, С.М.Половинкин, Т.А.Шустова); записал С.Половинкин.

Там же — статья А.Сумеркина «"Я любила минуту жизни больше славы": (Памяти Н.Н.Берберовой)».

Там же — рецензия Е.Ясногородской на книгу: Евреи в культуре русского зарубежья: Сб. ст., публ., мемуаров и эссе. Иерусалим, 1992. Вып. 1: 1919-1939.

Там же — заметка Д.Штурман «О многопринадлежности Homo Novus» о той же книге.

Там же — рецензия В.Синкевич «Новое издание "Энциклопедического словаря русской литературы" Вольфганга Казака» на книгу: Kazack W. Lexikon der Russischen Literatur des 20. Jahrhunderts. München, 1992.

Новый журнал (С.-Петербург):

В № 3 — под общим заглавием «В сплетении рисунка и стиха» «сказка-поэма» Е.Гуро «Пир земли» (1908-1911; по рукописи из ИРЛИ) и ее рисунки; вступительная статья «Многоликая муза Елены Гуро», публикация и подготовка текста Е.Биневица.

Там же — под общим заглавием «Леонид Андреев: От Февраля к Октябрю: Из публицистики 1917-1919 гг.» две статьи Л.Н.Андреева; вступительная заметка и публикация С.Ю.Ясенского.

Републикуются: Путь красных знамен (впервые — Русская воля. 1917. 8 марта); Европа в опасности (впервые — Скорбь земли: Сб. ст. Нью-Йорк, 1920).

Там же — под общим заглавием «Дебюты Бориса Зайцева» пять ранних рассказов Б.К.Зайцева; вступительная статья и публикация Ю.М.Прозорова.

По материалам газеты «Курьер» печатаются рассказы «В дороге» (1901. 15 июля), «Земля» (1902. 20 января), «На станции» (1902. 12 мая), «Гора угрюмая» (1902. 6 октября), «Соседи» (1903. 2 марта).

Там же — под общим заглавием «...Тайный автор замечательных стихов» подборка стихотворений Вл. Гиппиуса 1890-х — 1936 гг.; вступительная статья, публикация и подготовка текста Е.Биневица.

Обширное поэтическое наследие Вл. Гиппиуса (песни: Вл. Бестужева, Вл. Нелединский, Вл. Басманов, А. Сумароков; 1876-1941) практически не освоено современными публикаторами и републикаторами. Между тем в фонде Гиппиуса в ИРЛИ сохранилось большое количество стихотворений до и послереволюционного времени (вплоть до 1940 г.), проза, воспоминания «Судьба, или Сорок восемь лет...» (1930-1932). В настоящую подборку включены стихотворения 1890-х — 1936 гг., некоторые из которых публикуются впервые, в том числе — и на смерть С.М.Кирова: «Эти толпы вокруг трупа безбожника, / Потому что праведен был, / Революцию допыла пил!» (от 1 декабря 1934 г.)

Новый мир:

В № 12 — окончание мемуаров Э.Герпштейн «Лишняя любовь: Сцены из московской жизни». Начало в № 11.

Время и место действия: Москва, вторая половина 1930-х — 1940-е гг. Главным героем — Лев Гумилев. Вокруг него и рядом: А.Ахматова, Н.Харджиев, О.Мандельштам, Н.Пунин, С.Клычков, Б.Кузин, Б.Пастернак, Л.Сейфуллина, Б.Пильняк, Б.Эйхенбаум, В.Гаршин, П.Карпов, В.Ардон и др. Страх, хлопоты об арестованных, слухи, стихи... И на всем — тень Сталина. Все так хорошо, кажется, знакомо по книгам Н.Я.Мандельштам и Л.К.Чуковской (с которыми Э.Г.Герпштейн невольно или прямо полемизирует) — и все равно незнакомо.

Тридцатые годы не излоблены мемуаристами. И лучше, пожалуй, из того, что написано об этом времени, — книги Мандельштам, Чуковской, записки Л.Я.Гинзбург.

Э.Г.Герпштейн сообщает, что публикуемые воспоминания представляют собой отрывки из обширной мемуарной книги, с отдельными фрагментами которой читатель уже знакомился раньше (книга «Новое о Мандельштаме», ряд публикаций об А.Ахматовой и др.) Но уже в этих публикациях, нам кажется, достаточно, чтобы прибавить к приведенному выше недлинному списку и автора «Лишней любви» (Г.Б.)

Там же — письмо Д.Сарабьянова «Памятники культуры — с нами рядом» о книжной серии «Памятники культуры: Новые открытия».

Ной:

В № 7 — статья Б.Пастернака «Друзьям на Востоке и Западе новогоднее пожелание» (печатается по: Пастернак Б. Собр. соч. В 5 т. М., 1991. Т.4); послесловие Е.Пастернака.

Окно:

В № 1 (февраль) — статья А.Головковой «Чердачный дворец Марины Цветаевой» (о доме М.Цветаевой в Борисоглебском пер. в Москве).

Там же — статья Е.Рейна «Улов времени» о М.Цветаевой.

Октябрь:

В № 12 — окончание романа М.Алданава «Начало конца»; послесловие А.Чернышева. Начало в № 7, 8, 11.

Там же — статья В.Линеского «За что все-таки казнили Цинцинната Ц?» (о романах В.Набокова «Приглашение на казнь» и «Прозрачные вещи»).

Памятники Отечества:

В № 26/27 за 1992 г. (вышел в 1993 г.) — под общим заглавием «Предвечный свет» фрагменты из сочинений Е.Трубецкого (1918) и Н.Пуннина (1915) о русской иконе.

Там же — статья П.Флоренского «Троице-Сергиевская лавра и Россия».

Там же — под общим заглавием «Одна у нас Русь» отрывки из работ П.Муратова (1907) и С.Маковского (1909) о М.В.Нестерове; подготовлено В.Ольшеским.

Там же — под общим заглавием «Мыслители о русской церкви, русской религиозности» фрагменты из сочинений В.Соловьева, В.Розанова, Е.Трубецкого, С.Булгакова, Л.Карсакина, С.Франка, Г.Федотова, Н.Бердяева, Н.Лосского, И.Ильина и др.

Там же — статья Н.Павлович «Оптина пустынь: Почему туда ездили великие?» и ее стихотворение «Вода у твоего колодца...» (не датированы); послесловие редакции.

В № 28 за 1992 г. (вышел в 1993 г.) — под заглавием «Милая Елисафет» фрагменты очерка Н.Н.Врангеля «Императрица Елизавета и искусство ее времени» (из журнала «Аполлон», 1912, № 7, что в публикации не обозначено).

Там же — статья Т.Комаровой «Ангел Ясной Поляны» о С.А.Толстой.

Там же — статья Н.Данилевич «Жизнь и дело Марины Тенишевой».

Там же — под общим заглавием «Предвидение» отрывки из писем А.С.Эфрон В.Н.Орлову (1961, 1974), В.Ф.Булгакову (1960), из рукописи «Страницы воспоминаний» и др. (в частности, о М.Цветаевой, И.Бунине); публикация Р.Вальбе.

Там же — письма В.Соловьева Е.В.Романовой (Селевиной) от 11 июля и 2 августа 1873 г.

В № 29 — под заглавием «Неуемный» отрывки из книги С.К.Маковского «Портреты современников» (Нью-Йорк, 1955), посвященные С.П.Дягилеву.

Там же — очерк Н.Думовой «Вечера на Новинском» (о журнале «Золотое руно»).

Там же — очерк А.Амфитеатрова «Честь служить людям» о Н.А.Алексееве (в сокращении из его книги «Недавние люди»).

Там же — извлечения из подготовленного Н.Полуниной и А.Фроловым биографического словаря «Русские коллекционеры».

В частности, об А.П. и А.А.Бахрушинных, Д.Г.Бурылине, А.В. М.А. и И.А.Морозовых, И.С.Остроухове, С.Д.Шереметеве, П.И. и С.И.Шукинных.

В № 30 — фрагменты очерка П.С.Шереметева (1871-1943) «Зимняя поездка в Белозерский край в 1900 году».

Там же — очерк Г.В.Вздорнова «Летописец Феропонтова» о жизни писателя-краеведа И.И.Бриллиантова (1870-1931).

Там же — под заглавием «Через горнило большевизма» письма И.Бриллиантова к А.И.Бриллиантову 1919-1929 гг. (из РНБ); предисловие «Летописец Феропонтова "Иван Иванович Бриллиантов"» М.Шаромазова.

Петербургский театральный журнал:

В № 2 — воспоминания Е.Калмановского «Прощание: (Григорий Александрович Гукровский)».

Подъем:

В № 11/12 — окончание романа Н.Зарудина «Тридцать ночей на винограднике»; предисловие редакции. Начало в № 10.

Там же — статья Н.Майбороды «Защитник народа».

Автор выступает против очернения «Поднятой целины» в современной критике: «Делая знак равенства между содержанием романа и самой позицией писателя, авторы фактически выискивают возможность еще раз добавить ложку дегтя в его великое творческое наследие». В качестве доказательства цитируются некоторые (уже опубликованные) документы, свидетельствующие об истинном отношении М.Шолохова к коллективизации: письма и отрывки из писем Шолохова к Е.Г.Левинской (1929, 1933), А.М.Горькому (1931), И.В.Сталину (1932-1933), а также ответное письмо Сталина Шолохову (1933). Приводятся и сведения о работе комиссии, направленной для проверки сообщенных Шолоховым фактов (сам Шолохов принимал участие в ее работе); по результатам этой проверки 4 июля 1933 г. Политбюро ЦК приняло постановление о «переходах» в проведении коллективизации в Вешенском районе.

На основании этих документов автор утверждает: «М.А.Шолохов никогда не сидел сложа руки, видя насилие, клевету, обман. С этими пороками он боролся нещадно, невзирая ни на какие авторитеты, не боясь врагов». (А.Г.)

Там же — под заглавием «Запретные баллады» подборка стихотворений В.Брюсова; предисловие и публикация В.Молодякова.

В подборку включены баллады, исключенные цензурой из посмертных изданий В.Брюсова и представляющие эротическую лирику поэта: «Рабыни», «Мессалина», «Призыв», «Адам», «Сумрак» и «Мальчик». Произведения печатаются по сборнику «Urbi et orbis» (1913) и 3-му тому Полного собрания сочинений и переводов (1914). Два стихотворения публикатором уже перепечатывались: «Мессалина» (Литературная Армения, 1991. № 6) и «Призыв» (Волга, 1991. № 12). Ср. сходную подборку в «Просторе» (см. ниже).

Православная беседа:

В № 1 (январь-февраль) — под общим заглавием «Бессильно зло, мы вечны, — с нами Бог!» стихотворения В.Соловьева «Хвалы и моления Пресвятой Девы», «Имману-эль» и «Ночь на Рождество»; предисловие редакции.

В № 2 (март-апрель) — статья В.Шохина «Демократия от богословия, или Новое учение о Софии».

В частности, о В.Соловьеве, П.Флоренском, С.Булгакове, Е.Трубецком.

Там же — под заглавием «Благовещенье» отрывок из романа И.Шмелева «Лето Господне».

В № 3 (май-июнь) — рассказ В.Никифорова-Волгина «Молнии слов светозарных» (1930).

Преображение:

В № 1 — статья В.Микушевича «Лебединая песня новой души: Теодица Марины Цветаевой».

Там же — рассказы А.Мирз «Саламина», «Любовь», «Лиен» и «Ночка»; вступительная статья «Я женщина с головы до ног...»: Творческий путь писательницы А.Мирз» М.Михайловой.

Имя А.Мирз (А.М.Моисеева; 1874-1913) нередко встречается в статьях и воспоминаниях современников (Блок, Брюсов, Г.Чулков). Однако до выхода в свет первого номера «русского феминистического журнала» более или менее связанного изложения ее биографии не было. В свойственном автору предисловии свободном жанре «литературоведческой прозы» изложены основные факты жизненного и творческого пути А.Мирз, приведены (без дат и часто даже без указания адресата — законы жанра!) ее письма Н.Г. и Г.И.Чулковым из РГАЛИ и РГБ. Источники публикаций рассказов не указаны.

Простор:

В № 12 — «Книга о моей дочери» Н.Н.Кнорринга, сопровождаемая стихотворением И.Кнорринг «Ты мечтаешь: “Вот вернусь домой...”» (1930); предисловие редакции.

Полумемуарная книга отца поэтессы Ирины Кнорринг (1906-1943) написана в Алма-Ате в 1959 г. Подробно повествуется о детстве, ранних поэтических опытах, странствиях во время Гражданской войны (Украина, Кавказ, Крым) и эмиграции (Африка, Париж). Менее подробно рассказано о литературных контактах И.Кнорринг: К.Бальмонт (приведены отзывы о ее стихах и письмо), А.Левинсон, Г.Адамович и, конечно, Ю.Бек-Софияс. В тексте цитируются дневники поэтессы и ее стихотворения (начиная с 8-летнего возраста). Портрет впечатлений многочисленных опечатки, напр.: «парижская (вместо “пращская”) “Воля России”», «Гайк Адовц» (вместо “Адонц») и т.п.

Там же — под заглавием «Молодой Брюсов: Портрет без ретуши» подборка произведений поэта 1895-1901 гг.; вступительная заметка, публикация и примечания В.Э.Молодякова.

Трудными неумолимого публикатора продолжается распечатка «неизвестных» страниц стихотворного наследия поэта (см. подборки Брюсова «геополитического», «детского», «антибольшевистского», «эротического» и др.: Литературная Армения, 1991. № 6; Волга, 1991. № 12; Наш современник, 1993. № 3; Детская литература, 1993. № 5; De Visu, 1993. № 4; Подъем, 1993. № 11/12). Настоящая подборка (как и проанотированная выше в «Подъеме») представляет Брюсова «эротического». Впервые по рукописям из РГБ публикуются рассказы «Голубые глаза и черные волосы» (1896) и «С Божьей помощью» (1899); публикатор сообщает, что в полном виде цикл ранних брюсовских рассказов появится в одном из выпусков «Записок Рукописного Отдела РГБ». Далее воспроизводятся стихотворения «Утро, раннее утро. Прохлада...» (1895), «Да! Жестоки и строги укоры...» (1895), «Фантом» (1894), «Pro domo sua» (1894), «Осужденная жрица» (1894), «Я помню взор твой, смутно-длительный...» (1900), «Я узнал безобразие радости...» (1900), «В ночном безподии» (1901), «Женщина» (1901). За редкими исключениями (сборник «Избранные стихи», М.; Л., 1933), эти стихи, не допущенные советской цензурой в посмертные издания поэта, воспроизводятся по Полному собранию сочинений и переводов В.Брюсова в 3 томах (СПб., 1913-1914). (Н.А.)

Там же — эссе А.Копелиовича «Се, человек (так! — DV): Элегия памяти Макса Волошина».

Путь:

В № 4 — литературоведческая работа А.К.Горского (1886-1943) «Огромный очерк» (1924); предисловие и примечания А.Гачевой.

Там же — письма историка А.И.Неусыхина (1898-1969) к Е.Е.Слуцкому, А.И.Рубину и Е.А.Неусыхину 1942-1948 гг. (в частности, о русской литературе XX в.); публикация, предисловие и примечания Л.Т.Мильской.

Родина:

В № 12 — под заглавием «...О семи из тысячи пошечных»: Переписка Леонида Андреева и Германа Бернштейна; публикация, перевод, вступительная статья и примечания В.А.Александрова.

Г.Д.Бернштейн (1876-1935) — американский писатель, журналист, переводчик и дипломат. Его переписка с Л.Андреевым относится к 1908-1919 гг. и посвящена, в основном, вопросам зарубежных изданий и переводов произведений писателя. Материалы печатаются по фондам Yivo Institute Jewish Research и РГАЛИ.

Рукопись:

В № 2 — эссе О.Ревзиной «Впечатление от Парижа» (в частности, о М.Цветаевой).

Там же — статья М.Ермолаевой «“Три разговора” Владимира Соловьева с точки зрения риторики».

Русская виза:

В № 2 — статья Б.Сарнова «Страна Гайдария» (в частности, об А.Гайдаре).

Там же — подборка стихотворений К.Вагинова 1921-1930-х гг.; предисловие В.Широкова «Неизвестный поэт».

Русская литература:

В № 1 — статья В.А.Туниманова «Что там — дальше? (Достоевский и Замятин)».

Там же — статья А.И.Павловского «...Сигналы людям будущего»: (О дневнике М.Пришвина 1930 года)».

Там же — под заглавием «Слово о полку Игореве» XI-я глава первого тома книги Г.П.Федотова «Русское религиозное сознание» (The Russian Religions Mind. Harvard College, 1946, 1960, Vol. 1, 2); вступительная статья, перевод и примечания С.С.Бычкова.

Там же — статья Л.П.Карсавина «Русская идея» (первые в журнале: Der Gral. Равенсбург, 1925. № 8); вступительная статья, перевод и примечания А.А.Ермичева.

Там же — статья В.А.Кошелева «Гумилев и "северянщина": Две "маски"».

Краткий очерк личных и творческих взаимоотношений поэтов, основанный почти исключительно на материалах книги Н.Гумилева «Письма о русской поэзии» (М., 1990), подготовленной Р.Д.Тимеичиком. Выдвигается тезис о сходстве «поэтических масок» Гумилева и Северянина в начале их творческого пути.

Там же — продолжение публикации «Переписка Л.И.Шестова с А.М.Ремизовым» (8 писем за 1921-1922 гг.); вступительная статья и примечания И.Ф.Даниловой и А.А.Данилевского. Начало в № 2, 3, 4 за 1992 г.

Там же — статья С.А.Батото «Об одном неосуществленном издательском замысле: (Письма П.А.Сорокина к П.Витязеву)».

Публикуется семь писем 1921-1922 гг. (из РГАЛИ), связанных с несостоявшимся изданием книги П.Сорокина «Голод как фактор» в издательстве «Колос».

Там же — «Воспоминания Вадима Морковина»; публикация Д.В.Базановой.

Мемуары писателя и литературоведа В.В.Морковина (1903-1973) написаны в конце 1960-х гг. в Праге и были представлены редакции покойным А.Д.Алексеевым. Посвящены в основном литературной жизни «русской Праги» (журнал «Воля России» и литературное объединение «Скит», существовавшее в Праге в 1922-1939 гг., руководитель А.Л.Бем), а также Парижа 1920-х — 1945 гг. Упоминаются: А.С.Штейгер, А.В.Эйсер, М.Л.Слоним, В.М.Лебедев, А.С.Головина, В.Г.Федоров, Н.Е.Андреев, Г.Д.Холов, Т.Д.Ратгауз, Е.С.Гессен, В.Ф.Масветов, Э.К.Чегринцева, К.В.Набоков, Д.В.Михайлова, А.Л.Бем, А.П.Ладинский, В.В.Набоков, В.А.Андреев, А.М.Ремизов, Г.В.Адамович, В.Ф.Ходасевич, Г.В.Иванов, И.В.Одоевцева, З.Н.Гиппиус, Р.Б.Гуль, Л.Д.Червинская, Е.Н.Чириков, М.И.Цветаева, Вас. И.Немирович-Данченко, В.Ф.Булгаков, А.С.Присманова, А.С.Гингер. Краткие фрагменты посвящены приездам в Прагу Ю.Н.Либединского и В.В.Маяковского.

Насыщенные именами и событиями 40-страничные воспоминания снабжены 3-х страничным комментарием. Многочисленные неточности и ошибки не прокомментированы — также, впрочем, как и многие упомянутые лица.

Там же — заметка В.Глоцера «Об одной букве у Даниила Хармса».

По поводу укоренившейся текстологической ошибки в публикациях хармсовских «Анекдотов из жизни Пушкина». По мнению автора, название этого цикла следует воспроизводить, буквально следуя специфике хармсовской — сознательно ненормативной — орфографии: «Анекдоты из жизни Пушкина».

Там же — отчет В.Ю.Вьюгина «Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Марины Цветаевой» (ИРЛИ, 28 сентября 1992 г.)

Там же — отчет М.Г.Соколянского «Четвертые Алексеевские чтения в Одессе» (1-2 октября 1992 г.)

В частности, о докладах С.Ильева (о К.Бальмонте), А.Анемона (о Д.Хармсе) и Н.Петровой (о В.Маяковском и О.Мандельштаме).

В № 2 — статья М.Сендерович «Антон Чехов: Драма имени».

Там же — статья Ю.А.Измурдова «Горький и Клычков».

Основываясь на немногочисленных и большей частью опубликованных материалах (едва ли не единственное исключение — цитата из письма Горького Клычкову 1925 г. из московского Архива А.М.Горького), автор пытается восстановить историю личных и творческих взаимоотношений писателей в 1908-1930-х гг. Отношение Горького к русскому крестьянству хорошо известно. Известны и негативные отзывы Горького о «новокрестьянской» литературе в целом и о Клычкове в частности. И автору, несмотря на искреннее стремление сгладить и откорректировать их, приходится так констатировать: «Бесспорно: двояко относился к Клычкову Горький. Не без похвалы, но чаще всетаки критиковал, однако, совсем по-иному, отнюдь не так, как это делал Бухарин, который в своих заметках ["Злые заметки"] унизили прямо-таки до начального разности <...>». По поводу же упрямого горьковского определения Клычкова как человека «по ту сторону баррикады» приходится давать более пространное объяснение, поправляя и одергивая самого Горького (!): «Действительно, выражение очень резкое и политически однозначное. Тут, конечно же, Горький был не прав. Они оба [т.е. Горький и Клычков] находились по одну сторону баррикады, делали одно очень большое и важное дело — создавали советскую литературу, — вот лишь исходные позиции их не всегда совпадали».

Там же — статья В.М.Марковича «О лермонтовских реминисценциях в поэзии О.Мандельштама».

Там же — «Письма К.Д.Бальмонта к Н.М.Минскому» (пять писем за 1893-1901 гг.); публикация П.В.Куприяновского и Н.А.Молчановой.

Там же — под заглавием «"Неосуществленный замысел" Вяч. Иванова» статья В.Иванова о Е.В.Аничкове, вошедшая в «Новый энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона» в урезанном виде; публикация М.Д.Эльзона.

Там же — статья Л.Ю.Коноваловой «Анкеты Дома Литераторов в Петрограде».

Краткий очерк деятельности петроградского Дома литераторов, сопровождающий публикацию ответов на анкету Е.Замятина, М.Слонимского, К.Федина, О.Форш, Н.Тихонова, М.Шагиняна (из фондов Государственного музея К.А.Федина в Саратове).

Там же — статья А.Платонова «О первой социалистической трагедии»; предисловие, публикация и комментарий В.В.Перхина.

Статья, предположительно датированная концом 1934 г., написана, по мнению публикатора, в связи с Первым съездом Союза советских писателей и представляет собой «попытку вмешаться в споры о гуманизме, утвердить в сознании современников собственное его [Платонова] понимание и в связи с ним рассмотреть вопрос об отношении человека к природе и роль художника в современном обществе». Посланный Платоновым Горькому, статья была отвергнута последним для публикации. В архиве А.С.Шербакова (РЦХИДНИ) сохранился второй ее экземпляр, который и воспроизводится в настоящей публикации.

Сущность «современной исторической трагедии» Платонов усматривает в противоречии между техникой и природой: «Сам человек меняется медленнее, чем он меняет мир». «Несовершенный человек» в этой ситуации представляет реальную опасность, которую могут предотвратить только «инженеры человеческих душ»: «Они должны предупредить опасность опережения человеческой души техникой. Уже сейчас человек не на высоте исторического». Даже из приведенных цитат можно составить представление о двоякости (если не сказать «амбивалентности») платоновского текста. Поэтому трудно согласиться с однозначной оценкой его В.Перхиным: «...» можно утверждать, что своей статьей Платонов попытался вернуть в сознание русского общества середины 1930-х годов гуманизм Григорьева, Достоевского и Толстого и "разгромленный" в самом начале тридцатых "перевальский" гуманизм».

Ранее обширные цитаты по экземпляру из Архива А.М.Горького ИМЛИ РАН были приведены в статье Л.Аннинского «Откровенное и сокровенное» (Литературное обозрение. 1989. № 9). Опубликованная позднее Н.В.Корниенко платоновская статья «О социалистической трагедии» (Новый мир. 1991. № 1) расценивается публикатором как первый вариант статьи «О первой социалистической трагедии».

Там же — под заглавием «Из писем О.С.Бокшанской к М.А.Булгакову, Л.Е.Булгаковой-Белозерской и Е.С.Булгаковой (1930-1938)»; публикация В.В.Бузник.

Публикуются восемь писем и телеграмм О.С.Бокшанской (1891-1948) — родной сестры Е.С.Булгаковой, бывшей личным секретарем В.И.Немировича-Данченко. Основные темы, конечно, связаны с театральными делами Булгакова. Комментарий не перегружен фактическими сведениями (к их числу относятся и годы жизни упомянутых в письмах лиц — в частности, Станиславского, Хмелева и др.)

Там же — под заглавием «О Марсневых ранах: Портрет Бенедикт Лившиц» протокол допроса Б.Лившица в НКВД 11 января 1938 г.; публикация Е.В.Лукина.

Редакция «Русской литературы» пошла на определенный нравственный риск, напечатав «ключевой» протокол допроса Б.Лившица, на основании которого репрессиям впоследствии была подвергнута целая группа ленинградских писателей. Нельзя не согласиться с мнением профессиональных историков, что введение в оборот такого рода материалов должна предшествовать определенной программе работы. Работа историков и публикаторов идет пока параллельно, и неизвестно пока, в какой точке и когда они пересекутся.

Мы воздержимся от всяких оценок этого поразительного документа и приведем лишь несколько цитат, дающих представление не столько о реальном положении дел, сколько о планах и критериях организаторов «дел» на ленинградских писателей: «Основной задачей нашей троцкистско-правой организации и тех антисоветских групп, которые существовали раньше среди ленинградских писателей, было воспитание в контрреволюционном духе писателей, особенно молодежи, отрыв их от коммунистического влияния. Это должно было привести к тому, что эта часть писателей, которая подпала бы под наше контрреволюционное влияние, не могла создать подлинных советских произведений, мобилизуемых и зовущих народ на борьбу за коммунизм. Мы активизировали формализм в поэзии. Опираясь на бухаринский доклад, работа советских поэтов вредительски ориентируется на творчество Пастернака как на вершину советской поэзии. <...> Наряду с этим нами было отодвинуто на задний план творчество Маяковского как якобы технически несовершенное и устарелое».

В показаниях Б.Лившица фигурировали: О.Э.Мандельштам, Н.Н.Никитин, А.А.Ахматова, К.А.Федин, Ю.А.Юрков, М.А.Кузмин, М.Э.Козаков, Н.К.Чуковский, Е.М.Тагер, С.Д.Спаский, В.О.Стеняч, В.М.Жирновский, Ю.Г.Оксаман, Б.М.Эйхенбаум, П.К.Губер, Л.И.Эренбург-Козинцева, Н.С.Тихонов, Д.И.Выгодский, Н.А.Заболоцкий, Б.П.Корнилов, Н.Л.Степанов, А.П.Крайский, Т.Табидзе, а также менее известные литераторы: Беспамятов (Н.В.?), И.А.Лыхачев (1902-1970), Г.О.Куклин (1903-1939), Ю.С.Берзин (1904-1947), А.И.Моргулис (1898-1938), А.А.Франковский (1888-1942), С.М.Дагаев (1910-1938), М.Г.Майзель (1899-1937), А.Е.Горелов (род. 1904), П.А.Калитин (1908-1938), И.Т.Дмитроченко (1904-1941), Н.И.Мамин (1906-1968).

Там же — заметка Г.М.Фридендера «Об эпилоге поэмы Блока «Двенадцать»».

Там же — заметка В.Э.Молодякова «Источники двух эпиграмм».

В частности, об эпиграмме неизвестного автора на Н.Гумилева «Стоял Гумилев пред креолкой простой...»

Там же — заметка Г.Д.Зленко «О времени публикации некоторых произведений И.С.Соколова-Микитова».

Заметка написана в связи с републикацией А.С.Жэховым в № 2 «Русской литературы» за 1992 г. очерков И.Соколова-Микитова «На своей воле: Из жизни красной деревни» (из берлинской газеты «Руль» 1921 г.) Автор уточняет первопубликацию этих произведений, состоявшаяся в 1919 г. в одесской газете «Южное слово», а также попутно сообщает ценные биографические сведения о пребывании писателя в Одессе, его знакомстве с И.Бунным, а также дает подробную справку о самой газете «Южное слово» (позднее — «Родное слово») и круге ее авторов.

Там же — рецензия В.Н.Запелова «Опыт биографии Ф.Д.Крюкова» на книгу: Астапенко М. Его называли автором «Тихого Дона». Ростов-на-Дону, 1991.

Там же — отчет А.Харитоновой «Андрей Платонов в контексте своей эпохи: (Материалы IV Платоновского семинара)» о заседании 28 октября 1992 г.

В тексте отчета публикуются тезисы докладов: Кориненко Н.В. Литературный контекст 30-х годов и поиски Платонова в 30-е годы; Вьюгин В.Ю. Андрей Платонов и анархизм; Харитонов А.А. Троицкий и троцкизм в повести А.Платонова «Котлована»; Вахтова Т.М. Фольклорные особенности произведений А.Платонова 20-х годов; Колесникова Е.М. Религиозное сознание и творчество Андрея

Платонова; Никонова Т.А. Андрей Платонов в литературе конца 20-х годов, а также краткие аннотации выступлений В.В.Агеевского, А.А.Газизова, Л.П.Егоровой, С.С.Сыч, В.А.Колотаева.

Русская мысль:

В № 1/2 — под заглавием «Павел Флоренский: Штрихи творческой жизни» главы из книги Л.Г.Антипенко и М.Хагемейстера «В духовном мире Павла Флоренского»; биографическое предисловие «Павел Александрович Флоренский» от редакции.

Там же — статья Е.Одинцова «Его Мария».

О М.А.Платоновой, вдове Андрея Платонова. Включены ее устные воспоминания о муже, а также о М.Булгакове и М.Шолохове.

В № 3/12 — статья Н.А.Клюева (?) «Самоцветная кровь». Дата и место написания: «Земля русская, 1919-1993».

Русский разезд:

В № 1 — работа А.В.Крусанова «Дороги и тропы литературного авангарда: Эго-футуризм. (1911-1922 гг.)».

В сравнении с кубо-футуризмом русский эго-футуризм привлекает несравненно меньше внимание исследователей. Статья А.В.Крусанова является первым, насколько нам известно, опытом более или менее связного изложения истории этого литературного направления. На почти 40 страницах собраны и проанализированы сведения, относящиеся к жизни и творчеству Игоря Северянина, К.М.Фофанова (=К.Олимпова), П.М.Фофанова, Г.Иванова, Грааль-Арьельского (С.С.Петров), П.Кокорина, П.Широкова, И.Лукаша, И.Казанского (И.В.Игнатьев), Д.Крючкова, В.Гнедова, В.Шершеневича, Р.Иванова, В.Хованна и др.

Работа построена исключительно на опубликованных материалах, некоторые из которых, впрочем, вполне редки: футуристические сборники 1910-х гг., публикации газеты «Нижегородец» (автором которой в то время активно выступал И.Казанский) и «Дачинца» (ставшей летом 1912 г. своеобразным рупором эго-футуризма и печатавшей произведения И.Северянина, К.Олимпова, Грааль-Арьельского, Д.Крючкова, П.Широкова, П.Кокорина и др.) Привлечены критические отзывы об эго-футуристических сборниках и отчеты об их выступлениях из журналов «Русская мысль» и «Паук», газет «Вечернее время», «Раннее утро», «Волгарь», «Искры», «Земщина», «Биржевые ведомости», «Колокол», «Воскресная вечерняя газета», «Колокол», «Дни», «Елисаветградские новости», «Голос Москвы», «Речь», «Русское слово» и мн. др. Особо отметим два интервью Игоря Северянина и В.Хованна, данные ими газетам «Одесские новости» и «Одесский листок» во время гастролей в феврале 1914 г. и почти исключительно посвященные различиям кубо-футуризма и эго-футуризма.

Архивные материалы, конечно, могли бы подтвердить или опровергнуть некоторые гипотезы и предположения автора. Заметно также отсутствие знакомства с позднейшей мемуарной литературой (в частности, эмигрантской) и работами западных славистов (в частности, не упоминается вышедшее в 1992 г. издание В. Собрание стихотворений / Под ред. Н.Харджиева и М.Маршалди; Вступ. ст., подгот. текста и коммент. С.Синга. Trento, 1992). Трудно представить, но автор «забыл» сослаться и на хрестоматийную работу В.Ф.Маркова «Русский футуризм: История» (1968), отдельная глава которой посвящена истории эго-футуризма. (А.Г.)

Русский язык за рубежом:

В № 1 — статья В.С.Елистратова «Образное сочетание слов в прозе Андрея Платонова».

Там же — статья В.Д.Серафимовой «Тема любви в этике и эстетике Андрея Платонова».

Там же — четыре стихотворения С.Есенина в переводе на французский Ж.М.Эрве.

Там же — отчет Н.М.Каухчишвили о конференции к 70-летию Ю.М.Лотмана в Кильском университете (Великобритания) 2-6 июля 1992 г.

В № 5/6 — статья З.Пехала «Эмигрант как «чужой человек»».

Тема «чужой человек» в «чужом мире» в литературе русской эмиграции (в частности, в творчестве В.Набокова).

Там же — статья П.Кислинг «Литературная концепция М.Зощенко».

Там же — статья К.Кедрова «Коктебельская крепость Волощина» о Первом Всемирном конгрессе по русской литературе в Коктебеле. См. подробное отчет в № 9 «DV» за 1993 г.

Там же — отчет Е.А.Яблокова «I Всемирный конгресс по русской литературе в Крыму» (с перечислением прочитанных докладов).

Там же — отчет В.В.Филиппова о конференции «Русская литература в контексте развития мировой литературы» в МГУ. Ср. отчет в № 8 «DV» за 1993 г.

Русское богатство:

В № 3 — статья Ю.Борева «Эстетика Троцкого и сталинская культурная политика» (впервые — Троцкий Л. Литература и революция. [3-е изд.]. М., 1991).

Русское возрождение:

В № 60/61 — статья В.Зеньковского «Об участии Бога в жизни мира» (впервые — Православная мысль. Париж, 1948. Вып. VI).

Там же — статья Ю.И.Сохрякова «Иван Александрович Ильин как религиозный мыслитель и литературный критик».

В частности, об оценках творчества И.Бунина, Д.Мережковского, А.Ремизова, И.Шмелева.

Там же — статья Н.С.Арсеньева «О русской эмиграции (с 1920 по 1971 г.) и о духовном ее служении».

Там же — рецензия О.Ильинского на книгу: Ильин И. О грядущей России. Джорданвилл, 1991.

Санкт-Петербургская панорама:

В № 2 — статья Е.Серебровской «Пасынок на родине тогдашней...»: Последние годы жизни Б.Корнилова».

В № 3 — статья Т.Соловьевой «Здесь начинался Мережковский» (о доме № 36 по наб. Кутузова в С.-Петербурге).

В № 4 — рассказ А.Амфитеатрова «Красное ячико» (из его книги: Старое в новом. Пг., 1914).

В № 5 — под заглавием «М.Горький: "Русская литература живет..."» предисловие М.Горького к сборнику «Серапионовы братья»; вступление и публикация В.В.Перхина.

Еще несколько лет назад публикация этого текста о полу-признанной / полу-запрещенной литературной группе стала бы заметным событием в литературоведении. Теперь, запятанная в краеведческий (по сути) журнал, она прошла практически незамеченной. Предисловие Горького, датированное 10 июля 1921 г., сохранилось в домашнем архиве Н.К.Фединой и ранее не публиковалось. Написано оно в период наибольшей, пожалуй, близости Горького и «Серапионовых братьев». В конце 1921 г. Горький уехал за границу, а почти погоды до того он так оценивал творчество членов группы: «В тягчайших условиях русской революции сложились и вырос кружок русских литераторов — перед вами, читатель, их первые рассказы. <...> В тягчайших — повторяю — условиях русской действительности, в голоде и холоде <...> десять юных писателей зорко всматриваются в трагическую игру событий и вот — дают отражение злой игры. Находя их рассказы достаточно правдивыми, грустно размышляя над их содержанием, порою — восхищаясь их формой, а иногда усмекаясь при виде юного шегольства его, — в конце концов я с великой радостью вижу: русская литература живет, развивается, совершенствуется».

Свободная мысль:

В № 17/18 — статья В.Кардина «О писательских судьбах».

В частности, о Л.Сейфуллиной, В.Катаеве, Б.Лавреневе, Н.Погодине, Ю.Олеше, Б.Пильняке, А.Платонове.

Север:

В № 12 — окончание романа В.Яновского «По ту сторону времени» (впервые — Новый журнал. Нью-Йорк, 1987-1988, № 166-170); предисловие и «Библиография В.С.Яновского» Ю.В.Линника. Начало в № 11.

Там же — статья Н.Базанова «Что скрывалось за благополучной судьбой...» о В.Г.Базанове.

В частности, о книге В.Базанова «Сергей Есенин и крестьянская Россия» и его работе над творческим наследием Н.Клюева.

Семья и школа:

В № 5 — анонимная рецензия на книгу: Русская поэзия XX века: Антология / Сост. и вступ. ст. И.К.Суплиной. М., 1991. Ч.1.

Там же — публикация фрагментов из книги А.Эфрон «О Марине Цветаевой» (гл. «Из самого раннего»).

Сибирская старина:

В № 2 (январь) — очерк Н.Ларькова «Прислужником буржуазии я никогда не был, но другом — да» о последних годах жизни Г.Н.Потанина.

Там же — заметка Э.М. «Томск издает Верлена» по поводу выхода книги: Верлен П. Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом. Томск, 1992.

Там же — статья В.Суздальского «Неулыбающийся шутник».

О пребывании Н.Р.Эрдмана в Томске во время ссылки в 1934-1936 гг. (в частности, о его работе завлитчастью в Томском городском театре — ныне Томский театр драмы; инсценировке «Матери» М.Горького). Использованы архивные материалы (приказы по театру, письма Н.Эрдмана родным).

Там же — публикация «Эрдман в письмах Н.К.Шпет»; публикация М.Г.Шторх (урожд. Шпет), вступительная заметка и примечания Н.В.Серебренникова.

Приведены отрывки из писем Н.К.Шпет (урожд. Гучковой; 1892-1956) к детям: М.Г. и С.Г. Шпет (июль-август 1936 г.) с упоминаниями о Н.Р.Эрдмане, отбывавшем, как и Г.Шпет, ссылку в Томске. Письма хранятся в семейном архиве Г.Г.Шпета.

Там же — статья Л.Пичурина «При производстве обыска присутствовали...».

Статья о судьбе священника А.И.Пуртова (1883-1937), знакомого Н.А.Клюева по томской ссылке, также арестованного и расстрелянного по делу о «Союзе спасения России». Приведен протокол обыска на квартире Н.Клюева 5 июня 1937 г.

В № 4 — стихотворение И.Тачалова «Светлый праздник» (из газеты: Сибирская жизнь. 1908. 17 апреля).

Символ:

В № 29 (сентябрь) — трактат Я.Э.Голосовкера «Имагинативная эстетика» (написан в 1928-1936 гг., рукопись погибла и восстановлена автором в 1960-х гг.); вступительная заметка Н.В.Брагинской «О Голосовкере».

Там же — доклад А.Ф.Лосева «Философия имени у Платона» (1922); публикация, подготовка текста и комментарии А.А.Тахо-Годи.

Там же — «Воспоминания о П.А.Флоренском» С.А.Волкова (1964).

Глава из мемуаров С.А.Волкова «Воспоминания о Московской Духовной Академии. 1917-1924», имевших широкое хождение в самиздате. Публикуемые воспоминания насыщены ценной библиографической информацией и снабжены комментариями, принадлежащими самому автору. Ранее фрагмент опубликован в 6-м выпуске альманаха «Минувшее» (1988).

Там же — письма Г.В.Флоровского С.Н.Булгакову и С.Тышкевичу (1926-1962); подготовка текста и вступительная заметка А.М.Пентковского.

Там же — поэтический цикл С.М.Соловьева «Жемчужное дерево» (1923); публикация и вступительная статья И.Г.Вишневецкого.

Там же — статья Е.Тахо-Годи «Владимир Соловьев и Константин Случевский — пересечение судеб».

В № 30 (декабрь) — работа А.Ф.Лосева «Теория мифического мышления у Э.Кассирера» (1927-1928); публикация, подготовка текста и комментарии В.П.Троицкого.

Там же — тематический указатель содержания № 1-30 «Символа» за 1979-1993 гг.

Воспользуемся случаем, чтобы исправить неточность при описании содержания № 28 «Символа» в «DV» (1993. № 11. С.78): в «Богословских трудах» 1983 г. была напечатана не вся вторая часть работы П.А.Флоренского «У водоразделов мысли», а только ее заключительный раздел «Макрокосм и микрокосм». В «Символе» же впервые собраны воедино и заново сверены по рукописи все тексты второй части (как опубликованные к тому времени, так и не опубликованные). (М.В.)

Слово / Word:

В № 15 (время выхода не указано) — статья М.Эпштейна «Поэты-рифмы» (в частности, о Лермонтове и Пастернаке).

Там же — статья Л.Мкртчана «Анна Ахматова: Жизнь и переводы» (об А.Ахматовой как переводчице).

Там же — «Письмо Г.Л.Козловской» (1979) в редакцию «Альманаха поэзии» Центрального телевидения СССР с воспоминаниями о встречах с А.Ахматовой в Ташкенте в годы войны; предисловие редакции.

Смена:

В № 12 — статья В.Сорокина «Крест поэта» о С.Есенине, сопровождаемая подборкой стихотворений поэта.

Соло:

В № 10 — статья П.Песонена «Пародия в "Петербурге" Андрея Белого».

Феникс-XX:

В № IV/IV — статья Р.Якобсона «О поколения, растратившем своих поэтов» (печатается по: Jakobson R, Sel. Writings. The Hague etc. Vol. V).

Там же — статья М.Белкиной «Пропавшая тетрадь» (датировано: Вермонт—Москва, 1991).

Межуарное эссе о судьбе тетради со стихотворениями М.Цветаевой, переписывавшимися в 1930-е гг. А.К.Тарасенковым из эмигрантских изданий. Цветаева держала в руках эту тетрадь, я не только исправляла ошибки, сделанные переписчиком, но и прокомментировала некоторые свои произведения (в частности, «Поэму Горы», «Поэму Конца», «Поэму Воздуха» и др.). Интересна авторская характеристика одного из наиболее загадочных цветаевских произведений — «Поэмы Воздуха»: «Эта поэма написана в ответ на вопрос одной ясновидицы молодой больной (Веры Аренской, сестры Юрия Завадского): — Марина, как я буду умирать? ...» Эта поэма, как и многие моя вещи, написана — чтобы унять».

Философская и социологическая мысль:

В № 11/12 — статья Г.Почепцова «Метафорическое пространство тоталитаризма» о феномене тоталитарной культуры.

Юность:

В № 11/12 — отрывок из романа Б.Поплавского «Аполлон Безобразов»; предисловие А.Богословского.

Печатается полный вариант гл. IV «Бал», опубликованной в № 10 парижских «Чисел» за 1934 г. и не вошедшей в текст републикации романа в «Юности» (1991. № 1-2).

Там же — под заголовком «Исторический театр: Декабристы» журнальный вариант главы из книги Л.Зорина «Записки драматурга».

В 1933 г. в «Известиях» появился очерк Горького «Мальчик» — о талантливости советских детей и, в частности, юного поэта из Баку, поселившегося в Никитских воротах. Очерк этот переиздавался, но прототип героя не раскрывался (в частности, в старом 30-томнике М.Горького). И вот, спустя 60 лет, известный драматург посвятил М.Горькому несколько страниц своих мемуаров. Личные воспоминания автора о «великом пролетарском писателе» особого интереса не представляют — ванду тогдашней молодости автора. Несомненно более насыщены страницы о встречах и разговорах с Ю.Г.Оксманом, к которому драматург обратился в сентябре 1966 г. в связи с работой над пьесой «Декабристы». Ю.Оксман размышляет о политической деятельности Горького в 1920-1930-х гг. (планы «умиротворения партии» и перестановок в руководстве страны), а также о роли женщины в жизни писателя. Как и многие эпистолярные и мемуарные тексты Оксмана, приводимые Л.Зориным высказывания остры и непредвзяты. Только в последнее время стали появляться публикации из оксмановского архива (стимулированные, как нам кажется, в значительной мере публикацией Л.Флейшмана в первом выпуске «Stanford Slavic Studies»). Но опубликовано не так много, и архив Ю.Оксмана еще ждет своих исследователей. (А.Г.)

Alma mater:

В № 5 — статья Н.Бердяева «Ставрогин» (1914; печатается по: Наше наследие. 1991. № 6).

Collegium:

В № 2 — статья И.А.Жеребкиной «О структуре романовского текста: (Текст насилия)».

Там же — под заголовком «Дневник» начало публикации автобиографического повествования Л.Д.Семенова-Тян-Шанского; публикация и предисловие С.Бураго.

Там же — статья А.Пчехидзе «Авантюристы, писатели, прототипы» (о возможном прототипе Остапа Бендера из романов И.Ильфа и Е.Петрова); публикация М.Петровского.

ГАЗЕТЫ

Будущее России:

В № 2 — заметка «За что был убит великий русский поэт Сергей Есенин».

Вечерний клуб:

В № 275/276 — заметка В.Шебалиной «Юрий Любимов проголосует "Доктором Живаго"» об ожидающемся возобновлении спектакля по роману Б.Пастернака в Театре на Таганке.

В № 277/278 — под заголовком «Найдена бутылка, которую замуравали в стене Ильи Ильфа и Михаил Булгаков» четыре анонимных письма, стилизованных под прозу И.Ильфа и Е.Петрова, М.Булгакова, Ю.Олешин.

Там же — заметка Ю.Безелянского «Зимы студеной сладко мне начало...» о теме начала зимы в поэ-

зии М.Кузмина, Н.Заболоцкого, И.Бунина, А.Ахматовой, Б.Пастернака и др.

В № 283/284 — заметка А.Тучковой «Они первыми читали Цветаеву» о Студии художественного слова МГУ.

В № 287-288 — заметка Б.Виленикина «"Поднятую цепь" снимали кто в трусах, кто в валенках» (об экранизации Ю.Райзманом романа М.Шолохова в 1939 г.)

В № 291/292 — заметка В.Тучкова «В Доме литераторов швырялись подушками» о празднике в ЦДЛ, посвященном 88-летию со дня рождения Д.Хармса.

Вечерний Петербург:

В № 245 — заметка «Жизнь — как стихи, посвященная И.М.Наппельбаум; автор — М.Рутман.

В № 249 — в рубрике «Петербургский фотоальбом» статья Н.Гречук «Когда мне было восемь...» о фотографиях дома Набоковых в Петербурге и семьи Набоковых (1907).

Там же — под заглавием «Мы полюбили гибнущих и падших» стихотворения Д.Кнута «Снег в Париже», «Ирочь. С дикой жизнью своей, с делами, горбами своими...», «Вечер большою птицей...», «Нищета»; вступительная статья С.Ивановой.

В № 272 — под заглавием «И арф мифическое пенье» стихотворения Ф.М.Напельбаум (1901-1958) «Плывут тяжелые ресницы...» (1921), «И тучи быют, и тучи свищут в стены...» (1922), «Когда московский раскидай...» (1925), «Тишина» (1933), «Листопад» (1957); вступительная статья А.Дмитренко.

В № 280 — статья В.Шубинского «Египетский раб» (к 120-летию со дня рождения В.Брюсова).

В № 282 — анонимная рецензия на книгу: Каврин В. Два капитана. Владимир, 1993.

В № 284 — под заглавием «Как бьется мира целого прибор...» стихотворения А.Ладинского «Среди стихотворенья...» (1939), «Утро» (1935), «Жизнь — это счастье. В синюю полоску...» (1945), «Прислушайтесь к органу мироздания...» (1936), «Цветы под дождем» (1946); вступительная статья С.Ивановой.

В № 293/294 — статья Г.Комболиной «Ищущее сердце» о Е.И.Рерих.

В № 298/299 — некролог С.Дедюлина «Стутившаяся свобода: На смерть Н.Н.Берберовой».

В № 300 — под заглавием «Но я воскресну всем, что ты любил» стихотворения Ю.Каракаш (1901 или 1902 — конец 1950-х — начало 1960-х гг.) «Золушка», «Снега и радуги сестра...», «Сонет», «Верю деревьям сказок...», «Чтоб не заметил, не крикнул он...»; вступительная статья Н.Рыковой.

Вечерняя Москва:

В № 238 — заметка Н.Митрофанова «Летописец московской жизни» о В.А.Гиляровском и его книге стихов «Петербург» (1922).

В № 248 — статья А.Рычкова «Лучшие уходят навсегда» об А.Ширяевце.

В № 251 — заметка С.Земляного «Неоплатный долг памяти», посвященная 55-летней годовщине со дня гибели О.Мандельштама.

Голое Родины:

В № 50, 51 — воспоминания В.Гнеушева «Три встречи с Вертинским» (1950-е гг.)

В № 51 — заметка А.Нефедова «Есть тонкие властительные связи...» (к 120-летию со дня рождения В.Брюсова).

Там же — стихотворение Дон-Аминадо «Очень просто».

В № 52 — под заглавием «Разменял Саша Красный 111-й год» интервью с поэтом Сашей Красным; беседа вел Н.Леонтьев.

Гражданин России:

В № 13 — рассказ А.Аверченко «Хлебушко».

Там же — статья М.Гаспарова «Разговор с товарищем Лениным» о послереволюционном творчестве В.Маяковского (в частности, поэме «IV Интернационал»). Полностью статья печатается в выпуске ежегодного альманаха «Круг чтения» за 1994 г.

Там же — отрывки из поэмы В.Маяковского «IV Интернационал».

В № 15 — рассказ Г.Газданова «Шрам» (впервые — Новый журнал. Нью-Йорк, 1949. № 21); вступительная заметка С.Федякина.

В № 16 — статья А.Андреевой «Даниил Андреев предсказал гуманитарную помощь» (впервые — Гражданин России. 1993. № 4).

Там же — отрывки из статьи В.Смирнова «Смысл, раскаленный добела»: О лирике Георгия Иванова» (впервые — Гражданин России. 1993. № 11).

24:

В № 92 — заметка Д.Злодорева «О жизни и творчестве Бунина» (о готовящейся к изданию в издательстве «Посев» книге Ю.Мальцева «Бунин»).

Домашнее чтение:

В № 29 — статья В.Ходасевича «К истории возвращенчества» (1926) (печатается по: Ходасевич В. Собрание сочинений. Ann Arbor, 1990. Т.2); предисловие и публикация В.Приходько.

Там же — под заглавием «В гостях у Анастасии Цветаевой» интервью с А.Цветаевой; беседу вел Н.Леонтьев.

Домострой:

В № 49 — рассказ И.Лукаша «Белые птицы» (из его книги «Голос поле»); публикация А.Кручинина.

В № 50 — под заглавием «Лик Епископа» очерк П.Флоренского «Моленные иконы Преподобного Сергия» (1919); предисловие редакции.

В № 51 — статья Н.Лисового «Руководство к счастью» к 75-летию со дня рождения М.О.Меньшикова.

Завтра:

В № 2 — статья В.Мирочкина «Воланд, приезжай!»

Роман М.Булгакова «Мастер и Маргарита» как пророчество о будущем России.

В № 3 — статья А.Соловьева «Футурология евразийцев» (о геополитических прогнозах евразийцев, в частности, Н.С.Трубецкого).

Известия:

В № 250 — заметка Ю.Коваленко «Охота на бабочек в исполнении Владимира Набокова» о выставке «Набоков и его бабочки» в Лозанне.

Книжное обозрение:

В № 48 — под общим заглавием «Почтальон в степи» интервью с вдовой Д.Андреева А.Андреевой, а также письмо Д.Андреева к жене (1955) и стихотворения 1930-1950-х гг.; беседу вели А.Шуплов и А.Финаев.

В № 51 — рецензия М.Скорородова «Душа расширяющегося мира» на книгу: Волошина М. (Сабашникова М.В.). Зеленая змея: История одной жизни. М., 1993.

В № 52 — статья С.Лесневского «Небесная арка» (об изданиях и публикациях 1993 г., связанных, в частности, с именами В.Соловьева, И.Ильина, С.М.Соловьева, А.Лосева, М.Сабашниковой, О.Глебовой-Судейкиной, Б.Пастернака, М.Цветаевой и Р.-М.Рильке, В.Маяковского, С.Есенина).

Там же — статья Д.Кузьмина «Подвиг памяти и понски языка» (в частности, об антологии: Русская поэзия «серебряного века». М., 1993).

Коммерсант-Daily:

В № 234 — заметки Е.Даниловой и Н.Осиповой «Большевики поверили в воскрешение мертвых» (в частности, о книге: Андреев Д. Собр. соч. В 3 т. М., 1993. Т.1).

В № 239 — заметки Е.Даниловой «Граф Алексей Толстой однажды отрезал чужой хвост» (в частности, о книге: Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1993. [Вып.] 3).

В № 244 — заметки Е.Даниловой «Граф Монте-Кристо дописан по-немецки, и не один раз» (в част-

ности, о книге: Булгаков С. Собр. соч. В 2 т. М., 1993).

В № 249 — заметки Е. Даниловой «Макет раритета уничтожили сами издатели» (в частности, о книге: Набоков В. Bend sinister. СПб., 1993).

Комсомольская правда:

В № 238 — статья В. Изюмника «Я знаю, грусть не утопить в вине» о последних годах жизни С. Есенина.

Крестьянские ведомости:

В № 49 — рассказ И. Евдокимова «Медведи»; вступительная заметка редакции.

Литературная газета:

В № 48 — рецензия М.С. на роман И. Шмелева «Няня из Москвы» (Москва. 1993. № 8-10).

Там же — рецензия В. Курицына «Книга лунного света» на книгу: Кац Р.С. История советской фантастики. Саратов, 1993.

Там же — статья В. Радзишевского «Тайнопись белой ночи» о новом издании «Евгения Онегина» Пушкина с силузтами В. Гельмерсена (книга готовилась к изданию еще в 1930-х гг.)

Там же — статья М. Седых «Фантомные боли: "Иванов и другие" А.П.Чехова в московском ТЮЗе» (режиссер Г. Яновская).

Там же — статья Г. Бродской «Шарлотта Ивановна пишет Луначарскому» о судьбе Л. Глассби (1876-1952), послужившей прообразом одной из героинь «Вишневого сада» (приведены ее письма А. Чехова, А. Луначарскому).

В № 49 — статья М. Чудаковой «Булгаков и Лубянка».

В статье интерпретируются и комментируются обнаруженные документы из архива МБ РФ, связанные с жизнью и творчеством М. Булгакова, и публикации в «Независимой газете» (см. аннотации в № 3/4 «DV» и выше). Обыск и допрос писателя в 1926 г. связывается с закрытием журнала «Новая Россия» и высылкой его редактора И. Г. Лезнева. По убедительному предположению автора, Булгакову также грозила высылка; об этом косвенно свидетельствуют и его явно декларативные заявления на допросе. Мы вполне солидарны с призывом ученого к максимальной осторожности при использовании таких источников, как агентурно-осведомительские сводки, протоколы допросов и пр., представляющих интерес не столько даже историко-литературный, сколько «социально-психологический»: «Это материал к истории разложения литературной (как и всякой другой) среды под прессом власти».

Попутно в статье отмечаются текстологические неточности публикаций в «Независимой газете» и приводятся некоторые подробности научной биографии автора статьи.

В № 50 — статья П. Басинского «Адъютанты их превосходительства: Новейшая литература в контексте Розанова и Набокова» (о влиянии В. Розанова и В. Набокова на современную литературу).

Там же — в рубрике «Начинания» рецензия Ж. Васильевой на отдельный выпуск журнала «Здесь и теперь» — монографию Н. Корниенко об А. Платонове.

В № 51/52 — под заглавием «Модильяни рисует Ахматову» полемическое письмо В. Виленкина по поводу статьи В. Радзишевского «Модильяни рисует Ахматову» (Литературная газета. 1993. № 46) и ответ В. Радзишевского.

Литературная Россия:

В № 44/45 — очерк Н. Туроверова (1900-1972) «Юность Бахланова» (впервые — Станица. Париж, 1938. № 27); публикация В. Левченко.

Там же — под заглавием «Пушкинское стройное наследство» заметка М. Филкина и подборка стихов 1945-1960 гг. Д. Кленовского.

В № 48/49 — анонимная заметка об открытии мемориальной доски И. Бунину на ул. Воровского, д. 26.

Литературные новости:

В № 53/54 — статья Т. Гланца «Маяковский и война» (полемика с Ю. Карабчиевским по вопросу об отношении В. Маяковского к Первой мировой войне).

Там же — воспоминания Н. Шмельковой «Патриарх Лианозова: К 100-летию со дня рождения Евгения Кропивницкого» (в частности, приводится одно из его стихотворений 1920 г.).

Там же — под заглавием «Смех в изгнании» подборка сатирических произведений писателей — эмигрантов «первой волны»; вступление и подготовка текста Ю. Рябинина.

Республикуются стихотворения П. Потемкина «Эпитафия Ленину» (впервые — Огни: Прага, 1924. 4 февраля), Д. Шаховского «Седоки» (впервые — Дни. Париж, 1926. 28 марта), Лери «Колокола» (впервые — Сегодня. Рига, 1928. 9 февраля), Саши Черного «Химические стихи» (впервые — Последние новости. Париж, 1928. 17 января), миниатюры Дон-Аминадо «Маленький фельетон» (Там же. 1928. 8 января) и «Как пишется история» (впервые — Сатирик. Париж, 1931. № 11), а также «Анекдоты из парижского сатирического журнала "Сатирик"».

В № 55/56 — статья А. Банге «Кругом одна литература» (в частности, о выходе книг: Русская поэзия «серебряного века». М., 1993; Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х — 1925 г. в комментариях. М., 1993).

Там же — под заглавием «Старший друг Сергея Есенина» интервью с поэтом Сашей Красным (в частности, о встречах с Есениным); беседу вел Н. Леонтьев.

Там же — заметка Ю. Рябинина «День великому писателю» об открытии мемориальной доски на доме № 26 по Поварской ул., в котором жил И. А. Бунин.

Там же — статья Ю. Рябинина «Масоны» (в частности, о русских писателях XX в. — членах масонских лож).

Там же — воспоминания Б. Галанова «Стоп-кадры» о визите Г. Уэллса в Москву в 1934 г. и о Ф. Раневской (в частности, о ее отношениях с А. Ахматовой).

Там же — статья Ю. Денисова «Поэт Владимир Палей» о вел. кня. Владимире Павловиче (1895-1918), сопровождаемая подборкой его стихотворений.

По тексту сборников «Стихотворения» (1916) и «Стихотворения: Сборник второй» (1918) печатаются стихотворения «Разъезд» (1915), «Пепельница» (1916), «Третий звонок» (1916), «Черные ризы... Тихое пенье...» (1917), «Благий Господи! Я немощен и грешен...» (1917), «Роза прошла... Душный воздух чист...» (1917), «Лучи луны бесшумно льются...» (1917).

Миссия:

В № 3 (ноябрь-декабрь) — работа Д. Мережковского «Крест и Пентаграмма».

Там же — начало публикации статьи Ф. Степуна «Москва — третий Рим».

Там же — под заглавием «В обход железного занавеса» отрывки из воспоминаний Г. К. Вагнера.

В частности, о встречах в 1920-1930-х гг. с поэтом-наблюдателем Н. Демьяновым, художниками И. И. Куриленко, С. Б. Никритиным, А. И. Фесенко, о творчестве П. Филонова и К. Малевича.

Московская правда:

В № 234 — статья Е. Пруссакковой «По высоким ступеням — к Паустовскому» о Музее К. Паустовского в Москве.

В № 238 — статья И. Панкеева «Я счастлив и силен, свободен и молод...» (о В. Брюсове — учителе молодых поэтов, в частности, Н. Гумилева).

Там же — ранний рассказ Б. Зайцева «Молодые»; вступительная статья «Без окольных тропинок» редакции.

Московские ведомости:

В № 21/22 — окончание публикации «Писем о русской культуре» Г.Федотова. Начало в № 20.

Там же — под заглавием «Жизнь у трона революции» представление книги Б.Горба «Шут у трона революции: Внутренний сюжет жизни и творчества поэта Владимира Маяковского» (выходит в издательстве МИКО «Коммерческий вестник»).

В № 22 — под заглавием «Речами чернь не печат» интервью с А.Цветасовой; беседу вел Н.Леонтьев.

Там же — заметка А.Кондрусина «Первый музей Ахматовой» о музее Ахматовой в г.Пушкине.

В № 23 — рассказ А.Аверченко «Бал у графини Х...»

Московские новости:

В № 49 — заметка И.Захарова «Бесы» (в частности, о книге: Бухарин Н. Революция и культура: Статьи и выступления. 1923-1936. М., 1993).

Московский комсомолец:

В № 231 — статья Л.Аннинского «Онемелый поэт» о Б.Садовском (в частности, о публикации рассказа «Кровавая звезда» в № 4 «DV» за 1993 г.)

В № 236 — заметка С.Минацкая «Не сравнивай — живущий несравним...» о деятельности Мандельштамовского общества.

Народная газета:

В № 230 — в рубрике «Застольные беседы» заметка Г.Блюмина о венчании А.Блока и Л.Менделеевой.

В № 239 — статья Т.Гордиенко «"Темные аллеи" памяти, которые ведут в дом, помнящий Бунину» (о вечере, посвященном писателю в Международном славянском центре в Москве).

В № 240 — статья А.Нефедова «Есть тонкие властительные связи...» (к 120-летию со дня рождения В.Брюсова).

Независимая газета:

В № 233 — рецензия Ю.Соловьева «Теперь мы можем спокойно вернуться к дьяволам...» на книгу: Гундубальди Э. От Маяковского к дантовскому Интернационалу. М., 1993.

В № 235 — статья С.Федякина «Непрочитанный» к 90-летию со дня рождения Г.Газданова.

В № 235, 236, 240, 241, 245 — под заглавием «Под пятой: Дневник» дневниковые записи М.Булгакова 1923-1925 гг.; вступительная заметка «"От сих до тех пор..."»: Вместо предисловия, комментариев и послесловия к публикации дневников М.Булгакова и подготовка текста Г.Файмана. Консультанты — В.Виноградов и В.Гусаченко.

Продолжение публикации полного текста дневника, печатавшегося ранее по копии В.А.Шенталицким (Огонек. 1989. № 51), К.Н.Кирилленко в Г.С.Файманом (Театр. 1990. № 2) и выходившего отдельным изданием в серии «Библиотека "Огонька"» (М., 1990). О предшествующих публикациях в «НГ» (№ 225, запись за 1922-1923 гг.) см.: DV. 1994. № 3/4. С.124.

В № 238 — рецензия С.Федякина «За порогом 17-го: Русское зарубежье об ушедшей России» на книгу: Воспоминания о «серебряном веке». М., 1993.

В № 240 — рецензия Н.Каменской «Бог знает, что с нами случится впереди» на спектакль по пьесе Л.Андреева «Дни нашей жизни» в Театре им. В.Маяковского (режиссер Ю.Иоффе).

В № 243 — рецензия Г.Файмана «Просветитель» на книгу: Ангарская М. По следам отца. М., 1992 (о Н.С.Крестове-Ангарском).

В № 244 — статья Ю.Шугрина «"На любви к России объединиться..."»: (Из пражских документов русской эмиграции).

Пересказ известных фактов из истории Пражского архива, сопровождаемый некоторыми подробностями из био-

графии автора. Также в текст статьи включены воспоминания Б.Зайцева об А.Белом (1938) и отрывок из речи И.Шмелева «Заставная встреча» (1937). Эти материалы, как извещает публикатор, печатаются по фондам ГА РФ.

Оказалось, однако, что не все лежащее в архиве не печаталось; случается, что там хранятся и рукописи опубликованных произведений. Так, воспоминания Зайцева впервые появились в журнале «Русские записки» (1938. № 7) и впоследствии не раз перепечатывались (в частности, в новейшем издании: Зайцев Б.К. Сочинения. В 3 т. М., 1993. Т.3), а речь Шмелева публиковалась в журнале «Возрождение» (1957. № 62). На эти библиографические уточнения у автора ушло бы не более трех минут — ровно столько, чтобы заглянуть в библиографический указатель, который должен лежать на столе у каждого, занимающегося русским Зарубежьем: L'Emigration russe: Revues et revues. 1920-1980. Index Général des Articles. Paris, 1988 (составители Т.Л.Гладкова, Д.В.Громб, Е.М.Карамзин, Ю.Е.Кац, Т.А.Осоргина, Д.Г.Паважо, В.Э.Столярова, М.В.Шерер-Долгорукая). (А.Ю.Галушкин)

В № 245 — рецензия З.Кузнецова «Новое платье Мастера и Маргариты: "Шизофрения... как и было сказано"» на спектакль Театра сатиры по роману М.Булгакова (режиссер М.Зонненштраль).

В № 246 — фельетон М.Булгакова «Эмигрантская портняжная фабрика» (впервые — Правда. 1922. 4 февраля. Подпись: М.Булл); вступительная статья Г.Ф.

Там же — под заглавием «Крылатый Хармс» подборка афоризмов и высказываний Д.Хармса; составитель А.Александров.

В № 247 — эссе С.Федякина «Розанов и после... Возвращение черновика».

О розановских традициях в прозе М.Пришвина, Г.Адамовича, Ю.Олеша, В.Вересаева и др. Начало см. в № 147 (под заглавием «Превращение черновика: На бумажках ключах»), 156 и 163 (под заглавием «Розанов и после... Превращение черновика»).

В № 248 — рецензия Н.Антонова «Предчувствие встречи: К возвращению текстов и человека» на книгу: Корниенко Н. История текста и биография А.Платонова. (1926-1946) // Здесь и теперь. М., 1993.

Там же — рецензия А.Гребенниковой «Мемуары иногда бывают сказками... Идеальный образ Учитель» на книгу: Волошина М. (Сабашникова). Зеленая змея. М., 1993.

В № 249 — статья А.Вяльцева «Подвиг Геракла: Серпентолог Басинский против энтомолога Набокова» (полемика со статьей П.Басинского // Литературная газета. 1993. 15 декабря).

Там же — статья С.Бирюкова «Бегом от лени: "Гилея" готовит Собрание сочинений Малевича» (в частности, о книге: Терентьев И. Мои похороны. М., 1993).

В № 251 — «Транс / формы Паула Грушко» (в том числе под заглавием «Театр поэтической пластинки: "Было или не было..."» — стихотворное переложение романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита»).

Общая газета:

В № 20 — заметка Н.Малинина «Белое Белого» о конференции в ИМЛИ РАН, посвященной А.Белому. См. подробнее отчет в № 3/4 «DV» за 1994 г.

В № 21 — под заглавием «Entre nous: С.А.Толстая — М.М.Шкапской» фрагмент письма от 20 апреля 1925 г.; предисловие «Последняя жена Есенина», публикация и примечания С.В.Шумихина.

Публикуемое по рукописи из РГАЛИ письмо, посвященное обстоятельством знакомства и романа Есенина и автора, наполнено подробностями литературной жизни 1920-х гг. Эта газетная публикация подготовлена с той же обстоятельностью, которая вообще отличает работы С.В.Шумихина (обзор мнений современников о роли женщин в жизни Есенина, популярное уточнение дат жизни, неременная цитата из дневника М.Кузмина). «DV» надеется со временем познать своих читателей с полным спектром переписки С.Толстой и М.Шкапской.

Там же — некролог Е.И.Габриловичу; автор — А.Гребнев.

В № 23 — статья Г.Дюковой «Гул затих. Он вышел на подмостки. Но лучше бы не выходил» о гамбургской премьеры спектакля «Чествование Живаго» Театра на Таганке (режиссер Ю.Любимов).

Подмосковные известия:

В № 234 — подборка материалов, посвященных жизни и творчеству И.Бунина:

стихотворение И.Бунина «Изгнание»; заметка К.Б. «Поездка по Европе» о поездке И.Бунина по Средней Европе (из газеты «Новая заря», 1933);

дневниковая запись И.Бунина от 10 декабря 1933 г. (в день получения Нобелевской премии);

статья А.Седых «Совершенный успех тенора» (из газеты «Новая заря», 1934);

статья Ю.Идашкина «Жизнь после смерти» о судьбе Бунина в эмиграции.

Подмосковье:

В № 53 — «провансальская легенда» И.Бунина «Святой отрок».

Правда:

В № 209 — под заглавием ««Счастье создать можно изнутри...»: Последняя беседа с Анастасией Цветаевой» стихотворения А.Цветаевой «Прощание настоящее» и «Последнее» (1940-е гг.); подготовлено Н.Леонтьевым.

Президент:

В № 51 — статья О.Шато «Жизнь и смерть Николая Гумилева».

В № 52 — статья Л.Шерешевского «И книгу спас, любимую притом...» в защиту романов И.Ильфа и Е.Петрова от нападок в современной критике.

Привет, Петербург!:

В № 47 — статья И.Сухих «Свидетель истории: К 115-летию со дня рождения М.А.Осоргина».

Там же — анонимная (?) статья ««Мне посчастливилось жить в 'Песках'»: О некоторых литературных памятных адресах Дзержинского района. Начало в № 42.

В частности, об А.Ремизове, М.Кузмине, Д.Мержковском и З.Гиппиус, Г.Иванове и И.Одоевцеве, А.Тинькове, С.Нельдилене.

Там же — статья И.Западалова «Найдет ли поэт утешение?: Продолжается поиск могилы Николая Гумилева».

См. другую публикацию автора на эту же тему: «Третья стража» у излучины Лубья // Привет, Петербург! 1993. № 37 (от 29 сентября).

Российская газета:

В № 239 — под заглавием «Сергей Есенин: «Радуясь, свирепствуя и мучась, хорошо живется на Руси...» интервью с С.Кошечкиным; беседу вел А.Орлов.

Там же — статья А.Разиной «Веселая глупость на экране вызвала особый интерес классика литературы» (об интересе И.Бунина к кинематографу).

Российские вести:

В № 253 — эссе О.Михайлова «Странник» об Д.А.Шаховском (Страннике) (в частности, приводятся воспоминания Шаховского о Бунине).

Там же — заметка Н.Сухорукова «Четвертая ветвь рода Ивана Бунина» о тамбовской ветви рода Буниных.

Русская мысль:

В № 4007 — рецензия О.Мартыновой «Проработчик духа» на книгу: Шестов Л. Избранные сочинения. М., 1993.

Там же — рецензия А.Л. на книгу: Лосев А.Ф. Жизнь: Повести, рассказы, письма. СПб., 1993.

В № 4008 — под заглавием ««Важно одно — чтобы голос был глубок и искренен...»: К 60-летию образования Цеха поэтов в Tallinne» подборка стихотворений; предисловие и публикация Л.Мнухина.

Если история таллинского Цеха поэтов (организован в октябре 1933 г.) уже привлекала внимание историков литературы (см. соответствующую главу в очерках С.Г.Исакова «Русские литературные объединения в Эстонии. 1919-1940» в таллинском журнале «Радуга» за 1993 г.), то поэтические произведения членов Цеха, насколько нам известно, еще не собирались воедино. В подборке представлены произведения Ю.Шумакова (р.1912), Е.Базилевской, И.Борман (1901-1985), Б.Нарцисова (1906-1982), П.Иртеля (1896-1979), Б.Новосадова (Б.Таро, 1907-1945), К.Гершельмана (1899-1951), М.Роос и Ю.Иваска (1907-1986), а также «Частушки» (исполненные М.Роос и И.Борман на семейном вечере Цеха поэтов 4 ноября 1934 г.) «Миньянтология» составлена по материалам архива И.К.Борман, хранящимся у публикатора.

Там же — под заглавием «Последний философ «серебряного века»» интервью с А.А.Тахо-Годи о жизни и творчестве А.Ф.Лосева; беседу вел Г.Зверев.

Там же — рецензия Е.Богопольской «Буря над страной Египет» на спектакль театра в Сен-Дени (режиссер Ж.-К.Фальк) по пьесе П.Лавиля на тему юношеских лет М.Булгакова и А.Чехова.

Там же — рецензия А.Саакян «Схлынувши с губ очевидцев...» на книгу: Воспоминания о Борисе Пастернаке. М., 1993.

В № 4010 — рецензия А.Лебедева «Защита и диссонанс» на книгу: Костиков В. Диссонанс Сирина. М., 1992.

Там же — рецензия Т.Дубровиной «Новая библиография М.Цветаевой» на книгу: Bibliographie des œuvres de Marina Tsvétaïeva / Établie par T.Gladkova, L.Mnukhine; Introduction de V.Lossky. Paris: Institut d'Études Slaves; Москва: Дом Марины Цветаевой, 1993.

Там же — статья Т.Жуковской «Семья Лубны-Герцык и ее вклад в русскую культуру» (в частности, о предстоящей в сентябре 1994 г. конференции на эту тему).

Там же — статья А.Докукиной-Бобель «Еще раз об Анне Ахматовой и Амедео Модильяни», протестующая против оценки частных отношений поэта и художника в статье В.Радзишевского (Литературная газета. 1993. 17 ноября).

Там же — некролог Т.Д.Муравьевой-Логининой (1904-1993), близкого друга Н.Гончаровой и М.Ларионова, адресата И.Бунина; автор — Н.Дронников.

Русский вестник:

В № 47/49 — под заглавием «О демонизме и сатанизме» отрывок из книги И.Ильина «О возрождении и обновлении России»; предисловие и публикация Ю.Т.Лисицы.

Санкт-Петербургские ведомости:

В № 268 — статья В.Раевского «Вертинский и русские в Шанхае».

Сегодня:

В № 86 — рецензия «Петит эпохи» на книгу: Толстой И. Курсив эпохи. СПб., 1993 (посвященную, в частности, литературе русской эмиграции первой волны); подпись — Глеб Жеглов и Володя Шарапов.

В № 88 — рецензия М.Зайонц «Детские игры на свежем воздухе» на спектакль «Леший» (по А.Чехову) в Театре на Малой Бронной (режиссер С.Женовач).

В № 91 — статья А.Немзера «Ты спал, постлав постель на сплетне» в связи с публикацией романа Б.Садовского «Пшеница и плевель» (Новый мир. 1993. № 11).

Там же — статья Л.Луниной «Ленин и Зиновьев жили в шалаше» в связи с выходом № 3 газеты «Супремус» (посвященного, в частности, русскому авангарду 1910-1920-х гг.)

В № 92 — рецензия К.Поливанова «Кратко, внятно, просто» на книги: Русская поэзия «серебряного века». М., 1993; Гаспаров М.Л. Русский стих 1890-х — 1925-го годов в комментариях. М., 1993; Неизвестная книга Сергея Боброва: [К.Бубера. Критика житейской философии]. Berkeley, 1993.

В № 94 — заметка «Мемориальная доска Ивана Бунина» (открытие на д.26 по Поварской ул. в Москве).

Там же — рецензия М.Маслова «Минувшее минувшему друг» на книгу: Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1993. [Вып.] 14.

В № 95 — заметка «Литературный институт должен выделить писателю двухкомнатную квартиру» о планирующемся открытии музея А.Платонова в д.25 по Тверскому бул.

Там же — статья А.Носова «Антихрист не придет, господа!».

О публикациях С.Семенович в журналах «Путь», «Вопросы философии» и «Начала» за 1992-1993 гг., посвященных наследию Н.Ф.Федорова.

В № 103 — статья В.Курицына «Маскарад» по поводу републикации стихотворения В.Набокова «Рождество» в журнале «Даугава» (1993. № 3. Публикация Б.Равдина. Впервые — Сегодня. Рига, 1925. 25 декабря).

В № 107 — под заглавием «Особой элегантностью отмечены морские офицеры» интервью с В.Плутеком (в частности, о встречах с В.Маяковским, Вс. Вишневским); беседу вел Т.Расказова.

Славяне:

В № 16 — анонимная заметка «Автор “Дерсу Узала” — жертва ОГПУ?» (версия об убийстве В.К.Арсеньева агентами ОГПУ). Перепечатано из «Сибирской газеты» (Новосибирск).

Там же — статья С.Ильина «Рерих был русским. Причем тут Восток?» (в связи с судьбой наследия художника).

Утро России:

В № 5 — под заглавием «Булгаков не преподнес нам сенсаций» интервью с М.Чудаковой о новых документах, выявленных в Архиве МБ РФ; беседу вел И.Цветков.

Там же — статья А.Райхцаума «Лев Толстой и ОГПУ» о несостоявшемся освобождении репрессированных толстовцев в 1928 г.

В № 7 — очерк Евг. Бенья «Дочь поэта» о Н.С.Соловьевой, дочери С.М.Соловьева.

Учительская газета:

В № 52 — рассказ Ф.Сологуба «Белая собака»; вступительная статья И.Бражникова.

Цирк:

В № 24/25 — заметка Н.Эльворти «Ему исполнилось девяносто» о поэте Н.А.Орлове, первая книга которого вышла в 1932 г.

Час пик:

В № 49 — под заглавием «Мечтавшей скрестить наши разные, опасные наши стези...» фрагменты из 10 писем И.Северянина С.И.Карузо 1931-1940 гг.; предисловие и публикация Л.Ивановой.

На страницах «DV» уже упоминались эти письма, найденные Л.И.Ивановой в архиве ИРЛИ (см. отчет о ее выступлении на конференции памяти Р.Крууса: 1993. № 11. С.87). Настоящая републикация дает лишь общее представление об этих документах, относящихся к «эстонскому» периоду жизни и творчества поэта и несколько схожих (по тональности и, конечно, темам) с его письмами этого времени к А.Барановой (см.: Северянин Игорь. Письма к Августе Барановой. 1916-1938 / Ed. by V.Jangfeldt, R.Kruus. Stockholm, 1988). Адресат писем — С.И.Ставрокова (в замужестве — графиня Карузо; скончалась в 1985 г. в Вене), с которой Северянин мимолетно познакомился в 1915 г. и которой в 1930 г. посвятил стихотворение «Лилия в море». Письма были переданы адресатом незадолго до смерти в посольство СССР в Австрии, а затем — в ИРЛИ. Публикация полного корпуса текстов будет осуществлена в одном из выпусков «Ежегодников Рукописного отдела Пушкинского Дома».

В № 50 — статья А.Шелаевой «“Еще не раз библиология мне труд пылливый посвятит...”»: (Петербургский литератор Вильгельм Зоргенфрей), а также стихотворные «Эпитафии» В.Зоргенфрея; вступительная заметка и публикация Т.Царьковой.

Довольно подробный (почти на газетную полосу) биографический очерк о поэте и переводчике В.А.Зоргенфрее (1882-1938) — авторе одних из лучших, наверное, воспоминаний о Блоке, переживавшихся и в советскую эпоху. Архивные материалы из ИРЛИ и сообщенные родственниками поэта сведения дополняют биографическую справку С.С.Гречихина из 2-го тома биографического словаря «Русские писатели. 1800-1917».

Интересен цикл эпиграмм В.Зоргенфрея «Эпитафии». Дебютировал в этом жанре поэт еще в 1908 г. (см. подборку в кн.: Русская эпиграмма. (XVIII — начало XX века / Вступ. ст. М.И.Гиллельсона; Сост. и примеч. М.И.Гиллельсона и К.А.Кумпан; Подгот. текста К.А.Кумпан. Л., 1988. С.495-496). Адресаты эпиграмм советского времени — Е.Землятин, Б.Пильник, А.Ахматова, В.Шкловский, В.Маяковский, Б.Пастернак, А.Толстой, М.Шкапская, В.Брюсов, а также советские литераторы в целом («Братская могила»). Публикатором «Эпитафии» датируются предположительно началом 1920-х гг.; источники публикации, к сожалению, не обозначены (кроме неопубликованных эпиграмм на Брюсова, Шкапскую и «Братской могилы»). Нелишне, нам кажется, было бы указать и то, что печатавшиеся в 1925 г. в «Красной нови» «Эпитафии» были подписаны значащим псевдонимом «Morigitius», несомненно, отражающим самоощущение поэта в 1920-е гг.

Нам кажется, что «Эпитафии» В.Зоргенфрея должны занять свое место в антологии русской советской эпиграммы, если таковая, конечно, будет когда-нибудь издана (напомним о единственном известном нам опыте в этом роде — сборнике «323 эпиграммы», подготовленном Е.Эткиндром и вышедшем в Париже в 1988 г.) (А.Ю.Галушкин)

Экран и сцена:

В № 50 — рецензия Л.Аннинского «Без Христа» на спектакль «Шизофрения, как и было сказано» по роману М.Булгакова «Мастер и Маргарита» в Театре сатиры (режиссер М.Зонненштраль).

Modus vivendi:

В № 19 — рецензия Н.Лагиной «Ба, знакомые все лица!»: Моноспектакль по Михаилу Зощенко во МХАТе на спектакль «Уважаемые граждане!» (режиссер Р.Сирота).

В № 20 — статья М.Искрина «Из памяти твоей я выну этот день...».

Статья о В.М.Звенигородской — возможном адресате впервые публикуемого здесь же стихотворения М.Цветаевой «Из памяти твоей я выну этот день...».

СЛАВИСТСКИЕ ЖУРНАЛЫ В 1993 ГОДУ

Русистика: The Russian Journal of the Association for Language Learning:

В № 7 — McVay G. Anton Chekhov: A Life. P.22-30.
Статья основана почти исключительно на англоязычной литературе о писателе и сопровождается 7 редкими или не публиковавшимися прежде фотографиями Чехова из Гослитмузея и Музея МХАТ.

Там же — Матьюз Л. Паустовский: «Алмазный блеск простого слова». P.37-44.

В № 8 — Hersh M.A. Zamiatin's «We»: A Mathematical Model Society. P.19-26.

Australian Slavonic and East European Studies (Parkville/Melbourne):

В № 1 — Mironova M. Андрей Белый — мемуарист. P.1-17.

Там же — Белый А. Характеристика современников. P.18-23.

Заметки о Ф.Сологубе, К.Бальмонте, В.Брюсове, Д.Мережковском, Вяч. Иванове, Б.Зайцеве и В.Лидине, извлеченные из РГБ (фонд В.А.Десницкого).

Там же — Windle K. Shevchenko's narrative poem «Maria» in three Russian translations: A comparative Study. P.25-47.

Сопоставление переводов М.Драгоманова, И.Белоусова и Б.Пастернака.

В № 2 — Christensen P. The critique of terrorism in the novels of Boris Savinkov. P.1-14.

Essays in Poetics: The Journal of the British Neo-Formalist Circle (Keele):

В № 1 — Попкин К. Кодекс Чехова: Тела знания.

Irish Slavonic Studies (Dublin):

В № 14 — Merezhkovskii Dmitrii. To the Memory of Turgenev / Transl. by R.Sobel. P.37-39.

Перевод статьи Д.С.Мережковского, впервые опубликованной в «Театральной газете» 22 августа 1893 г.

Там же — Borovsky V. The Origins of Symbolist Theatre in Russia: Theory and Practice. P.41-68.

Там же — Falchikov M. «Solyanoi ambar»: Pilnyak's Great Soviet Novel? P.69-86.

Там же — Thatcher I.D. Trotsky and «Kievskaya mysl'». P.87-102.

Военные корреспонденции Л.Д.Троцкого в период Первой мировой войны.

Там же — Dalton-Brown S. [Рец. на кн.:] Shepherd D. Beyond Metafiction: Self-Consciousness in Soviet Literature. Oxford, 1992. P.129-130.

Там же — Elsworth J. [Рец. на кн.:] Pomorska K. Jakobsonian Poetics and Slavic Narrative: From Pushkin to Solzhenitsyn. London; Durham, 1992. P.130-131.

Там же — Jones M. [Рец. на кн.:] Chekhov on the British Stage. Cambridge, 1993. P.132-134.

Там же — Murphy A.B. [Рец. на кн.:] Scatton L.H. Mikhail Zoshchenko: Evolution of a Writer. Cambridge, 1993. P.134-135.

The New Zealand Slavonic Journal (Wellington):

В Т.[52] — Luker N. «Wild Justice»: Mikhail Artsybashev's «Mstitel» Collection (1913). P.63-83.

Там же — Zohrab I. The Western Origins of Bolshevism: From the unpublished Papers of H.W. Williams. P.101-117.

Публикуется работа Гарольда Вильямса (1876-1928), корреспондента газет «Манчестер Гардиан», «Морнинг пост», «Таймс» и др., одного из самых авторитетных знатоков России периода «ДВ», озаглавленная «Западные источники большевизма».

Oxford Slavonic Papers (Oxford):

В т. XXVI — Salys R. A Tale of Two Artists: Valentin Serov and Leonid Pasternak. P.75-86.

Дружеские отношения, связывавшие семью художников Л.О.Пастернака и В.А.Серова. Статья основана, в частности, на архивах семьи Пастернак в Оксфорде и Москве.

Там же — Kaznina O., Smith G.S. D.S.Mirsky to Maksim Gor'ky: Sixteen Letters. (1928-1934). P.87-103.

Публикуются 16 писем Д.С.Мирского к М.Горькому 1928-1934 гг. из Архива А.М.Горького ИМЛИ РАН. Обстоятельные вступительная заметка и комментарий не свободны, однако, от мелких недочетов (так, на с.96 Григорий Сокольников назван Георгием).

Scottish Slavonic Review (Glasgow):

В № 20 — Williams G. Two Recent Bulgakov Studies: [Рецензия на кн.:] Milne L. Mikhail Bulgakov: A critical biography. Cambridge (Mass.), 1990; Pittman R.H. The Writer's Divided Self in Bulgakov's «The Master and Margarita». Oxford; Basingstoke; London, 1991. P.81-84.

Там же — McNair J. [Рец. на журн.:] The Short Story in Russia. 1900-1917. Nottingham, 1991. P.94-95.

Там же — Elsworth J. [Рец. на кн.:] Avant-Garde. Amsterdam, 1991. Vol.5-6. P.97-98.

Там же — Gifford H. [Рец. на кн.:] Symbolism and After: Essays on Russian Poetry in Honour of Georgette Donchin. London, 1992. P.98-100.

Там же — Baines J. [Рец. на кн.:] Poems from Mandelstam. Cranbury (N.J.), 1990. P.100-101.

Там же — Smith G.S. [Рец. на кн.:] Wellek R.A. A History of Modern Criticism. 1750-1950. Yale, 1991. Vol.7: German, Russian and East European Criticism. 1900-1950. P.105-106.

Там же — Shepherd D. [Рец. на кн.:] The Culture of the Stalin Period. Basingstoke; London, 1990. P.117-119.

Там же — Jackson D. [Рец. на кн.:] Bown M.C. Art under Stalin. Oxford, 1991. P.119-121.

В № 21 — Christensen P.G. Camus and Savinkov: Examining the Problems of Terrorism. P.33-51.

Там же — Elsworth J. [Рец. на кн.:] Carlson M. «No Religion Higher Than Truth»: A History of the Theosophical Movement in Russia. 1875-1922. Princeton, 1993. P.127-128.

Там же — Henry P. [Рец. на кн.:] File on Gorky. Methuen; London, 1993. P.139-140.

Там же — Offord D. [Рец. на кн.:] Masing-Delic I. Abolishing Death: A Salvation Myth of the Russian Twentieth-Century Literature. Stanford, 1992. P.140-142.

Там же — Roberts G. [Рец. на кн.:] Stelleman J. Aspects of Dramatic Communication: Action, non-action, interaction: (A.P.Čechov, A.Blok, D.Charms). Rodopi; Amsterdam; Atlanta (Georgia), 1992. P.143-145.

Там же — Milner J. [Рец. на кн.:] Compton S. Russian Avant-Garde Books. 1917-34. London, 1992. P.147-149.

The Slavonic and East European Review (London):

В № 1 — Cornwell N. At the Circus with Olesha and Siniavskii. P.1-13.

Об одинаково озаглавленных произведениях Ю.Олеси и А.Синявского «В цирке».

Там же — Katz B. The Contrapuntal Devices in Belyi's «Pervoe svidanie». P.89-95.

Там же — O'Hearn S. Dead Bees: A New Subtext For Mandel'shtam's «Voz'mi na radost'...». P.96-101.

Там же — Worall N. [Рец. на кн.:] Stelleman J. Aspects of Dramatic Communication: Action, non-action, interaction: (A.P.Čechov, A.Blok, D.Charms). Rodopi; Amsterdam; Atlanta (Georgia), 1992. P.143-144.

Там же — Smith A. [Рец. на кн.:] *Art in the Light of Conscience: Eight Essays on Poetry by Marina Tsvetaeva*. London; Bristol, 1992. P.145-146.

Там же — Grayson J. [Рец. на кн.:] Ericson E.E.J. *The Apocalyptic Vision of Mikhail Bulgakov's «The Master and Margarita»*. Lewiston; Queenston; Lampeter, 1991. P.146-147.

Там же — Grayson J. [Рец. на кн.:] Boyd B. *Vladimir Nabokov: The American Years*. London, 1992. P.147-149.

Там же — Shepherd D. [Рец. на кн.:] Danow D.K. *The Thought of Mikhail Bakhtin: From Word to Culture*. Basingstoke; London, 1991. P.149-150.

В № 2 — Nicholas M.A. *Pil'niak on Writing*. P.217-233.

Там же — Cherviakov A.I. *An Unknown Review by Innokentii Annenskii*. P.266-273.

Неизвестная рецензия И.Ф.Анненского на Полное собрание сочинений П.Б.Шелли в трех томах в переводе К.Д.Бальмонта (СПб., 1903-1907); извлечено из: РГИА. ● Ф.734. Оп.3. № 218. Печатается на русском языке; публикация и примечания А.И.Червякова.

Там же — McVay G. *Sergei Esenin's Letter to Isadora Duncan: The Complete Text*. P.274-277.

Письмо от 20 (29?) августа 1923 г. (из прежних публикаций были устранены упоминания о Л.Д.Троцком). Печатается на русском языке.

Там же — Kirkwood M. [Рец. на кн.:] Jacobs S. *Zur sprachwissenschaftstheoretischen Diskussion in der Sowjetunion: Gibt es eine marxistische Sprachwissenschaft?* München, 1992. P.297.

Там же — McMillin A. [Рец. на кн.:] *The Cambridge History of Russian Literature*. Revised ed. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1992. P.302-303.

Там же — Smith A. [Рец. на кн.:] *Cultural Mythologies of Russian Modernism: From the Golden Age to the Silver Age*. Berkeley; Los Angeles; London, 1992. P.311-313.

Там же — McMillin A. [Рец. на кн.:] *Amour et érotisme dans la littérature russe du XXe siècle*. Bern; Berlin; Frankfurt am Main; New York; Paris; Vienna, 1992. P.313-314.

Там же — Shepherd D. [Рец. на кн.:] *Daniil Kharms and the Poetics of the Absurd: Essays and Materials*. Basingstoke; London, 1991. P.314-315.

Там же — Руман А. [Рец. на кн.:] *Якобсон-будетлянин: Сборник материалов*. Stockholm, 1992. P.316-318.

Там же — Gibson A. [Рец. на кн.:] Schwalm H. *De-konstruktion im Roman: Erzähltechnische Verfahren und Selbstreflexion in den Romanen von Vladimir Nabokov und Samuel Beckett*. Heidelberg, 1991. P.318-319.

Там же — Cornwell N. [Рец. на кн.:] Marshall B. *Victor Serge: The Uses of Dissent*. New York; Oxford, 1992. P.319-320.

Там же — Elsworth J. [Рец. на кн.:] Cornwell N. *James Joyce and the Russians*. Basingstoke; London, 1992. P.321-322.

Там же — Hughes L. [Рец. на кн.:] Howard J. *The Union of Youth: An Artist's Society of the Russian Avant-Garde*. Manchester; New York, 1992. P.324-325.

Там же — Russel R. [Рец. на кн.:] Lauchuk J.L. *Ilya Ehrenburg: An Idealist in an Age of Realism*. Bern; Frankfurt am Main; New York; Paris, 1991. P.347-348.

В № 3 — Myers A. *Zamiatin in Newcastle: The Green Wall and the Pink Ticket*. P.417-427.

К истолкованию некоторых реалий в замаятинских текстах.

Там же — Smith G.S. *D.S.Mirsky: Four Letters to Ariadna Tyrkova-Williams (1926) with an Unknown Review by Ariadna Tyrkova-Williams (1924)*. P.482-489.

Публикуются четыре письма Д.С.Мирского к А.В.Тырковой-Вильямс от 1926 г. (из Бахметевского архива в Колумбийском университете), а также не печатавшаяся ранее рецензия А.В.Тырковой-Вильямс на антологию «Русская лирика», составленную Мирским и вышедшую в Париже в 1926 г. (из архива Г.П.Струве). Тексты печатаются на русском языке.

Там же — Aizlewood R. *The Return of the «Russian Idea» in Publications*. 1988-91: [Обзор]. P.490-499.

Там же — Rayfield D. [Рец. на кн.:] Potthoff W. *Dante in Rußland: Zur Italienrezeption der russischen Literatur von der Romantik zum Symbolismus*. Heidelberg, 1991. P.510-511.

Там же — Davidson P. [Рец. на кн.:] *Symbolism and After: Essays on Russian Poetry in Honour of Georgette Donchin*. London, 1992. P.515-518.

Там же — Grayson J. [Рец. на кн.:] Connolly J.W. *Nabokov's Early Fiction: Patterns of Self and Other*. Cambridge; New York; Port Chester; Me' urne; Sydney, 1992. P.518-519.

Там же — Cornwell N. [Рец. на кн.:] Shepherd D. *Beyond Metafiction: Self-Consciousness in Soviet Literature*. Oxford, 1992. P.519-521.

Там же — Livingstone A. [Рец. на кн.:] Seifrid T. *Andrei Platonov: Uncertainties of Spirit*. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1992. P.521-522.

Там же — McMillin A. [Рец. на кн.:] Gazdanov G. *Polet*. The Hague, 1992. P.523-524.

Там же — Shukman A. [Рец. на кн.:] Morson G.S., Emerson C. *Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics*. Stanford, 1990. P.524-525.

Там же — Merridale C. [Рец. на кн.:] Groys B. *The Total Art of Stalinism: Avant-Garde, Aesthetic Dictatorship and Beyond*. Princeton; New Jersey, 1992. P.537-538.

Там же — McVay G. [Рец. на кн.:] Compton S. *Russian Avant-Garde Books*. 1917-34. London, 1992. P.588-589.

В № 4 — Wells D. *Akhmatova and Pushkin: The Genres of Elegy and Ballad*. P.631-645.

Там же — Lanin B. *Images of Women in Russian Anty-utopian Literature*. P.646-655.

На материале «Мы» Е.И.Замятина, «Чевенгура» А.П.Платонова, «Ленинграда» М.Я.Козырева и др.

Там же — Smith A. *Tsvetaeva Resurrected: [Обзор]*. P.693-700.

О русско- и англоязычных книжных изданиях, относящихся к творчеству М.И.Цветаевой за 1992 г.

Там же — McVay G. [Рец. на кн.:] Chekhov A. *A Journey to Sakhalin*. Cambridge, 1993. P.735-736.

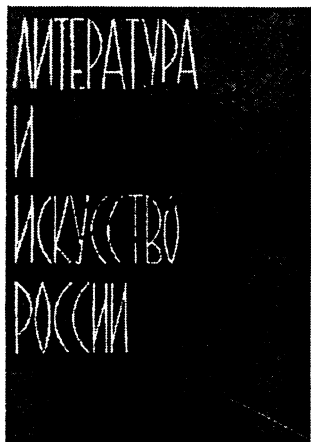
Там же — McVay G. [Рец. на кн.:] *Чеховиана: Чехов и Франция*. М.; Париж, 1992. P.736-738.

Там же — Aizlewood R. [Рец. на кн.:] *Bristol E. A History of Russian Poetry*. New York; Oxford, 1991. P.745-746.

Там же — Hughes L. [Рец. на кн.:] *5x5=25: Russian Avant-Garde Exhibition*. Moscow. 1921. Budapest, 1992. P.747-748.

А.Б.Рогачевский

О КИТАЙСКОМ ЖУРНАЛЕ «ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО РОССИИ»

Китайский литературно-художественный двухмесячник «Литература и искусство России» в настоящее время является единственным в Китае специальным журналом о русской литературе и искусстве. Китайские читатели проявляют огромный интерес к русской литературе, и поэтому журнал стал одним из самых популярных в стране.

Журнал «Литература и искусство России» создан в начале 1980 г. и назывался тогда «Советская литература». «Советская литература» являлась органом китайского «Института советской литературы», основанного в 1979 г. при Пекинском педагогическом университете. Этот институт — единственное научное учреждение, специально занимающееся исследованием русской литературы. Журнал «Советская литература» получил активную поддержку известных литературоведов, писателей и переводчиков старшего поколения, таких как Мао Дунь, Ба Цзинь, Цзян Чуньфан, Гэ Баоцюань, Цао Цзиньхуа и др.

В 1980-х гг. в Китае появились еще два журнала о русской литературе — «Русская и советская литература» и «Литература и искусство СССР» (впоследствии был переименован в «Современная советская литература»). Журнал «Русская и советская литература» составляли Уханьский университет, Цзилиньский университет, Университет Нанькай (в городе Тяньцзинь) и другие семь вузов. Журнал «Современная советская литература» составлялся факультетом русского языка Пекинского института иностранных языков. В 1990 г. три журнала — «Советская литература», «Русская и советская литература» и «Современная советская литература» — объединились в один журнал «Советская литература. Совместное издание». В начале 1993 г. журнал был переименован в «Литература и искусство России». Он стал единственным в Китае журналом по русской литературе. Редакция журнала по-прежнему находится в Пекинском педагогическом университете.

«Литература и искусство России» нашел горячий отклик среди широких китайских читателей. Журнал уделяет внимание русским классикам в новых переводах. В первом номере были опубликованы отрывки из «Былого и дум» А.И.Герцена, переведенные известным китайским писателем Ба Цзинем. В этом номере был напечатан и цикл лирических стихотворений А.С.Пушкина в новом переводе, сделанном известным переводчиком Гэ Баоцюанем. Короткие произведения В.Г.Короленко, М.Горького и других одно за другим появились в журнале. Чтобы расширить кругозор китайских читателей, журнал почти две трети своего объема представляет новым современным произведениям. Благодаря журналу «Литература и искусство России» читатели познакомились с Б.Васильевым, В.Шукшиным, В.Распутиным, Д.Граниным, В.Тендряковым и другими. На страницах журнала печатаются как проза, так и поэзия, пьесы, киносценарии и художественные произведения

(рисунки, живопись, фотографии скульптуры) русских авторов. Почти в каждом номере публикуются переводы русских стихов с подробными комментариями и рецензиями. Киносценарий фильма «Москва слезам не верит» (автор В.Черных) вызвал большой интерес у китайских читателей.

Журнал «Литература и искусство России» — добрый друг многочисленных любителей русской литературы, а также хороший помощник преподавателей и научных работников по русской литературе и искусству. В каждом номере журнала публикуются научные статьи и научно-исследовательские материалы, написанные китайскими авторами. В этих статьях и материалах появляются такие всемирно известные имена, как А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Н.В.Гоголь, И.С.Тургенев, Ф.М.Достоевский, Л.Н.Толстой, А.П.Чехов, М.Горький, М.А.Шолохов и др. Журнал регулярно отмечает юбилеи замечательных русских писателей, посвящает им специальные статьи и целые разделы. На страницах журнала печатаются и материалы о преподавании русской литературы в китайских вузах, развешиваются дискуссии по актуальным вопросам изучения и преподавания русской литературы. Журнал уделяет определенное внимание и историческим и современным взаимосвязям и взаимодействиям между русской и китайской литературами.

В последние годы «возвращенная литература», «литература русского зарубежья», «серебряный век» вызывают внимание и интерес у китайских читателей. Чтобы хоть в какой-то мере удовлетворить этот интерес, в журнале «Литература и искусство России» были переведены и опубликованы некоторые, до сих пор не известные китайским широким читателям, произведения важных русских писателей. Китайские читатели познакомились с И.А.Бунинным, А.Белым, Ф.Сологубом, А.Ахматовой, Н.С.Гумилевым, О.Э.Мандельштамом, М.И.Цветаевой. Они также познакомились с произведениями, подвергшимися в прошлом несправедливой критике, как, например, «Мы» Е.И.Замятина, «Чевенгур» и «Котлован» А.Платонова, «Мастер и Маргарита» и «Собачье сердце» М.А.Булгакова, «Приключения обезьяны» М.М.Зощенко. Печатались отрывки из романа «Дети Арбата» А.Рыбакова. Журнал познакомил читателей и с дискуссией о романе «Доктор Живаго» Б.Л.Пастернака, прошедшей в одном китайском университете. «Литература и искусство России» также опубликовал научные статьи русских исследователей, в том числе трактат ««Несвоевременные мысли» — заметки о революции и культуре М.Горького», написанный Л.Резниковым.

В текущем году журнал «Литература и искусство России» устраивает «Совещание за круглым столом» (по-китайски «письменная беседа») о русской литературе XX века. Преподаватели пекинских, шанхайских, нанькинских и уханьских вузов и научные работники публикуют исследования по русской литературе XX века и статьи, в которых они излагают свои мнения о проблемах развития русской литературы XX века и выражают свои воззрения на преподавание в вузах. Опубликованные на страницах журнала материалы вызывают неизменный интерес у китайских ученых.

Без сомнения, журнал «Литература и искусство России» играет важную роль в процессе углубления познания русской литературы, в частности, русской литературы XX века, в широких кругах китайских читателей.

Ван Цзечжи

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ПРОСМОТРЕННЫЕ «DE VISU» (ДЕКАБРЬ 1993 ГОДА)

ЖУРНАЛЫ:

Аврора (С.-Петербург)
 Алтай (Барнаул)
 Апокриф
 Байкал (Иркутск)
 Библиография
 Библиотека
 Вестник древней истории
 Вестник Еврейского университета в Москве
 Вестник МУ: Серия 7. Философия
 Вестник МУ: Серия 8. История
 Вестник МУ: Серия 9. Филология
 Вестник МУ: Серия 10. Журналистика
 Вестник РАН. Т. 63
 Вестник РХД (Париж; Нью-Йорк; Москва)
 Вестник Санкт-Петербургского университета: Серия 2. История, языковедение, литературоведение (С.-Петербург)
 Вильнюс
 Военно-исторический журнал
 Волга (Саратов)
 Волшебная гора
 Вопросы искусствознания
 Вопросы истории
 Вопросы литературы
 Вопросы философии
 Вопросы языковедения
 Воскресенье
 Воум! (Калуга)
 Всемирное слово
 Встреча
 Голос зарубежья (Мюнхен)
 Дальний Восток (Владивосток)
 Даугава (Рига)
 Детская литература
 Диалог. Карнавал. Хронотоп (Витебск)
 Диапазон
 Дон (Ростов-на-Дону)
 Дружба народов
 Евразия
 Журнал Московской Патриархии
 Журналист
 Звезда (С.-Петербург)
 Звезда Востока (Ташкент)
 Златоуст
 Знамя
 Золотое руно
 Известия РАН: Серия литературы и языка. Т. 52
 Иностранная литература
 Искусство
 Искусство кино
 Источник
 Кентавр
 Киноведческие записки
 Киносценарии
 Клуб
 Книжное дело
 Коллеги (Иерусалим)

Континент
 Крик
 Кубань (Краснодар)
 Культурология (С.-Петербург)
 Лад (Вологда)
 Лепта
 Леханям
 Литература в школе
 Литература и искусство России (Пекин)
 Литературная учеба
 Литературное обозрение
 Место печати
 Мир музея
 Молодая гвардия
 Москва
 Московский вестник
 Московский журнал
 Московский наблюдатель
 Музыкальная жизнь
 Наука и жизнь
 Наука и религия
 Начала
 Наш современник
 Наше наследие
 Нева (С.-Петербург)
 Неман (Минск)
 Новая юность
 Новое время
 Новое литературное обозрение
 Новый журнал (Нью-Йорк)
 Новый журнал (С.-Петербург)
 Новый мир
 Ной
 Общественные науки и современность
 Огонек
 Окно
 Октябрь
 Отечественная история
 Отечественные архивы
 Памятники Отечества
 Петербургский театральный журнал (С.-Петербург)
 Подъем (Алма-Ата)
 Посев
 Православная беседа
 Преображение
 Простор (Воронеж)
 Путь
 Работница
 Родина
 Россияне
 Рукопись
 Русская виза (Москва / С.-Петербург)
 Русистика
 Русская литература (С.-Петербург)
 Русская мысль (Реутов / Мытищи)
 Русская речь
 Русская словесность
 Русское возрождение (Нью-Йорк; Москва; Париж)
 Русский рысьезд (С.-Петербург)
 Русский язык за рубежом
 Русь (Ростов; Ярославль)

Санкт-Петербургская панорама (С.-Петербург)
 Свободная мысль
 Север (Архангельск)
 Сельская молодежь
 Семья и школа
 Сибирская старина (Томск)
 Символ (Париж)
 Славяноведение
 Слово
 Слово / Word (Нью-Йорк)
 Смена
 Согласие
 Соло
 Социологические исследования
 Социум
 Столица
 Театр
 Театральная жизнь
 Трезвость и культура
 Урал (Екатеринбург)
 Феникс-XX
 Филологические науки
 Философская и социологическая мысль (Киев)
 Форум
 Фотография
 Человек
 Юность
 Ясная Поляна
 Australian Slavonic and East European Studies (Парквилл/Мельбурн)
 Collegium (Киев)
 Essays in Poetics (Киль)
 Irish Slavonic Studies (Дублин)
 The New Zealand Slavonic Journal (Веллингтон)
 Oxford Slavonic Papers (Оxford)
 Scottish Slavonic Review (Глазго)
 The Slavonic and East European Review (Лондон)

ГАЗЕТЫ:

Аргументы и факты
 Арт-фонарь
 Будущее России
 Век
 Ветеран
 Вечерний клуб
 Вечерний Петербург (С.-Петербург)
 Вечерняя Москва
 Восточный экспресс
 Гласность
 Голос
 Голос Родины
 Гражданин России
 Гражданская мысль
 Гудок
 24
 Деловой мир
 День
 Домашнее чтение
 Домострой
 Еврейская газета
 Завтра
 Известия

История (приложение к газете «Первое сентября»)
 Книжное обозрение
 Коммерсантъ-Daily
 Комсомольская правда
 Красная звезда
 Крестьянская Россия
 Крестьянские ведомости
 Криминальная хроника
 Культура
 Куранты
 ЛГ-Досье
 Литература (приложение к газете «Первое сентября»)
 Литературная газета
 Литературная Россия
 Литературные новости
 Миссия
 Москва-Иерусалим
 Московская правда
 Московские ведомости
 Московские новости
 Московский комсомолец
 Народная газета
 Невское время (С.-Петербург)
 Неделя
 Независимая газета
 Новая ежедневная газета
 Общая газета
 Панорама (Лос-Анджелес)
 Патриот
 Первое сентября
 Подмосковные известия
 Подмосковье
 Политика
 Правда
 Президент
 Рабочая трибуна
 Российская газета
 Российские вести
 Россия
 Русская мысль (Париж)
 Русский вестник
 Санкт-Петербургские ведомости (С.-Петербург)
 Сегодня
 Семь с плюсом
 Семья
 Славяне
 Смена (С.-Петербург)
 Собеседник
 Совершенно секретно
 Советская Россия
 Солидарность
 Спасение
 Срочно в номер!
 Сын Отечества
 Труд
 Утро России
 Учительская газета
 Федерация
 Цирк
 Час пик
 Экран и сцена
 Эмиграция
 Megapolis-Express
 Modus Vivendi

Целостность литературного произведения как предмет исторической поэтики

22-24 ноября 1993 г., Москва

Лет десять тому назад было почти невозможно представить себе теоретиков литературы, решающих свои научные задачи на материале XX века. Но вот забрезжило третье тысячелетие — и век XX (точнее, первая его половина) постепенно становится вполне «пригодным» для абстрактных и общетеоретических построений. По крайней мере, для тех специалистов, которые группируются вокруг кафедры теоретической и исторической поэтики историко-филологического факультета РГГУ.

Это еще раз продемонстрировала настоящая конференция, добрая половина докладов на которой была связана с литературой «серебряного века». Причем темы докладов были сформулированы в большинстве случаев подчеркнуто теоретически.

Так, например, доклад В.Ш.Кривоноса (Елец) назывался «Мотив как категория исторической поэтики», а речь в нем шла о трансформации мотива «проклятого места» в творчестве Гоголя и Булгакова — в том числе и в связи с переносом столицы из Петербурга в Москву.

Д.М.Магомедова (Москва; «Разговор с гением») подробно проанализировала этот тип стихотворного диалога на ряде текстов XIX и XX вв.

Еще более частной и при этом сугубо теоретической показалась на первый взгляд тема доклада И.В.Фоменко (Тверь; «Служебные слова как основа интерпретации мироощущения художника»), вызвавшего наиболее оживленную и заинтересованную дискуссию. Аналитически рассмотрев частотные словари предлогов с пространственным значением в отдельных произведениях, докладчик показал, как служебные слова позволяют построить объективную теоретическую модель творческого мира: статичного, устойчивого, замкнутого и тесного в «Камне» Мандельштама, парадоксальным (а может быть, нет?) образом лишенного движения вперед в «Двенадцати» Блока и т.д. Характерно, что И.В.Фоменко привлек к анализу поровну — по четыре «больших» текста XIX

и начала XX века (кроме названных — «Страшный мир» Блока и «Сокровенный человек» Платонова).

Еще два доклада были связаны с особенностями индивидуальных художественных систем писателей начала XX века.

В.В.Эйдинова (Екатеринбург) рассмотрела уникальное соотношение категорий стиля и целостности в «Котловане» Платонова, в котором, по ее мнению, складывается особый тип художественной целостности — «разорванной и слитной одновременно».

А.Ф.Гаврилов (Москва) предложил еще один достаточно убедительный подход к проблеме жанровой уникальности поздней прозы В.В.Розанова, рассмотрев ее на фоне предшествующей и современной традиции.

В рамках конференции состоялся и традиционный Бахтинский семинар, на котором была продолжена предварительная работа над Бахтинским словарем. На секции прозвучали три доклада. Г.С.Левинская (Москва) попробовала сопоставить две классификации типов прозаического слова и синтаксических конструкций, появившиеся одновременно в двух бахтинских книгах 1929 г.: «Проблемы творчества Достоевского» и «Марксизм и философия языка», — рассматривая их как взаимодополнительные в соответствии с тогдашними представлениями ученого о различных задачах лингвистики и литературоведения. М.М.Гиршман (Донецк) и Н.Д.Тамарченко (Москва) представили проекты будущих статей для словаря, посвященных важнейшим категориям бахтинского учения — соответственно, «произведению» и «роману». Дискуссия на семинаре показала, что работа над словарем обещает быть куда более сложной и длительной, чем это казалось сначала, и непременно предполагает проведение ряда встреч авторского коллектива, предварительную публикацию проектов статей и их дальнейшее обсуждение и корректировку.

Ю.Б.Орлицкий

Натура и культура

23-24 ноября 1993 г., Москва

Эта конференция в Институте славяноведения и балканистики РАН была организована Отделом истории культуры и продолжила серию конференций, посвященных изучению славянских культур («История культуры и поэтика», 1989; «Человек в культуре народов Центральной и Юго-Восточной Европы», 1990; «История и культура», 1991). «Проследить, как на протяжении веков, от Средневековья до XX в., менялись взаимоотношения природы и культуры, как развивались представления о них, раскрыть влияние этих представлений на картину мира, созданную в различные культурные эпохи, выявить те идеи и художественные образы, которые складыва-

лись в процессе диалога природы и культуры, рассмотреть природу как источник инспирации и как образец, ее место в эстетическом, религиозном, историческом сознании, — вот круг вопросов, на которых предполагается сосредоточить внимание участников конференции», — пишет доктор исторических наук И.И.Свирида (с.3) во вступлении к сборнику, выпущенному к началу работы конференции: *Натура и культура: Тезисы конференции. М., 1993. 84 с. Тираж 200 экз.; в нашем отчете цифры после названия доклада отсылают к этому изданию.*

Произведения русской литературы 1910-1930-х гг. были предметом внимания нескольких участников.

Т.М.Николаева (Москва) в докладе, коротко и загадочно озаглавленном «Мгла», интерпретировала образ мглы (по мнению исследовательницы, один из «архетипических» образов русской словесности) как знак-символ «посредничества», медиации между человеком и иным (сверхреальным, потусторонним) миром, как форму передачи некоего «иног» смысла. Мгла — и «катализатор», «стимул» поэтического творчества, зарождающегося в диалоге человека и высшей реальности, и посредник в получении сокровенного магического знания. Положения доклада иллюстрировались многочисленными примерами из русской словесности — от «Слова о полку Игореве» до символистов и Маяковского.

Т.В.Цивьян (Москва; «Интерьер дома — интерьер космоса»), отталкиваясь от наблюдений о гомеоморфности, сходстве образов мира и дома (дом как модель мира и мир как «большой» дом) в архаической мифологии, убедительно показала, что в поэтике пространства у Андрея Белого (прежде всего, в романе «Котик Летаев») прослеживается тот же принцип, выраженный, в частности, в противопоставлении мира-дома окружающему его внешнему хаосу, в оппозиции «центр-периферия» и т.д. Восприятие мира героем-ребенком напоминает мифологическое отношение к пространству и универсуму. (В сборнике материалов конференции напечатана другая работа докладчика: «Сад: Природа в культуре или культура в природе?», с.13-15). Думаю, был бы интересным в этой связи анализ поэтики «мифологизированного» пространства у других русских писателей, значимых для Белого (Гоголя, Достоевского и др.) в соотношении с «Котиком Летаевым», исследование поэтики пространства Белого в контексте русской символистской прозы и выявление перекличек между мифологией пространства у автора «Котика Летаева» и философскими теориями, актуальными для писателя (подобные переклички были давно продемонстрированы в некоторых работах о «Петербурге»).

В.В.Николаенко (Москва; «На полпути к острову Цитере: “Изображения изображенного” у Г.Иванова», с.41-42) посвятил свой доклад лирике середины 1910 — начала 1920-х гг. По замечанию докладчика, «характернейшая черта доэмигрантской поэзии Иванова — принципиальная опосредованность лирического высказывания. Живопись, графика, музыка — прекрасные темы для разговора, позволяющие достаточно сказать о себе самом, избежав даже намека на откровенность. Поэтому пейзаж Г.Иванова — почти всегда экфрасис». Докладчиком были приведены примеры установки Иванова на «изображение изображения» — стилизация, замыкание стихотворений в некую условную «раму». Пространством, в котором снимается оппозиция природы и культуры, у Иванова оказывается петербургский пейзаж. Наблюдения В.В.Николаенко, вероятно, могли бы приобрести дополнительный смысл при сопоставлении лирики Георгия Иванова с поэзией других акмеистов

(«изображение изображенного» — частный случай «метатекстуальности», вообще свойственной произведениям акмеистов). Интересным, может быть, станет и сопоставление стихотворений Иванова с современной им «стилизованной» живописью («Мир искусства»). Не случайно тождество названий первого (1912) и одного из поздних (1937) сборников поэта («Отплыть на о. Цитеру» и «Отплыть на остров Цитеру»): начало и некий жизненный итог — мыслится как во многом тождественные, а поздний и ранний сборники — как своеобразные «метаописания» друг друга.

О.В.Шиндина (Саратов; «К описанию “культурологического гербария” романа К.Вагинова “Козлиная песнь”», с.56-60) исследовала «природную символику» вагиновской «Козлиной песни». «Нейтрализация противопоставления природы и культуры, достигаемая посредством “культурализации” природы и “натурализации” культуры, наиболее последовательно проводится в романе “Козлиная песнь”, генетическая соотнесенность которого с античной традицией предопределяет то особое место, что отведено в смысловом пространстве текста растительному коду». Образы лавра, мирта — растений, имеющих, согласно античной мифологии, антропоморфное происхождение, — своеобразные смысловые «пучки», связывающие ткань романа и входящие в его метатекстуальный слой: связь лавра с темой поэзии и творчества (Аполлоном), соотнесенность мирта с темами жизни (мирт — культовое растение Афродиты и Венеры) и смерти (использование в погребальной обрядности). Амбивалентность «Козлиной песни», построенной на принципе сраженности, взаимозависимости жизни и смерти, мифологизацию реального пространства (Петербург как «иной» мир и «второй» Рим) демонстрирует и ее «растительный код».

Н.В.Злыднева (Москва) в докладе «Натура и культура в русском авангарде» (с.15-18) рассмотрела означенную в названии доклада проблему на материале творчества П.Н.Филонова.

Сообщение С.Г.Шиндина (Саратов) «Тема полета в поэзии Осипа Мандельштама» было посвящено некоторым содержательным аспектам образности, группирующейся в художественном стиле Мандельштама вокруг мотива полета. В первую очередь, это относится к мотивам и образам, касающимся метатекстуальной тематики: звезд, лучей, света и т.п. Для ряда смысловых конструкций была предложена прямая соотнесенность поэзии и прозы Анненского, Гумилева, Волошина.

В сборнике, выпущенном к конференции, помещены тезисы докладов, не прозвучавших на конференции: Куренная Н.М. Человек — дитя и раб природы / творец культуры: (О творчестве Леонида Леонова) (с.20-21); Кацис Л.Ф. Осип Мандельштам и биологические теории его времени (с.60-62).

А.М.Ранчин

Первые Осоргинские чтения 23-24 ноября 1993 г., Пермь

Уральский город Пермь дал отечеству двух видных деятелей культуры, пути которых могли пересечься в «русской Европе» 1920-х гг., — С.П.Дягилева и М.А.Осоргина. Земляки заслуженно гордятся этими именами. С 1987 г. в Перми регулярно проходят Дягилевские чтения (отчет о Третьих Дягилевских чтениях см., в частности: DV. 1993. №9. С.90). Теперь стали проводиться и Осоргинские — на базе кафедры русской литературы местного университета.

Творческое наследие Михаила Андреевича Осоргина (1878-1942) на родине исследовано мало, хотя для специалистов очевидно: без учета сделанного

М.Осоргиным нет полной картины духовной жизни русского зарубежья. Пермь решила начать планомерную работу по осмыслению того ценного вклада, который внес писатель в общую копилку национального искусства слова.

Для участия в Первых межвузовских Осоргинских чтениях прибыли филологи из разных регионов страны, а заочно присутствовали и зарубежные коллеги (зачитывались тексты присланных ими докладов). По материалам конференции был выпущен сборник тезисов: Михаил Осоргин: Страницы жизни и творчества. Материалы Первых Осоргинских чтений. Пермь,

1994. 128 с. Тираж 600 экз.; в нашем отчете цифры после названия доклада отсылают к этому изданию.

С приветственным словом к участникам и гостям конференции обратился советник главы городской администрации С.В.Неганов (без материальной поддержки со стороны администрации Чтения едва ли могли состояться). Он сообщил, что принято постановление об установке мемориальной доски на здании бывшей гимназии, где когда-то учился Миша Ильин. Кроме того, рассматривается вопрос о переименовании одной из центральных улиц Перми в Осоргинскую и о создании Общества друзей Михаила Осоргина, которое объединит в своих рядах местных поклонников писателя.

Научную часть чтений открыл О.Г.Ласунский (Воронеж), рассмотревший в докладе «Михаил Осоргин: Структура, качество и эволюция таланта» (с.5-13) структуру и эволюцию осоргинского творчества, диалектику и динамику его творческой судьбы.

М.Я.Геллер (Париж; «Писатель и власть», с.86-89) — уже самим названием доклада обозначил направление и пафос своих размышлений: на примере Осоргина был типологически обобщен горестный опыт отечественной словесности в ее усилиях повлиять на тоталитарный режим.

Р.В.Комина (Пермь; «Чеховская Россия в произведениях М.А.Осоргина», с.21-27) попыталась включить осоргинское наследие в контекст русской литературы XIX в. и показала, как отразились в творчестве писателя близкие Чехову мотивы, характеры, интонации.

В.В.Абашев (Пермь; «Осоргин и Набоков: Вероятность встречи», с.28-37) посвятил свой доклад «выявлению «набоковского» в осоргинской прозе». Сопоставив «Вольного каменщика» и «Приглашение на казнь», «Времена» и «Другие берега», докладчик обнаружил целый ряд перекличек, сходств, совпадений, иногда почти буквальных.

Несколько докладов было посвящено роману «Сивцев Вражек», с редкой художественной мощью запечатлевшего парадоксы революционных событий 1917 г.

С.Я.Фрадкина (Пермь; «На перекрестке традиций: «Сивцев Вражек» М.Осоргина и традиции русской классики», с.13-21) рассмотрела «взаимоотношения» Осоргина с классикой на новом этапе русской истории». Речь, в основном, шла о литературных традициях Тургенева, Толстого и Достоевского и их взаимодействии в романе Осоргина.

Доклад Э.С.Дергачевой (Челябинск; «Дом и история в романе М.Осоргина «Сивцев Вражек»», с.56-64) был посвящен «ключевому образу» романа — старинному особняку на Сивцевом Вражке. По мнению докладчика, «образ дома» в романе «дается в своеобразном внутреннем противостоянии поступи истории, несмотря на ее удары, стремится сохранить свой дух, свое лицо».

Доклад В.В.Мароши (Новосибирск; «Ласточка в интертекстуальности и скрипции романа М.Осоргина «Сивцев Вражек»», с.44-56) был посвящен употреблению слова «ласточка» — «одного из самых ярких примеров усложняющейся, но сохраняющей свои внутренние связи интертекстуальной сети». Докладчик определил его специфику как «возвращение к первоначальному «тексту природы», к богатству репрезентирующей фикции державинского текста».

Н.Н.Гашева (Красноярск; «Кинематографичность прозы М.Осоргина», с.37-43) на примере «Сивцева Вражка» и других произведений писателя (романа «Свидетель истории», рассказа «Земля» и автобиографического повествования «Времена») пришла к выводу, что свойственная прозаике «повышенная» кинематографичность «не есть результат сознательной установки художника, а, скорее, следствие совпадения общей тенденции к синтезу художественных средств выразительности в разных видах искусства в XX в. со специфическими особенностями творческой индивидуальности писателя».

Л.В.Поликовская (Москва; «Публицистика Михаила Осоргина. Август 1916 — сентябрь 1918 гг.): Темы, идеи, жанры», с.77-85) посвятила свое сообщение газетно-журнальным выступлениям Осоргина «межэмигрантского периода», не отраженным в библиографии писателя, составленной Н.В.Бармаев, Д.М.Фини и Т.А.Осоргиной (см.: *Bibliographie des œuvres de Michel Ossorgine*. Paris, 1973). Дополнения к библиографии (выступления Осоргина в газетах «Власть народа» и «Киевская мысль») помещены в Приложении к сообщению (с.85).

Д.Фини (Кноксвилл, США) прислал в Пермь краткий конспект своей диссертации об Осоргине и фрагмент из нее, в котором ставится проблема периодизации жизни и творчества писателя.

А.Пасквинелли (Милан; «М.Осоргин и экскурсии русских учителей в Италию», с.95-97), автор монографии об Осоргине, представила сообщение о деятельности М.Осоргина по организации экскурсий русских учителей в Италию (1909-1914).

Пермская конференция показала, что и в России начинается основательное изучение «осоргинского феномена». Аспирантки Н.Б.Лапаева (Пермь; «Образ провинции в художественном мире М.Осоргина: По материалам мемуарной прозы», с.64-72) и М.В.Нечаева (Тамбов) предметом своих диссертационных работ избрали различные стороны художественного мира М.Осоргина.

Д.А.Красноперов (Пермь; «Сергей Андреевич Ильин — старший брат писателя М.А.Осоргина: (Из заметок краеведа)», с.90-94) рассказал о жизни и творчестве С.А.Ильина (1867-1914), способном провинциальном поэте-сатирике и музыканте.

В дни работы конференции в Пермском областном краеведческом музее открылась выставка (автор экспозиции — научный сотрудник музея Т.П.Чуракова), на которой было представлено множество мемориальных вещей, полученных из Парижа от вдовы писателя, Т.А.Бакуниной-Осоргиной.

В сборник материалов, выпущенный по итогам конференции, вошли также работы, не прозвучавшие на конференции: Барковская Н.В. Возвращение к истокам: Осмысление исторической судьбы России в «Старинных рассказах» М.Осоргина (с.72-77); Чуракова Т.П. Мемориальный фонд М.А.Осоргина в Пермском музее и концепция выставки, посвященной писателю (с.98-100). В разделе «Публикации» Л.В.Поликовская осуществила републикацию избранных заметок М.Осоргина из хроникальных циклов «Московские письма» и «Дневник Москвича», печатавшихся на страницах «Пермских губернских новостей» с 1897 по 1901 г. (с.101-125).

А.Г-к

Культура и интеллигенция России в переломные эпохи. (XX в.)

24-26 ноября 1993 г., Омск

Проведение в Омске различных конференций, семинаров, совещаний и других подобных встреч — явление, ставшее за последнее время привычным в научной и общественной жизни города. Возможно, на фоне острых социально-экономических катализмов и политических баталий очередная «ученая беседа» может

вызвать недоумение: «До того ли сейчас?» К сожалению, трагизм отечественной ситуации во многом связан с тем, что осмысление исторического опыта России так и не стало серьезным делом первостепенной важности, с результатами которого вынуждены считаться «власть имущие». Столь же легковесным остается от-

ношение к культуре, к осознанию ее принципиальной значимости для всей нашей жизни, особенно в эпохи переломов и перемен, которыми так богата история нашего Отечества XX в. «История наказывает за незнание ее уроков» — глубина этого меткого наблюдения известного русского ученого и педагога В.О.Ключевского так и не прочувствована нами.

Стремление донести эту тревогу, заострить внимание на кризисных явлениях в культурной сфере, найти их корни и формы сопротивления им, обратиться к смыслу нашего бытия и его современному духовному наполнению, наконец, предпринять собственные практические действия по передаче отечественных культурных традиций — вот что двигало организаторами Всероссийской научно-практической конференции. Замысел провести подобный разговор в Омске и соединил две инициативы: представителей академической и вузовской науки (Всероссийная конференция «Интеллигенция в социально-классовой структуре советского общества», Кемерово, 1991) и омских искусствоведов (Научная конференция памяти Н.М.Ядринцева, Омск, 1992). Именно отсюда ведут начало усилия историков и искусствоведов, музейщиков и архивистов по подготовке научно-практической конференции «Культура и интеллигенция России в переломные эпохи. (XX в.)», а наглядную сторону деятельности отечественной интеллигенции, продолжавшей свое творчество, несмотря на кризисы и потрясения, решено было представить на художественно-исторической выставке «Искусство “белой столицы”: Омск в 1918-1919 гг.» Всероссийский статус конференции был заложен решениями, принятыми в Кемерове, а ее проведение в назначенный срок (ноябрь 1993 г.) и в полном соответствии с задуманным стало возможным благодаря поддержке Комитета по культуре и искусству Администрации Омской области (председатель Н.М.Генова), Архивного отдела Администрации Омской области (заведующий Г.М.Ипатова), Омского общественно-политического центра (директор А.Н.Пахолан).

Заявки и тезисы своих докладов прислали историки, политологи, культурологи, искусствоведы, музейные и архивные работники, педагоги высшей и средней школы, представители местной администрации, аспиранты, студенты из Москвы, Ивана, Твери, Екатеринбурга, Новосибирска, Кемерово, Барнаула, Читы, Красноярска, Тобольска, Томска, Павлодара, Чебоксар, Уфы, Тулы, Омска.

Была намечена работа четырех секций: 1. Проблемы теории и истории отечественной культуры и интеллигенции революционной эпохи; 2. Влияние «переломных лет» в истории России на интеллигенцию и научно-образовательный потенциал культуры; 3. Проблемы развития искусства, литературы и роль деятелей культуры в условиях социально-политических потрясений; 4. Судьбы традиционных культур и проблемы их изучения. Усилиями организаторов и соорганизаторов конференции — Комитета по культуре и искусству Администрации Омской области, Сибирского филиала Российского института культурологии, Омского университета, Архивного отдела Администрации Омской области, Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН, Института истории СО РАН, Научного совета республиканской исследовательской программы «Народы России», Омского музея изобразительных искусств, Омского историко-краеведческого музея, Омского общественно-политического центра — удалось решить необходимые организационные вопросы, в том числе опубликовать сборник докладов к открытию конференции: *Культура и интеллигенция России в переломные эпохи. (XX в.): Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Омск, 1993. 234 с.* Тираж не указав; в нашем отчете цифры после названия доклада отсылают к этому изданию. Выход этой книги позволил вести обсуждение заявленных в программе

основных проблем с учетом точек зрения и новых материалов, содержащихся в предполагаемых выступлениях не сумевших прибыть участников.

В ходе конференции отстаивали свою активную позицию представители Российского института культурологии Министерства культуры РФ (Москва), Историко-архивного института Российского гуманитарного университета (Москва), Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, государственных университетов Екатеринбург, Кемерово, Омска, Сибирской аэрокосмической академии (Красноярск), Алтайского и Омского технических университетов, Алтайского института культуры и его омского филиала, Областного художественного музея Читы, Алтайского краевого музея изобразительных и прикладных искусств (Барнаул), Тобольского историко-краеведческого музея-заповедника, Омского музея изобразительных искусств и других вузов, учреждений и организаций Омска.

После музыкального приветствия участникам конференции, исполненного студенческим академическим хором Омского филиала Алтайского института культуры (художественный руководитель Л.А.Сабитова), деловую часть программы конференции открыл В.В.Тихомиров (Омск).

Острый дискуссионный характер всей дальнейшей работы был задан докладами пленарного заседания. Так, В.Л.Соскин (Новосибирск) соединил в своем докладе «Интеллигенция и власть: В поисках новых подходов» (с.3-5) историю и современность. Он подчеркнул необходимость не только нахождения нового ракурса изучения проблемы, но и выбора историком своей принципиальной позиции в условиях, когда «рухнули все прежние научные авторитеты». В качестве второй, еще более актуальной проблемы, он обозначил проблему «советская политика и интеллигенция», охарактеризовав ее суть на всех этапах советской истории как дискриминационную, поскольку классовый подход лишал интеллигенцию статуса партнера. Ведущая позиция интеллигента, по мнению В.Л.Соскина, это политический нонконформизм, ядром которого является индивидуальная и научно-критическая оценка происходящего, в том числе в политике.

Своеобразной иллюстрацией к этим выводам стал доклад А.А.Сундиевой (Москва) «К проблеме “старой” интеллигенции в условиях нарождающегося тоталитаризма» (с.28-30), посвященный судьбе П.А.Кропоткина. Здесь же была поднята проблема «двигателя» культуры — общественной инициативы, исходящей в значительной мере из провинциальных научно-образовательных объединений.

Тема позиции интеллигенции, учета исторического опыта была продолжена в докладе В.Ш.Назимовой и Ж.Е.Левиной (Омск) «Художественная интеллигенция: Противоречия сознания» (с.8-12). Был раскрыт на конкретных примерах, в том числе извлеченных из архивов, трагический результат «двоемыслия» и «двойного сознания» интеллигенции, приведших к потере нравственных ориентиров, к соучастию будущих жертв в репрессивной политике режима.

Проблеме кризиса в культуре России XX в., его проявлениям в традиционных культурах, поиску путей преодоления (или хотя бы торможения) негативных тенденций в современном состоянии культуры были посвящены доклады Н.А.Томилова (Омск; «Судьбы традиционных культур России и проблемы их изучения», с.12-17) и В.Г.Рыженко (Омск; «Интеллигенция и осознание кризиса в культуре России XX в.: К конкретно-исторической разработке проблемы», с.17-20).

Завершением пленарного заседания стал доклад И.Г.Девятяровой (Омск; «Отечественная художественная культура на переломе 1918-1919 гг.: (Неизвестные страницы истории)»). Этот доклад явился одновременно вступительным словом к открытию

художественно-исторической выставки «Искусство "белой столицы": Омск 1918-1919». В представленных материалах (фотографиях, архивных делах, старых газетах, рисунках) отражалась в образной конкретике теоретическая мысль, звучащая до этого — культура не может исчезнуть, несмотря на социально-политические потрясения, ее будущее — в созидательной позиции интеллигенции.

Начатый разговор получил свое развитие на секционных заседаниях, приобрета еще один существенный импульс — впечатления от выставки. Последнее особенно ощущалось в выступлениях искусствоведов из Барнаула и Читы, дополнивших свои тезисы новыми фактическими и иллюстративными материалами. Сказанное относится к докладам Е.Г.Иманактовой (Чита) «Возвращение художника: К 100-летию Ф.М.Суровцева» (с.180-181) и И.К.Галкиной (Барнаул) «Новые материалы к биографии Г.И.Гуркина. (1917-1919 гг.)» (с.182-184), раскрывающим поднятые проблемы на судьбах художников.

Наиболее, пожалуй, напряженной была дискуссия в первой секции, где в центре внимания оказался доклад В.П.Корзун (Омск) «И.М.Гревс о кризисе культуры» (с.25-28; в соавторстве с В.Г.Рыженко) содержащий конкретный материал о деятельности русских ученых первой «переломной эпохи» (революции и Гражданской войны). Образ горящей свечи, которую призван нести ученый и педагог, вызвал массу вопросов о современной позиции представителей науки и образования, их участия в предвыборных баталиях и забастовках. <...>

Вплоть до заключительного пленарного заседания, проходившего в актовом зале Омского краеведческого музея, участники конференции продолжали обсуждение поставленных проблем, приводили новые свидетельства существования культуры в «переломные эпохи» XX в. и богатейшего, еще не исследованного, а значит, не известного даже специалистам отечественного наследия. Например, тема взаимоотношений предпринимателей и деятелей культуры, меценатства затрагивалась в докладе Е.А.Воронцовой (Москва; «В поисках единомышленников: Российские предприниматели и интеллигенция», с.96-99), а также в сообщениях Е.А.Кошелевой (Омск), А.П.Сорокина (Омск), В.И.Селюка (Омск).

Всего на пленарных и секционных заседаниях конференции присутствовало до 200 человек, было заслушано 50 докладов, сопровождавшихся многочисленными вопросами.

В *итоговых рекомендациях* участники конференции с тревогой и болью отмечали, что неоднократно предлагавшиеся научно обоснованные программы, раскрывающие перспективное значение научно-образовательного и культурного потенциала страны, продолжают игнорироваться высшими властными структурами. Эта тенденция усиливается, и остаточный принцип по отношению к культуре и науке, образованию и высшей школе, порочность которого убедительно показывает исторический опыт России XX в., не только не преодолевается, но вновь закрепляется господствующим технократическим мышлением представителей органов власти. Продолжение подобной линии грозит национальной катастрофой.

В ходе обсуждения кризисных явлений в отечественной культуре XX в. и их углубления на современном этапе, роли интеллигенции и ее отношения к этим явлениям участники неоднократно подчеркивали, что поддержание и развитие исторической памяти (подлинный патриотизм), формирование личности самодеятельного гражданина и демократического общества в России невозможны без опоры на богатейшее культурно-историческое наследие и местные традиции, без уважения к ним, без закрепления за наукой, образованием и культурой приоритетного статуса.

По мнению участников конференции проблема кадров специалистов-профессионалов, в том числе политиков, управленцев, муниципальных служащих, не может быть решена без включения в их подготовку блока гуманитарных дисциплин, несущих культурно-исторические и этнокультурные знания и традиции и дающих представление о месте России в динамике мировых социокультурных процессов XX в.

Практические рекомендации конференции исходят из принципиального убеждения участников, что главной основой сохранения культурного потенциала России является наука, образование, искусство и просвещение. Только при опоре на эти составляющие возможно продвижение к экономическому благополучию и решению социальных проблем. Игнорирование властью исторического опыта России, отечественных научно-образовательных и культурных инициатив, предлагавшихся как противовес воздействию социально-политических потрясений, приводит к невосполнимым потерям в культуре.

1. Считать необходимым отказ властных структур от возобладавшего технократического принципа по отношению к культуре, науке, искусству, от попыток экономии средств бюджета за счет именно этих важнейших элементов существования человеческого общества на пороге XXI в. как противоречащих логике и потребностям мирового социокультурного процесса XX в.

2. Необходимо сохранить наметившуюся положительную тенденцию к изучению и строительству «местной культуры» при поддержке органов администрации отдельных регионов и областей как реальной основы для поддержания духовности, согласия и сотрудничества на пути к социально-экономическим преобразованиям.

3. Считать перспективной ту модель отношений, которая уже складывается между органами управления культурой на областном и городском уровнях в отдельных регионах (некоторые формы, например, определены в Омской области и Омске).

4. Поддерживать предложения омских ученых по включению гуманитарных дисциплин в новую образовательную ситуацию, прежде всего в программы учебных заведений нового типа (гимназий, колледжей, академий и т.п.)

5. Провести следующую Всероссийскую конференцию по проблемам истории отечественной культуры и интеллигенции в Омске в 1995 г.

В сборник тезисов конференции вошли, в частности, работы, не упомянутые в отчете: Курьянов Ю.А. Тоталитарная идея и российская интеллигенция в первой половине XX века (с.23-24); Халиуллин Г.Г. Сталинский тоталитаризм и исторические судьбы советской интеллигенции (с.31-33); Хлопаева М.Е. Новые данные об истории высылки интеллигенции: 1922 г. (с.56-58); Бочарова З.С. Движение за возвращение на родину в российской эмиграции: 1920-е годы (с.58-61); Пыстина Л.И. Социально-правовое положение интеллигенции в 1920-е годы: Проблемы изучения (с.65-68); Алисов Д.А. Проблемы формирования и развития отечественной интеллигенции в марксистской литературе 1920-х годов (с.68-69); Касаров Г.Г. Интеллигенция в мasonicких организациях России накануне и в годы Первой мировой войны (с.73-76); Томилов Н.А. Интеллигенция в музейном деле Западной Сибири в 1920-х годах (с.79-81); Корнажевская Л.А. Самобытность духовной культуры России и освоение ее личностью (с.147-149); Купцова И.В. Идеино-политическая дифференциация художественной интеллигенции: Октябрь 1917 — 1921 гг. (с.159-162); Ступин А.Ю. Интеллигенция и проблемы искусства как формы социального мышления в послевоенной России: Середина XX в. (с.165-168); Шабалина Е.П. Проблемы русской актуации: Культура звучащей речи в поэзии Б.Л.Пастернака (с.219-221).

В.Р.

Культура в сталинизме 25-27 ноября 1993 г., Кассель

Международная конференция была организована университетом и Научным центром «Восток-Запад» города Касселя в качестве сопровождающей программы или развернутого «комментария» к выставке «Агитация за счастье», которая осуществлялась благодаря сотрудничеству Государственного Русского музея (С.-Петербург) и «Dokumenta Halle / Документа архива» (Кассель). Выставка, в которую включено более 250 экспонатов, представляет собой самую полную репрезентацию советского искусства 1930-1950-х гг. После Касселя она, начиная с марта 1994 г., показывалась в Русском музее в С.-Петербурге. Каталог выставки вышел на немецком и русском языках (см.: Агитация за счастье: Советское искусство сталинской эпохи. Дюссельдорф; Бремен, 1994).

В работе конференции, посвященной тематике тоталитарной культуры, принимали участие историки, искусствоведы и литературоведы разных стран. В своем вступительном докладе Ю.Афанасьев (Москва; «Русские корни сталинизма») говорил о своеобразии русской истории, особо обратив внимание на то, что Ленин «перепал» идеи русской интеллигенции и русского традиционного сознания и на эту систему представлений наложил послереволюционную систему большевизма. В результате в России могло получиться лишь не что иное, как «двоеение несвободы».

Р.Лоренц (Кассель; «Культура в сталинизме») рассмотрел особенности сталинской культурной политики на материале развития советской литературы второй половины 1920-х — 1930-х гг.

Е.Мирская (Москва; «Сталинизм и наука») указала на разрушительные последствия вмешательства Сталина в общественные и естественные науки.

Доклад Р.Майера (Марбург) «Движение хозяйственников» был посвящен почти забытому явлению сталинской культуры, которое с 1936 г. при полной поддержке «сверху» стало пропагандировать традиционные «буржуазные» культурные ценности.

Г.Усейнов (Бремен/Москва) прочитал доклад «Национальное в анекдоте». В советском обществе анекдот о национальных особенностях помогал дистанцироваться от власти. В эпоху распада советской империи функция анекдота резко изменилась. Предрассудки, которые лежат в основе этих анекдотов, по мнению докладчика, сегодня оказываются источником национальной нетерпимости.

Этапы переориентировки большевиков от «пролетарского интернационализма» к «национал-большевизму» описал в своем докладе Н.Бордогов (Москва).

Д.Байрау (Франкфурт-на-Майне; «Союз писателей и литература»), анализируя развитие Союза писате-

лей, пришел к выводу, что все попытки организовать художественное творчество в духе господствующей идеологии дали неудовлетворительные — с точки зрения власти — результаты.

Х.Гюнтер (Билефельд) в докладе «Феномен «врага» в тоталитарной культуре» использовал юнговскую теорию проекции. Для тоталитарной культуры характерен не только открытый, идеологически определенный враг, но и демоническая фигура замаскированного «вредителя», который подлежит разоблачению.

И.Левкова-Ламм (Нью-Йорк; «Русские традиции в советском искусстве») на многочисленных примерах продемонстрировала, как советское искусство использовало русскую традицию, причем менее в формальном, чем в ментальном плане.

М.Тушцына (Нью-Йорк; «От фактографии к мифографии») описала художественное развитие Эль Лисицкого и А.М.Родченко от формалистической перспективы к романтизированной, инсценированной фактографии.

Н.Голеникович (Ярославль) прочитала доклад «Жизнь и творчество М.Соколова», познакомив аудиторию с судьбой и творчеством ярославского художника, работы которого экспонировались на выставке «Агитация за счастье».

А.Готтес (Майн; «Советский театр 1920-1930-х гг.») рассмотрела процесс «мхатизации» (по выражению докладчика) в советском театральном искусстве.

М.Дмитриева (Москва/Бремен) сделала доклад «Трофейное искусство».

В заключительной дискуссии выступали Ю.Афанасьев, А.Синявский (Париж), Г.Бордогов и Л.Лазарев (Москва). Ректор РГГУ говорил о том, что в России «де-юре и де-факто» опять формируется авторитарная система и обнаруживаются тревожные приметы хорошо известного приспособленчества русской интеллигенции к сегодняшней власти. Главный же редактор «Вопросов литературы» указывал на то, что все-таки главную опасность сегодня представляет движение «красно-коричневых».

Дискуссия на конференции показала любопытную разницу в подходе русских и немецких участников к вопросу о тоталитарном обществе. В то время как русские дискуссионты приближались к сталинской культуре прежде всего с точки зрения истории идей или индивидуальной психологии Сталина, немецкие историки предпочитали объяснять этот феномен в свете социальной истории.

Х.Гюнтер

IX-е Блоковские чтения 27 ноября 1993 г., С.-Петербург

Очередная научно-практическая конференция, посвященная изучению творчества Блока и русской культуры конца XIX — начала XX вв., прошла в петербургском Музее-квартире А.Блока (филиал Государственного музея истории С.-Петербурга) накануне годовщины со дня рождения поэта. «Блоковские чтения» проводятся в музее ежегодно с 1984 г. и собирают исследователей из С.-Петербурга, Москвы, Тарту и других городов России и зарубежья. Важную роль в проведении конференций играла профессор Тартуского университета З.Г.Минц, один из организаторов знаменитой тартуской блоковедческой школы.

Чтения открыла директор музея Т.В.Павлова, рассказавшая об экспозиционной и исследовательской деятельности музея и его сотрудников.

В докладе В.Н.Быстрова (С.-Петербург) «Ранний Блок и Платон» были впервые проанализированы пометы А.Блока в главе о Платоне из книги Д.Г.Льюиса «История философии от начала ее в Греции до настоящих времен: Древняя история философии» (1865). Для Блока вторая половина 1900-го и начало 1901-го гг. прошли под знаком Платона; с именем и идеями философа связано большинство ранних стихотворений Блока, в той или иной степени навеянных древней философией. Учение Платона, по мысли докладчика, помогло поэту постичь природу его смутных мистических переживаний, посеяло в душе Блока незбылемую, пронесенную сквозь годы утрат и сомнений убежденность в том, что он еще в юности приобщился к некой мировой Истине. Платон

стоял у истоков блоковского мистицизма, блоковского ощущения Души Мира, блоковской веры в «миры иные». Платон во многом и подготовил Блока к встрече с мистической поэзией Вл. Соловьева. Блок узнал Вл. Соловьева прежде всего как интерпретатора и популяризатора платоновской философии, а затем уже познакомился с его лирикой. Платоновский дуализм укреплял поэта в мысли, что земной шар есть своего рода «овеществленная фикция», некая несовершенная «изнанка» подлинных миров. Платон, а затем Вл. Соловьев помогли молодому Блоку уверовать в существование гармонизирующей силы, сочетающей земное и небесное.

А.Ф.Некрылова (С.-Петербург) сделала доклад «Кукольный театр в контексте “серебряного века”». Зарождение в XIX в. интереса к детству способствовало распространению кукольных театров, проникновению театра марионеток в домашний быт. В начале XX в. замена живого актера куклой-марионеткой, безоговорочно послушной воле режиссера, рассматривалась как один из путей выхода из того кризисного состояния, в котором находился русский театр 1900-х гг. Мотив куклы, механического двойника человека, получил широкое распространение и в русской литературе «серебряного века», в частности, в творчестве А. Блока.

Доклад А.В.Горегтшпой (С.-Петербург; «Эсхатологические мотивы в лирике Блока и православное учение о конце мира») представлял собой часть более общего исследования об отношении Блока к русской церковной культуре, над которым докладчица работает совместно с Л.А.Ильониной. На многочисленных примерах из блоковских произведений было показано, что «эсхатологические мотивы» в его творчестве, не исходящие целиком из православного миропонимания, в целом часто совпадали с церковным учением.

И.М.Ольпанская (С.-Петербург; «Иконы блоковского дома») дала описание икон, имевшихся в семье поэта и сохранившихся до нашего времени, а также очертила и наметила другие темы, нуждающиеся в исследовании: икона в духовном и бытовом контексте русского дома, икона в системе символов культуры начала XX в. и, наконец, икона в творчестве Блока.

Ю.Е.Галанна (С.-Петербург; «Об одном неизвестном эпизоде из жизни А.Блока») познакомила собравшихся с текстом неизвестного автографа Блока — письмом поэта к С.Г.Кун (декабрь 1908 г.). Докладчица ввела это неизвестное письмо, хранившееся в одном из петербургских архивов, в контекст блоковского творчества и показала особенности восприятия блоковских идей молодежью 1900-х гг.

О.Л.Фетисенко (С.-Петербург; «“Мы его потеряли как... Пушкина”: (О возможном прочтении стихотворения Г.Адамовича “По широким мостам...”») проанализировал одно из самых известных стихотворений Г.Адамовича (1921 г.), за «пушкинской темой» которого просматривается второй план — отклик на смерть Александра Блока. Выявленные в стихотворении блоковские мотивы и реминисценции представляются автору доклада частью «петербургского предания», «петербургского текста» русской культуры.

А.Е.Заблюцкая (С.-Петербург) посвятила свой доклад «Надежда Санжарь — знакомая Блока» судьбе малоизвестной писательницы «из низов», произведение которой в 1910-х гг. были высоко оценены Блоком. На основе архивных материалов (в частности, материалов личного фонда Н.Санжарь в РГБ), был воссоздан жизненный и творческий путь писательницы, ее участие в литературной жизни 1900-1920-х гг.,

взаимоотношения с некоторыми литераторами. Приведенные факты, по мнению докладчицы, дают возможность по-новому подойти и к теме «Блок и Санжарь», уже привлекавшей исследователей.

Н.Ю.Гржалова (С.-Петербург) построила свое выступление «Первая русская революция в восприятии М.А.Волошина» как развернутый комментарий к одному эпизоду из творческой биографии поэта — его участию в антимонархическом журнале «Красное знамя», издававшемся А.В.Амфитеатровым в Париже в 1906 г. Впервые появившиеся здесь стихотворения «Голова принцессы Ламбаль» и «Ангел мщения» возникли в результате эзотерического осмысления Волошиным революционных событий в России и были связаны с его пониманием исторического процесса как борьбы оккультных сил (ср. статью «Пророки и мечтатели»). Неопубликованные письма Волошина к Амфитеатрову из его архива в Блумингтоне (США) стали основой для предпринятой докладчицей реконструкции их взаимоотношений и того «образа революции», который складывался у Амфитеатрова, позитивиста и радикала, и Волошина, мистика и эзотерика.

А.Е.Парис (Москва; «Ницшевский подтекст одного диалога»), вернувшись к теме своей работы о Вяч. Иванове и В.Хлебникове (DV. 1992. № 0), дополнил ее новыми размышлениями.

Т.М.Двннятина (С.-Петербург; «Бунин и акмеизм: что общего?») указала на существование ряда значимых сближений на основных уровнях поэтических систем И.А.Бунина и поэтов-акмеистов (Гумилев, Ахматова, Мандельштам): типологическое положение в системе поэзии начала XX в., литературная позиция, тематические ряды, специфика вещи и слова, стихотворная композиция, образная структура. Это сходство, парадоксальное с точки зрения историко-литературного развития, оказывается существенным в разговоре о собственно поэтической общности культурно разнородных явлений.

В.А.Фатеев (С.-Петербург; «В.В.Розанов, “Новое время” и символизм») отметил, что уже в раннем творчестве В.В.Розанова прослеживается ряд черт, которые в дальнейшем позволили ему сблизиться с символистами круга Мережковского. Докладчик остановился на «нововременских» статьях 1890-х гг. В.П.Буренина, где сочинения еще не поступившего на службу в газету Розанова подвергались разному наряду с проявлениями еще только нарождавшегося символизма. Однако, заявил докладчик, бытовавшее прежде вульгарное восприятие «Нового времени» как однозлого, «реакционного» издания нуждается в пересмотре: газета Суворина была не столько органом «Чего изволите!», сколько интересной, разнообразной по содержанию и очень популярной газетой, своего рода «парламентом мнений», где Розанов нередко вступал в спор с М.О.Меньшиковым и В.П.Бурениным (в частности, в связи с оценками творчества символистов).

В докладе А.А.Ивановой (С.-Петербург; «Зоологический сад конца XIX века») была охарактеризована деятельность антрепризы Эрнста Роста в петербургском зоологическом саду в летний сезон 1888 г. — одного из интереснейших периодов деятельности этого увеселительного сада.

В заключение И.Ю.Коршешко (С.-Петербург; «А.Блок и театр марионеток») рассказала о подготовленной ею выставке «Куклы “серебряного века”», которая экспонировалась в Музее-квартире А.Блока.

Ю.Е.Галанна

Русский символизм и революция

6-8 декабря 1993 г., Гарньяно/Гардони (Италия)

Организаторами этой конференции выступили Миланский государственный университет, Католический университет Милана и Туринский университет. Конференция проходила в городке Гарньяно на вилле, которой владело знаменитое (не только в Италии) семейство Фельтринелли (ныне вилла принадлежит Миланскому университету и используется, главным образом, для проведения конференций, симпозиумов и семинаров). Рабочим языком конференции был русский, а когда итальянские коллеги выступали на родном языке, слушателям, как правило, раздавался заранее переведенный и размноженный текст доклада.

Краткое вступительное слово произнес Э.Баццарелли (Милан). Затем прозвучал кустановочный доклад Б.Каваллотти Валота (Милан) «Мифы и ожидания в 1917 г.: Между гностическим наследием и революционной традицией», открывший работу секции «Мифы символизма и миф революции». Дискуссия по докладу Б.Каваллотти Валота развернулась на следующий день в рамках секции «Эзотерические влияния в русском символизме», а первый день работы был посвящен другим проблемам.

Л.К.Долгополов (С.-Петербург; «Утопические тенденции в русском символизме и их знаковые выражения») рассмотрел концепцию символизма как знаковую систему (на примере романа «Москва» и, в особенности, второго его тома — «Маски»).

В.М.Пискунов (Москва; «Культурологическая утопия Андрея Белого») практически повторил свой доклад, сделанный на московской конференции по Андрею Белому в октябре 1993 г. (см. отчет в № 3/4 «DV» за 1994 г.)

А.В.Лавров (С.-Петербург; «Россия и революция в эпистолярном диалоге Андрея Белого и Иванова-Разумника») рассказал о подготовленной им к печати (совместно с Д.Малмстадом) переписке двух писателей и огласил несколько выразительных фрагментов из писем 1917 г.

Н.Каухчишвили (Бергамо; «Символизм как культурный взрыв») посвятила свое выступление последней книге Ю.М.Лотмана и изложенной в ней концепции.

Интересен был доклад Д.Уэста «Дионисизм и восприятие революции у русских символистов», в котором сочеталась теоретическая глубина и фактологическая основательность.

Заседание секции завершилось докладом А.Сиклари (Милан) «Символизм и герменевтика в воспоминаниях А.Белого» (к сожалению, русский текст доклада отсутствовал) и сообщением А.Бюнола (Милан) «Кризис гуманизма и революция у Блока, Иванова и Мандельштама: (Хроника дискуссии и история метафоры)», посвященным сравнительному сопоставлению трех работ: «Крушение гуманизма», «Кручи» и «Пшеница человеческая».

Второй день работы был посвящен вопросам эзотерических влияний в символизме и открылся обзорным докладом Д.Лаами (Милан); «Всезорождаемое познание: Эзотерические направления в Европе в конце XIX — начале XX вв.».

А.Хансен-Лёве (Мюнхен) посвятил свое выступление теории апофатизма и «пустому дискурсу» (вместо объявленной ранее темы «Гностические мотивы в русском символизме»). Его доклад был основан на ранее опубликованных работах, в которых речь шла о замещении религии искусством в раннем символизме.

Доклад Н.В.Котрелева (Москва; «Поиски Учителя Жизни у символистов») превратился в великолепное театрализованное действо, но своей неконкретностью вызвал наибольшее количество вопросов во время

обсуждения, на которые докладчик отвечал с присутствием ему обаянием и широтой эрудиции.

Э.Баццарелли (Милан; «Эзотерические мотивы в поэзии Блока») говорил, главным образом, об интерпретации личности и поэзии Блока в «Розе Мира» Д.А.Андреева.

Доклад Л.Силард (Будапешт; «Символизм и розенкрейцство»), развивавший положения ее ранее опубликованных работ, был примечателен выделением трех уровней восприятия эзотерики в России начала XX в., а именно (по восходящей) — бульварного, культуртрегерского и орденского.

Сравнительным исследованиям были посвящены доклады М.Кандида Гидини (Милан) «Магия слова у Иванова и Флоренского» и Д.Рицци (Тренто) «Эллис и Штейнер».

Вторая половина второго дня работы была отведена на ответы на вопросы, дискуссиям и дополнениям. Наибольшее число вопросов было адресовано Н.В.Котрелеву и Л.Силард, решительно полемизировавшей с Б.Каваллотти Валота. Д.В.Иванов (Рим) спорил с утверждением Н.В.Котрелева о «возвращении» символистов в церковь, указывая, что, например, Вяч. Иванов никуда из ее лоно не уходил. А.Б.Шишкин (Рим) говорил о «посвящении», которое прошел на башне Вяч. Иванова Хлебников, а также о пути Эллиса, которого коснулась в своем кратком выступлении и Н.Каухчишвили. В.Э.Молодяков (Москва) обратился к особенностям эзотерических исканий Валерия Брюсова, обойденным вниманием на конференции. Е.В.Иванова (Москва) напомнила собравшимся о сложных и тесных отношениях о. П.Флоренского и епископа Антония (Флоренсова).

Третий день работы в своей первой половине был отведен под работу секции «Символизм и русское искусство революционных лет».

Пространный, но исключительно интересный доклад Ж.-К.Маркаде (Париж; «Сила символического у антисимволиста Малевича»), проиллюстрированный тщательно подобранными слайдами, был посвящен весьма неожиданному аспекту творчества художника.

А.Флаккер (Загреб; «Взрыв внутри стиливой формации») анализировал «Итальянские стихи» Блока, опираясь на уже упоминавшуюся концепцию Ю.М.Лотмана.

А.Б.Шишкин («Смерть Скрябина в историко-софской мысли символистов») познакомил участников конференции с забытыми публикациями журнала «Новое вино» по поводу смерти великого композитора, поместив в этот ряд и дошедший до нас только в отрывках доклад О.Мандельштама «Скрябин и христианство».

В докладе Н.Ю.Грякаловой (С.-Петербург) «Символизм и авангард: Миф и действительность» рассматривалось взаимодействие ранней прозы Б.Пильняка с художественной системой символизма.

Заключительное заседание конференции — круглый стол «Судьбы символизма и символистов в годы революции» — проходило на вилле Г.д'Аннунцио «Витториале» в соседнем городке Гардони. Круглый стол велся по-итальянски Ф.Малковати (Милан) без перевода, что несколько стесняло не знавших итальянского языка (а к такому отношению половина докладчиков).

Е.В.Иванова говорила о «Судьбе символистов в эпоху разрушения гуманизма». Т.Николеску (Милан) и Д.Спецдел (Милан) поделились результатами разысканий о послереволюционных годах А.Белого и З.Н.Гиппиус, главным образом, по новым архивным материалам.

В.Э.Молодяков (Москва) предложил рассматривать проблему «Брюсов и большевизм» как глобальный, геополитический компромисс евразийца-империалиста Брюсова с единственной силой, в которой он видел собирателей Империи, и решительно отверг положение об искренних симпатиях поэта к большевикам.

Г.В.Обатнин (С.-Петербург) в докладе «Вяч. Иванов: Февраль — октябрь 1917» обратился к неизвестным рукописным материалам Иванова, в частности, к черновым редакциям ряда его статей, проясняющим его отношение к революционным событиям.

Доклад Р.Платоне (Неаполь), посвященный, главным образом, Блоку (вместо объявленного в программе «Брюсов и революция»), прозвучал по-

итальянски без перевода, а его русский текст не был озвучен присутствующим.

Сам Ф.Малковати по праву ведущего кратко представлял и изредка дополнял выступающих, поделившись, в частности, некоторыми данными о службе Вяч.Иванова в ТЕО Наркомпроса (что было заявлено в программе как самостоятельный доклад).

К сожалению, не смог приехать на конференцию Е.Г.Эткинд, доклад которого «Революционность Александра Блока: Трагическая мистика и конец мифа» был объявлен в программе.

По материалам конференции предполагается выпустить сборник докладов и сообщений, о котором «DV» напишет более подробно.

В.М.

Музыка и «незвучащее»

13 декабря 1993 г., Москва

Круглый стол «Музыка и “незвучащее”», организованный Научным советом по истории мировой культуры РАН, Российской академией музыки (РАМ) и Московской государственной консерваторией (МГК), состоялся в Российском институте искусствознания. В обсуждении темы, предложенной организаторами конференции, приняли участие музыковеды — Л.Л.Гервер, Г.Я.Пантиелев, С.З.Исхакова, Н.И.Енукидзе, Ф.М.Софронов и филологи — Т.В.Цивьян, С.И.Гиндин, Н.В.Максимова, В.П.Берв. Тексты некоторых выступлений опубликованы: Новое литературное обозрение. 1994. № 9; в нашем отчете цифры после названия доклада отсылают к этому изданию.

Открывая конференцию, Т.В.Цивьян (Москва) рассказала ее «предысторию». Сегодня целый ряд искусствоведческих проблем (относящихся, в частности, к периоду конца XIX — начала XX в.) настоятельно требует комплексного подхода, изучения во взаимосвязях и взаимодействии различных видов искусств. Установка на такое изучение была реализована в программе международной конференции «Русский авангард в кругу европейской культуры» 1993 г. (см., в частности, отчет о ней: DV. 1993. № 4. С.95-97). Круглый стол «Музыка и “незвучащее”» был задуман как своеобразное ее продолжение: в его рамках предполагалось восполнить недостаточное участие музыковедов в работе упомянутой конференции. В ходе подготовки круглого стола тема, первоначально формулируемая как «Музыка и слово», расширилась, и работа пошла в двух направлениях — «Музыка versus слово» и «Музыка versus звук».

Выступление Ф.М.Софронова (Москва) «О происхождении и границах “незвучащего” в новоевропейской музыке» (с.366-367) носило, скорее, обзорный характер. Докладчик очертил контуры феномена «неслышимой музыки» и упомянул ряд форм бытования музыки в иных знаковых системах.

Доклад Н.И.Енукидзе (Москва) «Литературная» опера А.Крученых, М.Матюшина, К.Малевича «Победа над солнцем»: Феномен жавра» (с.368-369) открыл блок выступлений, связанных с аспектом проблемы «Музыка versus слово». Как показал краткий анализ жанровых составляющих «Победы над солнцем», ряд собственно оперных признаков явлен не столько в нотном тексте произведения, сколько в ремарках композитора, либретто А.Крученых, в воспоминаниях авторов и постановщиков. Таким образом, «Победа над солнцем» продемонстрировала пример, с одной стороны, перекодировки музыкаль-

ного ряда литературными средствами, а с другой — бытования музыки в качестве идеи, в реальном звучании не вполне осуществленной.

Исследованию музыкальных структур в литературном произведении посвятила свое выступление Л.Л.Гервер (Москва; «“Теневые пюпитры” мандельштамовской прозы: “Египетская марка”») (с.370-373). Сопрягая «музыкальное» и «мифологическое» как неотъемлемые свойства произведения Мандельштама, Л.Л.Гервер особо подчеркнула связующую роль мифа, ибо, по убеждению докладчика, наличие музыкальных структур в литературном тексте предполагает непременно наличие мифа, и наоборот.

Такая точка зрения на соотношении музыки и слова в литературном произведении вызвала возражения со стороны С.И.Гиндина (Москва), предложившего в своем сообщении «Структура и форма одной мемуарной миниатюры Эмиля Гилельса» концепцию «прямого» (без посредничества мифа) взаимодействия «музыкального» и «литературного».

Последним в блоке «Музыка versus слово» стало выступление Г.Я.Пантиелева (Москва; «Томас Манн о музыке Рихарда Вагнера: Возможности и границы словесного описания музыкального текста»).

Второе направление работы участников круглого стола — «Музыка versus звук» — оказалось целиком сосредоточенным в докладе С.З.Исхаковой (Москва) «Дематериализация музыки: “Воображаемые” звуки в творчестве позднего Скрябина» (с.373-375), так как второе запланированное сообщение Т.В.Цареградской (Москва) «“Пространство молчания”: от Веберна к Кейджу» вследствие болезни докладчика не прозвучало. В рамках дискуссии несколько неожиданно состоялось еще два выступления: В.П.Берова (Москва) «О феномене физического звучания» и Н.В.Максимовой (Москва) «О единицах текста, промежуточных между отдельными звуками и мотивами», которые увели участников круглого стола несколько в сторону от предложенных проблем.

Впрочем, несмотря на общую (как для филологов, так и для музыковедов) заинтересованность в общении, полноценной дискуссии не получилось: из-за различия в «грамматике описания» филологи и музыковеды говорили как бы на разных языках. Поэтому информативная часть конференции явно преобладала над дискуссионной. Вероятно, на нынешнем уровне «межискусствоведческих» контактов это — наиболее оптимальная пока форма «общения» музыковедов и филологов.

Н.И.Енукидзе

В недавно изданном пятом выпуске биографического альманаха «Лица» (М.; СПб., 1994) помещены десять писем Л.Н.Лунца к А.М.Горькому (предисловие, публикация и примечания А.Л.Евстигнеевой). Известно, что в этом издании печатаются (за отдельными исключениями) документальные материалы, ранее не публиковавшиеся. Подразумевается, что первопечатной является и настоящая публикация.

Однако все представленные здесь письма Лунца были уже опубликованы в вышедшем в том же году в московском издательстве «Наследие» сборнике «Неизвестный Горький» (предисловие М.О.Чудаковой, подготовка текста и примечания Е.Г.Коляды), сформированном еще в начале 1993 г. «к 125-летию со дня рождения» (подзаголовок книги) писателя, но задержавшемся в печати.

Основное отличие публикации сборника от публикации альманаха «Лица» состоит в том, что письма Лунца печатаются здесь по оригиналам, хранящимся в Архиве А.М.Горького ИМЛИ РАН, тогда как в «Лицах» они воспроизведены по копиям из архива Лунца в РГАЛИ, что, естественно, недопустимо при наличии автографов, о существовании которых А.Л.Евстигнеева не могла не знать. Характерно, что в беглой ссылке на Архив А.М.Горького она упоминает об отсутствии в нем писем Горького к Лунцу (с.335), но не находит нужным упомянуть о находящихся там автографах писем самого Лунца. Поэтому утверждение публикатора: «Предлагаемые вниманию читателей письма находятся в РГАЛИ» (с.335), выглядит как дезинформация, поскольку игнорирует местонахождение оригиналов этих писем и не указывает на вторичность материалов РГАЛИ.

В результате текст, воспроизведенный по копиям, грешит неточностями (пропуски, искажения, ряд не проставленных авторских курсивов, нарушения авторской пунктуации и т.п.)

Приведем некоторые примеры.

Текст автографов (из сборника «Неизвестный Горький»):

Никитина отбыла от нас Москва

Знаю, что писать не могу без них

То и другое дается только при большой и хорошо развитой *фабуле*

призываю на Запад, где традиция романа сильней и связанней

А я — русский писатель

Петербург. 16/ХІІ 1922 г. (авторское указание места отправления письма)

Мой адрес:
Hamburg, Isestrasse 88.
Herrn Leo Lunz
(bei Wolf)

Königstein in Taunus,
Sanatorium Dr. Kohnstamm

Текст альманаха «Лица»:

Никитин отбыл от нас в Москву (с.357)

Знаю, что не могу без них (с.340)

То и другое доступно только при большой и хорошо развитой *фабуле* (с.346)

призываю на Запад, где традиция сильней и связанней (с.346)

И я — русский писатель (с.336)

16 декабря 1922 г. [Петроград] (с.346)

Этот текст из письма от 18 июня 1923 г. пропущен

Königstein (с.354)

Допущена небрежность и при воспроизведении ранее публиковавшегося (и единственного сохранившегося) письма Горького Лунцу:

А теперь — позвольте сердеч- А теперь позвольте пожелать
но пожелать Вам здоровья Вам здоровья (с.356)

Заметим, что в примечаниях А.Л.Евстигнеевой приведены отдельные факты, не нашедшие отражения в примечаниях в сборнике «Неизвестный Горький», — например, некоторые данные, относящиеся к творческой работе Лунца (по материалам его фонда в РГАЛИ). С другой стороны, в комментарии в альманахе не учтен ряд сведений, присутствующих в публикации Е.Г.Коляды (заимствованных из архивных источников и зарубежных публикаций и касающихся как самого Лунца, так и его литературного окружения, прессы вокруг «Серапионовых братьев» — в частности, данные о первой публикации одного из писем Лунца к Горькому в «Russian Literature Triquarterly» в 1978 г. — правда, в черновом варианте и неполностью, а также сведения о его письмах к родителям, имеющих прямое отношение к переписке с Горьким).

Но достоинства того или иного комментария — все-таки не главное по отношению к первейшей задаче публикатора: адекватно передать текст подлинника. В этом смысле публикация А.Л.Евстигнеевой заслуживает с профессиональной точки зрения серьезной критики. Обидно, что в издании такого высокого уровня, как альманах «Лица», попал невыверенный материал, нанеся, таким образом, ущерб престижу двух архивов и введя в заблуждение и читателей, и редактора.

В современной общественно-литературной жизни, в условиях резко усилившегося читательского тяготения к документалистике, проблема публикаторской достоверности и точности приобретает особое значение. Надеемся поэтому, что наши разъяснения имеют отнюдь не частный интерес.

В. С. Барухов,

зав. Архивом А.М.Горького ИМЛИ РАН

В. А. Келдыш,

ответственный редактор сборника «Неизвестный Горький»

***

Поводом для написания этого письма послужили строки из статьи о Рюрике Ивневе во 2-м томе биографического словаря «Русские писатели. 1800-1917», принадлежащей В.И.Масловскому: «В марте 1915 И<внев> знакомится с С.А.Есениным <...>, способствует его сближению с кругом молодых петерб. поэтов (см. письма Есенина 1915-16 к И<вневу> — газ. «Нов. Рубежи», Одинцово Моск. обл., 1987, 1 окт.); в дальнейшем их знакомство перерастает в многолетнюю дружбу» (Указ.соч. С.395. Стлб.1).

Признаться, я пропустил публикацию подмосковной газеты. Но о существовании «писем Есенина Рюрику Ивневу», которые в машинописном исполнении имели достаточно широкое хождение в кругу «есениноведов», знал уже лет 10, читал их на квартире у Г.В.Бебутова, будучи в командировке в Кургане, примерно за год до смерти литературоведа.

Мы сошлись с Гарегином Владимировичем в том, что перед нами неуклюжая и довольно наглая мистификация. Не случайно все попытки Рюрика Ивнева на склоне лет пристроить в печать «письма Есенина» терпели фиаско, настолько неприкровенно торчали уши грубой подделки. Купилась на явный обман, да и то шесть лет спустя после смерти фальсификатора, только одинцовская газета.

И вот недавно в РГАЛИ поступила не только одна из машинописных копий «есенинских писем» (кстати, они намеренно не датированы — из боязни нежелательного перехлеста с биохроникой Есенина, когда одна-единственная дата может перечеркнуть все труды мистификатора), но и двухкопеечная (когда-то) школьная тетрадь, в которой дрожащим почерком восьмидесяти с чем-то летний Рюрик Ивнев записывал простой шариковой ручкой «автографы», так

сказать, этих писем, да еще с правкой сочинителя, наглядно показывающей его работу над текстом.

Надеюсь (и, являясь сотрудником РГАЛИ, буду настаивать на этом), что новое поступление тщательно опишут и присоединят к фонду Рюрика Ивнева как неопровержимое свидетельство его стремления снискать себе двусмысленную славу.

Никого, кроме редакции «Новых рубежей», а вслед за ней В.И.Масловского, Рюрик Ивнев посмертно обмануть не сумел. Но появление ссылки на одинцовскую газету в таком авторитетном издании, как словарь «Русские писатели. 1800-1917», без опровержения ивневской беспардонной мистификации — ошибка, которую надо исправлять. Я слышал, что в последнем томе Словаря запланирована «Еггата», для которой сейчас собираются всевозможные поправки. Надеюсь, будет учтена и эта.

С.В.Шумихин

БИБЛИО ГРАФИЯ

Научно-теоретический и научно-практический журнал. Орган «Российской книжной палаты»

Одно из старейших (выпускался с 1929 г., в 1933-1992 гг. под названием «Советская библиография») периодических изданий библиотечно-библиографического и книговедческого профиля.

■ Помещает статьи и материалы по истории, теории, методике и организации библиографии, при этом преимущественное внимание уделяет острым проблемам библиографической теории и практики, раскрытию «белых пятен» истории библиографии, библиографической реабилитации репрессированных и незаслуженно забытых политических и общественных деятелей, ученых, книговедов, библиографов.

■ Рассказывает об интересном опыте библиографической работы библиотек, деятельности библиографов-профессионалов и любителей.

■ Знакомит с наследием деятелей науки и культуры, в том числе с произведениями, ранее недоступными, возвращенными из зарубежья и спецхранов.

■ Публикует библиографические материалы для любителей фантастики, авторской песни, рок-музыки.

■ Пропагандирует библиографические знания, обучает навыкам и умениям работы с каталогами, библиографическими пособиями, документами.

■ Рассчитан на широкий круг читателей — работников библиотек, книжных палат, издательств, книготорговых организаций, информационных учреждений, преподавателей, студентов, всех, кого интересуют духовные ценности, созданные человечеством.

Выходит 6 раз в год на русском языке.

Индекс 70823.

Подписная цена на 1-е полугодие 1995 г. 18000 р.

Цена одного номера 6000 р.; на 2-е полугодие — 30000 р. Цена одного номера 10000 р.

Адрес редакции: 129272 Москва,

Сушевский вал, 64.

Телефон: 284-57-65.

* * *

Journal of theory and practice «Bibliography» (old title «Soviet Bibliography»), issued by SPA «All-Union Book Chamber», is one of the oldest periodicals (issued from 1929) treating library, bibliography and science problems.

The journal publishes all kinds of material relating to reader's bibliographical service, up-to-date library activities in propagating library and bibliographical know-how, consultations on methods of bibliographical work, reviews of newly published indexes and books on the theory of bibliography, articles on the history of bibliography, essays about outstanding bibliographers, news about bibliographical activities in Russia and abroad which are of interest to bibliographers.

The journal will be of use to bibliographers working in scientific and public libraries, to all those engaged in compiling bibliographical information, to bibliographic scientists, teachers, students.

«Bibliography» is published in Russian and comes out bimonthly. The journal index is 70823.

Editor-in-chief Galina A. Alexeeva.

64 Sushevsky val, 129272 Moscow, Russia

Phone: 284-57-65

Subscription may be placed with the firm:

East View Publications

3020 Harbor Lane North, suite 110,

Minneapolis, MN 55447, USA

tel: (612) 550-0961

fax: (612) 559-2931

THE RUSSIAN JOURNAL OF LITERARY CRITICISM

The Russian Journal of Literary Criticism («Российский литературоведческий журнал») is a new quarterly published in Moscow in Russian. The theory section and the section of literary history contain articles by the well-known Russian scholars. Special sections are devoted to the comparative literature, the literary memoirs and the Russian émigré literature.

The yearly subscription for 1994 (four numbers) — \$ 60. Plus \$ 20 for shipping (air mail).

Account number 4387588200, Svetlana Tolmatcheva, Bankleizahl 100 200 00, Berliner Bank, Aktiengesellschaft, Filiale Behrenstrasse. Behrenstrasse 37, Postfach 13 39, D-10117 Berlin.

Please send a copy of your subscription form to our address: P.O. Box 180, Moscow, 103009, Russia. Additional information fax 07-095-973-00-60.

Литературное обозрение

Журнал художественной литературы, критики и библиографии
Выходит с 1973 г.

В №№ 2,3 «ЛО» читайте:

- И.Бабель. Планы и наброски к «Конармии»
- Продолжение материалов А.Пирожковой о Бабеле «Годы, прошедшие рядом»
- Материалы о писателях военного поколения Сергее Орлове, Михаиле Дудине, Вячеславе Кондратьеве, Олесе Гончаре
- Воспоминания Н.Белинковой-Яблоковой об Аркадии Белинкове

№ 4 «ЛО» — специальный выпуск,
посвященный жизни и творчеству Андрея Белого.

Редакция предлагает

Н.М.Лисовский.

Библиография русской периодической печати 1703-1900 гг.

(Материалы для истории русской журналистики)

Петроград, 1915. Репринт, в 2-х томах.

Адрес редакции: 127254, Москва, ул. Добролюбова, 9/11.

Тел. (095) 219-92-63. Факс (095) 218-03-98.

